

АНТИЧНАЯ ГРЕЦИЯ

В. И. Исаева

в зеркале риторики

ИСОКРАТ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

В. И. Исаева

АНТИЧНАЯ ГРЕЦИЯ
в зеркале риторики
✧
ИСОКРАТ

Москва
«ИЛУКА»
Издательская фирма «Восточная литература»
1994

ББК 63.3(0)3
И86

Ответственный редактор
Л. П. МАРИНОВИЧ

Редактор издательства
Н. Б. КОНЦЫРЕВА

Исаева В.И.

И86   Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. — М.:
Наука. Издательская фирма «Восточная литература».
1994. — 255 с.: ил.
ISBN 5-02-017391-6

В книге исследуются взгляды Исократа, выдающегося древнегреческого оратора IV в. до н. э., на политическую риторику, государственную власть, внешнюю политику, социально-экономическую сферу. Прослеживаются истоки противопоставления Запада и Востока в политическом и психологическом аспектах.

И 0503010000-009
013(02)-94 Без объявления

ББК 63.3(0)3

ISBN 5-02-017391-6

© В. И. Исаева, 1994

На обложке — голова богини из Александрии.

Конец IV — начало III в. до н. э.

ВВЕДЕНИЕ

Образ классической Греции в антиковедении удивительно многолик, так как меняет свои черты в зависимости от рода зеркала, которое приближает к нему исследователь. Современный мир знаком с отражениями экономики Эллады, ее политической организации, социальной структуры, философии, поэзии, искусства, социальной психологии. В трудах наших предшественников, ученых XIX в., складывался более цельный и гармоничный облик феномена, называемого греческой цивилизацией, но он был, очевидно, и менее близок к оригиналу. В работах сегодняшнего дня античная Греция предстает как в кривых зеркалах, увеличивающих одни черты за счет других, но, к сожалению, пока перед нами нет иного пути для реконструкции прошлого.

Однако далеко не все типы зеркал пользуются в науке одинаковой популярностью, что соответственно влияет на внимание к некоторым типам источников и на уровень их изученности. К числу таких объектов «второго сорта» в советской исторической литературе относится риторика, считающаяся в западном антиковедении одной из наиболее важных и фундаментальных категорий античной культуры; ее трактуют и как порождение специфики мышления древних эллинов, и как его квинтэссенцию. Вместе с тем риторика неотделима от типа организации древнегреческого общества, особенностей его управления. Не случайно феномен политического красноречия практически отсутствовал в древневосточных деспотиях, где государственный строй исключал свободное состязание мнений.

Риторика Эллады — явление уникальное, занимающее промежуточное положение между теоретическими построениями и практической деятельностью. При постоянных трудностях, с которыми приходится сталкиваться исследователю, стремящемуся соотнести уровень абстрактного мышления с породившей его конкретной исторической ситуацией, социальной и политической стратификацией общества и характерной для этого общества системой ценностей, именно риторика играет роль звена, связывающего два аспекта человеческой деятельности.

Вместе с тем сегодняшняя трактовка искусства убеждения — это показатель степени развития науки о прошлом, итог долгого и сложного пути, который прошло антиковедение, прежде чем были заложены основы научного изучения древней истории. Отношение к риторике, оценка ее менялись в зависимости от восприятия античности. Она была объектом восхищения и подражания, затем последовали филологическое исследование красноречия и «открытие» его историками в качестве исторического источника, потом — философский анализ риторики как объекта противостояния учению Платона, и, наконец, риторика стала восприниматься как синтез политической, философской, лингвистической мысли и конкретной общественной деятельности.

Возникнув в V в. до н.э., она первоначально была теснейшим образом связана с софистикой, красноречие играло тогда вспомогательную роль, было средством к достижению цели. Выдвижение его на первый план и развитие в качестве самостоятельной дисциплины определилось социальными и политическими особенностями афинского государства, признанного моделью древнегреческой демократии. Одной из важнейших черт демократического управления была возможность для политических деятелей публично полемизировать с противниками, влияя при помощи убедительной речи на настроение сограждан, добиваться проведения определенной политики. При таком могуществе слова возникала острая необходимость владеть им профессионально, учиться красноречию. Другим важным стимулом стало возрастание числа судебных процессов, также построенных на состязании мнений. Появилась нужда в профессионалах, способных составить юридически грамотную, доказательную, эффектную речь, формирующую мнение судей.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что Греция породила плеяду блестящих ораторов, чьи произведения вошли в золотой фонд европейского красноречия, — Горгий, Андокид, Лисий, Исократ, Гиперид, Демосфен, Динарх, Эсхин. Мастерски владел словом Перикл, его речи производили на современников огромное впечатление — обстоятельство, в немалой степени способствовавшее признанию этого аристократа вождем афинского демоса. Фукидид убедительно показал, что в сознании древних греков демократическая форма правления была неотделима от свободной политической дискуссии: «Мы сами обсуждаем наши действия или стараемся правильно оценить их, не считая речей чем-то вредным для дела; больше вреда, по нашему мнению, происходит от того, если приступать к выполнению необходимого дела без предварительного уяснения его речами». Историк был убежден, что «кто отвергает, что речи являются учителями дел, тот или безрассуден, или преследует личные интересы» (Thuc. II, 40, 2; III, 42, 2. Пер. Ф.Мищенко).

Правда, мысль о том, что государственный деятель может и должен учиться произносить речи, проникала в умы с большим

трудом. Платные учителя науки убеждения, софисты, встретили презрение и насмешки всех слоев афинского общества — народ воспринимал их как словесных фокусников, сочинители комедий осыпали ядовитыми остротами, философы негодовали. Так ораторское искусство, прославившее афинян в античном мире, первоначально встретило с одной стороны, «неученой» — непонимание, а с другой, «ученой» — явный снобизм. Но логика исторического развития, становление и укрепление демократии, политическая борьба в городе создали потребность для политиков облекать свои мысли в слова и образы, понятные и близкие демосу, «людям на площади». В конце V в. до н.э. на политическую арену вышло новое поколение государственных деятелей, прошедших специальное обучение ораторскому искусству, соединивших природные способности, темперамент полемистов с отточенной техникой. Наступило время дискуссий профессионалов, выстраивавших свою аргументацию с учетом законов риторики и апеллирующих к установившимся стереотипам общественной психологии.

Под каким бы углом зрения ни исследовать риторику, невозможно миновать фигуру Исократа, одного из наиболее известных политических ораторов, сыгравшего важнейшую роль в развитии греческой культуры и идеологии первой половины IV в. до н.э. На протяжении нескольких десятилетий он посвящал свои речи наиболее важным актуальным вопросам того времени, анализируя меняющуюся обстановку, фиксируя новые явления и оценивая их в экономических, морально-философских, этических, политических категориях. Произведения Исократа дают возможность более четко выявить процессы, протекавшие в греческом обществе, благодаря им создается яркая картина внутреннего и внешнего положения эллинских полисов. Оценка автором событий своего времени, позиция, занятая им по отношению к различным проблемам, позволяет лучше понять Элладу IV в. до н.э.

Оратор уже давно привлекает внимание ученых, литература о его творчестве необычайно обширна, хотя и неоднородна. До конца XIX — начала XX в. Исократ рассматривался в основном как ритор и был объектом изучения филологов. В настоящее время его произведения заняли прочное место среди наиболее важных документов по истории Греции и внимание к ним продолжает возрастать.

Первый этап отражения творчества Исократа в историографии был почти полностью подчинен философии, на втором этапе произошел своеобразный «перекос» в другую сторону: сосредоточенность на идеологической стороне речей оратора нередко заслоняет то значение, которое имеет риторика для понимания любого направления в его деятельности. Оптимальным методом нам представляется комплексный анализ речей Исократа, учитывающий наличие в них и риторических и политических эле-

ментов. Жанр Исократов обладает определенной спецификой, в нем тесно спаяны риторика, политическая теория, философия, общественная психология. Эта сложная амальгама требует особых приемов изучения, так как состоит из разнородных частей.

У данной работы есть совершенно конкретная задача — исследовать политические и социальные взгляды оратора и определить, в чем они были индивидуальны, а в чем находились в русле общих тенденций идеологии его времени. Но необходимо также учитывать, что в речах Исократов неизбежно проступает специфика риторики как особого видения мира, имевшего совершенно определенные критерии восприятия фактов, их отбора и интерпретации. Оригинальный, свойственный только этому типу источников способ фиксации действительности должен показать нам еще один лик греческой культуры и одновременно внести свою лепту в воссоздание целостности образа античной цивилизации. Процессы, происходящие в современном мире, выявили еще один важный аспект в наследии оратора. Произведения Исократов дают очень яркий и интересный материал для изучения генезиса культуры политического поведения, соотношения *credo* государственных деятелей и лозунгов, которыми они оперируют. Публицистика IV в. до н.э. позволяет лучше понять особенности психологии массы и политического лидера, место и роль истории в пропаганде, приемы воздействия на аудиторию, механизмы формирования некоторых стереотипов, в частности образа врага.

Для более адекватного восприятия читателями атмосферы времени, специфики творчества оратора в Приложении даны три самые важные для исследуемых проблем речи Исократов: «Ареопагитик», «О мире», «Филипп». Их переводы, выполненные К.М.Колобовой, Л.М.Глускиной и В.Г.Боруховичем, были опубликованы в журнале «Вестник древней истории» (1966, № 1—3), руководство которого любезно дало разрешение на перепечатку материалов. Переводы воспроизводятся без изменений, комментарии из-за ограниченности объема данного издания — в сокращенном виде.

Автор выражает свою глубокую признательность всем, чьи советы, помощь и дружеское участие способствовали созданию и изданию этой книги. Особая благодарность — коллегам по Отделу истории древнего мира Института всеобщей истории РАН, а также О.И.Савостьяновой, Л.М.Глускиной, М.К.Трофимовой, И.С.Свенцицкой, И. Л.Маяк, Э.Д.Фролову. К сожалению, уже нет в живых наставников и друзей, стоявших у истоков монографии, — К.К.Зельина и Л.Н.Годовиковой, пусть она будет данью их светлой памяти.

Глава 1

ИСОКРАТ: ЛИЧНОСТЬ В АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ

Ум и язык это благо. Немного, однако, найдется смертных, чтоб тем и другим верно могли б управлять.

Феогнид

Жизнь Исократы может служить примером как физического, так и интеллектуального долголетия. Он родился в 436 г. до н.э., т.е. в век Перикла, умер в 338 г. до н.э., после битвы при Херонее, положившей конец независимости греческих полисов. Сведения о нем, далеко не полные, имеют много лакун, но все же мы знаем об Исократе значительно больше, чем о других знаменитых аттических ораторах. Основными источниками здесь служат некоторые биографические данные в речах самого Исократы, а также этюды о нем Псевдо-Плутарха и Дионисия Галикарнасского (Dion. Hal. Isocr.; Ps.-Plut. Vitae X or. Isocr.).

Отцом Исократы был Феодор из дема Эрхия, владелец мастерской флейт. Его средств было вполне достаточно, чтобы будущий оратор получил хорошее образование, пройдя не только традиционный курс обучения, но и прослушав знаменитых софистов Горгия, Тисия Сиракузского, Ферамена. Под влиянием этих наставников сформировалось общественное и интеллектуальное *credo* Исократы. К сожалению, ничего не известно о жизни оратора до Пелопоннесской войны. Псевдо-Плутарх утверждает, что, имея прекрасную подготовленность для политических выступлений, он чуждался их, так как заикался и был робкого нрава (Ps.-Plut. Vitae X or. 837 A). Очевидно, для подобного мнения имелись некоторые основания, сам Исократ сетовал: «Нет у меня ни достаточно сильного голоса, ни смелости, чтобы обращаться к толпе, подвергаться оскорблениям и браниться с торчащими на трибуне» (Isocr. Phil., 82. Пер. В.Г.Боруховича). При таких обстоятельствах, продолжает он, «Я не пал духом и не позволил себе остаться незаметным и совершенно безвестным, но, после того как я потерпел неудачу в политической деятельности, я обратился к занятиям философией, к упорному труду, к изложению в письменной форме того, что было мною обдумано» (Isocr. Antid., 11. Пер. В.Г.Боруховича).

Немного более подробные известия об ораторе появляются со времени Пелопоннесской войны. Потеряв отцовское состояние (Isocr. Antid., 161) и находясь в политической оппозиции к режиму тридцати тиранов, установившемуся в Афинах, он покинул город и удалился на Хиос, где открыл школу риторики. Вернувшись на родину (очевидно, непосредственно перед восстановлением демократии в 403 г. до н.э. или сразу же после этого события), Исократ стал логографом, т.е. занялся сочинением за плату речей для участников судебных процессов. Этот род деятельности обеспечивал определенный жизненный уровень, но, видимо, не вполне соответствовал его интересам и замыслам. Правда, по словам Дионисия Галикарнасского, приемный сын Исократа категорически отрицал, что оратор писал речи для других (Dion. Hal. Isocr., 18), но слишком многое свидетельствует как раз об обратном. За те десять лет, в течение которых Исократ выступал в качестве логографа, накопилось, конечно, немало речей, однако до нас дошли лишь шесть из них (XVI—XXI).

С 392 по 352 г. до н.э. Исократ сосредоточил свое внимание на основанной им школе красноречия, крупнейшем риторическом центре Эллады, из которого вышли прославленные ораторы (Исей, Ликург, Гиперид), историки (Андротийон, Эфор, Феопомп), политические деятели и полководцы (Тимофей, Леодамант, Никокл, Клеарх). Курс обучения, длившийся три-четыре года, из-за высокой платы (около 1000 драхм) был доступен лишь состоятельным людям. Глава школы был убежден, что изучение искусства красноречия закладывает фундамент образования, формирует профессиональные навыки для любой деятельности: «Люди могут стать лучшими, более достойными, чем были раньше, если загорятся желанием научиться красноречию и страстно захотят постигнуть искусство убеждать слушателей», кроме того, риторика помогает достигнуть известных выгод, «не тех, к которым стремятся невежественные люди, но тех, которые действительно таковы» (Isocr. Antid., 274. Пер. В.Г.Боруховича). Ситуация, при которой человек, сам не произносивший речей, обучал других красноречию, была, конечно, неординарной и служила скорее всего предметом обсуждения, удивления, а возможно, и критики. (Отголоски этой реакции сохранились у Псевдо-Плутарха: «Когда его спрашивали, как это он, сам неспособный [произносить речи], учит других, он отвечал, что точильный камень не может резать, но он делает железо острым» (Ps.-Plut. Vitae X or. 838 E-F). На время руководства школой приходится и пик политической активности Исократа, разработка им теории и практики государственного устройства, внутренней и внешней политики полисов, принципов межгосударственных отношений, социальной стратификации¹.

¹ О жизни и педагогике Исократа см. [Борухович, Фролов, 1969; Burk, 1923; Jonson, 1957; 1959; Kennedy, 1963, с. 174—179; Tuplin, 1980].

В дальнейшем наблюдается явный спад деятельности оратора, завершившийся в 338 г. до н.э. его смертью. Согласно античной традиции, известие о поражении греков в битве с македонянами при Херонее произвело в Афинах настоящий шок. Ликург сообщает, что, когда пришло известие о случившемся несчастье, «город трепетал перед грозящими бедами, и народ стал возлагать надежды на спасение на тех, кому было уже свыше пятидесяти лет; ... можно было видеть, как свободные женщины, перепуганные, дрожащие от страха, спрашивали, [стоя] у дверей, одни о муже, другие об отце, третьи о братьях — живы ли они — это зрелище, недостойное их самих и города; в то время как мужчины, слабые телом и старые, метались по всему городу... больше всего каждый гражданин страдал и оплакивал несчастья города» (Лус. I, 39—40. Пер. Т.В.Прушакевич).

Чтобы не стать свидетелем порабощения Афин, Исократ отказался принимать пищу и скончался от истощения (Ps.-Plut. Vitae X or. 837 E). Похоронили его, по сообщению Псевдо-Плутарха, в Киносарге, рядом с могилами родственников, поставив на месте погребения памятник в виде колонны. Рядом был сооружен другой памятник, с изображениями поэтов и учителей Исократ. Кроме того, в Элевсине Тимофей воздвиг медную статую своего наставника с надписью: «Тимофей в благодарность за дружбу и почитая за науку посвятил богиням эту статую Исократ, творение Леохара» (Ps.-Plut. Vitae X or. 838 C—D).

За свою долгую жизнь Исократ написал около 60 речей, до нашего времени дошли 21 речь и 9 писем, адресованных различным государственным деятелям. Это немного, но, видимо, сохранились все же основные, наиболее известные произведения, по которым можно реконструировать взгляды оратора на философию, специфику ораторского искусства, внутреннюю и внешнюю политику Афин, его социальные воззрения. Начало научному изданию речей Исократ было положено И.Беккером в его книге об античных ораторах [Bekker, 1822]. В ней он впервые использовал аутентичный вариант рукописной традиции: Urbinas 111 (Г).

Исследователи подходят к наследию оратора очень дифференцированно, некоторые произведения явно не пользуются популярностью: «Об упряжке», «Трапедзитик», «Против Каллимаха», «Эгинская речь», «Против Лохита», «Против Евтиноя». Видимо, это связано с тем, что перечисленные речи посвящены судебным процессам, а для антиковедов более привлекательны те произведения, в которых Исократ описывает государственную и интеллектуальную жизнь греческого полиса.

Ключ к мировоззрению оратора дают речи иного типа, их можно условно разбить на две группы: «философско-риторические» и политические. В первую группу входят сочинения, ставшие манифестами новой, практической философии, оформившейся в острой борьбе как с представителями «чистой» филосо-

фии (Платоном и Аристотелем), так и с адептами ее сугубо практического варианта (софистами).

Здесь следует выделить два этюда — «Бусирис» (390—385 гг. до н.э.) и «Похвала Елене» (ок. 370 г. до н.э.). В первом из них представлен в идеализированном виде быт и государственный строй Египта, во втором — создан образ идеального правителя и намечены некоторые важные пункты будущей программы сдвигания греков. Эти небольшие речи в последнее время стали объектом пристального внимания ученых, занимающихся проблемами философских течений и анализом политической риторики. «Похвала Елене», признанная одним из первых шагов на пути оформления концепции панэллинизма, нередко сопоставляется с одноименной речью Горгия [Heilbrunn, 1977; Kennedy, 1958; Rekucka-Bugajska, 1988; Tuszinska-Macjewska, 1987]. «Бусирис», подвергшийся основательному пересмотру², наряду с «Похвалой Елене» считается одним из основных источников для реконструкции философской полемики в Афинах IV в. до н.э., что еще раз подтвердили доклады, прозвучавшие на Втором платоновском симпозиуме в Перудже³.

Особый интерес вызывает речь «Против софистов» (ок. 390 г. до н.э.), в которой, пожалуй, наиболее интенсивно сконцентрированы положения оратора, которые легли в основу его собственной трактовки природы и назначения философии. Написана она в острой полемической манере, так как Исократ излагает свое *credo*, становясь в оппозицию к другим афинским школам. Его сильнейшее негодование вызывали «эристики», под которыми подразумевались сократики. Гносеологическим фундаментом учения оратора служит *δόξα* («мнение»). В философском аспекте эта категория трактуется как ограниченная возможность познания действительности и одновременно поиски способов для максимального приближения к ней [Eucken, 1983, с. 32—35]. По направленности отдельных тезисов к этому произведению примыкает речь «Об обмене имуществом», написанная много позднее (354—353 гг. до н.э.). В одном из последних ее исследований показано, что Исократ полемизировал с Аристотелем по вопросам риторики и выступал против предложенной Платоном интерпретации некоторых проблем гносеологии и оптимального государственного устройства [Россиус, 1987].

---

² Правда, реинтерпретация эта не всегда бесспорна. Так, Кр.Ойкен [Eucken, 1983, с. 172—207] видит в речи антиплатоновскую направленность и полагает, что Египет изображен там в издевательских тонах. Между тем нельзя отбросить преемственность между «Бусирисом» и другими речами оратора, посвященными монархии. Иронические параллели с Египтом неоднократно проводились в греческой литературе, но вместе с тем он играл особую, отнюдь не негативную роль в мировоззрении и политических концепциях эллинов [Борухович, 1972; 1974].

³ *Simposium platonicum. Perugia, 1—6 sept. 1983.*

Характеристику второй группы целесообразно начать с «Панегирика» (380 г. до н.э.), первой речи оратора, посвященной чисто политическим проблемам и созданной в жанре традиционных торжественных произведений, прославляющих отечество. В творчестве Исократ выделяется «Кипрский цикл», созданный в 70—60-е годы; в нем, а также в «Филиппе» наиболее ярко и полно отразились воззрения на проблему единовластия. Об этих сочинениях речь пойдет далее.

Политические убеждения Исократ подробнее всего изложены в произведениях «Ареопагитик», «О мире» и «Филипп». Именно там вопросы управления полисом, межгосударственных отношений, социальной стратификации общества стоят на первом месте, что позволяет предположить, что наиболее важные пункты политической концепции оратора были выработаны в 50—40-х годах до н.э. Закономерен вопрос, какую позицию занимает программа этих лет по отношению к другим произведениям, насколько репрезентативна данная выборка. В речах Исократ есть достаточно много совпадений, но встречаются и противоречия. Так, например, восхваление тирании в «Кипрском цикле» противостоит негативному отношению к подобному образу правления в речах «О мире» и «Филипп», а отрицательную характеристику Спарты в речи «О мире» трудно соотнести с явным сочувствием к ней в «Архидаме».

Очевидно, следует исходить из того, что коренные вопросы полисной политики решались Исократом на теоретическом уровне и эти решения оставались в основном стабильными на протяжении всей жизни оратора. Но в зависимости от менявшейся ситуации Исократ мог разрабатывать различные, иногда не совпадающие варианты воплощения в жизнь своих основных положений или привлекать внимание к одним пунктам программы и замалчивать другие. Таким образом, представляется возможным выделить речи 50—40-х годов не только как этап деятельности Исократ, но и как квинтэссенцию его социально-политических взглядов.

«Ареопагитик» посвящен вопросам внутренней организации полиса, в данном случае — Афин. Исократ противопоставляет современному ему обществу организацию государства времени преобладания Ареопага и стремится доказать, что предки афинян жили «правильной» жизнью. Они настолько хорошо управляли полисом, что не существовало ни политических, ни социальных конфликтов, а город и его обитатели процветали. Здесь же ставится проблема о принципах правильного руководства государством.

Старые исследования помещали «Ареопагитик» после окончания Союзнической войны, т.е. после 355 г. [Kleine-Piening, 1930, с. 43], но затем появилась тенденция к более ранней датировке. В.Йегер сначала полагал, что речь создана в 363—357 гг. [Jaeger, 1939], затем изменил свое мнение и в специальной статье, по-

священной разбору «Ареопагитика», отнес его к 357 г. [Jaeger, 1940]. Точка зрения В.Йегера завоевала широкое признание, но была принята не всеми учеными. Против нее выступил Е.Бухнер [Buchner, 1958], своей датировки придерживается Ж.Матье и др.

Датировка «Ареопагитика» базируется в основном на интерпретации начала речи и параграфов, характеризующих внешнеполитическое положение Афин. На наш взгляд, наиболее убедительна точка зрения В.Йегера, показавшего, что если Исократ упоминал о прочном военном положении родного города, о его мощи и многочисленных союзниках, то, следовательно, произведение написано в то время, когда Афины сохраняли лидерство во Втором афинском морском союзе.

Следует оговориться, что колебания в датировке «Ареопагитика» хотя и заслуживают внимания, но в целом не имеют основополагающего значения для интерпретации речи в данной работе, так как в ней рассматриваются взгляды Исократа на направление развития полиса и вопросы его структуры, симпатии и антипатии к различным политическим группировкам, а не вопросы конкретной политики Афин, поэтому широкие границы датировки не влияют на постановку и решение проблемы.

В речи «О мире», содержание которой, бесспорно, свидетельствует о том, что она написана в период Союзнической войны, Исократ убеждает сограждан заключить мир с бывшими союзниками. Он порицает войну и подробно перечисляет те бедствия, которые она принесла афинскому народу, доказывает, что из-за неразумной политики руководителей государства подорваны экономика полиса и его внешнеполитическое положение. Датировка речи колеблется в рамках Союзнической войны (357—355 гг.).

В «Филиппе» Исократ обращается к македонскому царю, убеждая его прекратить вражду с греческими полисами. Автор предлагает Филиппу Македонскому объединить эллинские государства и начать совместный поход против Персии, который, по замыслу Исократа, должен был принести выгоду как Элладе, так и Македонии. «Филипп» — единственная из трех речей, которую можно более или менее точно датировать. Подробная характеристика завоеваний Филиппа позволяет отнести данное произведение к 346 г., времени после заключения Филократова мира. Правда, В.Г.Борухович предложил другую дату, доказывая, что речь была закончена в 344 г. [Борухович, 1957], однако впоследствии он, очевидно, отказался от своего предложения, так как его перевод «Филиппа» в ВДИ датирован около 346 г.

Для нас важно, что в любом случае произведение появилось в Афинах уже после Филократова мира, закрепившего военные завоевания Македонии. К этому времени уже было ясно видно враждебное отношение Филиппа к полисам и характер его политики.

Исократ вошел в историю не только как блестящий оратор, но и как основатель новой идеологии, соединившей теоретическое

образование с практикой. В его понимании природа, назначение и функции ораторской речи таковы, что она может и должна рассматриваться как философская категория. Эта особенность Исократ и его противостояние здесь Платону в общем виде неоднократно отмечались в исследовательской литературе. См. [Гаспаров, 1972, с. 11; Миллер, 1975, с. 67; Delaurnois, 1959, с. 45 и сл.; Hudson-Williams, 1951, с. 72; Jebb, 1962, с. 36; Kennedy, 1963, с. 17; Sinclair, 1951]. Данный тезис настолько важен, что заслуживает не простой фиксации, а более подробного объяснения.

В диалогах, прежде всего в «Протагоре», «Горгии», «Федре», Платон достаточно определенно высказался против мировоззрения софистов. Постулату Горгия о силе слова, основанному на непостоянстве, изменчивости мнения (*δόξα*), Платон противопоставил неизыблемость истинного значения (*ἐπιστήμη*). Опасность риторики, по мнению философа, заключается в том, что ораторы, будучи сами невежественными, пытаются наставлять других и даже обучать управлению государством: «Когда оратор, не знающий, что такое добро, а что зло, выступит перед такими же несведущими гражданами с целью убедить их, причем будет расхваливать... зло, выдавая его за добро, и, учтя мнение толпы, убедит ее сделать что-нибудь плохое вместо хорошего, какие плоды... принесет впоследствии посев его учения?» (Plato. Phaedr., 260 D. Пер. А.Н.Егунова). Риторы, продолжает философ, ориентированы лишь на успех, они не только не просвещают народ, но определенно причиняют ему вред. Сократ у Платона даже отказывается отнести риторику к искусству, профессии (*τέχνη*), считая ее навыком, приобретенным в результате опыта. Риторике отказывается в праве выступать и в качестве категории культуры, и в качестве варианта политической деятельности [Jaeger, 1986, II, с. 107—159; Jonson, 1959, с. 25—36].

Полемику между Платоном и Исократом В.Йегер очень точно и образно расценил как первую гигантскую битву между философией в старом значении этого слова и ее новым вариантом, риторикой. Исократ, по мнению исследователя, рассматривал философию как обозначение духовной культуры *in toto* и категорически отвергал ту узкую, ограниченную трактовку знания, которую отстаивал Платон. Причины оппозиции, столкновения двух этико-политических концепций следует искать в развитии Афин. Новое поколение граждан, а также общественных деятелей, воспитанных при Перикле, расцвет демократии — все это требовало изменения системы ценностей, формирования иных, чем прежде, идеалов, адекватных новым вариантам политики и идеологии [Jaeger, 1986, II, с. 4—53]. Роль синтезатора изменений и одновременно генератора новых идей взяла на себя риторика. Ей предстояло выработать концепцию, в которой культурные, этические принципы могли бы воплотиться в практической деятельности, теоретически обосновать ее.

В. Йегер подчеркнул, что критика Исократу направлена не только против старой философии: был атакован и один из вариантов красноречия, который можно назвать практическим, т.е. красноречием экспромтом, без надлежащего знания, не основанным на продуманной системе обучения. Такие ораторы, по мнению Исократу, не ищут истину, а поэтому и не могут приблизить к ней других. Они просто ремесленники в прямом значении этого слова. Таким образом, риторика становится квинтэссенцией политической культуры, базирующейся на педагогике [Jaeger, 1986, III, с. 60].

В этой новой философии центральное место отводилось слову. Горгий в свое время заметил: «Слово — великий властитель, телом малое и незаметное, совершает оно божественные дела. Ведь оно может и страх пресечь, и горе унять, и радость вселить, и сострадание умножить» (№ 11, Diels, 82 (76 В 11,8)). Исократ вслед за своим наставником приписывал слову (*λόγος*) большую силу, считая его единственным преимуществом, дарованным природой людям и выделяющим их из мира животных. Он говорит о могуществе, заключенном в слове, но обращает внимание не на эмоциональное воздействие речи, как Горгий, а на ее общественное значение (Isocr. Antid., 236; Nic. 6—9; Paneg., 48). Логос в интерпретации оратора⁴ становится основой цивилизации, так как при помощи речи были установлены критерии морали и этики — проведено разграничение между справедливостью и несправедливостью, прекрасным и постыдным (Isocr. Antid., 254—255). Трактовка слова в качестве предпосылки, позволившей людям объединиться в общество, установить законы общежития и осознать себя как индивидуумов, приводит к тому, что речь у Исократу превращается в квинтэссенцию культуры, отражающую в сжатом виде этапы исторического развития. В концепции оратора слово выступает также показателем уровня развития цивилизации и степени приобщения к культуре, посредством логоса он устанавливает различие между людьми и животными, эллинами и варварами, Афинами и остальными греческими полисами (Isocr. Antid., 224—226, 293—295; Paneg., 47—50).

Исократ рассматривает слово как синоним знания, которым можно овладеть в процессе обучения, и приравнивает обучение красноречию к воспитанию, призванному сформировать гражданина, достойного полиса. Искусство составления речей квалифицируется им как философия, один из двух элементов педагогики: педотрибика должна заботиться о теле человека, а философия — заниматься его душой. Образование такого рода помогает учени-

---

⁴ Р. Джонсон справедливо отмечает, что логос у Исократу — понятие более емкое, чем речь [Jonson, 1959, с. 33].

кам одновременно совершенствовать и тело и душу (Isocr. Antid., 50, 81, 185).

Оратор уделяет много внимания проблеме совершенствования человека посредством слова, так как считает *λόγος* залогом существования и процветания полиса⁵. Исократ настаивает на необходимости знакомства учеников с установлениями города, чтобы в упражнениях они приобретали опыт в государственных делах, весь ход которых зависит, по его мнению, от воспитания, полученного юношами (Isocr. Hcl., 5; Antid., 174). Он обращается к событиям прошлого и настоящего, причем изменение статуса Афин в Элладe, их неудачную внешнюю политику прямо связывает с пренебрежением к воспитанию будущих граждан (Isocr. Areopag., 37, 43, 45, 48—50, 55; Antid., 186—187). Оратор подкрепляет свой тезис ссылками на благие практические результаты, которые дает обучение красноречию, — его ученики были награждены полисом золотыми венками, они безупречны в выполнении гражданского долга. Исократ обращает внимание на то, что выдающиеся государственные деятели прошлого имели репутацию и хороших ораторов (Isocr. Antid., 93—94, 230—236). Проникновение в тайны слова помогает, по его убеждению, не только в государственной, но и в военной деятельности, яркий пример здесь — политика стратега Тимофея, бывшего учеником Исократа (Isocr. De Pace, 54; Antid., 108—128). Именно полученное образование помогло Тимофею одержать блестящие победы, он не позволял войскам мародерствовать, не допускал беззакония по отношению к побежденным, проявлял дипломатическую мудрость и в результате уберег Афины от ненависти со стороны эллинов (Isocr. Antid., 122—127).

Признав красноречие частью системы, охватывающей все стороны полисной жизни, оратор раздвигает границы его возможностей, обучение искусству речи становится связующим звеном между теоретическими знаниями и их практическим воплощением. Постигание законов развития слова и построения речи для него не самоцель, а универсальный инструмент для изучения мира человека (его психологии, частной и общественной жизни) и активного воздействия на этот мир. Особое внимание уделяется при этом политической сфере, в которой философия и политика выступают равноправными партнерами.

Исократ довольно подробно изложил свои взгляды на теорию красноречия и определил те качества, которыми должна обладать хорошо составленная речь: «Лучшими из речей я признаю те, которые посвящены наиболее важным вопросам, наиболее ярко характеризуют ораторов и приносят наибольшую пользу слушателям» (Isocr. Paneg., 4). Из трех перечисленных условий только

⁵ Мы разделяем мнение Дж. Кеннеди, что образование для Исократа это прежде всего необходимое условие для практической деятельности [Kennedy, 1963, с. 17].

второе имеет отношение к чисто ораторскому мастерству, хотя видно, что не оставались в пренебрежении проблемы композиции, классификации речей, сочетания слов, построения периодов, интерпретации темы (Isocr. Antid., 45—50, 277; C. Soph. 16; De Pace, 27—72; Euag., 9—11; Paneg., 3—4, 8—10, 19; Phil., 25, 109—110)⁶. И все-таки основные достоинства речи для Исократ — актуальность и важность темы, а также степень ее полезности.

В круг интересов политического оратора Исократ включает вопросы внутренней и внешней политики, принципы межполисных связей, взаимоотношения греков с «варварами». Именно такие сюжеты противопоставляются им пустым темам, частным делам и вздору, который несут другие, желающие болтать понапрасну (Isocr. Panath., 11; Phil., 13).

Помимо значительности темы много внимания уделяется и третьему условию хорошо составленной речи — пользе, приносимой слушателям. В произведениях оратора звучит тема гражданственности, чрезвычайно актуальная для полиса IV в. с характерным для него ростом аполитичности и пренебрежения общественными делами. Исократ стоит здесь на позиции классической теории, рассматривающей индивида как часть общества, интересам которого должны быть подчинены его жизнь, поступки, убеждения, поэтому неоднократно подчеркивается, что долг оратора как гражданина — служить родному городу (Isocr. Antid., 61, 76—79; Panath., 2; Phil. 23, 82). Себе в заслугу Исократ ставит использование дара слова на благо людям (Isocr. Antid., 36). Тезис о месте ораторов в общественной жизни перерастает у него в целую концепцию о значении политического красноречия для полисной организации, так как величайшие возможности, заложенные в слове, могут принести коллективу граждан и много пользы, и много вреда. Характерно, что так же трактует назначение политической речи и Демосфен (Dem. I, 1, 16; III, 36; VIII, 32; IX, 4).

Исократу в качестве теоретика и защитника принципиально нового интеллектуального направления пришлось нелегко. Причем нельзя сказать, что у него не было предшественников, их можно найти и среди сторонников, и среди противников оратора. Платные учителя мудрости, софисты, в определенной мере проторили для него путь, приучив общество и государственных деятелей к мысли, что ораторскому искусству можно обучиться и что умение правильно подобрать факты, искусно выстроить их в нужную систему, способность мастерски парировать атаки противника в словесном состязании помогают выиграть дело в суде, побуждают Народное собрание принять нужное решение.

⁶ Эта проблема достаточно полно исследована филологами. См. [Лапина, 1962, а, б; Миллер, 1975; Barwik, 1963; Blass, 1892; Delaunoy, 1959; Hudson-Williams, 1948; Jebb, 1962; Steidle, 1952].

Философы, в свою очередь, вовсе не были чужды практической деятельности [Vatai, 1984]. Пифагор, например, известен не только своими философскими взглядами, но и тем, что возглавлял аристократическую группировку у себя на родине. Сама орфико-пифагорейская идея о возможности бессмертия и тех путей, которые ведут к нему, была, как показал Дж.Рэдфилд, новацией, расшатывающей традиционную государственную структуру [Redfield, 1989]. Платон, один из самых упорных и непримиримых оппонентов Исократы, открыв понятие «межсубъективности» (категорию действия), теоретически обосновал существование политической философии — связующего звена между философией и практикой [Jermann, 1986].

Однако Исократ был первым, кто превратил политическую философию в действенный фактор полисной жизни, придав тем самым философии практические функции, а риторике — философские. Этот новый оригинальный жанр по-настоящему не был ни принят, ни оценен современниками оратора. Ему неоднократно приходилось подвергаться нападкам со стороны поклонников «чистой науки» за неуместные, с их точки зрения, прагматизм и «заземленность». Политические лидеры, по достоинству оценив выгоды владения риторическими приемами, похоже, тоже не спешили признавать Исократу. Для них произведения оратора были слишком абстрактными и теоретичными, слишком выходящими за рамки обычных речей, построенных на интерпретации конкретных ситуаций и создаваемых на злобу дня.

Если к этому прибавить и неординарные взгляды на внутреннюю и внешнюю политику, нередко идущие вразрез с общепринятыми, то становится ясно, у Исократы была нелегкая судьба. Уже в IV в. у современников оратора сформировался комплекс негативных представлений, мешавших восприятию его идей. Видимо, поэтому античная культура «закрыла» его для себя как мыслителя и теоретика, восхищаясь им лишь как выдающимся мастером красноречия — в этой области его авторитет был незыблем. Блестящие периоды речей Исократы, их стройная композиция, безупречный стиль создали им славу непревзойденных образцов аттического красноречия, на которых воспитывалось не одно поколение античных ораторов.

Историография нового и новейшего времени нередко следует за традициями древности, воспринимаемыми как модель. Особенно хорошо данная тенденция заметна на ранних стадиях антиковедения, когда оно еще не оформилось как научная дисциплина. Видимо, чем интенсивнее идет процесс развития науки об античности, чем ближе она соприкасается с другими областями знания, чем активнее вторгается в нее мир, окружающий исследователя, тем глубже и значительнее становится для нас прошлое, тем легче преодолеть давление существующих традиций. Метаморфозы образа Исократы в научных работах могут служить

выразительным показателем изменений в методологии и методике истории, а также переориентации общественного сознания.

Исходя из этих соображений, представляется целесообразным не ограничиваться фиксацией взглядов ученых на те или иные проблемы в творчестве оратора, а дать хотя бы краткий историографический очерк. Литература о творчестве Исократ очень обширна. Здесь и специальные монографии, и статьи, и отдельные главы в трудах, посвященных самой различной тематике. Даже если выделять только работы, затрагивающие интересные нас проблемы, то и при таком отборе задача потребовала бы специального исследования. Поэтому мы вынуждены ограничиться обзором трудов, имеющих либо обобщающий, принципиальный характер, либо вносящих оригинальный вклад в изучение политических и социальных взглядов оратора.

В числе первых западных исследователей, обративших внимание на политическое звучание речей Исократ, были К.Белох и Э.Мейер, отметившие в своих трудах по истории Греции стремление оратора к объединению греческих полисов для похода против Персии [Beloch, 1897; Meyer, 1902].

Неординарным явлением в историографии XIX в. следует считать книгу И.Бабста, рассматривающую политические теории Греции IV в. на фоне кризисных симптомов этого времени [Бабст, 1851]. Хотя исследование и не свободно от недостатков, оно — первый в русской исторической литературе серьезный анализ идей единовластия в Греции. Однако значение данного труда не ограничивается только русской историографией; книга И.Бабста содержит целый ряд верных и интересных оценок творчества Исократ, предвосхитивших в середине XIX в. некоторые выводы, обоснованные лишь столетие спустя. Так, например, И.Бабст пишет, что Исократ разделял недоверие Демосфена к Филиппу, был патриотом, но расходился со своим соотечественником в выборе средств. Автор отметил готовность оратора на уступки ради благоденствия полиса и сделал правильный вывод о том, что политические теории IV в. стремились сохранить форму полиса.

Из работ начала XX в. заслуживает внимания исследование Р.Пёльмана [Röhlmann, 1913]. Хотя книга посвящена Исократу и демократии, ее содержание значительно шире, так как обусловлено задачей, поставленной автором: показать порочность и неприемлемость демократии как политической системы для любого времени. Поэтому афинская демократия сравнивается с современной Р.Пёльману немецкой социал-демократией и американским государственным устройством. Исократ выбран им как ярый противник афинской демократии, но критику этого государственного строя автор считает универсальной и актуальной для своего времени. Р.Пёльман акцентирует внимание на негативном отношении Исократ к радикальной демократии и делает из этого вывод о неприятии оратором основных положений демократической теории. Р.Пёльман обратил внимание на интерес

Исократа к монархии как форме, противоположной демократии, «Кипрский цикл» должен был, по его мнению, показать массам, как в зеркале, их жалкое положение. Автор подчеркивает, что Исократ видел, как монархия охраняет сознательных граждан и избавляет государства от несчастий, приносимых механическим равенством при демократии.

В 20—30-е годы XX в. интересы исследователей творчества Исократа были в основном сосредоточены на проблеме взаимоотношений греческих полисов с Македонией и оценки их оратором. В связи с ней косвенно затрагивались темы панэллинизма и похода на Восток. Характерно, что если в начале века идея объединения греков и покорения Персии исследовалась в основном путем анализа «Панафинейской» речи и «Панегирика», то позднее центр тяжести переместился на «Филиппа».

Много внимания уделено анализу позиции Исократа в данном вопросе в монографии Ж.Матье [Mathieu, 1925], серьезном и обстоятельном исследовании, где убедительно показаны сложность позиции оратора, разнообразие его приемов убеждения. Ж.Матье связывает обращение к Филиппу с интересом Исократа к монархии и желанием покорить персов, но недостаточно обращает внимания на то, что помимо определенных убеждений существовала еще и политическая ситуация, вынудившая Исократа решиться на подобный шаг. Спорно, на наш взгляд, трактуется описание Спарты как предостережение Филиппу воздержаться от союза с ней. Хотелось бы подчеркнуть важную мысль автора о том, что Исократ давал советы македонскому царю в интересах Греции, и его доказательство взаимосвязи двух идей: примирения греков и антиперсидского похода⁷.

Вопрос о совместимости взглядов Исократа и Филиппа, поставленный в свое время в книге П.Вендланда [Wendland, 1910], открыл длительную, не прекращающуюся по сей день дискуссию о взаимоотношениях оратора и македонского царя, в которой не заметно особого прогресса. В работе А.Момильяно о Филиппе Македонском [Momigliano, 1934] затрагиваются воззрения Исократа в связи с описанием взаимоотношений полисов и Македонии. Автор выдвинул положение, что теоретики панэллинизма, в том числе и Исократ, неосознанно подготовили программы, которые Филипп затем воплотил в жизнь. А.Момильяно стремится найти причины, в силу которых оратор обратился к македонскому царю, и дает краткий очерк взглядов Исократа на демократию и проблему гегемонии в Греции. Он справедливо связывает поиски оратором гегемона для похода против персов сначала с полисами, затем с Филиппом, отмечает пристрастие Исократа к Афинам, но вряд ли можно согласиться с его заключением, что недоверие к демократии привело к переориентации взглядов ора-

---

⁷ Последнее положение ранее было сформулировано в книге Я.Кесслера [Kessler, 1911, с. 19].

тора, что его стали интересовать не государства, а отдельные выдающиеся личности. Автор книги, оставляя в стороне воззрения Исократ на полис и межэллинские отношения, сосредоточивает внимание на антиперсидской программе и идее единения греков, считая, что для осуществления последней не было иного пути, как принять господство Филиппа.

К серии работ о подходе Исократ к взаимоотношениям с Персией и Македонией примыкает по времени издание, написанное на другую тему: исследование П.Клоше «Исократ и лакедемонская полития» [Cloché, 1933]. П.Клоше взял темой монографии очень важную и, в сущности, почти не разработанную проблему об отношении Исократ к соперничеству Афин и Спарты. Этот вопрос имеет и более широкое значение — изучение представлений Исократ о принципах межполисной политики. Автором сделано тонкое наблюдение о дифференцированности позиции оратора. Во внешней политике Спарта рассматривалась как опасный соперник Афин, хотя в «Пансгирике» и предполагался временный альянс. Вместе с тем Исократ восхищался принципами внутренней организации Спарты. Когда речь шла о социальных моментах, то оратор стоял на стороне спартанцев, защищая их традиционные права перед мессенцами.

С работами В.Йегера 40-х годов связан новый этап в изучении творчества Исократ, на котором подвергаются тщательному анализу взгляды оратора на внутреннюю структуру государства. Одна из статей В.Йегера [Jaeger, 1940] уточняет датировку «Ареопагитика» и содержит обоснованный вывод о непосредственной связи идей Исократ с вопросами внутренней и внешней политики Афин. Таким образом, В.Йегер положил начало исследованию «Ареопагитика» как важного и достоверного документа не только для изучения политических взглядов оратора, но и истории политической борьбы в Афинах IV в. Автор сравнивает характеристику демократии и олигархии, данную в речи, и приходит к аргументированному выводу, что Исократ не разделял позиции ни радикальной демократии, ни олигархии, соотносит воззрения Исократ с кругом Ферамена.

Фундаментальное исследование того же автора о *пайдеей* [Jaeger, 1945] оказало в свое время значительное влияние на труды по истории Греции. Книга задумана как исследование философско-политико-этического идеала древней Греции и рассматривает изменения в культурной и политической жизни полисов под этим углом зрения. В третьем томе монографии много внимания уделено Исократу.

В связи со своей основной задачей В.Йегер интерпретировал творчество Исократ как новый тип красноречия, соединяющий в себе этические идеалы с практической деятельностью. Бесспорной заслугой автора стал принципиально новый подход к речам Исократ, основанный на комплексном анализе риторических и политических аспектов. В.Йегер относится к Исократу как к

политическому и философскому деятелю крупного масштаба и проводит параллели между взглядами Платона и Исократа. Затем он развивает тезисы о структуре полиса, высказанные им в статье о датировке «Ареопагитика». В.Йегер характеризует напряженность политической обстановки в Греции первой половины IV в. и показывает, что для Исократа политическая или экономическая экспансия служит решением его основной задачи — урегулирования конфликта между полисами.

Другим важным событием в изучении наследия Исократа была публикация Л.Пирсоном статьи об исторических ссылках у аттических ораторов [Pearson, 1941]. Л.Пирсон рассмотрел определенные тенденции в исторических экскурсах Демосфена, Ликурга, Андокида, Эсхина, Исократа, общее для них всех направление (например, стремление использовать примеры из ранней истории Афин) и различия, характерные для каждого из ораторов. Исократ выделен особо благодаря его глубоким познаниям в истории. Пирсон сопоставил исторические ссылки, используемые Исократом и Демосфеном, т.е. на их примере продемонстрировал различный подход ораторов к аудитории.

Работы 50-х годов показывают новый всплеск интереса к творчеству оратора. Воззрения Исократа начинают рассматриваться не изолированно, а как компонент общей истории политических идей Греции.

Т.Синклер [Sinclair, 1951] посвятил седьмую главу своего исследования характеристике взглядов Исократа и Платона, он подчеркнул внимание Исократа к текущей политике. Однако автор не склонен оценивать политические идеи оратора как оригинальные, указывает на Горгия и Протагора как на предшественников концепции панэллинизма.

Оценку политической деятельности Исократа дал Э.Баркер в работе по истории политических теорий [Barker, 1951]. Не считая Исократа теоретиком, он приписывает ему интуитивное понимание тенденции своего времени. Автор отмечает, что оратор увидел актуальную проблему IV в. в поисках основ отношений между греческими государствами. В главе о политических учениях, написанной для «Кембриджской истории античности» (Cambridge Ancient History), Э.Баркер развивает указанный тезис, подчеркивая важное место, занимаемое вопросами внешней политики по взглядам Исократа [Barker, 1953].

О неослабевающем интересе к «Филиппу» свидетельствует статья С.Пелмена [Perlman, 1957], в которой предлагается новая точка зрения на позицию Исократа по отношению к Македонии. Автор выдвигает тезис, получивший широкое признание, что Исократ понимал, какую большую угрозу представляла для полисов возрастающая сила Македонии, и пытался урегулировать отношения с ней, предложив Филиппу роль гегемона в походе против персов. Статью С.Пелмена следует считать началом нового периода в изучении «Филиппа» как многопланового произве-

дения, соединившего многие важные проблемы современной Исократу действительности.

В указанный период времени впервые было обращено внимание на политическую терминологию Исократ: Ж. де Ромили рассмотрела значение термина *ἔννοια* [Romilly, 1958] в речах оратора, его применение в вопросах межполисной политики и политики по отношению к Македонии. Термины *ἀρχή* и *ἡγεμονία* исследовал Е. Бухлер [Buchner, 1958] и показал их принципиальное различие. На этом основании он пришел к выводу, что «Панегрик» не может рассматриваться как пропаганда Второго афинского морского союза..

На необходимость скрупулезного исследования терминологии оратора как ключа к системе его взглядов указал финский историк философии Э.Миккола [Mikkola, 1954]. К сожалению, его оригинальная концепция изучения творчества Исократ, а также сделанные выводы не были должным образом оценены в историографии, возможно, по причине их необычности для той стадии развития антиковедения, новизне подхода, во многом опередившего свое время. В монографии проводится сопоставление между Исократом и современным философом Ортега-и-Гассетом и постулируется несомненное сходство между ними. Исследование посвящено в основном философским взглядам оратора, но в нем затронуты и его общественно-политические воззрения, больше других — концепция Исократ о единовластном правлении.

Следующая серия работ об Исократе, датируемая в основном 60-ми годами, свидетельствует о появлении новой тематики, более глубоком и всестороннем анализе политических идей оратора и специфики его творчества.

Прежде всего обострился интерес к проблеме интерпретации Исократом истории. Было опубликовано несколько статей, разрабатывающих данную тему (см., например, [Bradford-Welles, 1966; Wilson, 1966]). На новую, более высокую ступень это направление было выведено С.Пелменом [Perlman, 1961], предложившим подойти к риторике как к сложившейся системе пропаганды с твердо установленными *loci communes*. Автор статьи отметил, что хронологические и фактологические неточности, прежде воспринимавшиеся учеными как незнание ораторами истории, скорее всего показывают их отношение к тем или иным событиям и личностям прошлого. Анализируя принцип отбора и способ употребления исторических ссылок Исократом и другими ораторами, он доказал, что примеры такого рода вводились в текст для того, чтобы лучше оттенить позицию ораторов по отношению к современным событиям.

К.Моссе [Mossé, 1962] продолжила начатое английскими исследователями изучение места Исократ в системе политических взглядов его времени. В обобщающей работе, посвященной социальной, политической и экономической жизни Афин IV в., она

обратила внимание на теорию Исократ о единовластном правителе. Давая оценку оратору, К.Моссе ставит на первый план его идею объединения греков и рассматривает программу, изложенную в «Филиппе». Автор справедливо полагает, что Исократ обратился к македонскому царю после того, как убедился, что греческие полисы не способны воплотить в жизнь его мечты о завоевании Азии.

Ее соотечественник П.Клоше [Cloché, 1963] обратился к политической программе оратора в совокупности, включая его взгляды на проблему управления, внешнюю политику Афин, на отношение к Филиппу. П.Клоше тщательно проанализировал «Ареопагитик» и пришел к выводу о том, что в данной речи критика Исократ не затрагивает основ демократии и что оратора нельзя считать приверженцем олигархов. Автор подчеркивает социальные сюжеты в программе Исократ. Представляется справедливым мнение французского исследователя о том, что оратор стремился к установлению афинской гегемонии в Элладе, но его желаниям не суждено было сбыться, равно как и проектам реорганизации афинского полиса. Однако представляется совершенно неприемлемым критерий оценки места Исократ в идеологии IV в., находящийся в зависимости от успеха или неуспеха воззрений политического теоретика у его современников. Исократ охарактеризован просто как честный человек, преданный прекрасным и благородным идеям, создатель блестящего литературного стиля.

К.Брингман [Bringingmann, 1965] также посвятил свою работу изучению взглядов Исократ на полис, анализу политических тенденций речей оратора. В главе о панэллинистической концепции он уделил основное внимание связи между постулатами единства греков (*δμόνοια*) и необходимости антиперсидской войны, сопоставив эту мысль Исократ с позицией оратора в «Филиппе». Заслуживает внимания тезис К. Брингмана о том, что критика Исократом архэ (*ἀρχή*), могущества, основанного на грубой силе, и противопоставление ей гегемонии означали один из вариантов решения социальных и политических задач IV в. Интересен и тезис о связи программы оратора в «Ареопагитике» с экономическими интересами имущих слоев населения. Работа К. Брингмана ценна тем, что в ней проводится анализ таких фундаментальных для Исократ терминов, как *πλεονεξία δίκαιον, συμφέρον, εὐεργεσία*. Исследование построено на скрупулезном анализе речей, приведены оценки других ученых, что позволило автору создать обобщающий труд о политических воззрениях оратора.

Темы «Исократ и Македония», «Исократ и Персия» продолжали занимать важное место в изучении оратора. Им посвящены две статьи С.Пелмена. В одной из них [Perlman, 1967] рассмотрен вопрос о взаимоотношениях Греции и Персии в концепции Исократ. С.Пелмен следует за мнением Г.Болдри, что оратор

воспринимал поход на Восток как миссию цивилизации, стремление греков покровительствовать варварам, приобщить их к эллинской культуре [Baldry, 1965], что довольно трудно согласовать с формулировкой задач похода, представленной в «Филиппе». В другой статье С.Пелмен [Perlman, 1969] продолжает развивать тезисы, выдвинутые в работе о реинтерпретации «Филиппа»: о роли Македонии как посредника для объединения полисов. Автор сравнивает условия для объединения, изложенные в «Панегирике» и «Филиппе», и кроме сходства находит в них и различия: в «Панегирике» объединение осуществляется под эгидой Афин и Спарты, в «Филиппе» эту миссию должен выполнить македонский царь. С.Пелмен справедливо подчеркивает важность проблемы «выживания» полиса, поставленной Исократом⁸.

Работы 70-х годов ознаменованы прежде всего принципиальным сдвигом в технике изучения политических речей оратора. Впервые к риторике были применены методы исследования, адекватные ее структуре. Дж. Джиллис сосредоточил внимание на аргументации Исократов в речи «О мире» [Gillis, 1970]. Он установил, что там были использованы два типа доказательств (юридические и основанные на целесообразности), которые органично вписались в ткань произведения, корреспондируя с полисными проблемами. Политические тенденции произведения Исократов, таким образом, были продемонстрированы путем анализа аргументов и способов их сочетания.

В другой статье того же автора [Gillis, 1971], посвященной разбору «Панегирика», поставлен вопрос о влиянии риторических принципов на политические проблемы. В частности, показано, что ориентация на мнение большинства, взаимоотношения оратора с его аудиторией трансформировались в постулат о значении общественного мнения для общественного деятеля. Дж. Джиллис подтвердил (точнее, доказал) высказанное его предшественниками предположение, что на историческую концепцию оратора влияли не только цели его речей, но и уровень знаний слушателей о прошлом, их отношение к тем или иным фактам прошлого, а также степень популярности различных исторических деятелей.

Вторым заметным явлением стала публикация А.Фуксом [Fuks, 1972] статьи о социально-политических взглядах оратора⁹. Речи Исократов анализируются им с двух точек зрения — как отражение конфликтных ситуаций в Элладе IV в. и как источник для характеристики этих ситуаций.

Остальные направления в изучении Исократов можно определить как более или менее традиционные. О значении идей Исократов для античной философии, риторики, теории образования, а

⁸ К данной серии работ примыкает исследование Г. Добеша [Dobesch, 1968].

⁹ Позднее этот сюжет был включен как глава в книгу того же автора о социальных конфликтах в древней Греции [Fuks, 1984].

следовательно, и для европейской культуры написал статью М.Финли [Finley, 1975a]. А.Фроликова опубликовала несколько исследований, посвященных подходу к изучению наследия оратора, а также его взглядам на проблему государственного устройства [Frolikova, 1974; 1976; Фроликова, 1972]. По-прежнему, как показали работы С.Пелмена и М.Маркле, пользовалась популярностью тема «Исократ и Филипп» [Perlman, 1977; Marcle, 1976].

Такая же ситуация, т.е. определенная стагнация проблематики, наблюдается и в исследованиях 80-х годов. Вместе с тем совершенно определенно можно говорить, что многолетние соединенные усилия ученых, занимавшихся различными аспектами творчества Исократ, не пропали даром. Речи оратора стали обязательным источником для всех занимающихся социальными конфликтами, политической философией, структурой полиса и борьбой политических группировок в нем, взглядами греков на историю и спецификой ее восприятия (см., например, [Gehrke, 1985; Nouhand, 1982; Strauss, 1986]).

Итак, обзор выявил аспекты и основное направление исследований западной литературы о творчестве Исократ. Мы стремились показать, что изучение речей оратора давно стоит на повестке дня. Интерес к произведениям Исократ резко возрос в 50—60-е годы, когда было опубликовано несколько фундаментальных исследований его программы. И тем не менее упрек Дж. Джиллиса, брошенный современной науке, в том, что она не очень внимательна к Исократу, имеет определенные основания, равно как и замечание, что многие из вновь опубликованных работ новы в основном по дате их публикации, но не по идеям. При взгляде на литературу об Исократе бросается в глаза диспропорция тематики. Основное внимание уделено панэллинистическим идеям оратора и интерпретации речи «Филипп».

Это направление привлекало исследователей на протяжении долгого времени, но происходили изменения в освещении проблем, в работах последнего времени наблюдается тенденция к соединению идеи объединения греков с антиперсидским походом и ролью гегемона, отведенной оратором македонскому царю. «Филипп» рассматривается в трудах С.Пелмена и К.Брингмана как сложное, многоплановое произведение. Необходимо также отметить, что если раньше взаимоотношения греческих полисов и вопрос о лидере в Греции изучались в основном по «Панегирику», то в последние годы основным источником по данной теме стала речь «О мире».

Значительно хуже исследованы взгляды Исократ на внутреннюю структуру полиса, практически остались в стороне и его социальные воззрения. Единственный фундаментальный труд, в котором они затрагиваются, — монография К.Брингмана, остальные авторы либо обходят их молчанием, либо ограничиваются общими фразами о том, что Исократ защищал интересы имущих и надеялся путем завоевания Персии удалить из Греции не-

довольных. Во многих исследованиях всесторонне изучался вопрос о возможности соотнесения политических воззрений Исократ с конкретными событиями его времени, но осталась в стороне другая, не менее важная проблема — связь взглядов оратора с политическими теориями его времени. Эта тема звучит в английских исследованиях 50-х годов по истории греческой политической теории и немного — в книге К.Моссе, но упомянутые работы носят общий характер и оценка Исократ в них довольно поверхностна, так как не построена на тщательном анализе его политических речей.

Затронутая в статьях Ж. де Ромили и С.Пелмена, в монографиях Э.Миккола, К.Брингмана, Е.Бухнера проблема терминологии в речах Исократ практически очень мало исследована, здесь предстоит приложить еще много усилий. Специфика речей Исократ такова, что его произведения нуждаются, очевидно, в разработке особой методики для их изучения, соединяющей в себе элементы филологического и исторического анализа, с применением отдельных методов анализа политической пропаганды. На сегодняшний день данные направления в изучении произведений оратора развиваются изолированно, сами по себе, хотя давно подчеркивается их органическая связь. Исключение составляют лишь статьи Дж.Джиллиса, Л.Пирсона, С.Пелмена, М.Нуо, посвященные изучению исторических примеров у аттических ораторов.

Советскую литературу об Исократе характеризует пристальное внимание к социальным воззрениям оратора в контексте его политических идей, выявление экономических факторов, повлиявших на формирование программы Исократ.

Сначала характеристика взглядов Исократ была дана в общих курсах по истории древней Греции. В работе А.И.Тюменева [Тюменев, 1922] обращено внимание на экономику и кризисные явления в полисе как исходный пункт для объяснения политических теорий IV в., хотя общая схема несколько упрощена и модернизирована. А.И.Тюменев отметил интерес Исократ к внешней политике, но дал оратору уничтожающую характеристику, видя в нем яркий пример политической беспринципности.

Один из аспектов внешнеполитической программы Исократ исследовала Е.А.Миллиор, опубликовавшая большую и обстоятельную статью, сокращенный вариант диссертации [Миллиор, 1939]. Она отметила обострение социальной борьбы внутри полиса и прием использования идеального прошлого для изложения взглядов оратора на современность. Большую часть работы занимает исследование места межполисных связей в программе Исократ и его завоевательных планов. Е.А.Миллиор пришла к справедливому выводу, что не «Панегирик» подготовил Второй афинский морской союз, а его публикация показала, что созрели все условия для борьбы со Спартой. Однако нельзя согласиться с мнением автора, что Исократ представлял интересы

классовой группы не только не заинтересованной в сохранении полиса, но и резко враждебной ему.

После диссертации Е.А.Миллиор в 50-е годы была подготовлена диссертация В.Г.Боруховича об Исократе и Феопомпе. В ней исследовалась позиция Исократа по отношению к Македонии и его панэллинистическая идея. В основу анализа положена речь «Филипп». Исократ представлен защитником интересов крупных рабовладельцев, надеющихся обрести в лице македонского царя твердую гарантию своих прав. Статья того же автора об Исократе и Демосфене [Борухович, 1957] посвящена вопросам датировки «Филиппа», основанием взяты упоминания о завоеваниях Филиппа и полемика Исократа с группировкой Демосфена.

В.Г.Борухович в соавторстве с М.Г.Колотовой опубликовал в ВДИ обзор западной литературы по эллинизму [Борухович, Колотова, 1951], значительное место в котором заняла оценка панэллинистических идей Исократа в трудах различных историков. Признавая целый ряд данных в нем оценок верными, мы не можем согласиться с его основной мыслью: прямой параллелью между освещением панэллинизма в западной историографии и идеей пангерманизма.

В 60-е годы интерес к Исократу в советской исторической литературе, как и в западной, резко возрос, расширилась и тематика исследований.

Внимание ученых продолжал привлекать вопрос о позиции оратора по отношению к Македонии. А.Е.Шофман [Шофман, 1960] дал оценку политическим взглядам оратора, когда анализировал взаимоотношения Македонии и Афин. Исократ охарактеризован как представитель промакедонской группировки, желавшей укрепить при помощи Филиппа позиции зажиточных слоев общества. Такая интерпретация политических воззрений оратора представляется очень спорной, равно как и причисление Исократа к олигархам и определение его программы как призыва к военной диктатуре крупных рабовладельцев.

В статье, написанной несколькими годами позже [Шофман, 1967], А.С.Шофман сконцентрировал внимание на антиперсидской программе, отметив ее связь с экономикой. Он проводит параллель между политическими взглядами оратора и его социальными воззрениями и выдвигает положение, что Филипп был заинтересован в пропагандистской деятельности Исократа.

В.Г.Борухович [Борухович, 1967] провел интересный анализ терминов *ἐὐνοία* и *διόνοία* в речах Исократа и доказал, что автор «Филиппа» использовал гражданские понятия в новом качестве — как условие сближения между греческими полисами и македонским царем и образования на этой почве единоплебия. Такая трансформация терминов применительно к новым условиям заслуживает, на наш взгляд, самого пристального внимания. Тем не менее трудно согласиться с выводом, что цель «Филиппа» сводится к призыву объединиться крупным рабовладельцам грече-

ских полисов на основе *симмахии* ; а также с интерпретацией одного из значений *δμόνοια* как единства интересов тех же рабовладельцев и даже не одного полиса, а всей Эллады.

Л.П.Маринович исследовала один из неизученных аспектов программы оратора — отношение Исократ к наемникам [Маринович, 1965]. Она показала, что сначала все упоминания о них встречаются в отрицательном контексте, но с увеличением роли наемных армий в жизни полиса позиция оратора менялась. В «Филиппе» уже представляется невозможным поход в Азию без помощи наемных сил.

Взглядам Исократ на единовластие посвящена статья Э.Д.Фролова [Фролов, 1969]. Автор исходит из постулата, что обращение к теме единовластного правителя — закономерный этап в творчестве оратора, основанного на принципиальной враждебности к демократическому строю. Впервые в литературе об Исократе была поставлена проблема социальной терминологии, проведен ее анализ. Однако попытка автора связать традиционную олигархическую или аристократическую доктрину с монархией представляется нам малоубедительной. Исследовав речи «Кипрского цикла», Э.Д.Фролов выдвинул интересный и, безусловно, верный тезис о связи темы единоличной власти не только с внешнеполитической программой Исократ, но и с внутренними проблемами полиса.

Т.А.Миллер [Миллер, 1967] подняла неизученный в советской литературе вопрос об авторстве писем, приписываемых Исократу, и их политических тенденциях. Она провела убедительное сопоставление между представлениями Исократ о благе единовластия и конкретными политическими задачами, поставленными в письмах, адресованных различным правителям.

В 1967—1969 гг. в журнале «Вестник древней истории» был напечатан перевод (под редакцией К.М.Колобовой) всех сохранившихся писем и речей Исократ. Сделанные на высоком научном уровне переводы, выполненные Ю.В.Андресвым, В.Г.Боруховичем, М.Н.Ботвинником, Л.М.Глускиной, К.М.Колобовой, А.И.Зайцевым, Э.Д.Фроловым, И.А.Шишовой, были снабжены введениями и подробными комментариями. Завершалась публикация обзором В.Г.Боруховича и Э.Д.Фролова [Борухович, Фролов, 1969] о жизни, публицистической деятельности и социально-политической программе оратора. Издание на русском языке произведений Исократ позволило широким кругам ученых ознакомиться с творчеством знаменитого оратора. Вместе с тем более двадцати лет, прошедшие со времени публикации речей, а также малый тираж журнала вновь поставили проблему доступности для читателей наследия одного из самых известных античных ораторов.

В 70—80-е годы изучение творческого метода Исократ и его социально-политических взглядов проводилось автором этой книги [Исаева, 1974 а, б; 1976; 1984].

Первое и пока единственное исследование философских воззрений оратора принадлежит А.А. Россиусу [Россиус, 1987], оно строится на анализе речи «Об обмене имуществом» и определяет позицию Исократу по отношению к школам Платона и Аристотеля.

Практически об изучении речей оратора в советской историографии можно говорить с 1939 г. — даты публикации статьи Е.А.Миллиор. При определенном хронологическом отставании в этом вопросе от западной историографии советские исследователи в основном двигались в русле тех же самых проблем. Сильной стороной отечественных работ следует считать внимание к социальному *credo* оратора, которое было соотнесено с его политической программой. К сожалению, творчество Исократу привлекало внимание преимущественно историков при почти полном равнодушии к нему филологов и философов, что значительно обедняет наши представления об этом выдающемся мастере античного красноречия.

Обзор литературы об Исократе свидетельствует, что примерно к 80-м годам произошел явный спад интереса к оратору. Создается впечатление, что историки в основном рассмотрели методы изучения и те вопросы, на которые могут дать ответ речи. Не случайно в последнее время в этой области не появляются интересные работы, многие статьи посвящены лишь уточнению тех или иных деталей. Правда, Исократ по-прежнему привлекателен для филологов и философов, что объясняется оживлением в направлении, изучающем борьбу философских школ IV в. до н.э. Трудно делать прогнозы, но хотелось бы надеяться, что в ближайшее время антиковеды вновь обратятся к Исократу. Основание для этого дают принципиально новые подходы к теории и политической организации полиса, наметившиеся в западной историографии, позволяющие, как нам кажется, по-иному взглянуть на представления Исократу о государственном строе. Неопределенность перспектив ни в коей мере не умаляет того, что уже сделано. Уровень наших знаний о политической риторике — это своеобразная концентрация достижений, ошибок, трудностей современного антиковедения в постижении греческой культуры, и в этом качестве представляет несомненный интерес.

Глава 2

ВЕК КОНФЛИКТОВ

Правду заменит кулак. Города подпадут
разграбленью. / И не возбудит ни в ком
уваженья ни клятвохранитель, / Ни спра-
ведливый, ни добрый. Скорей наглецу и
злодею / Станет почет воздаваться. Где
сила, там будет и право.

Гесиод. Работы и дни, 189—192

Для понимания творчества Исократу необходимо хотя бы беглое знакомство с той эпохой, в которой он жил, т.е. с IV в. до н.э. В истории Эллады этот период занимает совершенно особое место как век, насыщенный противоречиями и острыми столкновениями в области экономики и политики, конфликтами в социальной сфере. Верхняя граница этого отрезка времени — окончание Пелопоннесской войны (404 г.), нижняя — битва при Херонее (338 г.), положившая конец независимости Эллады.

Для IV в. характерно сочетание традиционных форм организации частной и общественной жизни с многочисленными новациями, направленными против привычного порядка, расшатывающими стереотипы прежней системы ценностей, социальной психологии, трудовой деятельности. Так, если ранее внимание греков было направлено прежде всего на внутреннюю жизнь государства, то теперь резко возросло значение межполисных отношений, интенсивно развивались правовые нормы, регулирующие военные и мирные контакты, сотрудничество в рамках коалиций. Существенные изменения произошли в сельском хозяйстве, ремесле, торговле. На новую ступень развития поднялась политическая теория, были созданы две наиболее известные философские системы Эллады — Платона и Аристотеля, ставшие своеобразным итогом мировоззрения классического полиса.

Можно говорить и о переориентации культуры. Ораторское искусство, философия, исторические сочинения заняли в ней ведущее место, оттеснив на второй план драму и лирику. Утратила былую популярность трагедия, зато процветала комедия. Сократился монументальное строительство, но наблюдается явный расцвет архитектуры малых форм. В ваянии и живописи разрушался прежний идеал гармонии и соразмерности, все чаще люди

и боги изображались в состоянии аффекта, больше внимания стало уделяться индивидуальным чертам личности.

Несомненно, все это имеет важное значение для характеристики эпохи, определения ее своеобразия. Равным образом самые различные стороны жизни греческих полисов в той или иной мере влияли на формирование политического мировоззрения их граждан, создание определенных политических теорий и программ. Однако для каждого периода можно выделить один или несколько факторов, которые оказали особенно сильное воздействие на идеологию. Для публициста или теоретика такое воздействие будет заключаться прежде всего в событиях внутренней и внешней политики, соотношении сил между полисами.

Концепция Исократа в отличие от концепции его противника в области политической теории Демосфена базируется в основном на интерпретации событий общеэллинского масштаба, их значении для Афин и других греческих полисов. Предложения Исократа о выходе из создавшегося, по его мнению, кризисного положения не носят характера детально разработанных конкретных мер по поводу того или иного конфликта. Скорее это своеобразная панацея от всех бед как любого полиса, так и всей Эллады в целом: внимание не к отдельным деталям общества IV в. и не к равномерному освещению всех сторон этой жизни, а к выявлению некоторых общих тенденций, свойственных развитию полисов перед потерей Элладой независимости. Соответственно и в данной главе будут выделены те процессы, которые подчеркивает оратор в своей программе.

Сохранившиеся до нашего времени основные источники по политической истории Греции IV в. — «Оксиринхский историк», Ксенофонт, Исократ, Демосфен, а также свидетельства историка более позднего времени — Диодора Сицилийского не облегчают, а усложняют поставленную задачу, так как эти авторы различаются не только своими политическими симпатиями и антипатиями, но и характером произведений, концепциями, заложенными в их основу. Но хотя разный способ фиксации событий и различные критерии, взятые для их отбора, создают трудности при воссоздании общей картины, тем не менее можно составить представление о некоторых основных направлениях в развитии полисов.

Интересующий нас период — первая половина IV в., однако процессы, имеющие для него решающее значение, стали возникать уже в более раннее время — в конце V в., к началу Пелопоннесской войны. Она стала демаркационной линией между двумя этапами истории, мощным катализатором, усилившим и сделавшим отчетливее многие тенденции. По свидетельству Фукидида, за это время Эллада испытала такие бедствия, как никогда раньше, никогда не было взято и разорено столько городов, не было столько изгнаний и убийств, междоусобиц, голода, болезней (Thuc. I, 23, 1—3).

Окончание Пелопоннесской войны не принесло желанного мира, наоборот, военные столкновения стали чаще и кровопролитнее, а методы ведения борьбы — ожесточеннее. Еще не было подписано официальное соглашение об окончании войны, а прославленный спартанский полководец Лисандр уже приступил к планомерному наведению «порядка» в полисах, особенно тех, которые выступали на стороне побежденных Афин. На греческие города обрушился шквал изгнаний, казней, конфискаций имущества. По образному выражению Плутарха, сладостный напиток свободы, обещанный эллинам Спартой в случае победы, с первого же глотка оказался противным и горьким (Plut. Lys., XIII, 15—19).

Власть в полисах, по существу, принадлежала спартанским наместникам (*гармостам*), которые хозяйничали в них, имея достаточно широкие полномочия казнить и миловать, вмешиваться во внутренние дела государства, диктовать военные и политические акции. Это привело к тому, что «греческие города беспрекословно подчинялись указаниям каждого лакедемонянина» (Xen. Hell., III, 1,5). Военный диктат поддерживал существование и процветание *декархий*, советов из 10 правителей, представлявших 10 *гетерий* (тайных обществ). В биографии Лисандра говорится, что власть из его рук получали «члены тайных обществ и друзья, связанные с ним узами гостеприимства... он предоставил им неограниченное право награждать и карать. Лично присутствуя при казнях, изгоняя врагов своих друзей, он дал грекам образчик лакедемонского правления» (Plut. Lys., XIII, 11—15. Пер. М.Е.Сергеенко).

Типичным образцом спартанской политики может служить карательная экспедиция против Элиды (401—404). Поводом к ней послужили старые обиды и отказ элейцев выполнить некоторые приказы Лакедемона. Войско под предводительством спартанского царя Агиса II первым делом подвергло местность вокруг города опустошению, разграблению и сожжению; в мародерстве поспешили принять участие полисы, формально не объявившие войны Элиде. Среди защитников города произошел раскол, сторонники Спарты предприняли попытку государственного переворота, которая не увенчалась успехом. В результате изнурительной осады Элида сдалась на милость победителя и выполняла все его требования (Xen. Hell., III, 21; Diod. XIV, 17; Paus. III, 8, 2—6).

Афины после окончания Пелопоннесской войны были не только значительно ослаблены, но и жестоко унижены. Полису пришлось сдаться на милость победителей; в Акрополе, сердце города, разместился неприятельский гарнизон; знаменитые Длинные стены, соединявшие Афины с портом Пирей и превращавшие их в неприступную цитадель, при бурном ликовании врагов были срыты. Церемония эта происходила в самой торжественной обстановке, твердыня государства разрушалась под зву-

ки исполняемого флейтистками марша (Хен. Нелл., II, 2, 22). Тем больше оснований было у них попытаться восстановить бывшее могущество и продолжить старый спор о первенстве в Элладе. Неудачное вмешательство Спарты в дела Средней Греции, ее карательные походы против полисов возбудили всеобщее недовольство и послужили причиной создания антиспартанской коалиции. Лакедемоняне не спешили выполнить свое обязательство перед Персией о передаче ей малоазийских полисов, в результате отношения Спарты с этим государством значительно ухудшились, поход в Азию 10 000 греков под предводительством Клеарха не способствовал их улучшению. Персия охотно оказала денежную помощь противникам Лакедемона, начавшим в 395 г. военные действия против Спарты. Заключенный потом при посредстве царя в 387 г. мир, названный Царским или Анталкидовым (по имени главы спартанского посольства), не решил спора о первенстве, он лишь показал ослабление Лакедемона и усиление роли Персии, все возрастающую тенденцию к ее вмешательству в дела эллинов.

По мирному договору, в Греции запрещались любые союзы, кроме Пелопоннесского, всем полисам гарантировались свобода и независимость, гарантом выступал персидский царь: «Всем же прочим эллинским городам, большим и малым,— должна быть предоставлена автономия... Той из воюющих сторон, которая не примет этих условий, я вместе с принявшими мир объявляю войну на суше и на море и воюющим с ними окажу поддержку кораблями и деньгами» (Хен. Нелл., V, 1, 31. Пер. С. Лурье). Привлекательная на первый взгляд формула об автономии греческих государств на практике оборачивалась юридическим закреплением раздробленности Эллады и господства в ней Спарты. Отныне карательные экспедиции могли проводиться под предлогом наказания нарушителей договора. Антиспартанская коалиция, не имея достаточно сил для борьбы против объединенного лакедемоно-персидского войска, вынуждена была согласиться с этими условиями. Анталкидов мир подписали все греческие полисы, в результате на Элладу обрушился шквал спартанских репрессий.

Подобные действия, подкрепленные формальным узаконением грабежей и насильственных политических переворотов, признание Персии, исконного врага Эллады, высшим судьей во внутригреческих делах отнюдь не увеличили симпатии полисов к Лакедемону. В адрес Спарты уже давно раздавались упреки в том, что она чинит беззакония, поработочает города, заключает с ними неравноправные договоры, особенно много претензий вызвало вмешательство во внутренние дела — учреждение *декархий* и насаждение *олигархий*. Вzbунтовались даже союзники спартанцев, осыпая лакедемонян упреками, что они не получили «никакой доли ни во власти, ни в почестях, ни в военной добыче», возмущенные тем, что спартанцы распоряжаются ими как хозяева (Хен. Нелл., III, 5, 12. Пер. С. Лурье). В 379 г. в Фивах при тайной

поддержке Афин вспыхнуло антиолигархическое восстание, в городе была установлена демократия. Он вновь стал независимым и в скором времени восстановил и опять возглавил союз беотийских полисов. Закрепляя достигнутый успех, Афины обратились к дружественным полисам с призывом войти в новый морской союз. Эта идея была охотно поддержана, и в 378 г., демонстративно нарушив условия Анталкидова мира, Афины создали Второй афинский морской союз. Резкий рывок вперед сделали Фивы. Последовавшая после антиспартанского восстания 379 г. их демократическая реорганизация способствовала тому, что и в остальных беотийских полисах произошли антиолигархические перевороты, которые способствовали консолидации сил внутри Беотийского союза. Период между 379 и 362 гг. обычно рассматривается как время его гегемонии в Греции.

Успехи Афин на море и Фив — на суше вынудили Лакедемон примириться с изменениями на политической карте Эллады и заключить со своими противниками конвенции, в которой признавалось существование Афинского и Беотийского союзов. Правда, Лакедемон довольно быстро нарушил неблагоприятное для него соглашение с Фивами, что привело к новому военному конфликту. В битвах при Левктрах (371 г.) и Мантинее (362 г.) беотийцы нанесли спартам такое сокрушительное поражение, что оно привело к распаду Пелопоннесского союза и Спарта на долгое время утратила возможность претендовать на первенство в Греции. Однако цена, которой Фивы оплатили свою победу, оказалась непомерно высока. Они понесли огромные потери, а в битве при Мантинее, носившей особенно ожесточенный характер, погиб Эпаминонд, выдающийся фиванский полководец и политический деятель.

Заканчивая описанием сражения при Мантинее свой труд по истории Греции, Ксенофонт пришел к пессимистическому выводу, что это событие внесло еще большую путаницу и замешательство в дела Греции, чем было прежде (Xen. Hell., VII, 5, 27). Будущее показало, что он имел все основания для подобного заключения. Успехи фиванцев положили конец их дружбе с афинянами, поспешившими на помощь погибающей Спарте. Этим маневром Афины надеялись воспрепятствовать усилению Фив и распространению их влияния на Элладу, они достигли цели, однако их собственное положение значительно пошатнулось. Партнеры по Второму афинскому морскому союзу уже давно выражали недовольство постепенным возвращением к методам Архэ — попыткам выведения клерухий, выкачиванием денег, пренебрежением интересами других полисов, но Афины не хотели и не могли меняться. Между тем разногласия достигли такого высокого накала, что привели к открытому конфликту, разразилась так называемая Союзническая война (357—355), закончившаяся победой союзников, которые были поддержаны не только афинскими врагами в Элладе, но и малоазийскими правителями-династами,

а также Персией. Афины, подобно Спарте, утратили роль лидера, в Греции наступило неустойчивое равновесие.

Передышка длилась недолго. Усиление Фокиды вызвало недовольство Фив и Фессалии, и те решили воспрепятствовать росту ее влияния, действуя через Дельфийскую амфиктионию. Совет амфикионов признал Фокиду виновной в святотатстве — распахке священной земли, принадлежащей Дельфийскому храму, от виновных потребовали освободить землю и возместить ущерб, в случае отказа храму должны были передать их собственные земли. Кроме Фокиды штраф наложили и на другие полисы. Штраф был такого размера, что выплата его грозила Фокиде полным разорением. Тогда фокидiane, заручившись поддержкой спартанцев, в 355 г. захватили Дельфы и ограбили храм Аполлона. В конфликт немедленно вмешались остальные греческие полисы, одни на стороне Фокиды, другие — Дельф. В Греции опять разразилась война, получившая на этот раз название Священной (355—346).

Явный перевес сил на стороне Фокиды и ее союзников побудил противную сторону срочно искать помощь на стороне, за пределами Эллады. Они нашли поддержку у северного соседа Греции — Македонии. Это государство и прежде неоднократно контактировало с полисами, вставая на сторону то одних, то других. Так, во время греко-персидских войн македонский царь Александр I, хотя и был вынужден пропустить персидское войско через свою территорию, старался всячески содействовать эллинам. Позднее Македония вошла в Первый афинский морской союз. Преемник Александра, царь Пердикка, в Пелопоннесской войне выступал то на афинской, то на спартанской стороне. Так что формально сотрудничество с Македонией не было явлением экстраординарным, если бы не один существенный фактор, создавший совершенно иные, чем прежде, условия для партнерства. К концу IV в. это государство, объединенное и унорядоченное одним из самых талантливых политических деятелей того времени — Филиппом II, представляло мощную боеспособную державу, соприкосновение с которой грозило более слабым союзникам и противникам явной опасностью порабощения. Филипп с готовностью вмешался в конфликт. Потерпев несколько неудач в борьбе с «осквернителями», он все же вынудил Фокиду к капитуляции. Благодарные греческие соратники исключили Фокиду из амфикионии, предложив ее место Филиппу, который не отказался.

Активная военная и дипломатическая деятельность Македонии привела к усилению ее влияния в Греции, значение которого эллины осознали с большим опозданием. Когда против Филиппа стала образовываться коалиция греческих городов, оказалось, что ничего уже нельзя изменить. К этому времени царь покорил греческие города Халкидики, лишил афинян почти всех их владений на побережье Фракии, подчинил Фессалию и стал главой

Дельфийской амфикистии. Последнее обстоятельство дало ему предлог вновь выступить в роли защитника эллинских святынь. В 338 г. амфикистия обвинила небольшой городок Амфиссу, расположенный в Локриде, в покушении на священную землю храма. Для расправы с «нечестивцами» Филипп вторгся в Элладу и захватил проход в Беотию. Выступившее на помощь Фивам объединенное греческое войско столкнулось с армией Филиппа у небольшого беотийского городка Херонеи. В упорном и ожесточенном бою победу одержал Филипп. По образному выражению Ликурга, с телами павших в этом сражении была погребена и свобода эллинов (Лук. I, 50).

Даже если принять во внимание, что войны не были для Эллады исключительным явлением, что вся история древней Греции наполнена военными действиями как грандиозного размера, так и мелкими столкновениями¹, концентрация междоусобиц в первой половине IV в. поражает. Жде Ромили [Romilly, 1968] в статье о войне и мире между греческими городами выдвинула тезис, что вооруженные конфликты между греческими полисами были не только нормальной функцией, но и нормальным состоянием. Дальше она ставит вопрос: как могло существовать общество, находящееся в состоянии почти непрерывных военных столкновений? Объяснение автор статьи видит в наличии определенных законов и обычаев, регулировавших войны и державших их под контролем.

Работы исследователей, несмотря на расхождение в деталях, рисуют убедительную картину различия военных действий в V в. (до Пелопоннесской войны и во время ее) и в IV в., хотя многие законы сохраняли свой универсальный характер и в тот, и в другой период.

Как и вообще в междоусобных греческих войнах, в Пелопоннесской войне борьба шла за гегемонию, политические преимущества и экономические выгоды. Эта двойная цель будет неизменно присутствовать во всех войнах, однако для конца V — середины IV в. в данном соотношении есть один характерный нюанс: усиление экономического фактора, связанного с развитием товарно-денежных отношений. Его неоднократно подчеркивают источники.

Захват добычи — цель, присутствующая всегда, независимо от того, на какой территории происходят военные действия и какими лозунгами они сопровождаются (Хен. Хелл., I, 8, 2, 4; IV, 8, 30; Diod. XIII, 65, 3; 66, 3—4; XV 21, 2; Хелл. Охут. VI, 6). Ксенофонт называет подобные действия стремлением к выгоде (*κερδος*), а Исок-

---

¹ Проблема войны в Греции посвящено большое количество книг и статей, мы ограничимся ссылками лишь на некоторые из них [Garlan, 1972; Hanson, 1983; Kiechle, 1958; Lonis, 1979; Problèmes, 1968]. Очень подробная библиография дана в книге Ньето: [Nieto, 1975].

рат квалифицирует как доход (*πρόσδοτος, πλεονεξία*), пользу (*συμφερον, ωφελεια*).

Бесконечные грабежи, стремление полисов заложить основу своего благосостояния путем военной добычи способствовали зарождению и оформлению ясно выраженной в источниках тенденции к получению выгоды, дохода. Жде Ромили справедливо отмечает усиленный интерес определенной группы политических деятелей — Ксенофонта, Исократ, Эвбула — к вопросам экономики, а также соотнесение ими доходов государства и его благосостояния с вопросами войны и мира. На наш взгляд, французская исследовательница несколько ограничивает свое интересное наблюдение, приписывая данный интерес лишь некоторым авторам. Дебаты в литературе о целесообразности мирной или военной внешней политики с точки зрения экономической выгоды — любопытная деталь, отражающая взаимоотношение войны и экономики в IV в.

Разорение, опустошение территории, порабощение стали обычным приемом ведения войны (Xen. Hell., IV, 4, 19; 6, 4—5, 12; V, 2, 4; VI, 5, 22, 27; Hell. Охуг. XVI, 1, 4—5). О том, насколько широко применялась спартанцами подобная практика, свидетельствует даже такой тенденциозно настроенный историк, как Ксенофонт. Случаи более корректных действий редки, это исключение, все они объясняются в источниках либо военными и политическими мотивами, либо ожиданием большого выкупа (Xen. Hell., I, 1, 20; V, 2, 39; Diod. XIII, 67, 5; Hell. Охуг. XVI, 1).

Как отмечает И.А.Шишова [Шишова, 1968, с. 63], «Пелопоннесская война дает нам достаточно примеров чрезвычайно свирепых расправ с военнопленными-греками, в которых повинны как афиняне, так и спартанцы». Ксенофонт объясняет решение спартанцев казнить пленных афинян тем, что те первыми прибегли к этой жестокой мере, сбросив в пропасть экипажи коринфской и андресской триер (Hell., II, 1, 31—32). Обычно к вражескому гарнизону, находившемуся в полисе, применялось более суровое наказание, чем к жителям города (Xen. Hell., I, 6, 15).

Порабощение и убийство греков осуждалось этическими нормами. В тех случаях, когда это все-таки происходило, заметно стремление как-то оправдаться в совершенных акциях. Так, Ксенофонт утверждал, что жители Кедрий были порабощены потому, что они не истинные греки, а полуварвары (*μιξοβαρβαρος*). Казнь афинян историк представляет как возмездие за то, что те приняли решение отрубить пленным правую руку (Xen. Hell., II, 1, 31—32). Калликратид уверял, что, пока он имеет власть, никто из эллинов не будет порабощен (*ἀνδραποδιτῶ*) (Xen. Hell., I, 6, 15), правда, заявление такого рода не помешало ему продать пленных афинян наравне с рабами.

П.Дюкре приходит к выводу, что IV в. насчитывает значительно меньше конфликтов, отмеченных таким числом избиений, как Пелопоннесская война, по фанатизму с ней может сравнить-

ся только III Священная война [Ducrey, 1968, с. 396]. Однако, на наш взгляд, прецеденты жестокости, имевшие место в конце V в., не могли бесследно пройти для военной практики IV в. К увеличению масштабов военных действий и грабежей, ожесточению войны приводило также применение в государственных конфликтах наемных войск, широко использовавшихся и в конце V в., и в начале IV в. [Маринович, 1962; 1965; 1975]. Следует отметить, что к помощи наемников прибегали довольно часто, причем такая практика была характерна не только для греческих государств, но и для азиатских правителей (Xen. Hell., VII, 1, 46). Велика роль наемников в поддержке отдельных командиров и правителей (Xen. Hell., II, 3, 43; VI, 1, 5—7; VII, 1, 46; Diod. XV, 70, 3; Plato. De Rep., 567D—E, 568D; Isocr. Euag., 29), однако внутренняя борьба в основном шла все-таки силами граждан, хотя тенденция использования наемников резко возросла и здесь. *

Такой способ усиления армии свидетельствовал не только о появлении в войне новых факторов, но и об ослаблении связей граждан с полисом. Исократ, возмущенный нежеланием граждан воевать за свои интересы, обрушивается на наемников с гневной тирадой, называя их людьми, лишенными отечества (*ἀνδράποους τοὺς μὲν ἀπόλιδας*), перебежчиками и вообще причастными ко всяким гнусностям (Isocr. De Pace, 44). Применение наемных войск приводило к ослаблению полисного патриотизма, который стал замещаться личными связями между командиром и воинами.

Проблемы, связанные с коалициями, т.е. их образование и взаимоотношения между партнерами, приобрели необычайную актуальность для Эллады IV в. В борьбу за гегемонию включались уже не отдельные государства, а целые союзы, такое увеличение масштабов усилило старые и породило новые противоречия². Характерной чертой Эллады данного периода стало взаимодействие конфликтных ситуаций различных типов — межсоюзных, внутрисоюзных, внутрисоюзных.

Особое значение приобрел вопрос о союзниках, так как их наличие и сплоченность во многом предопределяли успех внешней политики. Единомышленников пытались удержать любой ценой — наказывали отпавших, колеблющихся привлекали на свою сторону либо мягкостью, либо угрозами и силой (Xen. Hell., I, 4, 21; II, 4, 9; V, 2, 1—7; Isocr. De Pace, 100). И Афины и Спарта использовали в полемике между собой обвинения в плохом обращении с союзниками. Так, Афинам предъявлялось обвинение в угнетении дружественных полисов, а также в обидах, причиняемых мелким городам за то, что они находились в дружбе со Спартой (Xen. Hell., I, 6, 15); Афины обвинялись в высокомерии (*ὕβρις* — II, 2, 10). Исократ, стремясь очернить руководителей радикальной демократии, прибегнул к такому же приему, он утвер-

² Более подробное описание этого процесса см. в нашей работе о межполисных отношениях [Исаева, 1983]. Там же дана библиография.

ждал, что благодаря их политике обижены союзники, афинская гегемония навязана им силой (Isocr. De Pace, 17, 29). Афиняне не остались в долгу и предъявили аналогичные обвинения Спарте: тот же Исократ сообщает, что после захвата власти спартанцы приспосабливались высокомерием к союзникам, пренебрежением к клятвам и договорам, стремлением к захвату чужого (Isocr. De Pace, 96—100).

При вербовке новых союзников полисы на первых порах стремились проявить мягкость, сделать исключение из жесткой практики ведения войны (Хер. Hell., I, 6, 15; IV, 8, 1; V, 4, 64—65; Diod. XIII, 67, 5). Оказывая помощь своим сторонникам и наказывая сторонников врага, Афины и Спарта активно вмешивались во внутренние дела полисов, поддерживая афинофильские или лаконофильские группировки (Хер. Hell., II, 2, 15; IV, 8, 28; V, 4, 11—12, 46—55; VI, 4, 18). Обе стороны стремились заполучить в союзники персов, помощь которых обычно выражалась в присылке денег, ради них к царю посылались бесчисленные посольства.

Характерно, что из четырех типов союзов, принятых в Греции³, для изучаемого периода наиболее часты союзы типа *симмахий*, основным принципом которых декларировалась автономия всех партнеров.

Отношение к союзникам становится своеобразным тестом, определяющим справедливость и несправедливость внешней политики (Isocr. Areopag., 80; De Pace, 30, 46, 85, 95—100).

Вопрос о принципах внешней политики был поставлен еще Фукидидом (Thuc. V, 85—112), он продолжал дебатироваться и в IV в. Афины, Спарта и Фивы создали три наиболее крупных объединения в Элладе того времени. Однако ни одно из них не было долговечным. Почти всеми государствами ощущалась настоятельная необходимость в союзничестве, организации более крупной, чем полис, но у них не было настоящей основы для такого объединения, так как ему противоречил сам принцип полиса.

Декларации об автономии и равноправии союзников на практике оборачивались гегемонией более сильного полиса и подавлением более слабых. Расторжение такого союза приводило к заключению соглашения с противником первого полиса — гегемона, затем история повторялась. Ни одна из федераций даже близко не подошла к объединению всех греков. Эту задачу не смогли решить и более поздние союзы, на базе которых были созданы относительно устойчивые и продолжительные объединения.

Для рассматриваемого периода характерна быстро меняющаяся конфронтация сил в Элладе, при которой Афинам и Спарте порой приходилось уступать роль ведущих полисов. Измученные

---

³ Амфикионики, симмахии (союзы государств, теоретически свободных и автономных), симполитии, союзы для «всеобщего мира».

войнами греческие государства стремились к заключению мира в Элладе, так была создана концепция «всеобщего мира» (*κοινή εἰρήνη*), заключенного на основе справедливости и равноправия [Гребенский, 1975; Sordi, 1985]. Однако эта популярная идея так и осталась в области теории, весьма далекой от воплощения на практике. Лозунг *κοινή εἰρήνη* разделил участь призывов к автономии — стал использоваться в политической пропаганде, по меньшей мере одно из трех лидирующих государств сражалось под флагом защитника мира, но никто из них не стремился к «общему миру» в своей политике [Ryder, 1965, с. 87].

Представляется необходимым отметить еще один важный штрих в жизни полисов IV в. — социальную и политическую борьбу внутри городов, с которой тесно смыкались события внешней политики⁴. В полисах нередко сталкивались социальные противоречия с политическими, да и разброс чисто политических воззрений был довольно велик. Иногда эти конфликты развивались обособленно, но чаще всего переплетались.

Почти в каждом полисе были приверженцы Афин и Спарты, поэтому города как бы повторяли в миниатюре Элладу, раздираемую политическими противоречиями. В свое время вооруженные перевороты произошли в Афинах, на Лесбосе, Самосе, Родосе, в Аргосе, Коринфе, Византии, Мантинее, Флиунте, Фивах, Феспиях, Фарсале, Тегее, Ахайе, Сикионе, Элиде, Элее и других государствах Греции. Борьба политических группировок сопровождалась страшным озлоблением, при котором порой накладывались друг на друга имущественные и политические конфликты. Ксенофонт описывает, как в Коринфе на небольшом пространстве погибло столько людей, что они лежали огромными кучами, как лежат кучи зерна, хвороста, камней (Hell., IV, 4, 12). Во Флиунте спартанцы, вернув изгнанников, разрешили им убить всякого, кого те найдут нужным (Xen. Hell., V, 3, 25). Порой внешние враги, пришедшие на помощь своим сторонникам, оказывались милосерднее, чем сограждане (Xen. Hell., V, 2, 6; 4). При внутренних конфликтах вопрос стоял порой уже не о победе определенных политических группировок, а о физическом уничтожении противников. Нередко для поддержки призывали внешних союзников. В случае победы «внутренних врагов» немедленно изгоняли либо убивали. Изгнанники, в свою очередь, просили помощь у союзного города, в результате возникали новые перевороты.

Война властно вторгалась во все стороны жизни общества, более активное участие в ней стали принимать неграждане. В критические для полиса моменты к военной службе привлекались даже лица, лишенные прав гражданства, и рабы (Xen. Hell., I, 6, 34; VI, 5, 28—29; Diod. XIII, 97; XV, 65). Исократ жалуется на то,

⁴ Обобщающие работы на эти темы принадлежат А.Фукусу и Г.-И.Герке [Fuks, 1984; Gehrke, 1985].

что граждане изменили свой состав (Isocr. De Pace, 88), а Ксенофонт сетует, что среди воинов увеличилось число лиц, не имеющих гражданских прав (Xen. Pogoí, II, 3).

Таким образом, для данного периода характерны две противоположные тенденции — порабощение свободных греков в результате военных столкновений и дарование, по той же причине, гражданских прав лицам, ранее лишенным их.

Мораль и религия также испытали на себе влияние междоусобиц. Ранее отмечалась ожесточенная внутренняя борьба в полисах, убийство детей противников и военнопленных. Во время коринфского переворота убивали даже прильнувших к алтарю (Xen. Hell., IV, 4, 3), в Тегее бросали кирпичи в укrywшихся в храме. Евфрону удалось набрать наемников, предложив им в качестве платы деньги из разграбленной им казны общегреческого святилища в Дельфах (Xen. Hell., VII, 1, 46). Стратеги, одержавшие для Афин блестящую победу у Аргинусских островов, когда вернулись на родину, были преданы суду по обвинению в том, что не подобрали тела погибших, хотя все знали, что сразу же после боя разразилась буря. Разбор дела происходил в исключительно накаленной обстановке, стратегам-победителям грозила смертная казнь. Когда некоторые должностные лица заявили, что не могут предлагать противозаконного голосования, было внесено предложение включить и их в число обвиняемых. Устрашенные такой угрозой, они покорились воле большинства (Xen. Hell., I, 7, 1—35).

Трагическими событиями, получившими название аргосского скитализма, прославился Аргос, в котором бедняки, вооружившись палками (*okutalis*), перебили около 1200 имущих граждан и поделили их имущество между собой. Этот переворот дал Исократу повод для горького замечания: «Когда враги на время прекращают причинять им бедствия, они сами начинают истреблять наиболее выдающихся и богатых из числа своих граждан и делают это с такой радостью, с какой другие не убивают своих врагов» (Isocr. Phil., 52. Пер. В.Г.Боруховича).

Не избежали общей участи и ведущие полисы. В Афинах дважды, в 411 и 404 гг., была свергнута демократия. Особенно тяжелые последствия имел описанный в предыдущей главе олигархический переворот 404 г., так как он совпал с поражением полиса в Пелопоннесской войне. По версии Аристотеля, олигархи погубили не менее 1500 человек, «стараясь устранить опасные элементы и желая грабить их имущество» (Arist. Ath. Pol., 35, 3. Пер. С.И.Радцига).

В 397 г. в Спарте был раскрыт и ликвидирован заговор Кинадона, юноши, не принадлежавшего к общине «равных», т.е. не считавшегося полноправным спартиатом. Он и его сообщники опирались на зависимые категории населения Лакедемона, уже давно и жестоко страдавшие от гнета полноправных спартиатов, который с войной только усилился. Когда в этой среде, утвержда-

ет Ксенофонт, «заходит разговор о спартиатах, то никто не может скрыть, что он с удовольствием съел бы их живьем» (Xen. Hell., III, 3, 6. Пер. С.Лурье). Узнав о заговоре, эфоры поспешили арестовать Кинадона и его сторонников. Заговорщиков подвергли пыткам и мучительной казни.

Число социально-политических переворотов было так велико, что их стали изучать и анализировать теоретики политической мысли. Аристотель посвятил пятую книгу «Политики» изучению и классификации государственных переворотов. Платон, строя модель идеального государства и давая описание государств реальных, пришел к малоутешительному выводу, что в каждом полисе теперь «заключены два враждебных между собой государства: одно — бедняков, другое — богачей: и в каждом из них опять-таки много государств» (Plato. De Rep., 423 A. Пер. А.Н.Егунова).

Реакцией на происходящие события было ослабление полисного патриотизма, нарушение традиционных связей гражданина с государством. Экономические интересы некоторых кругов населения стали выходить за узкие рамки полиса. Лисий упоминает о людях, которые держатся убеждения, что всякая страна, где они имеют средства к жизни, им отечество, о людях, готовых пожертвовать благом отечества ради личной выгоды, так как они считают своим отечеством не государство, а богатство (Lys. XXI, 6).

Рост аполитичности граждан не всегда был обусловлен их имущественным положением, во всяком случае, Исократ и Демосфен не связывают его с социальной дифференциацией, когда возмущаются равнодушием афинян к судьбе своего города. Многие из граждан, говорят они, даже не дают себе труда принять личное участие в войне за собственные интересы, пренебрегают военными обязанностями, если не получают за них деньги.

Наемничество, расцвет которого приходится на IV в., безусловно, способствовало разрыву связей гражданина с полисом, недаром наемников называли людьми, лишенными родины. Подолгу отсутствуя в родном государстве, сражаясь за интересы чужих полисов, а иногда и иноземных правителей, они постепенно отходили от полисной системы ценностей, все больше ориентируясь на связь с соратниками и командирами, на получаемое жалование [Lengauer, 1979].

В городах все чаще стали появляться полководцы и политические деятели, противопоставляющие себя гражданскому коллективу, опирающиеся на находящиеся в их подчинении вооруженные силы [Фролов, 1972б]. В Афинах выдвинулся родственник Перикла Алкивиад. Этот выходец из знатного и богатого рода сочетал выдающиеся способности с таким же выдающимся честолюбием. В описании Плутарха он предстает противоречивой личностью, обладающей причудливым сочетанием самых различных качеств. Одаренный полководец, оказавший Афинам

много услуг, он пользовался там необычайной популярностью, многие полагали, что это будет им использовано для захвата единоличной власти. Когда неудачное стечение обстоятельств заставило Алкивиада покинуть Афины, он обратился к их заклятому врагу Спарте, затем изменил и Лакедемону, попытался снова поладить с Афинами и по наущению своих политических врагов был убит в Малой Азии.

Отдавая должное способностям Алкивиада, Плутарх подчеркивал две основные черты его характера — жажду первенства и победы во всем, а также беспринципность, связанную с поразительной гибкостью, «стремительностью превращений он оставлял позади даже хамелеона... Алкивиад, видел ли он вокруг добрые примеры или дурные, с одинаковой легкостью подражал и тем и другим» (Plut. Alc., XXIII, 15. Пер. С.П.Маркиша). Ему было все равно, где первенствовать и какой ценой достичь первенства. Яркая личность Алкивиада дала, пожалуй, чуть ли не первый пример сознательного противопоставления гражданина государству из соображений честолюбия.

Второй пример — спартанский полководец Лисандр, о котором шла речь в начале главы. На протяжении долгого времени он был командующим спартанскими войсками, на заключительном, решающем этапе Пелопоннесской войны одержал блестящие победы и приобрел широкую известность не только в Лакедемонии и среди спартанских союзников, но и во многих полисах Эллады. Была воздвигнута его статуя, поэты слагали стихи, возник даже культ Лисандра. Как и в биографии Алкивиада, Плутарх отметил у Лисандра прежде всего честолюбие и жажду первенствовать. Источники свидетельствуют, что, используя свою известность и опираясь на войско, Лисандр готовил в Спарте государственный переворот. Он собирался отменить наследственную царскую власть и сделать ее выборной, думая, очевидно, о себе как о первом претенденте на престол. Конец честолюбивым планам Лисандра положила его неожиданная гибель.

Биографии Алкивиада и Лисандра дают достаточно яркие характеристики людей, претендующих на захват власти в полисах, и условий, при которых их притязания имели шансы на успех. Хотя первые попытки кончились неудачей, дальнейшие события показали закономерность подобных тенденций. Установление единоличного правления в греческих государствах приняло такие масштабы, что стало возможным говорить о возрождении тирании, получившей название младшей, в отличие от описанной ранее старшей, которая была образована в VI в. Обе они возникли в критические для полиса периоды, связанные с ломкой установившихся норм и обычаев, с необходимостью обращаться к политическим формам, адекватным экстремальным ситуациям [Фролов, 1972а, б; 1978; 1983а]. Многие полисы IV в. прошли через тиранию в моменты повышенной военной опасности извне,

сильных социальных потрясений, трудностей усиленного экономического и политического развития.

Уже отмечалось, что военное поражение в Пелопоннесской войне привело к установлению в Афинах тирании Тридцати, оставившей о себе самые тяжелые воспоминания, полис был буквально терроризирован. Аристотель утверждает, что тираны «убивали всех, кто только выдавался по состоянию или по происхождению или пользовался уважением» (Arist. Ath. Pol., 35, 3. Пер. С.И.Радцига).

Несколько тиранов сменили друг друга в Фессалии, наиболее известным из них по праву считается Ясон. Он правил, опираясь на сподвижников и шеститысячное наемное войско, которое было предметом его неусыпных забот. Ясон мечтал даже об установлении господства над Элладой и о предводительстве в общегреческом походе в Азию. Под власть тиранов Филомела и Ономарха попала Фокида. В результате политических разногласий между демократией и олигархией в Сикионе стал тираном Евфрон, объявивший себя защитником и вождем народа. В роли сторонника демократии Евфрон пребывал до тех пор, пока не создал послушного себе наемного войска, деньги для этого он получил от продажи конфискованного у олигархов и сторонников Спарты имущества. Как только тиран приобрел мощную военную опору, он сразу же разочаровался в демократическом строе и разогнал народное собрание, распустил демократические органы правления. В Коринфе, соседе Сикиона, аристократ Тимофант попытался обратить себе на пользу противоречия между знатью и демосом, объявив себя другом народа.

Пример тирании, возникшей в результате внешней опасности, дала периферия греческого мира.— Сицилия, над которой висела постоянная военная угроза со стороны Карфагена. В 406 г. карфагеняне активизировались и разгромили союзный Сиракузам город Акрагант, второй по величине полис Сицилии. В Сиракузах началась паника, ею воспользовался молодой полководец Дионисий (в то время ему было 25 лет), соратник Гермocrates. Он сумел добиться доверия народа, и по его инициативе были смещены старые стратеги и выбраны новые, в их числе и сам Дионисий. С помощью интриг Дионисий добился затем назначения себя стратегом с чрезвычайными полномочиями, стратегом-автократом.

Он провел частичный передел собственности. После подавления направленного против него восстания он конфисковал имущество мятежников и часть его подарил друзьям, часть разделил между командирами пассивных отрядов, часть отдал рядовым наемникам и гражданам. При Дионисии в Сиракузах появились неополиты, новые граждане. Ими стали рабы погибших участников заговора, получившие свободу и гражданские права.

Конфликтные ситуации, возникавшие в Элладе, усиливались благодаря вмешательству в греческие дела соседних варварских

государств. Персия, например, поддерживала борьбу полисов за гегемонию, оказывая помощь то Афинам, то Спарте (Xen. Hell., I, 1, 14; II, 1, 10—14; IV, 1, 32; 2, 11; 8, 1; V, 28—31; Isocr. Phil., 42). В свою очередь, эллины стали вмешиваться во внутренние дела персидских царей, совершать военные походы на азиатскую территорию — походы Клеарха и Агесилая.

Писатели IV в. охотно использовали Персию как средство для очернения политических противников. Проспартански настроенный Ксенофонт утверждал, что царь подкупил Фивы, Коринф и Аргос для борьбы с лакедемонянами (Hell., II, 5, 12). Погром (σφαγή) в Коринфе он тоже приписывает врагам Спарты, подкупленным персидским золотом (Xen. Hell. IV, 4, 2), умалчивая в данном случае о том, что тем же золотом пользовалась и Спарта. Зато мимо этих фактов не прошел Исократ, напомнивший, что Лакедемон вел войну на средства персов (Isocr. De Pace, 97).

Таким образом, мы наблюдаем двойственное отношению греков к персам. На практике враждующие стороны чрезвычайно охотно прибегают к персидской помощи (Ксенофонт подробно рассказывает об унижениях, которые приходится терпеть греческим послам, о затягивании выплаты обещанных средств, о выплате суммы, значительно меньше оговоренной и т.п.). Благодаря такой политике за Персией признается право диктовать порой свою волю Элладе, а авторитет царя служит веским подкреплением тех или иных положений.

В области психологии преобладало презрительное отношение к варварам и убежденность в моральном превосходстве греков. Представление о возможности легкой победы над персами кроме всего прочего было связано с тем, что персидский царь оказывал поддержку не воинами, а деньгами. Благодаря денежной помощи Персии развивалось и укреплялось мнение о несметных богатствах Азии (оно было высмеяно еще Аристофаном в «Ахарнях») (Aristoph. Acharn., 60—62). Мысль о необходимости извлечения доходов из Персии, о примирении воюющих полисов для похода в Азию буквально «носились в воздухе».

В сфере экономики источники дают совсем немного материала, здесь мало прямых данных, чаще всего приходится прибегать к косвенным свидетельствам. Такая ситуация обусловила расхождение во взглядах ученых на многие кардинальные вопросы и не дает возможности реконструировать относительно цельную картину [Андреев, 1983; Глускина, 1975; Глускина, 1983; Казакевич, 1958; Brun, 1983; Finley, 1952; Hanson, 1983].

Несмотря на ущерб, причиненный войнами сельскому хозяйству, земледелие оставалось широко распространенным и достойным гражданина занятием. Правда, в источниках появились сведения об обеднении крестьянства, участились случаи продажи и заклада земли. На этом основании в исследовательской литературе была выдвинута гипотеза, что Пелопоннесская война стала для земледелия важным рубежом, что произошел «аграрный пе-

реворот», выразившийся в массовом разорении крестьянства и концентрации земли в руках немногих богатей.

В последнее время такая точка зрения все чаще подвергается критике. Ее противники, опираясь в основном на новые археологические открытия, давшие массовый эпиграфический материал, приходят к выводу, что земельная собственность в то время распределялась равномерно и нет никаких оснований говорить об обезземеливании сельского населения в широком масштабе. Хотя трудно определить интенсивность и размах операций по купле-продаже земли в IV в. и соотнести их с V в., они скорее всего не были таких размеров, чтобы привести к существенным изменениям в экономике полиса и повлиять на его традиционную структуру.

Точно так же и усиливающаяся в ремесленном производстве концентрация мастерских не означала изменения способа производства. Доходы, получаемые их владельцами, очень редко шли на расширение производства, они либо накапливались, либо шли на ростовщические операции.

Более широкое, чем в V в., распространение получили кредитно-денежные операции. Благодаря возрастанию обмена и усилению роли денег, значительное место в экономике заняла фигура трапезита (Dem. XXXIII, 6; XXXIV, 51; XXXV, 1; XXXVI, 3 и сл.; XXXVII). Трапезиты выступали одновременно как хранители вкладов, посредники при платежах, заимодавцы, пуская в оборот как собственные средства, так и деньги вкладчиков. Они проявляли большую активность и, несомненно, способствовали оживлению товарооборота. Вместе с тем примитивность их денежных операций, отсутствие разработанных юридических категорий, ограниченность деятельности лишь какой-нибудь определенной областью Греции не позволяют считать, что этот институт был способен удовлетворить растущие денежные и экономические потребности общества. Скорее здесь можно говорить о несоответствии темпов развития процесса формам, в которых он выражался.

В Афинах IV в. в центре внимания стояла хлебная торговля и связанные с ней проблемы. В тяжелые для полиса моменты особенно процветала хлебная спекуляция. В судах шли связанные с ней бесчисленные процессы. До нашего времени дошла одна из речей оратора Лисия, направленная против хлебных торговцев, нарушавших законы. Обращаясь к согражданам, Лисий восклицает: «Когда вы всего более нуждаетесь в хлебе, они вырывают его у вас изо рта и не хотят продавать, чтобы мы не разговаривали о цене, а были бы рады купить у них хлеб по какой ни есть цене. Таким образом и во время мира они держат нас в осадном положении» (Lys. XXII, 15. Пер. С.И.Соболевского).

Трапезиты, афинские «банкиры», у которых находились деньги и ценности не только мелких торговцев, но и богатей, способствовали концентрации денежного капитала, укреплению межполисных торговых связей. Усиленно развивались также товарно-

денежные отношения, в экономике увеличился удельный вес торгово-ремесленных слоев, возросло значение метеков и отпущенников.

О дальнейшем развитии товарных отношений в IV в. свидетельствует интенсивный экономический и политический рост греческих городов в Сицилии, Южной Италии, упрочение их позиций, расширение рынков сбыта, увеличение торговли. Тем не менее военные действия накладывали свой отпечаток на экономику, на благосостоянии полисов не могли не сказаться частые случаи разорения и опустошения.

Экономика Афин в этом плане не очень типична, так как город получал привозной хлеб, но и в Афинах постоянно встречаются жалобы на обеднение. Даже отбросив характерные для источников преувеличения, следует отметить, что число бедняков и людей без определенных занятий возросло по сравнению с периодом Пентеконтаэтии. Исократ сообщает о тяжелом положении Афин, Спарты, Аргоса и Фив (De Pace, 20, 92; Phil., 47—55). Ксенофонт пишет о войне, мятежах и голоде на Фасосе, разорении Коринфа (Hell., I, 4, 9; IV, 4, 1). В речах Исократ неоднократно встречаются ссылки на несчастья, причиненные войной всей Элладе.

Сам способ ведения войны требовал значительных расходов. Л.П.Маринович, исследуя применение наемников в Пелопоннесской войне, доказала, что если раньше война рассматривалась в основном как источник военной добычи, то теперь для ее ведения надо было обладать определенной финансовой мощью [Маринович, 1968]. П.Видал-Наке подчеркивает, что на военные действия стали затрачиваться большие деньги [Vidal-Naquet, 1968, с. 173].

Для ведения войны и оплаты наемников государства должны непрерывно изыскивать средства: источники получения денег у них самые разнообразные. Афины, например, прибегали к казне союзников; и Спарта и Афины широко использовали персидские субсидии, другой источник — захват добычи и взимание дани. Часто в желании получить средства для ведения войны государства и отдельные личности не останавливались ни перед чем (Xen. Hell., II, 4, 43; VII, 41; Diod. XV, 70, 3; XVI, 24).

Урон, наносимый экономике полиса содержанием наемников и затратами на военные действия, породил определенную тенденцию к стабилизации положения в государстве за счет тех же войн. Спартанец Телевтий сказал, что благодаря победе над врагом можно добыть и пропитание и славу (Xen. Hell., V, 1, 17), а Ясон надеялся получать средства, воюя с народами материка (Xen. Hell., VI, 1, 12). Исократ строил будущее Греции на войне с Азией, надеясь, что захваченные земли и добыча укрепят экономику и прекратят социальные и политические распри.

Но это была лишь одна из тенденций, существовала и другая, обусловленная вредным влиянием военных действий на доходы государства. При описании ущерба, нанесенного врагами, мы

встречаем упоминания о вырубленных деревьях и сожженных домах, опустошенных жилищах (Хер. Hell., I, 22—27; VI, 2, 6; Diod. XV, 64, 6).

Потеря одного урожая могла быть восстановлена, но потеря двух уже губительно отзывалась на экономике небольших полисов. Особенно тяжело приходилось городам, в которых не были достаточно хорошо развиты ремесло и торговля. При этом наиболее разрушительными считались следующие действия — марш войск через поле, разрушение сельскохозяйственных построек и захват рабов и, наконец, самое серьезное — разрушение винных погребов и вырубка фруктовых деревьев, на которые затрачивался труд поколений.

Порой военные действия угрожали прервать приток продовольствия или нарушить одну из статей дохода. Так, отчаянная борьба Афин за Византий во время Пелопоннесской войны объяснялась двумя причинами — желанием обеспечить бесперебойную доставку хлеба и нежеланием отказаться от дохода, получаемого с пошлин.

Приведенные факты лишь в самых общих чертах передают ту тревожную атмосферу, которая царила в Греции. Она не могла не оказать влияние на жизнь и психологию греков, на их философию, политические и социальные концепции, на способы решения конфликтов. Исократ здесь не был исключением.

Глава 3

ПРИНЦИПЫ РИТОРИКИ И ЗАКОНЫ ИСТОРИИ

...природа слова такова, что одно и то же можно изложить разными способами: великое представить незначительным, а малое возвеличить, старое представить новым, о недавних событиях рассказать так, что они покажутся древними.

Исократ. Панегирик, 8

Исократ не был оратором в прямом значении этого слова, так как никогда не произносил своих речей с трибуны, а практика оратора предполагает непосредственное общение с аудиторией. Кроме того, он, как правило, долго и тщательно отделял свои произведения, что исключало быструю реакцию на происходившие события. Тем не менее форма и содержание речей сближают Исократу с политическими ораторами, поэтому в исследовательской литературе он фигурирует как оратор. Мы принимаем этот традиционный термин и будем пользоваться им в работе, хотя считаем необходимым подчеркнуть, что условность определения имеет более принципиальное значение, чем может показаться на первый взгляд.

Речи Исократу не были обычной апелляцией к Народному собранию, с самого начала они предназначались для чтения, что способствовало уменьшению в них эмоциональной и увеличению логической аргументации: Речи его современников — Демосфена, Эсхина, Гиперида, Ликурга — существенно отличаются от того, что написал Исократ. Их тематика гораздо более узкая и не конкретная, анализ ситуации, как правило, не выходит за рамки непосредственных причин события, предлагаемые меры носят сиюминутный характер. Причина столь резкого различия, видимо, в том, что устная коммуникация более ориентирована на эмоциональное воздействие, в распоряжении оратора, выступающего с трибуны, находятся такие действенные средства влияния на чувства, как мимика, жесты, интонация (недаром некоторые мастера красноречия брали уроки у профессиональных актеров). Всего этого лишен публицист, вынужденный компенсировать их отсутствие другим способом.

Чтобы достичь желаемого эффекта, написанная речь должна увеличить число и внутреннюю интенсивность рациональных доводов, апеллировать к разуму в большей степени, чем к чувствам. Это обстоятельство и некоторая замедленность отклика Исократ на политические изменения, возможность тщательно отделять и обдумывать свои речи привели к тому, что теоретический план в его произведениях выступил более отчетливо, нежели у других ораторов, оказался менее связанным с конкретной ситуацией.

Одним из условий хорошо составленной речи сам Исократ считал степень важности затронутых в ней проблем, видя в этом принципиальное отличие политического красноречия, посвященного «государственным делам, делам эллинов и царей», от пустых тем, частных сделок и прочих сюжетов, о которых несут вздор другие, желающие болтать понапрасну (Isocr. Panath., 11; Paneg., 4; Phil., 3). Конкретизируя свой тезис, он включает в круг интересов политического оратора вопросы внутренней и внешней политики Афин и других полисов, проблемы, стоящие перед единовластными правителями, и определение позиции греческих городов по отношению к соседним «варварским» государствам (Isocr. Paneg., 17; Phil., 4, 13, 28, 94). Это подчеркнутое внимание Исократ к значительности темы речи представляется нам одной из его особенностей, которая стала важным компонентом в жанре политической публицистики.

Необходимо отметить и явную склонность оратора обращаться к конкретным фактам в основном как материалу для теоретических построений, видеть за отдельными акциями определенные политические и социальные тенденции — явление довольно редкое в ораторской практике. Теоретические взгляды выдающихся представителей искусства убеждения во многом остаются для нас загадкой; хотя неоднократно предпринимались попытки их реконструкции, полученные результаты выглядят ненадежными. Замыслы и концепция оратора как политического деятеля обычно не полностью адекватны мыслям, высказываемым им в речах. Чтобы убедить слушателей и иметь у них успех, выступающий должен говорить на доступном им языке, ориентироваться на их психологию и восприятие мира, использовать укоренившиеся стереотипы, манипулировать общеизвестными фактами, иначе он просто не будет понят. Афинское народное собрание («люди на площади») состояло отнюдь не из интеллектуалов, обращаясь к нему, было бесполезно ссылаться на философские постулаты или разворачивать стройную программу. Поэтому взгляды любого политического оратора всегда будут сложнее и глубже, чем те, которые высказаны в речи. Однако выявить их нелегко, проблема соотношения пропаганды и теории государства или его политики остается, по существу, неразработанной.

Исократ составляет здесь исключение, хотя и его концепция таит в себе много неясностей и возможностей различного толкования. Все же не столь очевидная, как у других ораторов, ориентация на вкусы и желания слушателей, отсутствие боязни утомить их пространными рассуждениями дают о себе знать. Это можно

видеть на примере описания Ареопага, которое используется для изложения взглядов на принципы государственного устройства. Другой конкретный сюжет — вопрос о необходимости окончания Союзнической войны — интерпретируется как проблема «правильной» и «неправильной» внешней политики. Характеристика отношений, сложившихся у полисов с Персией и Македонией, превращается в трактат о критериях отбора врагов и союзников, об оппозиции эллинов и варваров. Констатируя факты, Исократ стремится проследить их причинно-следственную связь. Так, тяжелое социально-экономическое положение Афин, их неудачную внешнюю политику он считал закономерным порождением неверных принципов взаимоотношений с другими полисами (Isocr. Areopag., 6—7, 10—12, 16—17, 51—52, 65, 68—69; 81; De Pace, 3—5, 9, 12, 14, 38, 53, 59, 95—100, 126—128; Paneg., 18, 64, 115—117, 123, 125—126; Phil., 30, 40, 43—55; 60—61, 87, 90, 95, 97, 148), причем обе проблемы рассматриваются во взаимосвязи¹. Аналогичный подход наблюдается, когда автор предлагает избавиться от всех бед настоящего путем завоевания Азии и, тщательно разрабатывая эту концепцию, выстраивает свои доводы в стройную и логичную систему (Isocr. Areopag., 6; Paneg., 17, 34, 119, 132—137, 139, 150—151, 155, 174, 185; Phil., 9—10, 42, 86—92, 95—127, 130, 133—143, 153—154).

С этих же позиций рсшает Исократ и экономические вопросы, трактуя их как соотношение частного и всеобщего. В речах проводится сопоставление и даже идентификация индивидуального и государственного владений, автор исходит из посылки, что первое служит уменьшенным прототипом второго, поэтому за неустойчивостью состояний афинских граждан он видит общее неблагополучие социально-экономической политики полиса² (Isocr. Areopag., 6, 14, 24, 31, 36, 53, 73; De Pace, 4, 13, 23, 26, 30, 52, 55, 63, 84—85, 130, 133).

Повышенный интерес оратора к теории отразился и на его терминологии. Э.Миккола отметил недогматичность Исократа в данной области и сделал вывод о необходимости не только изучения первоначального значения слова, но и его исследования в контексте [Mikkola, 1954, с. 194]. Анализ некоторых терминов в речах оратора показывает неоднозначность их содержания. Выра-

¹ Тезис о связи взглядов Исократa на внутреннюю и внешнюю политику полиса был выдвинут В. Йегером [Jaeger, 1940, с. 425 и сл.] и поддержан К.Брингманом [Bringingmann, 1965, с. 62 и сл.].

² Интерес автора к политической и социальной теории достаточно убедительно демонстрирует «Кипрский цикл» (речи, посвященные «делам царей»), имеющий важное значение для понимания его взглядов на государственную организацию, поисков оптимального управления полисом. Э.Д.Фролов [Фролов, 1969] выдвинул интересный и, безусловно, верный тезис о связи «Кипрского цикла» с внутренними проблемами полиса. Следует также отметить прослеженную Т.А.Миллер [Миллер, 1967] связь между представлениями Исократa о благе единовластия и конкретными политическими задачами, перечисленными в его письмах различным правителям.

жение *pátrios politikéia* употребляется для обозначения комплекса понятий, в который входят самые разнообразные проблемы — религии, морали, политики, экономики, воспитания. Слово *árxē* («власть», «начало»), примененное для обозначения власти на море (*árxē tēn katà thaláttan*), Исократ трактует как начало несчастий полиса, полагая, что установление морского могущества стало началом бед для Афин³. Морская держава, оцениваемая резко отрицательно, противопоставлена гегемонии на суше (*hēgemonia kata gēn*) — типично спартанскому преимуществу, так как Лакедемон славился боеспособностью и дисциплиной именно армии. Отличительными чертами сухопутного преимущества признаются дисциплина и выносливость, контрастирующие с наглостью и беспашанностью, характерными для морской державы (Isocr. De Pace, 48, 66, 86, 93; Phil., 60). Эти два варианта межполисных отношений существуют в двух видах — как конкретные союзы и как абстрактные принципы, положенные в основу государственных альянсов. Власть на море служит воплощением несправедливого начала, проявляющегося в подавлении полисом-гегемоном более слабых греческих государств, гегемония на суше признается справедливым объединением, основанным на признании независимости всех эллинских полисов (De Pace, 30, 42, 96, 101, 138). Доминирующей для своего времени Исократ считал политику типа *árxē tēn katà thaláttan*.

Термины *eúnoia* и *dyonoia*, содержание которых будет рассмотрено далее, применяются оратором при рассмотрении как практических, так и теоретических проблем.

Продолжая мысль Э.Миккола, мы считаем необходимым отметить полифункциональность политической терминологии Исократа. Оратор обычно использует слово в трех вариантах — его первоначальном значении, значении, определенном актуальной речевой ситуацией, и теоретическом значении. Последний вариант будет наиболее емким и сложным, связанным не только с двумя первыми употреблениями, но и с общими положениями полисной идеологии, что позволяет проследить некоторые аспекты политической пропаганды и соотнести теоретические догмы с практической политикой.

Следующая характерная черта творчества Исократа — активное использование этических категорий, зачастую применяемых при анализе политических и экономических событий⁴. Они при-

---

³ Этот прием отмечен в «Риторике» Аристотеля (Arist. Rhet., III, 11, 35) как удачный образец обыгрывания значения слова. Следует отметить, что *árxē* выступает в двух качествах — как понятие и как название Афинской морской державы.

⁴ На эту особенность Исократа одним из первых обратил внимание Э.Миккола [Mikkola, 1954, с. 251], подчеркнув, что к решению политических вопросов оратор подходит с этических позиций.

дают его положениям эмоциональную окраску, особенно заметную в негативных аргументах. Оратор порицает аморальность сограждан в «Ареопагитике», считая ее одной из причин неправильного управления городом (Isocr. Areopag., 39—43). С этих же позиций он осуждает внешнюю политику Афин, объясняя, что стремление к господству над другими полисами несправедливо, подобные действия приравниваются им к тирании (Isocr. De Pace, 26, 58, 91, 108). Поэтому неудачи, постигшие город, закономерны для него не только в политическом, но и в моральном плане: как тиран карается несчастливой личной жизнью за беды, причиняемые другим, так и государство, построившее свою политику на подавлении эллинов, должно понести наказание (Isocr. De Pace, 110—115). Аналогичный прием используется оратором, когда он убеждает Филиппа Македонского не покорять силой греческие города (Isocr. Phil., 105—108).

Применение Исократом оценок с точки зрения морали прослеживается не только в доводах, направленных на осуждение какой-либо тенденции, они могут выступать и побудительным мотивом. Помимо аргументов экономической целесообразности завоевания Персии оратор подчеркнул несовместимость морали эллинов и варваров, установив прямую зависимость между конфликтом моральных ценностей и политическим конфликтом (Isocr. Paneg., 151—152; Phil., 76, 90, 100—104, 124—125, 137, 139). Это позволило Исократу по мере необходимости придавать одному и тому же понятию и положительное и отрицательное значение; например, так он подходит к решению вопроса о доходах, полученных путем присвоения чужого имущества, эксплуатации других государств. Оратор категорически отвергает такой подход внутри полисного коллектива (Isocr. Areopag., 30, 35; De Pace, 20, 128, 130), считает ошибкой экономическое преимущество, полученное одним греческим государством за счет другого, находящегося в пределах Эллады (Isocr. De Pace, 26, 29—30, 58, 66, 70, 74), но всячески приветствует грабеж негреческих этносов, провозглашает добычу, которую можно захватить в Персии, единственным средством спасения Эллады (Isocr. Paneg., 17, 34, 119, 134; Phil., 9, 130, 132). Интерпретация антитезы «свое — чужое» зависит у него от того, распространяются или нет на обладателей чужого имущества этические нормы эллинов. В тех случаях, когда речь идет о соотечественниках, присваивать чужое постыдно, захватить же имущество «варваров» не только возможно, но и почетно.

Морализирующий тон произведений Исократа соответствует общему направлению греческой публицистики IV в. [Romilly, 1954], значительную роль сыграл также подход оратора к политике и экономике не только как теоретика, но и как ратора, которому для воздействия на аудиторию необходима апелляция к ее моральным ценностям. Но даже среди других ораторов Исократ выделяется своим пристрастием к этической характеристике

фактов. Дж. Кеннеди отмечает, например, что ни у одного из них не развит до такой степени моральный синтез аргументов [Kennedy, 1963, с. 83]. Высокая концентрация моральных определений порой даже маскирует у него политическую направленность речей. Так, «Ареопагитик» долгое время расценивался как трактат, посвященный вопросам морали и воспитания, и новая точка зрения, предложенная В.Йегером [Jaeger, 1940], до сих пор разделяется не всеми учеными [Bringmann, 1965; Gillis, 1970; Momigliano, 1934; Romilly, 1954].

Три обстоятельства, на наш взгляд, имели решающее влияние на возрастание роли моральной аргументации в речах Исократ. О первом из них мы уже упоминали — общая тенденция времени, вызванная, очевидно, невозможностью оценивать происходящие события только в классических полисных нормах. Так как была настоятельная необходимость объяснения политических и социальных явлений, которыми так богат IV в., а традиционная полисная модель не соответствовала целому ряду фактов и тенденций, на сцену выступили моральные категории в качестве замещающих компонентов политических, юридических, философских дефиниций, как определенный регулятор общественных отношений в период кризисных ситуаций.

Два последующих обстоятельства связаны с первым и имеют более локальное значение, они определяются проблематикой речей. Из тем, затронутых в произведениях Исократ, особенно интенсивной морализирующей окраской выделяются сюжеты, относящиеся к прошлому государства, и вопросы, касающиеся межполисных отношений.

Восхваление высоконравственной жизни предков противопоставлено аморальности современного оратору общества и выступает в роли недостижимого утраченного идеала; изменение привычных норм полисной жизни содействовало их идеализации как попытке бороться с инновациями при помощи традиционных представлений. Специфика подхода Исократ к решению данной проблемы состоит в том, что он переносит моральные нормы индивида на государство⁵ и расценивает неверные политические действия как нарушение этических правил, обязательных для полиса в такой же степени, как и для частных лиц.

В.Йегер считает оратора создателем нового морального кодекса и видит в «Ареопагитике» гениальную попытку связать изменение человека с изменением структуры государства. Данное определение представляется правильным, но смещающим акценты с широкой проблемы на более узкую, так как особенность «Ареопагитика» состоит прежде всего в тесном слиянии политических и моральных категорий при оценке полисной организации. Использование этических оценок, выработанных полисной идеоло-

---

⁵ Эта особенность Исократ была отмечена Ж.Матье [Mathieu, 1925, с. 13], а также Т.А.Миллер [Миллер, 1975, с. 33].

гией для индивида, и постоянное соотношение моральных качеств гражданина и государства вызваны отсутствием в традиционной системе нужных Исократу дефиниций, поэтому он приспособляет для своих целей те, которые имеются в его распоряжении.

Синтез моральных и политических принципов при характеристике политики государства отчетливо проявился в проблеме межполисных отношений — интерпретация ее оратором заслуживает особого внимания. Его взгляды обусловлены одним из существенных изменений в политической истории Греции IV в. — увеличением числа полисов, претендующих на роль лидеров. Если в конце V в. межгосударственная политика определялась в основном двумя государствами-гегемонами, Афинами и Спартой, то в первой половине IV в. конфронтация расширилась. В борьбу за первенство включались уже не отдельные полисы, а целые союзы, они и определили важнейшие проблемы политической жизни Эллады: принципы взаимоотношений союзников внутри коалиций и отношение коалиций друг к другу.

Исократ разрабатывает основы политической морали именно для крупных объединений, интерпретируя силу и могущество государства (*δύναμις*) не только как военно-политический потенциал, но и как моральный авторитет. Слово *δύναμις* приобретает положительное или отрицательное значение в зависимости от политики полиса-гегемона по отношению к союзникам и другим греческим государствам. Рассматривая роль Афин сначала в Архэ, потом во Втором афинском морском союзе, оратор приходит к выводу, что полис поступал несправедливо. Несправедливость (*ἀδικία*) выразилась в том, что он «захватил в свои руки право из многочисленных существующих государств одни разрушить, другие возвеличить, третьи устраивать по своему усмотрению» (*ἀλλὰ μὴν οὐδ' ὅτι πόλλων πόλεων ἐξουσίαν ἔλαβε τὰς μὲν ἀναστάτους ποιῆσαι, τὰς δ' αὐξῆσαι, τὰς δ' ὅπως ἡβουλήθη διοικῆσαι* — Phil., 146. См. также Isocr. De Pace, 16, 62—69, 79, 83, 96).

Преобладание лидирующего полиса в межполисном объединении оказалось тесно связанным с конфликтом между моралью и успехом, правом и силой, или, в интерпретации Исократа, между справедливостью (*δίκαιον*) и пользой (*συμφερον, ὠφέλεια*). Его непосредственным предшественником в этой области был Фукидид, впервые выдвинувший тезис о моральных нормах в политике больших полисных коалиций, в частности в афинской Архэ. Вряд ли такое совпадение случайно, скорее можно предположить, что речь идет о необходимости объяснения и легализации какой-то общей тенденции, одинаково важной для конца V и середины IV в. Мы считаем этой тенденцией настойчивые поиски греческими государствами основ, на которых могли бы строиться межполисные отношения, регулируемые уже не только «всеобщими законами» (*κοινὸι νόμοι*) и определенными правилами ведения войны. Полисы нуждались в правовой разработке

своей внешней политики, ее фиксации в уставах коалиций было недостаточно, требовалась теория, подобная теории внутреннего устройства государства, которая при разнообразии вариантов имела бы свой понятийный и фразеологический аппарат.

Первые шаги в данном направлении были сделаны не философами, а историком и публицистом, причем Фукидид и Исократ подходили к проблеме с разных позиций и ставили разные цели ее разрешения, но тем не менее оба выдвинули одну и ту же антитезу. На наш взгляд, такая унификация объясняется одной общей причиной — недостаточной расчлененностью морального и правового сознания в межполисных нормах, что не мешало им справляться со своей функцией регулятора на более ранних этапах истории Эллады. Пелопоннесская война изменила положение, показав насущную необходимость более четких правовых дефиниций. В процессе становления категории права несли на себе немалую долю признаков, свойственных моральным категориям, заставую их даже трудно разделить. В.В.Оранский убедительно показал это на примере «Истории» Фукидида, хотя трудно согласиться с его конечным выводом о том, что *dikaion* в V в. «превращается в право со всеми характерными его чертами» [Оранский, 1942, с. 85]. Возникновение антитезы «польза — справедливость», равно как и оценка внешней политики полисов в терминах морали, были закономерным начальным этапом в становлении теории межполисных отношений (которая так и не получила завершения).

Фукидид и Исократ по-разному реагируют на антитезу. Если у Фукидида внимание направлено на то, чтобы подчеркнуть несовместимость двух понятий (особенно отчетливо эта тенденция проявилась в «Мелийском диалоге» — *Thuc. V, 85—112*), то Исократ пошел по другому пути — уничтожения противоречия. Стремление снять антитезу диктовалось конкретной политической ситуацией. Оратор неоднократно подчеркивал, что попытка Афин получить длительное политическое преобладание в Элладе путем насильственного подчинения полисов успеха не имела, более того, удаchi в предприятиях подобного рода не могли добиться и соперничающие государства, их лидерство было кратковременным. Исократ противопоставляет господство и справедливость в критический для города момент, когда стало ясно, что Союзническая война проиграна. Критикуя сторонников ее продолжения, он выдвинул тезис о конфликте пользы и справедливости в политике, приведший государство к плачевному результату (*Isocr. De Pace, 31—34*). Затем оратор объясняет, что конфликт мнимый и вызван неверной трактовкой понятий: по-настоящему несправедливость не может быть выгодна, так как ведет к получению преимуществ на короткое время, а справедливость гарантирует длительный период благоденствия (*Isocr. De Pace, 31—35, 63, 66*). Он сурово осуждает людей, которые не понимают, что «ни-что не соответствует материальной выгоде, доброй славе, пра-

«вильному образу действий и вообще благополучию в такой степени, как добродетель со всем, что в нее входит» (Isocr. De Pace, 32. Пер. Л.М.Глускиной).

Исократ использует антитезу «сила — справедливость» лишь в тех случаях, когда она ему выгодна, его мораль тесно связана с политической ситуацией и меняется в зависимости от нее. В речи «О мире» он возмущается афинской политикой угнетения союзников и стремлением города к господству над Элладой как факторами, послужившими причиной поражения государства в войне (Isocr. De Pace, 19—22, 28—29, 64—66, 79—80). В «Панегирике», произведении, написанном при другой политической обстановке, автор утверждает, что действия города по отношению к союзникам были справедливы, они процветали, а пострадали лишь враги (Isocr. Paneg., 20, 80—81, 100—103, 115). Это опосредование морали политическими и экономическими нуждами делает ее подвижной, нестабильной. К.Брингман удачно определил мораль Исократа как утилитаристскую и подчеркнул, что она у него — средство для успеха [Bringmann, 1965, с. 69 и сл.].

Влияние ситуации на моральную оценку характерно для оратора при любых сюжетах, он применяет этот подход не только при решении внутригреческих дел, но и при взаимодействии моральных систем эллинов и варваров. Если пропаганда антиперсидского похода побуждает его подчеркивать их несовместимость, то угроза македонского завоевания приводит к тому, что он убеждает Филиппа действовать в нормах эллинской морали, при помощи которой доказывает ему несправедливость насильственного подчинения полисов⁶.

Наряду с подвижной шкалой моральных ценностей, представляющей в распоряжение оратора гибкую систему доказательств, в его произведениях виден и другой, теоретический уровень морали, на нем было выработано понятие о посредничестве, благодаря которому оказалось возможным уничтожение оппозиции. Идея посредничества предполагала примирение и сосуществование слабого и сильного объектов, их объединение на разумных и справедливых началах, одинаково выгодных для двух сторон. Исократ обозначает посредничество как «благорасположенность» (*εὐνοία*) и «заботу» (*ἐπιμέλεια*), а состояние согласия называет *δμόνοια*. Эти понятия, сохраняя свою стабильность, применяются им при решении конфликтов различных типов, их значение будет рассмотрено далее.

⁶ Хотя отношение к македонянам было несколько иным, чем к персам, они в глазах греков все же не стояли на одном уровне развития с эллинами [Bacop, 1961, с. 6; Mathieu, 1925, с. 11]. Демосфен акцентирует внимание на противопоставлении морали эллинов и македонян (Dem. II, 6—10, 18—20; III, 16; IV, 8—9, 49). Сам Исократ, даже желая всячески польстить Филиппу и называя его причастным к философии, не удержался от намеков на неравенство между греками и македонянами (Phil., 154).

Еще одна характерная черта творчества Исократа — влияние риторических положений на политические, социальные и экономические категории, в которых он оценивает изменения в жизни Эллады. Сложный конгломерат риторики, политики и ситуации был блестяще проанализирован Дж. Джиллисом на двух конкретных примерах — разборе речей «Панегирик» и «О мире». Подобный подход, как мы постараемся показать, заслуживает самого пристального внимания и может быть применен не только при исследовании отдельных произведений, но и интерпретации речей оратора в целом.

Удачное соединение Исократом положений ораторской теории с политической реальностью наглядно выступает в использовании им термина *καιρός*, который имеет свою историю. При упорядочении софистами языковых средств для словесного искусства ими были установлены формальные критерии *ορθότης* «правильности» на грамматическом уровне и *καιρός* «своевременности» на стилистическом; применительно к ораторской речи второй термин означал, очевидно, использование доводов, уместных в данном произведении [Миллер, 1975, с. 41]. *Καιρός* может быть трактован и как адаптация речи к изменчивости жизни, психологии говорящего и слушающего [Kennedy, 1963, с. 67]⁷.

В.Штайдле обратил внимание на *καιρός* как на центральный пункт учения Исократа, но понятие учения ограничено у него рамками педагогики [Steidle, 1952, с. 264]. Нам представляется целесообразным подчеркнуть многозначность термина, что позволяет использовать его одновременно и в риторической концепции, и в политической теории, причем оба аспекта тесно связаны. *Καιρός* у Исократа превратился в инструмент, помогающий оратору приспособить свою речь к сложившейся ситуации, при его посредстве автор определяет способ оформления идеи, структуру аргументации, отбирает и оценивает факты. В то же время *καιρός* отражает неустойчивость и резкие колебания в политической жизни Эллады, ориентацию на удачные обстоятельства, которые могут изменить существующее положение в благоприятную сторону. В качестве комплекса удачного момента и удачных методов для оправдания курса действий *καιρός* у Исократа становится одной из основных установок его политической концепции, приемом пропаганды и методом построения речей. Вероятно, это понятие имеет большое значение не только для творчества Исократа, но и для изучения и понимания особенностей политического красноречия в целом, так как объясняет механизм интерпретации фактов и тенденций в ораторской речи.

---

⁷ Характерно, что *καιρός* в значении счастливого случая был персонализирован — известна статуя Лисиппа под названием *Καιρός* [Webster, 1956, с. 103].

Не меньшее значение для публицистики Исократа имеет другое понятие — *δόμματα τῶν πολλῶν* — «мнение большинства», также связанное с риторикой. Установление контакта с аудиторией, приспособление к ее настроению, желание снискать одобрение слушателей и читателей были важной и необходимой чертой ораторской практики. Исократ не ограничивается обращением к читателю как к конечному арбитру в искусстве слова, а переносит этот принцип в область политики [Bringmann, 1965, с. 67; Gillis, 1971, с. 54 и сл.]. Так, он делает важным критерием «правильности» внешней политики государства ее одобрение или неодобрение большинством греческих полисов (Isocr. Antid., 124; Panath., 24, 35, 48, 57, 62, 67—68, 105; Paneg., 26, 75; Phil., 49, 148; Plat., 40, 43). Пренебрежение общественным мнением он считает опасной тенденцией, которая неизбежно должна привести полис к катастрофе. Свою точку зрения он иллюстрирует примерами действий Афин в Архэ и во Втором афинском морском союзе: когда город навлек на себя ненависть эллинов, его внешнеполитическое положение ухудшилось (Isocr. Areopag., 8, 10, 17, 80—81; De Pace, 42, 78, 125). Закономерность такого явления подтверждается, по мнению Исократа, и изменением внешнеполитического статуса Спарты, чье тяжелое положение он объясняет враждебностью полисов к Лакедемону (De Pace, 100): Хорошую репутацию оратор определяет как залог удаи политики единовластных правителей и полководцев (Isocr. Antid., 121, 133, 138; Euag., 17, 37; 45, 54; Nic., 15; Phil., 68—78). В «Филиппе» Исократ упоминает об Алкивиаде, который хотя и вернулся в Афины с большой славой (*μεγαλὴ δόξα*), однако не получил всеобщего одобрения (*ὐφ' ἀπαντων*), что в глазах автора явно снижает достижения Алкивиада и придает его успехам оттенок авантюризма (Phil., 6).

С термином *δόμματα τῶν πολλῶν* «мнение большинства» тесно связаны два понятия, характеристика которых важна для исследования политического мировоззрения Исократа: *εὐνοία* («благо-расположенность») и *ἐπιμέλεια, εὐεργεσία* («забота», «благодетельность»). Под *εὐνοία*, как доказала Ж. де Ромили [Romilly, 1954, с. 96], оратор подразумевает вид посредничества, соединяющий справедливость и преимущество. На наш взгляд, *εὐνοία* у Исократа всегда противопоставлена *κράτος* («силе»), слову, обозначающему синтез преимущества и несправедливости. Принцип *κράτος* оратор находит в основе построения крупных межполисных объединений V—IV вв. — афинской Архэ, Втором афинском морском союзе и «спартанской державе». Распадение перечисленных альянсов в результате недовольства союзников и остальных полисов наводит автора на мысль о необходимости более гибких, чем прежде, способов управления. Не отказываясь по существу от политики подавления, полис-гегемон, в его представлении, должен позаботиться о придании своим акциям видимости законности и справедливости. В действиях такого рода, политике типа

εὐνοία и должно было помочь искусство слова, способное сформировать благоприятное общественное мнение.

Исократ делает политическую пропаганду важным и неотъемлемым компонентом любых межгосударственных систем, состоящих как из однородных, так и из разнородных элементов. К первым относятся межполисные союзы, ко вторым — альянсы полисов с «варварскими» государствами. Стремление убедить (πειθω) греческие государства в справедливости и разумности политики Афин, их уважении свободы и автономии других городов особенно настойчиво звучит в периоды ослабления их позиции, а военные неудачи побуждают автора поспешно и с готовностью признать ошибки полиса в прошлом и гарантировать их исправление в будущем. Аналогичный случай, т.е. желание изменить неблагоприятную политическую ситуацию при помощи слова, мы наблюдаем в «Филиппе», где оратор приводит многочисленные доводы в пользу мирной и доброжелательной политики Македонии по отношению к Элладе.

В представлении Исократа правильная внешняя политика должна быть основана на проявлении не только доброжелательности, но и заботы. С.Пелмен высказал интересную мысль об употреблении слова ἐπιμέλεια в политической сфере как показателя различия между хорошо организованной державой и тиранией [Perlman, 1967, с. 340 и сл.]. Иными словами, это понятие — критерий, определяющий правильность или неправильность принципов межгосударственного союза. Если к методу убеждения государству следует прибегать скорее в моменты ослабления, то с ἐπιμέλεια мы сталкиваемся в случаях явного политического или экономического преобладания (Isocr. Antid., 13, 116; Archid., 64; Panath., 53, 56, 114—115; Paneg., 57, 104). Как вариант «заботы» в «Филиппе» применяется εὐεργεσία («благодетельность») — поведение, наиболее подходящее для македонского царя по отношению к эллинам (Phil., 20, 32, 36—37).

Таким образом, понятия εὐνοία, ἐπιμέλεια и εὐεργεσία используются Исократом для удачного и гибкого приспособления политической пропаганды к действительности — метод, пригодный для полисной политики в любой ситуации — и благоприятной и неблагоприятной.

К постулатам ораторского искусства относится необходимость блюсти «должное», «надлежащее» (πρέπον, δέον) в композиции речей. Исократ придерживается этого правила в области техники произведений и одновременно делает его своей центральной установкой, которая в значительной степени формирует содержание речей. Ради соблюдения «должного» оратор одни события ставил в центр речи, другие замалчивал, третьи искажал. Показательным примером может служить его отношение к внешнеполитическому положению Афин, теме, фигурирующей почти везде, постоянное внимание к которой несомненно.

Однако в разных речах данная проблема занимает различное место. В периоды, когда были написаны «Панегирик» и «О мире», вопрос о статусе Афин в Элладе стоял чрезвычайно остро, и принципы их взаимоотношений с другими полисами были предметом бурных политических дискуссий внутри города. Эта тема становится основной, все остальные проблемы затрагиваются только в связи с ней и решаются в одном аспекте — могут ли они способствовать или препятствовать ее решению. В произведениях, посвященных другим сюжетам, происходит обратное явление — внешняя политика Афин находится в зависимости от других центральных вопросов, играет подчиненную роль.

Интерпретация фактов у оратора также ориентирована на *δῆον*: в «Панегирике» (380 г.), в речи, которую исследователи, несмотря на отдельные разногласия, все-таки считают прямо или косвенно связанной с образованием Второго афинского морского союза [Миллиор, 1939; Buchner, 1958; Jaeger, 1940, с. 142; Wendland, 1910, с. 135; Willamowitz, 1893, с. 380 и сл.], отчетливо звучит лейтмотив оправдания отношения Афин к союзникам в афинской державе (Архэ) и стремление доказать необходимость нового полисного объединения. Формально автор предлагает возглавить его двум государствам — Афинам и Спарте, но общий тон произведения — усиленное восхваление Афин и противопоставление их гегемонии господству Лакедемона, приведшего к разорению Эллады и усилению в ней противоречий (Isocr. Paneg., 23—72, 115—126), — не оставляет у читателя сомнения в явном предпочтении, оказываемом оратором родному городу⁸. Речь «О мире» (355 г.) написана в период, когда неминуемое военное поражение Афин диктовало целый комплекс проблем, нуждавшихся в скорейшем разрешении, — необходимо ли заключение мира на данном этапе, с кем и на каких условиях, какими принципами следует руководствоваться в дальнейших взаимоотношениях с полисами. Тон Исократа здесь совершенно иной, он резко обрушивается на политику Афин и в Архэ, и во Втором афинском морском союзе, упрекая их в угнетении союзников, вмешательстве в дела других государств и пренебрежении собственными (Isocr. De Pace, 16—35, 41 и сл.).

Об использовании Исократом принципа «надлежащего» универсально свидетельствует его метод исторических ссылок. Даже беглого взгляда на речи оратора достаточно, чтобы заметить, что обращение к прошлому полиса — одна из их отличительных черт. Особенно ясно она видна в «Ареопагитике», «Панегирике» и «Панафинейской речи». Тема эта исключительно важна в историко-ведческом плане, так как речи нередко служат одним из основных источников информации об исторических событиях и свидетельствах ораторов подчас имеют решающее значение. Поэ-

⁸ В общей оценке «Панегирика» мы разделяем точку зрения П. Клоше [Cloché, 1933, с. 132].

тому, как и в отношении прочих исторических источников, проблема надежности сообщаемых сведений выступает здесь на первый план. Маятник доверия ученых к историческим ссылкам ораторов имел удивительно широкую амплитуду колебаний — от не критического использования любых сообщаемых сведений (предполагалось, что ораторы, зачастую выступавшие перед очевидцами событий или оперировавшие общеизвестными фактами, не могли исказить их) до категорического отрицания у них какого бы то ни было представления об истории (после «уличения» ораторов в многочисленных ошибках и неточностях).

История стала для красноречия прекрасным вспомогательным средством, облегчающим достижение цели. О важности ее в этом качестве свидетельствует хорошо разработанная дифференцированная система примеров. Из событий прошлого отбиралось прежде всего то, что ассоциировалось с моральными ценностями, а это превращало историю в эталон, критерий для оценки настоящего. История связывалась не только с настоящим, но и с будущим, так как любая политическая речь была посвящена анализу сегодняшнего дня и прогнозированию завтрашнего. В результате этого прошлое проецировалось не только в настоящее, но и в будущее. Риторическая практика выработала серию приемов эффективной подачи примеров прошлого, умело сочетавших эмоциональность и рациональность. Особенно тщательно выбирались факты из истории Афин, образующие продуманную систему доказательств исключительности данного полиса [Nouhaud, 1982, с. 71—72, 87—88, 103—104].

Следовательно, можно говорить не об оригинальности приема, а о своеобразии его применения у Исократа. Оно отразилось в гораздо более широком по сравнению с речами современников привлечении исторического материала [Blass, 1892, с. 49 и сл.] и в том, что метод параллелей с прошлым приобрел в творчестве оратора принципиально новое качество: из фона, оттеняющего основные положения, он превратился в один из приемов построения речи, прошлое и настоящее стали одинаково активно использоваться для воздействия на читателя. Этому способствовал ряд факторов как общего, так и частного характера. К первой группе можно отнести повышенное внимание к истории, характерное для IV в. Мы уже упоминали о частых исторических ссылках в речах ораторов, превратившихся в общие места, необходимо отметить также активное использование лозунга *πάτριος πολιτεία* («конституция предков») в борьбе политических группировок, не случайно и появление в данный период «Афинской политики» Аристотеля с его вниманием к политической стороне истории города.

В то же время у оратора отсутствует главное условие исторического сочинения — последовательность в изложении; трактовка одних и тех же событий порой бывает противоречива, он подходит к прошлому как ритор, который занимается не описанием, а

объяснением. Поэтому Исократ обращается только к хорошо известным читателям фактам, по определению Дж.Джиллиса, суммирует опыт аудитории [Gillis, 1971, с. 59]. Историческое описание для него не самоцель, а средство, подчиненное основной идее, которая и привлекает его внимание к определенным событиям прошлого, объясняемым в нужном аспекте, отобранным по принципу *δέον*. Позиция, занятая Исократом, ставит его посередине между историком и ритором как создателя нового, историко-публицистического жанра, в котором переплелись элементы истории и политической пропаганды. М.Нуо [Nouhaud, 1982, с. 87—88] отмечает, что Исократ ближе, чем другие ораторы, подошел к концепции истории. Его познания о предшествующем времени были более глубокими, а использование и интерпретация им исторических фактов выводят последние за рамки вспомогательного материала красноречия.

Взаимодействие истории и риторики в политическом красноречии оказало влияние на исторические труды, способствуя усилению в них тенденциозности и морализаторского тона. Поскольку новый подход, продемонстрированный Исократом, воздействовал не только на его современников, но и на более поздних авторов⁹, имеет смысл несколько подробнее остановиться на его приемах использования исторических ссылок.

Охарактеризовав историю как общее наследство, которым можно воспользоваться в нужный момент (Isocr. Paneg., 9), оратор на практике часто прибегает к возможности обращения к прошлому. В «Ареопагитике», когда он излагает свои взгляды на основы полисной организации, исторические ссылки применяются для критики радикальной демократии при построении идеальной модели. Соединение этого приема с политическим лозунгом привело к изложению *credo* оратора в форме социально-политической утопии. В «Панегирике» Исократ постоянно упоминает о подвигах, совершенных афинянами в греко-персидских войнах, об их выдающихся заслугах перед Элладой (Isocr. Paneg., 52, 57, 63, 68—70, 75, 81, 85, 103 и сл. См. также De Pace, 30, 38, 41—43; Panath., 24, 48, 52, 54); здесь история служит для обоснования права Афин на гегемонию в Греции, читатель подводится автором к выводу по идентичности в отличие от вывода по контрасту, использованного в «Ареопагитике». К аналогичному выводу по идентичности Исократ прибегает в «Филиппе», когда разворачивает перед македонским царем картину дружеских отношений между предками Филиппа и греками и обращает его внимание на многочисленные услуги, оказанные в прошлом Афинами Македонии. Здесь цель исторических экскурсов — от-

---

⁹ Исократ оказал воздействие не только на историков, бывших его учениками, — Эфора и Феопомпа, но и на последующую историографию раннеэллинистического периода — на труды Каллисфена, Тимея, Онесикрита, Клитарха [Зельин, 1960, с. 84 и сл.].

вести угрозу завоевания (Phil., 32—34, 106—108). При обосновании необходимости похода в Азию Исократ ставит историю на службу будущему, напоминая об обидах, причиненных персами эллинам во время греко-персидских войн, и об отваге предков, воевавших с варварами и одержавших много славных побед (Isocr. Paneg., 118, 155, 185; Areopag., 6, 80; De Pace, 43).

И наконец, в ряде случаев прошлое становится причиной, а настоящее — следствием. По такой схеме Исократ строит выпады против внешней политики Афин в речи «О мире», когда утверждает, что эллины возненавидели полис из-за наглости предков (*τὴν ἀσέλγειαν τῶν πατέρων* — Isocr. De Pace, 79). Данный прием используется также для критики внутренней политики группировки радикальной демократии: порча политики (хорошей конституции) объявлена прямым результатом действия лиц, отнявших у Арсепаса его права (Isocr. Areopag., 50—51).

Исократ торжественно провозгласил принцип точности и правдивости в ораторском описании (Isocr. Euag., 10), но направленность риторической практики делает этот тезис одним из штампов пропаганды, цель которой — завоевать доверие аудитории. Использовались как умолчания, так и искажение событий прошлого и настоящего: например, для доказательства положения о том, что внешняя политика демократии лучше политики Тридцати тиранов, победу Конона при Книде (394 г.) оратор переносит в 361–60 г. (Isocr. Areopag., 65). Заключение Анталкидова мира приписано Ксерксу, а не Артаксерксу с целью создать впечатление о моральном падении греческих полисов (Isocr. Phil., 42). Для обоснования дуалистической гегемонии Афин и Спарты в «Панегирике» Исократ, исказив широко известные исторические факты, пишет о единодушии афинян и спартанцев во время греко-персидских войн (Isocr. Paneg., 86 и сл.); чтобы показать легкость завоевания Востока, оратор дает заведомо неверную картину военно-экономического потенциала Персии (Isocr. Paneg., 138—164; Phil., 99—104).

К числу специфических особенностей Исократ можно отнести значительное влияние экономических факторов на его политическую и социальную концепцию. В речах постоянно встречаются ссылки на выгоду, пользу, доход (*συμφέρον, πρόσοδος, ὠφέλεια, πλεονεξία*), эти понятия становятся определяющими при решении любого вопроса, польза или вред политических акций рассматриваются в зависимости от их влияния на уровень жизни и благосостояния полисного коллектива.

В ораторской практике Исократ придает большое значение пользе как конечной цели хорошо составленной речи (Isocr. Antid., 78—79; Paneg., 4; Phil., 13, 24)¹⁰, в сфере политики польза для него — задача, поставленная перед государством, и одновре-

¹⁰Так же трактует назначение политической речи и Демосфен (I, 1, 46; III, 36; VIII, 32; IX, 4).

менно показатель правильности выбранного им пути. Здесь истоки прагматизма оратора, позволившего ему уловить тенденцию времени и выразить ее в виде четко сформулированных проблем, поставленных перед полисами: объединение и поход на Восток. Его программа направлена на стабилизацию полисной системы, устои которой подверглись смертельной опасности из-за социальных смут, изменения соотношения между богатством и бедностью, взаимного соперничества греческих государств (Isocr. Antid., 65, 142—160; Arcopag., 10, 24; De Pace, 20, 79, 99—100, 128, 130; Paneg., 17, 34, 119, 132, 174; Phil., 9).

Исократ ясно определяет причины ожесточенной борьбы за гегемонию в Элладе — недостаток земли и хлеба. Нужда (*ἀπορία*), пишет он, разрушает дружбу, обращает родство во вражду (*ἐχθρός*), и вовлекает всех людей в войны и смуты (*πόλεμος, στάσις*) (Isocr. Paneg., 17, 34, 119, 132, 174; Phil., 9). Захват земель и богатств «великого царя» и вывод в Персию греческих колоний должны были помочь в устранении и причины, и ее следствий (Isocr. Paneg., 17, 132—133; Phil., 9, 89, 120—122, 132). Путь внешней экспансии избран оратором не случайно, бесконечные военные столкновения в Греции первой половины IV в., которые привели к резким изменениям в экономическом и политическом статусе полисов, подсказывали его в качестве наиболее быстрого и эффективного способа восстановления равновесия внутри греческих государств и между ними.

Исократ строит свои речи на убежденности в полезности предлагаемых им действий. Тема пользы звучит в его произведениях решающим аргументом, подкрепляющим приведенные ранее доводы. Оратор уверен, что государства в политических действиях руководствуются не ненавистью и клятвами (*μὴτ' ἐχθρας μὴδ' ὀρκων*), а только соображениями пользы (*ὠφέλεια* — Phil., 45), поэтому наряду с традиционной аргументацией — моральной и политической — он вводит еще один вид доказательств — экономический.

По мнению Дж.Джиллиса, доказательства в речи «О мире» делятся на два типа — юридические доводы и доводы с точки зрения целесообразности, причем они настолько переплетены, что зачастую их невозможно разделить [Gillis, 1970, с. 199, 204 и сл.]. Это интересное и верное наблюдение нуждается в некотором дополнении и расширении. Прежде всего в данную схему следует включить моральные аргументы, так как моральные категории неотделимы от мировоззрения оратора. Доводы, которые Дж.Джиллис называет юридическими, чаще всего связаны с политикой, а доводы с точки зрения целесообразности — с экономикой. Таким образом, трехмерная система аргументации соответствует у Исократа универсальной оценочной единице, составленной из политических, моральных и экономических категорий. Роль этих частей неодинакова, два первых вида более традиционны, что доказывается их широким использованием в

«Ареопагитике», произведении, наиболее тесно связанном с положениями, которые выработаны предшественниками оратора, экономическая аргументация там почти не встречается. В речах, больше приближенных к конкретной политической ситуации и меньше к теории («О мире», «Панегирик», «Филипп»), экономические доказательства встречаются гораздо чаще, ими опосредованы и моральные и политические доводы.

В речи «О мире» оратор доказывает афинянам, что мирная политика полезнее военной, что морское владычество не приносит пользы городу (Isocr. De Pace, 26, 66, 70, 72, 74). В понятие пользы у него входят богатство (*εὐπορία*, *χρηματισμός*), доходы (*πρόσδοτος*), процветание (*εὐδαιμονία* — Isocr. De Pace, 19—21, 32, 63). Синоним *πρόσδοτος* — слово *πλεονεξία* встречается обычно в отрицательном контексте и связано с несправедливостью, неправильным образом действий, обозначаемых как вмешательство в чужие дела (*πολυπραγμοσύνη* — Isocr. De Pace, 26, 58, 108). В данном случае автор прибегает к той же терминологии, что и Фукидид, применяет уже установившийся стереотип¹¹. Исократ расширяет его значение и переносит с политики Афин на политику полисов-гегемонов. Стремление к экономической выгоде, лежащее в основе межполисных отношений, он называет *πλεονεξία* и ставит своей целью доказать, что такой выгоде следует предпочесть пользу от согласия (*ωφέλεια ὁμονόια* — Isocr. Phil., 9, 40).

В «Филиппе» экономические аргументы явно преобладают над моральными и политическими. Здесь польза уже не комплекс понятий, обозначающий общее благополучие, она прямо связана с представлением даже не просто о походе, а о военной добыче, ожидающей Филиппа, если он согласится возглавить греко-македонский поход в Азию, хотя оратор и заботится о некотором камуфляже, общая в придачу почт и немеркнущую славу (Isocr. Phil., 36, 111—119, 133, 143, 153).

В публицистике Исократ мы наблюдаем не только влияние экономики на политические и социальные воззрения, но и обратное воздействие. Одна экономическая аргументация при всей своей актуальности не могла служить побудительным мотивом для каких-либо действий, оратор должен был использовать весь имеющийся у него арсенал средств убеждения. Поэтому чисто экономические мотивы зачастую прикрыты ссылками на религию, историю, мораль, политику, оформлены в привычных для полисной идеологии стереотипах. Например, чрезвычайно разнообразны методы, к которым прибегает автор, чтобы обосновать необходимость завоевания Персии: здесь и призывы отомстить за обиды, причиненные во время греко-персидских войн (Isocr. Ageorag., 6; Paneg., 155, 185; Phil., 42), и доказательства

¹¹ Значение термина *πολυπραγμοσύνη* в политике исследовано в интересной статье В.Эренберга [Ehrenberg, 1947]. На активное использование этого термина Исократом указал К.Брингман [Bringingmann, 1965, с. 68 и сл.].

легкости покорения Азии (Isocr. Paneg., 151—152; Phil., 76, 90, 100—104, 107, 125, 137), и порицание трусости варваров, их неспособности к управлению, предрасположенности к рабству (Isocr. Paneg., 158; Phil., 111—112), ссылки на мифологию и Гомера и даже на дурное воспитание персидского царя (Isocr. Ageorag., 34, 50, 54, 83; De Pace, 24, 128, 130; Phil., 139).

Сочетание риторических приемов с социально-экономическими событиями связано с очень существенным вопросом о достоверности сведений, сообщаемых Исократом о богатстве и бедности, о социальных конфликтах, о внутренних противоречиях в полисах. Прежде всего оговоримся, что, хотя оратор и приводит отдельные конкретные факты, речь может идти лишь о выявлении общего направления, так как преобладают суммарные характеристики. Исократ много пишет о бедствиях греческих государств, их тяжелом экономическом состоянии, обострении социальной борьбы. Оратор воспринимает обстановку в полисах как состояние всеобщего озлобления, у него очень высока концентрация слов, обозначающих зло (*κακόν*), смятение (*ταραχή*), опасности (*κίνδυνος*), перевороты (*στάσις*), убийства и разрушения (*ἀπολλύμι, τέμνω, λυμαίνομαι, ἀποκτείνω*). Все это производит сильное эмоциональное впечатление и на читателя, которому адресованы речи, и на исследователя, создавая довольно мрачную картину социально-экономического положения Эллады первой половины IV в.

Когда речь заходит об отдельных полисах, они описываются в том же духе. Характеризуя современные ему Афины, оратор недоволен существующим положением дел в любой затронутой им области, но экономика вызывает у него особенно острую реакцию. Исократ убежден, что государство находится на грани катастрофы — город наполнен стенаниями, никто не живет легко и радостно, хотя у разных слоев населения свои беды. Бедняки пребывают в постоянной нужде, ради пропитания тянут жребий в *дикастерии* (здании суда), мерзнут зимой в одежде, вид которой не поддается описанию, выпрашивают подаяние и скитаются по Элладе (Isocr. Ageorag., 34, 50, 54, 83; De Pace, 24, 128, 130; Phil., 120). Положение состоятельных людей тоже плачевно, их жизнь невыносима из-за постоянных денежных вымогательств со стороны полиса, угроз и притеснений, полного отсутствия заботы об их безопасности (Isocr. Antid., 159—164; De Pace, 20, 128, 130). Оратор пишет, что из-за постоянных военных действий многие занятия заброшены, государственная казна опустела (Isocr. Antid., 108; De Pace, 20, 22, 46—48, 68, 82, 92, 130—131). Он подчеркивает, что подобные беды испытывают не только Афины, но и другие полисы Греции, число же скитающихся бедняков достигло таких размеров, что они превратились во всеобщую угрозу и опасность (*κοινόν φόβον καὶ κίνδυνον ἅλασιν ἡμῖν*).

Сообщаемые Исократом факты и его комментарии к ним сводятся к критике и неприятию социально-экономических про-

цессов, протекающих в современной ему Элладе, но истоки его оценок и сфера их применения различны, так что его позиция не может быть определена однозначно.

Когда Исократ описывает бедственное положение Эллады, он хочет доказать, что несчастья полисов одинаковы, поэтому в «Панегирике» и «Филиппе» происходит своего рода нивелирование характеристик, создание единой схемы. Такой подход связан с главной целью автора — обоснованием необходимости завоевания Востока, социально-экономическая характеристика играет здесь подчиненную роль и используется как доказательство. Одни и те же беды должны, по его мнению, как создать предпосылки для объединения, так и свидетельствовать об универсальности предложенного им средства избавления от нужды, в лозунг панэллинизма помимо этнических, культурных и политических стимулов для консолидации Исократ вводит негативный экономический фактор.

Сведения, сообщаемые оратором об общем направлении экономических процессов, протекающих в Греции, не лишены достоверности и имеют под собой реальное основание, но внимание автора направлено исключительно на отрицательные стороны явлений, что приводит к искажению картины в целом. Используя данные Исократа в этой области, необходимо помнить, что они отобраны и интерпретированы очень односторонне, находятся в зависимости от идеи завоевания Персии.

Изображение внутренней жизни полиса реже используется в качестве аргументации, и структура его гораздо более сложная, точка зрения оратора здесь тесно связана с его политическими и социальными воззрениями. Позиция, занятая Исократом в «Ареопагитике» и особенно в «Антидосисе», показывает его как убежденного сторонника и защитника той части граждан, которых он называет имущими (*οἱ ἐχόμενοι, οἱ κερτιμένοι*), оплакивая их несчастья.

Из работ последних десятилетий видно, что положение имущих людей было далеко не так плачевно, как пытается представить его оратор, и полис, вопреки его утверждениям, отнюдь не находился на краю гибели из-за развала экономики. Л.М.Глускина показала, что жалобы собственников на *эйсфору* (чрезвычайный военный налог), *литургии* (государственные повинности, выполнявшиеся состоятельными гражданами) и *триерархию* (обязанность соорудить за свой счет триеру для флота Афин) в IV в. до н.э. обусловлены изменениями в финансовой сфере государства, большим разрывом между доходами частных лиц, зачастую скапливавших большие богатства, и казной полиса, постоянно испытывающей недостаток средств, что повлекло за собой необходимость увеличения доли доходов, поступающих в государство с налога на имущество [Глускина, 1975, с. 142 и сл.].

Произведения Исократа демонстрируют, как перемены в экономике полиса влияли на изменение взаимоотношений лично-

сти и государства, свидетельствуют о нарушении традиционных связей между полисом и гражданином. Кризисные явления в экономике вынуждали государство проводить политику прямого вмешательства в доходы частных лиц, так как существование полиса было построено на основе установленного распределения дохода его граждан. В речах оратора отразилась реакция части имущих афинян, воспринявших действия подобного рода как незаконное покушение на их имущество. Причем недовольство было вызвано не только размером взимаемой суммы, но и использованием ее для поддержания неимущих граждан. Раздраженному Исократу кажется, что толпы бедняков, не желающих заниматься производительным трудом, заполнили весь город, построив свое существование на эксплуатации состоятельных людей. По верному наблюдению А.Фукаса, оратор говорит не о сравнительной, а о радикальной бедности, предпочитая вместо стандартных терминов *οἱ πενήτες*, *οἱ ἄποροι* употреблять гораздо более сильные выражения типа *οἱ καθ' ἑκάστην ἡμέραν τῶν ἀναγκαίων ἐνδεεῖς*, *οἱ μάλιστα βίον δεόμενοι*, *οἱ συνεχῶς πενόμενοι* [Fuks, 1972, с. 23 и сл.].

Абсолютизация Исократом отдельных процессов, имевших, бесспорно, место в жизни полиса, повлияла на тех исследователей, которые описывают состояние Афин в духе оратора, добавив значительную долю модернизации [Acosta, 1970—1971, с. 24; Fuks, 1972, с. 26; 1974, с. 56; Mossé, 1962, с. 104 и сл.], забывая о том, что сведения, сообщаемые им, не могут служить прямым доказательством тех или иных экономических и социальных явлений и тем более их размеров. Ведь Исократ отмечает в данном случае не столько сами процессы, сколько их отражение в социальной психологии определенной части населения полиса, регистрирует изменение во взаимосвязи личности и государства в сфере идеологии. Иными словами, нельзя элементы идеологических дефиниций автоматически переносить на экономические. Не следует забывать также и о риторических эффектах, которые придают сообщаемым автором фактам интенсивную эмоциональную окраску, что еще больше способствует искажению их сущности.

При трактовке Исократом экономических вопросов можно наблюдать несоответствие между теоретическими нормами полиса и практикой IV в. Непосредственная реакция Исократас расходится с его концепцией, воспринятой от предшественников, о пагубности слишком большого богатства и необходимости делиться им с окружающими, об обязанности состоятельных людей помогать нуждающимся согражданам (Isocr. Ateorag., 32—35). При интерпретации внутренней политики Афин эти традиционные взгляды уступают место появившейся в IV в. тенденции к их пересмотру. Отстаивая старую концепцию в теории, на практике оратор выступает против нее, хотя уверен, что протесту-

ет только против экстремистской политики радикальной демократии.

Если в «Ареопагитике» этический аспект богатства и бедности остается в тени, то в речи «О мире» он получает новую, оригинальную разработку. Исократ обращается к хорошо известной читателям теме — о моральном осуждении несправедливо полученного богатства и наказании его обладателей (Isocr. De Pace, 6, 30—35). Классический тезис полисной идеологии применяется оратором в конкретной внешнеполитической ситуации для укрепления его точки зрения, доказательства ее соответствия традициям и этическим нормам. Мы имеем возможность наблюдать не только диспропорцию между сложившейся идеологией и практикой IV в., но и использование теории для легализации и упрочения новых, направленных против нее тенденций.

В реакции Исократ на экономические и социальные процессы своего времени чувствуется растерянность, его представления об общем упадке полиса не могут быть обусловлены только социальной позицией и стремлением воздействовать на аудиторию, причины данного явления гораздо более глубокие.

Современники оратора также воспринимали первую половину IV в. как период интенсивных сдвигов в экономике и глубоких социальных потрясений. Описывая их, проявляют поразительное единодушие такие разные авторы, как Платон, Аристотель, Лисий, Ксенофонт, Демосфен¹². Все они испытывают своего рода эмоциональный шок, трактуя события как попрание установленных норм, всеобщую анархию и смятение. Сходную, очень острую и бурную реакцию на социальные и экономические конфликты мы находим в литературе VI в., связанную с развитием товарно-денежных отношений, вторжением экономики в традиционные нормы предшествующей эпохи [Зельин, 1964, с. 161, 188 и сл.].

Указанные периоды, конечно, отличны друг от друга, но причины явлений одинаковы. В IV в. наблюдается интенсивное развитие экономики, связанное с ее переходом на новую ступень развития. Растущим товарно-денежным отношениям становилось тесно в рамках полиса, наступало несоответствие между потребностями экономического развития и принципами полисной системы. Новые тенденции, направленные против полиса как определенной системы социальных, экономических и политических отношений, воспринимались их современниками в виде катастрофы и разрушения государственных основ. Исократ не был исключением из этого правила.

Приспосабливаясь к изменениям на практике и предлагая пути выхода из создавшегося положения вполне в духе своего вре-

---

¹² Мы сознательно оставляем в стороне другие данные и ограничиваемся только основными литературными источниками с четко обозначенной суммарной тенденцией.

мени, определенная часть перечисленных авторов в теории ориентировалась на систему ценностей и установлений, выработанную для классического полиса, воспринимая все происходящее как отклонение от нее. А.Циммерн высказал верную мысль о существовании представления о «нормальном» греческом государстве — идеальной организации, которая была моделью для источников IV в. — произведений Платона, Аристотеля, Исократ. Он справедливо замечает, что прототипом этой модели могла служить определенная стадия в развитии государства, время стабилизации и расцвета. Для Афин он соотносит данную стадию с VI в. [Zimmerm, 1961, с. 350 и сл.], что, на наш взгляд, неправомерно, здесь скорее можно говорить о периоде Пентеконтаэтии (пятидесятилетия между двумя войнами: греко-персидской и Пелопоннесской) как наивысшем расцвете полиса.

В заключение нам хотелось бы обратить внимание на два уровня в концепции Исократ — теоретический и практический, которые порой бывают связанными между собой меньше, чем можно было бы ожидать, хотя имеют одни и те же цели. На теоретическом уровне анализа создавшегося положения автор ищет выход, ориентируясь на силы самого полиса, считая, что перегруппировка элементов вернет структуру государства к ее оптимальному варианту. Именно так решается вопрос в «Ареопагитике», который при всем своеобразии жанра и приемов стоит, пожалуй, ближе к произведениям Платона и Аристотеля, чем к ораторским речам и публицистике IV в.

Теоретизация межполисных отношений нашла отражение в выявлении и обозначении основных тенденций в политической жизни Эллады, стремлении выработать категории для их оценки. Речи Исократ отразили усиление роли политической пропаганды во внешней политике полисов и внесли значительный вклад в становление и развитие ряда лозунгов — справедливости, свободы, автономии, всеобщего мира. На практике все меры, предлагаемые оратором, сводятся к объединению полисов и завоеванию Персии. Для этого был абсолютизирован конфликт, существовавший между Элладой и Персией, на него переключены все конфликтные ситуации, возникшие внутри полиса, между полисами и даже между Грецией и Македонией.

Термины *εὐνοία* и *δμόνοια* («благорасположенность» и «согласие») служат связующим звеном между теоретическим и практическим уровнями, хотя они по-разному трактуются на каждом из них. В теории ими обозначаются принципы, составляющие основу жизни гражданского коллектива, т.е. благожелательность и единодушие у граждан, живущих в одном полисе, признание каждым своего места в государственной системе и добровольное исполнение связанных с ним обязанностей. Отклонение от подобного образа жизни приводит, по мнению оратора, к усилению нужды и социальным распрям.

В межполисных отношениях лозунгом *εἵνωια* Исократ определяет политику лидирующих полисов по отношению к остальным. Термин *δμόνωια* тесно связан с идеей панэллинизма, выдвинутой в литературе V в. до н.э. и получившей у оратора дальнейшую разработку и завершение. Он понимает панэллинизм как общность культурных, политических и социальных воззрений, системы жизни, противопоставленной варварам и создающей предпосылки для объединения греческих государств, а также разнородных социальных групп. Последнее исключает интерпретацию *δμόνωια* у оратора как «единство интересов крупных собственников, рабовладельцев и уже не только одного полиса» [Борухович, 1967, с. 11].

Практический уровень *εἵνωια* и *δμόνωια* используется Исократом в межгосударственных отношениях. Термины связаны с консолидацией полисов для военного похода в Азию, с единством и доброжелательством союзников (*σύνμαχος*), сплоченных перед лицом общего врага, так как военная кампания (*στρατεία*) невозможна без согласия. Вариантом такой трактовки служит и предполагаемый альянс между Элладой и Македонией против Персии, хотя здесь акценты несколько смещены, на первом плане стоит *εἵνωια*, что обусловлено неравенством сил партнеров.

Заканчивая главу, посвященную некоторым особенностям политической публицистики Исократа, мы считаем необходимым отметить следующее.

Речи оратора дают интересный образец применения риторических приемов при анализе процессов, характерных для жизни полисов первой половины IV в. Такой подход позволил автору использовать достижения греческой мысли в области философии, этики, политики в практической деятельности, перевести их на язык политической пропаганды, доступный и понятный всем слоям населения полиса. Сочетание риторических положений с политическими, экономическими и моральными категориями позволяет понять такие важные для Исократа черты, как интенсивная морализирующая окраска его речей, разноречивость в оценке одних и тех же событий, ориентация на ситуацию, повышенный интерес к истории. Это обстоятельство определяет возможности использования произведений оратора в исторических исследованиях, способствуя увеличению их ценности как источника в сфере идеологии, особенно в политике, ораторском искусстве, социальной психологии, но создает очень серьезные затруднения при попытке привлечь те же свидетельства как показатель масштабности и величины социально-экономических процессов.

Влияние риторики не только на форму, но и на содержание суждений приводит к образованию новых критериев при теоретизации конкретных исторических фактов, особенно в оценке внешней политики полисов и позиции греческих государств по отношению к Персии и Македонии. Соединение постулатов ора-

торского искусства с системой понятий, выработанных предшественниками Исократ, и насущными нуждами греческого общества способствовало становлению понятийного аппарата теории межполисных отношений, дальнейшей разработке и окончательному завершению идеи панэллинизма в IV в.

Взаимодействие разнородных элементов обогатило политическую речь оратора и расширило ее функции, позволило использовать при аргументации и решении проблем разные степени обобщенности, а также создать два уровня в постановке и решении проблем — теоретический и практический. Эти уровни определяют специфику и своеобразие жанра политической публицистики Исократ, они различаются типами связи между теорией и практикой. В первом варианте доминирует теория, обобщения служат логическим развитием традиционной полисной концепции, они соотносятся с практикой не прямо, а косвенно, опосредованно. Характерным примером здесь может служить решение проблемы внутренней организации государства в «Ареопагитике». Во втором варианте главенствующее положение занимает практика, которая по-разному взаимодействует с теорией. В одном случае она способствует ее дальнейшему развитию и окончательному определению, как это произошло с интерпретацией идеи панэллинизма. В другом новые факторы, обозначившиеся в жизни Эллады IV в., приводят к становлению оценок, включающих как теоретические, так и практические компоненты, при помощи которых начинает развиваться новый аспект теории. Так подходит Исократ к принципам межполисных отношений. В третьем случае практика выдвигает задачи, способствующие постановке и теоретизации новых вопросов, не имевших аналогий в предшествующем развитии: основ сотрудничества двух разных типов государственных организаций — греческого полиса и македонского царства.

Применительно к особенностям восприятия оратором действительности теоретический уровень его концепции создается ярко выраженной склонностью к переводу конкретных примеров в абстракцию, стремлением осмыслить новые веяния в экономической, политической и социальной жизни в рамках политической теории, постоянным интересом к наиболее важным из проблем, стоявших перед греческими полисами. На формирование практического уровня влияет чуткая реакция на происходящие события, подчинение постановки и решения любого рассматриваемого автором вопроса политическому моменту, гибкая и универсальная система доказательств, всегда адекватная сложившейся ситуации.

Совмещение двух уровней позволяет не только лучше понять и объяснить мировоззрение оратора, но и проследить взаимодействие теории и практики. Расхождение в интерпретации одной и той же темы на разных уровнях демонстрирует механизмы действия политической пропаганды. Это расхождение свидетель-

ствует также об определенном несоответствии между классическими полисными нормами и мировоззрением общества IV в., о кризисных явлениях в полисной идеологии, об изменении соотношений между личностью и государством. Подход автора к проблемам его времени показывает, что социальные, политические и экономические нужды полисов диктовали пути выхода из создавшегося положения, которые противоречили устоявшимся представлениям. Исократ на практическом уровне решает проблемы в духе эпохи, используя для обоснования решений представления, способ аргументации, фразеологию полисных норм, применяя для разрушения теории ее собственные принципы и дефиниции.

Глава 4

ПРОБЛЕМЫ ВЛАСТИ В ГОСУДАРСТВЕ

...мы утверждаем, что государство, желающее себя сохранить и по мере человеческих сил быть счастливым, должно по необходимости правильно различать ценности.

Платон. Законы, 697 В

Политическая организация полиса — одна из центральных проблем греческой идеологии, она бесконечно варьировалась в произведениях поэтов, историков, политических ораторов, философов, драматургов. Историю изучения древней Греции можно назвать историей изучения ее политических форм. На эту тему написаны сотни исследований и тем не менее вопросы демократии, олигархии, тирании до сих пор остаются в антиковедении одними из наиболее сложных и запутанных.

Подобное положение определяется причинами как объективного, так и субъективного характера. К числу объективных можно отнести разновременность сообщений источников, отсутствие четкой терминологии, разные уровни обобщенности, специфику жанров, индивидуальность авторов в восприятии и трактовке событий. Имеющиеся в распоряжении ученых более или менее систематизированные источники принадлежат в основном к IV в. и дают варианты уже сложившихся представлений, история их становления с трудом поддается реконструкции. Недостаточно хорошо изучены общая линия развития общества и конкретные события, повлиявшие на расхождение в трактовке одних и тех же сюжетов. Большие сложности создает неравномерность распределения материала: основные данные относятся к Афинам, чрезвычайно мало известно об организации полисов в других областях Греции и об оценке этой организации в литературе того времени.

К субъективным причинам относятся особенности подхода к изучению политических форм, во многом определяемые процессом становления антиковедения, который, в свою очередь, зависел от общего развития науки в тот или иной период. Долгое время единственным источником информации об организации

полиса были труды Платона и Аристотеля, т. е. все сведения черпались из того направления, которому более, чем другим, свойственна абстракция и теоретизация конкретных государственных форм, определяемая философскими системами. Изучение политической теории Греции при таком подходе в целом протекало изолированно от исследования ее политической, экономической, социальной истории.

Положение изменилось, когда для анализа государственной организации стали привлекаться источники с более живой, непосредственной, а зачастую и более эмоциональной оценкой политических ситуаций, детерминированной конкретными событиями — речи ораторов, драматургические и поэтические произведения. Одновременно началось диахроническое исследование отдельных постулатов и терминов.

В настоящее время два эти направления можно считать основными для изучения политической теории Эллады. Каждое из них имеет свои достоинства и недостатки. Философские труды дают возможность познакомиться со стройной и продуманной системой. Благодаря им удалось выявить тот набор признаков, который в понимании античных мыслителей был присущ полису как греческому типу организации общества, отличающего эллинов от других этносов. Однако эти источники не позволяют наблюдать более низкий, но более приближенный к действительности уровень обобщенности, они не объясняют конкретных политических разногласий, которые порой приводили к событиям, имевшим огромное значение как для отдельных полисов, так и для всей Эллады в целом.

Второе направление сосредоточило усилия именно в этой области и достигло в ней определенных успехов. Однако концентрация внимания на различных действиях и программах политических группировок, сосредоточенность на их конкретных лозунгах зачастую приводит к тому, что разногласия абсолютизируются, под них подводится искусственная теоретическая база, любого политического деятеля стремятся сделать принципиальным противником либо олигархии, либо демократии.

Греческая политическая теория имела разные уровни обобщенности, иерархия которых и описание представляет для нас большие трудности. Равным образом очень сложно соотнести теоретические воззрения существовавших группировок с их лозунгами и конкретными пожеланиями. Во многом продолжает оставаться неясной связь между отдельными событиями внутри и вне полиса и модификацией взглядов его идеологов. На наш взгляд, некоторые уточнения здесь могут внести своего рода пограничные произведения, в которых теория не так абстрактна, как в философии, облечена в более общедоступную форму и теснее связана с конкретной ситуацией. К такому роду работ принадлежат речи политических ораторов, в которых достаточно ча-

сто затрагивались основные формы управления — демократия, олигархия и тирания. Специфика ораторской деятельности Исократы привела к тому, что он уделит этим вопросам больше внимания, чем другие, и оставил более систематическое изложение своих взглядов.

«Ареопагитик» в контексте эпохи и жанра

Воззрения Исократы на государственное устройство лучше всего раскрыты в речи «Ареопагитик». Дата ее написания не может считаться твердо установленной, скорее всего это вторая половина IV в. Зато относительно хорошо известен исторический контекст, в который она включена, и в данном случае он должен больше помочь ее пониманию и объяснению, нежели конкретный год.

Закопчившаяся в начале IV в. Пелопоннесская война до предела обострила социальные и политические противоречия внутри городов, борьба политических группировок в них приобрела характер и масштабы военных действий и сопровождалась небывалым озлоблением. В свое время взрыв гражданских страстей в Керкире (427 г.) был воспринят Фукидидом как нечто неслыханное. В его описании вооруженное столкновение там демократической и олигархической группировок было спровоцировано военными действиями между Афинами и Спартой (Thuc. III, 70—81). Жертвы достигли, видимо, большого числа, историк пишет о массовых убийствах и самоубийствах (Thuc. III, 81, 2—5). Даже если принять во внимание связь Фукидида с риторикой и трагедией, сказавшуюся в том числе и в определенном нагнетании ужасов, все равно следует признать, что погибших было, очевидно, очень много. Распря оказалась автору «Истории» тем ужаснее, потому что она проявилась в такой форме впервые, но затем, рассказывает он, «вся Эллада, можно сказать, была потрясена, потому что повсюду происходили раздоры между демократическими и олигархическими партиями, причем представители первой призывали афинян, представителей второй — лакедемонян» (Thuc. III, 82, 1. Пер. Ф. Мищенко).

Аристотель, посвятивший пятую книгу «Политики» вопросу о внутренних переворотах, делит их на две основные группы: 1) заменяющие государственный строй; 2) сохраняющие прежний политический режим, но ставящие у власти другую группировку (Arist. Polit., V, 1, 4). На практике возникали гораздо более сложные ситуации. Бывает чрезвычайно трудно соотнести определенные имущественные слои с какой-либо политической системой и определить их взгляды на внешнюю и внутреннюю политику. Источники указывают на самые разные варианты.

Так, по Ксенофону, разделение на богатых и бедных в основном совпадает с делением на олигархию и демократию. По его схеме, богатые привержены к олигархии и тяготеют к союзу со

Спартой, а бедные предпочитают демократию и коалицию с Афинами. Историк свидетельствует, что, когда вспыхнуло восстание на Родосе, спартанцы прекрасно понимали, что в случае победы демоса Родос будет союзником Афин, а богатых — Спарты (Хен. Хелл., IV, 8, 20). Аналогичная ситуация была в Сикионе (Хен. Хелл., VII, 1, 44). Диодор сообщает, что олигархи поддерживали спартанцев, а демократы — афинян (Diod. XV, 45, 1). Однако тот же Ксенофонт пишет, что «лучшие» в Коринфе жаждали освободиться от владычества Афин (Хен. Хелл., IV, 4, 11), а «лучшие» в Мантинее стремились стать афинскими союзниками (Хен. Хелл., V, 2, 7; VI, 4, 18; VII, 1, 43).

С. Пелмен убедительно показал, что разница между двумя политическими группировками в Коринфе заключалась не в демократической и олигархической тенденциях, а в различных взглядах на внешнюю политику [Perlman, 1964, с. 70]. В Фивах и Коринфе антиспартанская коалиция никогда не была демократической. «Оксиринхский историк», сообщая о борьбе, происходящей в Фивах между «знатнейшими и влиятельнейшими» из граждан (*βέλτιστοι καὶ ὑψηλώτατοι*), разделяет их на сторонников Афин и Спарты, но добавляет, что союзники Афин не были в действительности их сторонниками, а примкнули к ним, чтобы было легче отгеснять своих политических противников (Хен. Охуг, XII, 1)¹.

Гражданские междоусобицы обострялись непрерывными военными действиями между полисами, причем оба вида конфликта влияли друг на друга, усиливали противоречия как внутри гражданского коллектива, так и вне его. Призывы враждующими политическими группировками на помощь внешних союзников приводили к предельному обострению обстановки.

Обратимся к родному полису Исократ. Пелопоннесская война была для Афин периодом больших социальных, экономических, политических, психологических потрясений. В городе дважды (в 411 и 404 гг.) была свергнута демократия. Особенно тяжелые последствия для полиса имел олигархический переворот 404 г., так как он совпал с поражением Афин в Пелопоннесской войне. Одним из условий мирного договора спартанцы поставили возвращение изгнанников-олигархов, во главе города стали новые правители, называемые обычно Тридцатью тиранами, они опирались на лакедемонский гарнизон, находившийся в Афинах. Олигархи начали осуществлять переустройство полиса в соответствии с «законами отцов» (*πάτριος πολιτεία*), объясняя новые порядки возвращением к конституции прошлого (Хен. Хелл., II, 3, 2). Их деятельность сопровождалась казнями сначала политических противников (Хен. Хелл., II, 3, 11—22; Arist. Ath. Polit., XIII, 35, 3), а затем все большего числа граждан, так что в конце концов установился настоящий террор.

¹ О принципе деления группировок в Фивах и Коринфе см. также [Bruce, 1960].

По свидетельству Ксенофонта, отнюдь не расположенного к демократии, Критий, возглавивший крайнее направление в олигархии, настаивал на необходимости казнить направо и налево (многие афиняне пали жертвой личной вражды правителей, многие были казнены ради денег) (Xen. Hell., II, 3, 15; 21). По версии Аристотеля, после укрепления своей власти олигархи погубили не менее полутора тысяч человек (Arist. Ath. Pol., XIII, 35, 3). Террор усилился после казни Ферамена, представителя умеренного направления среди «Тридцати», и победы крайнего крыла.

Режим Тридцати носил настолько узурпаторский и явно корыстный характер, что не мог продержаться долго, несмотря на жесточайшие репрессии и помощь спартанского гарнизона. К образовавшейся демократической оппозиции примкнула большая часть граждан полиса, и путем вооруженного переворота в Афинах была восстановлена демократия, что, однако, не означало установления политического мира. Внутри демократического направления не было единства в трактовке актуальнейших проблем внутренней и внешней политики, продолжалась также, хотя и не в форме открытых военных столкновений, борьба демократии с олигархией.

В такой напряженной, нестабильной политической и социальной атмосфере был создан «Ареопагитик», с его описанием идеальной государственной системы, якобы существовавшей в Афинах периода господства Ареопага. «Ареопагитику» исследователи уделяли меньше внимания, чем другим речам оратора, но по противоречивости оценок он, пожалуй, занимает первое место в творчестве Исократа.

Долгое время речь воспринималась как трактат, посвященный проблемам морали и воспитания, пока В. Йегер не выдвинул другую точку зрения: речь можно рассматривать как ценный исторический источник по изучению политической борьбы в Афинах IV в. Мысль о связи идей Исократа с вопросами внутренней и внешней политики Афин он развил потом в третьем томе своего фундаментального исследования «*Paideia*». Однако довольно многочисленная группа исследователей (Е. А. Миллиор, Т. А. Синклер, Дж. Джиллис, А. Момильяно и др.) убеждена в том, что идеалы Исократа — утопические и в «Ареопагитике» дана разработка моральных принципов гражданина и вопросов воспитания молодежи, а не отражение насущных проблем IV в. до н. э. [Миллиор, 1939, с. 6; Sinclair, 1951, с. 318; Gillis, 1970, с. 203; Momigliano, 1934, с. 191].

Очевидно, в числе причин, которые повлияли на столь противоречивые оценки, была и форма, в которую Исократ облек свои идеалы. Все ученые единогласно признают ее утопической, отталкиваясь в основном от неадекватности произведения действительности, но, видно, по-разному трактуют утопию вообще и ее использование в данном произведении в частности. Поэтому

имеет смысл сделать небольшой экскурс в историю развития жанра утопии и ее отношения к реальности.

Понятие «утопия» получило распространение в XVI в. и связано с именем Томаса Мора и его трактатом об идеальном обществе на никогда и нигде не существовавшем острове. Утопию можно определить как комплекс экономических, политических, социальных, этических представлений, тесно связанный с различными историческими этапами, вырастающий из нужд общества, отражающий «больные вопросы» своего времени и одновременно предполагающий замену господствующей системы ценностей другой, противоположной ей: неравноправия — равенством, социальной стратификации — однородностью всех членов общества или иерархией, построенной по другому принципу, и т. п. В узком, но наиболее распространенном значении понятия оно принадлежит к идеям нового времени. Соединение утопии с разными видами идеологии определило различные этапы и формы ее развития, например утопический социализм или социальную научную фантастику.

Отдельные элементы утопии обладают высокой стабильностью и универсальностью и скорее всего зародились в глубокой древности, их можно проследить на обширном историческом материале и в обширном географическом ареале. Утопические представления могли отражать не все стороны жизни общества, а лишь некоторые из них. Очевидно, именно к такому подвиду можно отнести «Работы и дни» Гесиода или буколическую поэзию. Утопическая форма всегда была неразрывно связана со временем ее создания, актуальные проблемы времени могли получать разную степень освещенности, а также опосредованности и абстрактности отражения².

Сама по себе констатация утопичности формы «Ареопагитика» ничего не дает без установления места речи среди других идеологических форм и выделения ее специфики на фоне сходных и отличных произведений. Исократ создал речь, уникальную для политического красноречия, но в принципе использованный им прием не так уж редок, и мы располагаем здесь некоторыми аналогиями. Так, Платон изложил свои взгляды на государственное устройство, создав некий идеальный полис из элементов, присущих реальным полисам, но абстрагировав их и выстроив в схему, явно и даже подчеркнуто несовместимую с действительностью. Его абстракция в данном случае — абстракция особого рода, отличная от других, например аристотелевской.

Ксенофонт объединил комплекс проблем, связанных с воспитанием, управлением, политикой, военной теорией в историко-философском произведении «Киропедия»³. Свяжав время и место действия с Персией и восхваляя правильность персидской орга-

---

² Более подробно об античной утопии см. [Гуторов, 1989; Ferguson, 1975].

³ См. библиографию у Э. Д. Фролова [Фролов, 1976].

низации общества, автор пошел вразрез с традиционным, прева-
лирующим в его время убеждением, что греки и варвары нахо-
дятся в резкой, непримиримой оппозиции. Эта тенденция бук-
вально пронизывает всю греческую идеологию, причем в других
работах, например в «Анабасисе» и «Греческой истории», сам
Ксенофонт не только разделяет общераспространенное мнение о
превосходстве эллинов над варварами и негативной роли послед-
них в истории полисов, но и вносит свой вклад в его развитие.

Хорошая осведомленность греков о быте и общественном ус-
тройстве некоторых племен и твердая вера в приоритет эллинов
не помешали появлению представления об идеальных прими-
тивных негреческих обществах с господством патриархальных
устоев, поддерживающих равновесие как внутри себя, так и с ок-
ружающей средой. Причем отвлеченным, существующим лишь
в воображении этносам давались наименования конкретных,
действительно существующих племен [Куклина, 1969, с. 120—
128; Ростовцев, 1925, с. 5—9, 20, 88—91; Широкова, 1979, с. 124—
128; Ferguson, 1975, с. 18 и сл.].

Такие произведения, а также косвенные свидетельства, содер-
жащиеся во второй книге «Политики» Аристотеля, в аристофа-
новских «Женщинах в Народном собрании», позволяют предпо-
ложить, что животрепещущие проблемы времени нередко обле-
кались в утопическую форму и она была достаточно хорошо
известна греческому обществу. Контаминация утопической фор-
мы с разными видами идеологии порождала на первый взгляд
далеко отстоящие, но, в сущности, объединенные одним принци-
пом произведения. Способ отражения действительности и выде-
ления в ней тех или иных сторон мог быть самым разным: осо-
бый вид абстракции, обращение к прошлому эллинов или ран-
ней стадии развития человечества, замена географического
местоположения, идеализация политического и социального ус-
тройства других этносов. Конечно, влияла еще масса побочных
факторов в виде умонастроения авторов, политической ситуации,
общих социальных тенденций и т. д. Так, деятельность Ксено-
фонта, его политические убеждения, жизненные обстоятельства
во многом предопределили выбор Персии как места действия, а
персидского царя как главного героя его трактата.

При анализе «Ареопагитика» следует принять во внимание
еще одно соображение: действие речи разворачивается в относи-
тельно недалеком прошлом Афин — первой половине V в., имен-
но тогда, по мнению автора, существовал идеальный государст-
венный строй, поддерживаемый и охраняемый Ареопагом. Такая
идентификация политического и социального идеала с конкрет-
ным временем побуждает более пристально взглянуть на интерп-
ретацию этого периода в истории Афин и вообще на отношение к
прошлому в IV в.

Острое недовольство идеологами века политической и соци-
альной атмосферой своего времени, отход современников, в их

представлении, от традиционных полисных идеалов побудили обратиться к истории. Именно в этот период значительно возрос интерес к прошлому отдельных полисов и Эллады в целом. Во время конфликтных ситуаций и кризисных явлений прошлое и жизнь предков представлялись символами устойчивости и стабильности. С другой стороны, апелляция к историческим фактам могла служить своего рода обоснованием, освящением инноваций, порождаемых современностью. Политические мыслители исследовали историю полисов с точки зрения изменения политического строя, в том числе и определения времени его «порчи» и причин, способствовавших этому. Так подходит к прошлому Аристотель в «Афинской политике».

Известные нам политические ораторы — Андокид, Ликург, Эсхил, Демосфен, Исократ подчиняли свои исторические excursus определенным задачам. Особым вниманием всегда пользовались известные исторические деятели, уже вошедшие в легенду. Предпочтение отдавалось также фактам из ранней истории Афин — победам, одержанным во время греко-персидских войн, личностям, воплощающим идеалы государственного строя предков (Andoc. I, 106—108; Lys. I, 68—70; 80—84; 109—120; Aesch. I, 25—26; Lys. II, 21—26, 31—39; Dem. XIII, 21—22; Isocr. Paneg., 96, 154; Plat., 57; Phil., 146). Все это, видимо, способствовало тому, что в речах появился определенный набор упоминаний, которые уже можно считать общими местами (*topoi*).

Эти соображения следует принять во внимание при исследовании политических взглядов Исократа в «Ареопагитике». Есть еще один аспект, чрезвычайно важный для данной речи: выбор исторических деятелей и отдельных моментов истории не был произволен, за ним стояли определенные политические тенденции. Можно считать установленным, что интерес к государственному устройству предков оформился у афинян в IV в. и способствовали этому чисто политические причины: сицилийская катастрофа и обострение в связи с ней борьбы между олигархической и демократической группировками [Cecchin, 1969; Jacoby, 1949]. Лозунг *πάτριος πολιτεία* был использован как орудие политической борьбы. Е. Рушенбуш в своей обстоятельной статье доказал, что Солон в качестве основателя государственного устройства, а не просто мудреца и законодателя, начал фигурировать в литературе после сицилийской катастрофы [Ruschenbusch, 1958, с. 400 и сл.].

Олигархи обвинили демократов в искажении политического строя предков, основателем которого они считали сначала Драконта, затем Солона. Призыв к *πάτριος πολιτεία* стал излюбленным лозунгом олигархической группировки, при этом особенно подчеркивалась долговечность строя Спарты, древность и устойчивость ее законов [Рожицын, 1914, с. 705].

Приверженцы демократии в ответ стремились доказать историческую закономерность и обоснованность своих законов, ссы-

блывая на Клисфена как на родоначальника радикальных демократических установлений [Larsen, 1948]. В ходе политической борьбы Солон и Клисфен постепенно приобретали черты легендарных героев, из реальных исторических деятелей они становились идеалом государственных мужей, воплощением определенных политических направлений. Примерно в то же время на политической арене появляется фигура Тесея в качестве создателя умеренной демократии, смешанного государственного устройства⁴.

Интерпретация начальных периодов афинской истории стала предметом острой политической дискуссии между различными группировками, веским аргументом для доказательства одних тезисов и критики других. Как можно заметить, три политических деятеля как бы воплощали в себе три варианта государственного устройства: Солон — олигархического, Клисфен — радикально-демократического и Тесей — умеренно-демократического. В дальнейшем радикальным демократам удалось использовать в своей пропаганде и фигуру Солона, подчеркивая демократический уклон его законов⁵. Со временем имена Солона и Клисфена уже не противопоставлялись, а фигурировали вместе [Доватур, 1965, с. 125; Bringmann, 1965, с. 84]. Оба законодателя стали признанными основателями афинского государственного устройства и в таком качестве упоминались в различных произведениях IV в. (Dem. IV, 10—11; XIV, 19—34; Aesch. I, 25; Andoc. I, 107—108; Isocr. Paneg., 85—100).

Ход политической борьбы привел не только к идеализации и абстрагированию образов государственных деятелей прошлого, модификации подверглись также их установления. Так, яростная схватка различных группировок вокруг фигуры Солона, стремление укрепить свои позиции ссылками на исполнение заветов «отца афинской демократии» привели к значительной политической и социальной переработке последних. Поэтому попытка восстановить законодательство Солона в первоначальном виде наталкивается на большие трудности [Mosse, 1979, с. 430—436].

Таким образом, избранный Исократом вариант утопии, построенный на пересечении проблем настоящего с интерпретированной соответствующим образом историей, не был уникальным для греческой литературы. Установление специфики жанра снимает, на наш взгляд, вопрос о том, утопичны или нет идеи оратора, он просто не корректен, так как они утопичны поскольку, по-

⁴ В одной из речей (Helen) Исократ считает Тесея основателем афинской демократии [Ruschenbusch, 1958, с. 441 и сл.; Wade-Gery, 1931, с. 8].

⁵ Ссылки на Солона как основателя демократии часто встречаются у ораторов IV в. Например, Dem. XVIII, 6—7, 251—256; XX, 90—93, 102—104; XXII, 25, 30—32; XXIV, 103, 113, 142, 211—212. А. Фуке [Fuks, 1954, с. 15] полагает, что работы Солона подверглись в IV в. демократической интерпретации, но находит в них следы и олигархической тенденции.

сколько выражены в утопической форме, и одновременно актуальны и тесно связаны с проблемами своего времени, как и любая социально-политическая утопия.

Между демократией и олигархией

Весьма существенно уточнить, какие круги полиса представлял Исократ, насколько тесно его речь связана с борьбой и лозунгами различных политических группировок, к литературе какого направления, демократического или олигархического, следует отнести «Арсопагитик». Все эти вопросы уже ставились в историографии и по-разному освещались, однако неутихающая полемика по поводу «Арсопагитика» показывает, что предложенные ответы далеко не всегда признавались удовлетворительными. Всестороннее и полное исследование речи, которая до сих пор остается одним из «темных пятен» в греческой историографии IV в., безусловно, потребует еще соединенных усилий многих ученых. В данной работе хотелось бы выделить лишь некоторые аспекты подхода к изучению этого произведения, которые, возможно, окажутся плодотворными.

Исократ восхваляет государственный строй прошлого, который он называет демократией. Трудно, по мнению оратора, найти более полезное для города и более демократическое устройство (Isocr. Ageorag., 17). Даже то, что к управлению полисом допускается лишь группа граждан, представляется ему более демократичным, чем выборы по жребию (Isocr. Ageorag., 23, 27). Создателем столь совершенного порядка объявлен Солон, «самый демократичный из законодателей» (*ὁ δημοτικώτατος γενόμενος ἐνομοθέτησε*), а его наследником — Клисфен, восстановивший политику, изгнавший тиранов и вернувший власть народу (Isocr. Ageorag., 16, 59). Дальше речь идет об образе жизни людей при *πάτριος πολιτεία*. Она коренным образом отличается от того, что оратор видит в Афинах. Нарисованная им картина поражает читателей полной гармонией, царящей в городе, удивительным доверием и согласием между государством и индивидом, а также различными слоями общества.

Порядок и устойчивость конституции поддерживались высокой нравственностью граждан и правильным воспитанием молодежи. Хорошее состояние государства, поучает Исократ, зависит от добродетелей, поэтому предки уделяли большое внимание воспитанию будущих граждан (Isocr. Ageorag., 37, 41, 43, 48—49). Причем помимо внушения правил поведения и представлений, необходимых для хорошего гражданина полиса, молодежи прививались различные профессиональные навыки. Неравенство в средствах (*ἀνισμῶλος τὰ περὶ τὸν βίον ἔχοντας*) предопределяло существование двух групп. Одних ориентировали на занятие земледелием и морской торговлей, других — на совершенствование в

верховой езде, физических упражнениях, охоте и философии (Isocr. Ageorag., 44—45).

Одним из признаков «хорошего» государственного строя в «Ареопагитике» считается также неприкосновенность и регулярное соблюдение религиозных обрядов (Isocr. Ageorag., 29—30).

Надзор за установленным строем осуществлял совет Ареопага, составленный из знатных, доблестных и нравственных граждан (Isocr. Ageorag., 37). Члены Ареопага заботились о создании таких условий жизни, которые способствовали правильному воспитанию граждан и процветанию полиса. Они строго следили за жизнью каждого и удерживали граждан от дурных поступков как надзором за ними, так и наказанием. Наблюдение было организовано настолько тщательно, что им становилось заранее известно, кто мог совершить преступление (Isocr. Ageorag., 42, 46—48).

Исократ начинает речь с описания контраста между видимым и истинным положением города. Он перечисляет военные и политические успехи Афин, а затем приводит доказательства шаткости внешне блестящего положения полиса и убеждает читателей, что в основе его лежат либо счастливые случайности, либо удачи полководцев (Isocr. Ageorag., 9—12). Далее оратор объясняет, почему могла сложиться такая ситуация. Все дело, оказывается, в том, что в современных ему Афинах отсутствует истинное государственное устройство — полития (*πολιτεία*), которую можно считать душой (*ψυχή*) города, она охраняет добро, отводит от несчастий, ей подчиняются и законы, и ораторы, и рядовые граждане (Isocr. Ageorag., 14).

Развивая свою мысль, Исократ сообщает о существовании двух видов политии, один из них принадлежит прошлому, другой — настоящему (Isocr. Ageorag., 12, 15—16, 18). Два типа политии воплощаются в двух формах правления, резко противопоставленных друг другу, что хорошо в одной — плохо в другой. При политии предков в Афинах царила гармония как в частных делах, так и в общественных, молодежь правильно воспитывалась, город процветал (Isocr. Ageorag., 28—35, 43—44, 53—55). Все это отразилось и на его внешнеполитическом статусе. Афины получили от греков добровольную гегемонию, одерживали победы на суше и на море, были грозой варваров, исконных врагов эллинов (Isocr. Ageorag., 17, 51—52, 80). При нынешней политии все изменилось: внутри государства царят хаос, анархия и нужда, полис рассорился со всеми государствами, его преследуют неудачи во внешней политике (Isocr. Ageorag., 9—12, 27—28, 54, 81).

Исократ поясняет, что именно он понимает под хорошо организованным государственным строем (*πάτριος πολιτεία*). Один из главных вопросов здесь — вопрос о равенстве (*ἰσωνομία*). Политии предков приписывается два вида равенства, с одной стороны, всем давались одинаковые права, с другой — каждому воздавалось должное, при этом стремились избегать оказания одина-

ковых почестей хорошим и дурным (*τοὺς χρηστοὺς, τοὺς πονηροὺς* — Isocr. Ageorag., 21).

Государственные должности замещались не по жребию, а путем отбора лучших и наиболее способных к общественной деятельности граждан (Isocr. Ageorag., 22). Народ, поясняет оратор, должен, подобно тирану, назначать представителей власти, карать провинившихся и выносить решения по спорным вопросам. Люди же, обладающие достаточными средствами к жизни, рассматривали себя «как слуг» (*ὥστερ οἰκέτας*) народа. Не оправдавшие его доверия подвергались строгим наказаниям (Isocr. Ageorag., 26—27).

Весь набор признаков, свойственных идеальному полису, у Исократа связан с термином *πολιτεία*, поэтому целесообразно посмотреть, какое содержание он вкладывает в это слово. Первые параграфы речи расшифровывают *πολιτεία* как принцип государственного устройства, конституцию полиса как таковую (Isocr. Ageorag., 12, 14). Именно такая трактовка термина широко распространена в греческой политической фразеологии и встречается также в речах политических ораторов IV в. Эсхин сообщает, что существует три вида политии — тирания, олигархия и демократия (Aesch. III, 6). Динарх говорит о политии, завещанной предками (Din. III, 21). Демосфен, обличая Филиппа, объявляет его врагом существующего государственного строя (*πολιτεία* — Dem. VIII, 43; 14, 15).

А. И. Доватур в обстоятельной статье о терминологии «Афинской политии» пришел к выводу, что, несмотря на широкий диапазон значения *πολιτεία*, в большинстве случаев термин обозначает государственный строй вообще [Доватур, 1958]. А. К. Бергер отмечает, что в конце V в. *πολιτεία* часто употреблялась для обозначения государственного строя, государственного порядка [Бергер, 1966, с. 90].

Полития как государственный строй могла воплощаться в разных формах. Исократ останавливается на двух из них. Идеальная полития (она же полития прошлого) именуется политис, истинной демократией и чаще всего *πάτριος πολιτεία*. Полития, действующая в современных оратору Афинах, называется испорченной политисей, демократией, искаженной демократией.

Таким образом, мы видим, что в рамках одного термина со вмещены три понятия. Одно из них носит абстрактный характер и не может быть идентифицировано ни с одним видом реального государственного устройства, так как выражает идею полисной организации. Два других понятия соотносятся самим автором с определенными формами власти в рамках конкретного полиса — Афин.

Оба вида реальной политии Исократ относит к демократии, следовательно, речь идет о противопоставлении двух вариантов демократического устройства. Прошлое и настоящее рассматриваются как две фазы развития демократии. Восхваление одной из

них и порицание другой строится на интерпретации основных принципов демократического устройства.

В идеальном полисе оратора существуют два вида равенства (*ισονομία* — Isocr. Ageorag., 21), которым соответствуют два вида участия граждан в государственной деятельности — прямое и опосредованное. Подобная градация позволяла избежать уравнивания хороших и плохих граждан, но гарантировала оценку каждого из них по заслугам (Isocr. Ageorag., 22). В результате складывалась следующая иерархия: обладающий верховной властью народ выбирал руководителей государства из числа людей, обладающих достаточными средствами к жизни, они и осуществляли управление полисом. Такая форма демократии определялась как самая надежная и справедливая (Isocr. Ageorag., 26—27).

Идеалом демократии, таким образом, объявлялась цензовая конституция, действительно связанная с именем Солона, которого Исократ считает основателем совершенного государственного устройства (Isocr. Ageorag., 16, 59). Нарисованная оратором картина противоречит тем порядкам, которые его современники привыкли связывать с демократией — фактическим отсутствием ценза при занятии ответственных должностей в полисе, выборами на эти должности по жребию.

Автор не скрывает этого обстоятельства, более того, подчеркивает его. Исократ резко враждебно относится ко всему, что для его читателей ассоциируется с демократией, нередко смыкаясь здесь с олигархической критикой. Так, в «Ареопагитике» осуждается система оплаты должностных лиц и плата за посещение собраний (Isocr. Ageorag., 52, 59). Тон Исократа здесь довольно умеренный, зато в другой своей речи, написанной менее академично («О мире»), оратор дает волю раздражению по поводу существующих порядков. Народное собрание объявлено толпой, неисполненной самых дурных намерений, которая по природе своей тяготеет к худшему, не способна критически мыслить, не может анализировать ни прошлого, ни настоящего, чтобы извлечь уроки на будущее (Isocr. De Pace, 3—5, 8—9; 12—14, 38—39, 53).

Уровню развития демоса, дорвавшегося до возможности управлять государством, вполне соответствуют его представители и руководители в виде должностных лиц и ораторов. Исократ утверждает, что все они — лстецы, негодные, неразумные, растратчики государственного имущества и т. п., часто употребляет термин *πομπρότατοι* (Isocr. De Pace, 3, 6, 9—11, 36—38, 52—53, 60—62, 66, 81, 93, 121, 124, 126). Исократ обрушивается на неразумную толпу, убежденную, что пьяные более преданы демократии, чем трезвые, неразумные — чем здравомыслящие, расхитители общественного достояния — чем устраивающие литургии из собственных средств (Isocr. De Pace, 13).

Он апеллирует к патриотическим чувствам сограждан, обвиняя вождей демократии в попустительстве постановкам комедий, в которых перед чужаками высмеиваются недостатки родного города, доказывает, что из-за дурных правителей Афины приобре-

ли плохую славу среди эллинов (Isocr. De Pace, 14, 19, 21, 42, 125). Плоды такой организации не замедлили сказаться — военное могущество и престиж города подорваны, населению война принесла неисчислимы бедствия (Isocr. Ageorag., 8, 12, 81; De Pace, 7, 19, 21, 42, 46—47, 69, 125—127, 131, 155). Мы позволили себе привлечь в данном случае речь совершенно иного типа (De Pace), для того чтобы показать, что критика современной автору демократии носит неслучайный характер и хорошо согласуется с положениями, высказанными им и в других произведениях.

Исократ не ограничивается только порицаниями современности, он объясняет, почему два столь противоположных государственных строя оказались объединенными одним термином *δημοκρατία*. Причина в том, что афиняне неправильно понимают демократические принципы, искажают их (Isocr. Ageorag., 20).

Подобная трансформация оказалась возможной потому, что полис развивался по неверному пути. В речи делается экскурс в историю Афин, она представлена в виде схемы, состоящей из трех частей: установление правильного государственного строя, затем период, в который была совершена ошибка⁶, из-за которой развитие полиса отклонилось от намеченного направления, и, наконец, современное автору состояние государства, где в полной мере развились намеченные ранее тенденции (Isocr. Ageorag., 16—17, 51—52; De Pace, 126—128). Дальнейшая история представлена развивающейся по нисходящей линии, в конце которой находится современное Исократу политическое устройство Афин. Показательно также, что термин *πάτριος πολιτεία* обычно употреблялся олигархической группировкой, а демократически настроенные политические деятели, ссылаясь на предков, как правило, не использовали данного словосочетания. Восхваление государственного строя Афин периода господства Ареопага в противовес демократическому управлению, призыв восстановить политические права Ареопага — один из лозунгов антидемократической группировки. Именно на этом основании В. Йегер сближает Исократа с Фераменом и причисляет оратора к консервативным кругам [Jaeger, 1940, с. 444 и сл.; 1944, с. 119 и сл.]⁷.

Исократ придает большое значение морали и проблемам воспитания, что не раз отмечалось исследователями [Bringmann, 1965, с. 66 и сл.; Jaeger, 1940, с. 111 и сл.; Mathieu, 1925, с. 13;

⁶ Изменил направление развития государства, по мнению Исократа, закон Эфиальта 462 г., но автор не называет этого государственного деятеля по имени, а говорит, что с упреками нужно обращаться к людям, которые правили городом «незадолго до нас» и разрушили власть Ареопага (*καταλύσαντες τὴν τῆς βουλῆς δύναμιν* — Ageorag., 50—51). О значении закона Эфиальта для истории Ареопага см. [Коршунков, 1988].

⁷ На сходство программ Исократа и Ферамена указывают многие авторы [Bringmann, 1965, с. 83 и сл.; Buchner, 1958, с. 150; Fuks, 1954; 5 и сл.; Levi, 1959, с. 30 и сл.; Romilly, 1954, с. 333]. Особенно много внимания уделено этому вопросу в статье Ж. де Ромили об «умеренных». Автор приводит убедительные доказательства широкого распространения в литературе IV в. сетований на аморальность своего времени [Romilly, 1954, с. 327].

[Romilly, 1958, с. 95 и сл.]. Как известно, воспитание — один из основных тезисов программы противников демократии, ставивших воспитание и знание, полученное в его результате, непреодолимым барьером, воздвигнутым между лучшими людьми и невежественной толпой. «Каждое слово в "Ареопагитике", — писал В. Йегер, — злобная атака на отсутствие культуры в современных Афинах» [Jaeger, 1945, с. 117].

В соответствии с двумя формами равенства предложены и два вида воспитания. Воспитание менее состоятельных людей сводилось к тому, что им предписывали заниматься земледелием (*γεωργία*) и морской торговлей (*ἐμπορία* — Isocr. Areopag., 40). Обладатели значительных состояний должны были посвящать свое время верховой езде, физическим упражнениям, охоте и философии. В результате такого мудрого распределения обязанностей одни достигали совершенства, а другие избавлялись от пороков (Isocr. Areopag., 45)⁸.

«Ареопагитик» наполнен порицаниями аморальности сограждан, лишенных благодетельного надзора Ареопага, члены которого могли служить примером высокой доблести и безупречной нравственности. По верному замечанию В. Йегера, моральная власть Ареопага даже выше, чем политическая. Исократ, по его мнению, делает государство непререкаемым авторитетом во всех областях жизни и все его похвалы добродетели прошлого направлены на порицание недостатков настоящего [Jaeger, 1940, с. 85; 1945, с. 112 и сл.].

С проблемами морали связан вопрос о соотношении права и законов. Позиция автора здесь отражает давнюю борьбу демократии и ее противников. Последние не признавали народных постановлений законными и выступали против писаных законов, противопоставляя им неписаные, заветные предками, обвиняя демократов в том, что их декреты превалируют над законами [Buchner, 1958, с. 82; Grossman, 1950, с. 159; Jones, 1956, с. 50]. Исократ поучает: добродетель возрастает не на основании законов, главное — воспитание, многочисленные и точно составленные законы служат лишь признаком плохой организации города. Неправильно было бы предположить, что лучшие люди, добродетель, а также правильное управление находятся там, где наибольшее число законов или они составлены наиболее тщательно (*ἀκρίβεια*). Правильная политика зависит не от *псефисм* (постановлений народного собрания), при ней не нужно покрывать записями (*τὰ γράμματα*) стои. Добродетель граждан заключена в их нравах (*ἔθος*) и в находящейся в душе справедливости (*δίκαιον* Isocr. Areopag., 39—40)⁹.

⁸ Любопытно наблюдение П. Мак-Кендрика, что в отличие от Платона Исократ ставит интеллектуальную жизнь на последнее место в перечне предметов воспитания [MacKendric, 1969, с. 16].

⁹ Напомним, что для демократов законы были основой полисной жизни и демократических установлений. Например, Dem. XXIII, 75; XXIV, 59; XXV, 15—16, 20.

Перечисленные пункты обвинения в адрес демократии и противопоставление ей идеалов противоположной политической группировки дают веские на первый взгляд основания для зачисления Исократ в лагерь противников демократии [Фролов, 1969, с. 19; Levitt, 1943, с. 71], внешнее сходство аргументации при критике очень велико.

Но есть некоторые нюансы, не позволяющие отнести Исократ к олигархам. Во-первых, он нигде не говорит о восстановлении политических прав Ареопага. Когда речь идет о принципах управления полисом, он предпочитает формулировать свое мнение в теоретической форме, избегая сопоставления с каким-либо конкретным институтом, ссылаясь на конституцию предков вообще и на установления Солона и Клисфена, но не называя, на какие именно. Ареопаг фигурирует как высший и непререкаемый авторитет во всех вопросах, связанных с моралью, законами, воспитанием, но ни разу не связывается с управлением полисом. Исократ провел разделение функций Ареопага, не все из них были использованы в качестве эталона.

Во-вторых, сближение программ Исократ и Ферамена, на наш взгляд, неправомерно. Обычно ссылаются на явную близость оратора к этому представителю умеренной олигархии, а также на совпадение их взглядов: обращении к *πάτριος πολιτεία*. Но использование одного и того же понятия еще вовсе не означает, что совпадает его трактовка. Неизвестен смысл, который вкладывали круги Ферамена в данный термин, ибо сведения о программе Ферамена очень скудны. В сущности, она неизвестна, неизвестен и слой, на который он рассчитывал опереться, известна лишь оппозиция к демократии, а также то, что Ферамен не разделял экстремизма Крития и его сторонников, но мы не имеем сведений о том, насколько расходились их теоретические взгляды (Arist. Ath. Pol., XIII, 36—37; Xen. Hell., I, 27, 4; II, 2, 16—22; 3, 2, 15, 24, 35—49, 51—56; Lys. XII, 50, 62—64, 69, 71—79). М. Оствальд показал, что при олигархическом перевороте 411 г. (Тирания 400) за лозунгом *πάτριος πολιτεία* скрывалось стремление изменить существующее законодательство. Для того чтобы замаскировать эту новацию, ее подкрепили ссылкой на прошлое, на традицию [Ostwald, 1986, с. 337—411].

В-третьих, сам Исократ упорно стремится отмежеваться от олигархов. Убедя сограждан заключить мир с союзниками, он предупреждает, что не следует обвинять сторонников мира в олигархизме, что порядочные люди, в том числе и автор, не могут быть приверженцами такого строя (Isocr. De Pace, 51, 70, 133). В «Ареопагитике» оратор иллюстрирует свой тезис, нарисовав очень красочную и эмоциональную картину тех бед, которые претерпели Афины при правлении Тридцати (Isocr. Areopag., 65—69). В отношении Исократ к олигархии нет политического лавирования, в данном случае мы разделяем точку зрения Дж.

[Жиллиса и П. Клоше: оценка оратора оставляет впечатление искренности [Gillis, 1971, с. 69; Cloché, 1963, с. 73].

В-четвертых, оратор оговаривается, что власть принадлежит народу, который обладает полным правом назначения, смещения и наказания должностных лиц. Почему-то этот сугубо демократический принцип не принимается во внимание исследователями, склонными видеть в Исократе сторонника олигархии.

Наконец, можно предположить, что некоторые обвинения в адрес Народного собрания были справедливы. Демосфен, которого трудно заподозрить в антидемократических взглядах, упрекает сограждан в беспечности, отсутствии инициативы там, где нужно принимать решительные меры, в безрассудстве, из-за которого дела полиса пришли в негодное состояние, упоминает о влиянии ораторов на собрание, об отклонении от образа действий предков (Dem. I, 10; II, 23—29; III, 14, 16, 21—27; IV, 9—11; ср. Aesch. III, 4, 127, 130).

Тем не менее в отрицательной характеристике, данной демократии в «Ареопагитике», слишком много совпадений с аргументацией противников этой политической группировки, чтобы ими можно было пренебречь.

Таким образом, Исократ оказался в довольно странной для политического оратора позиции: посередине между демократией и олигархией. Можно настаивать на преобладании у него демократических элементов, можно — олигархических, но в любом случае отклонения от равновесия будут не слишком значительными. По крайней мере не настолько, чтобы были веские основания отнести его к какой-то конкретной группировке. Те из исследователей, которые, по существу, стоят на такой точке зрения, формулируют ее очень осторожно и расплывчато, предпочитая не заострять на этом внимания, а выдвинуть на первый план моральные ценности, обозначенные в речи, трактуя *πάτριος πολιτεία* как образ жизни [Albafull, Pages, 1971, с. 53—57; Cloché, 1963, с. 93 и сл.; Froliková, 1974, с. 13—15]. Очевидно, явная невозможность отнести Исократа к какому-либо известному политическому направлению оставляет у них ощущение «недоисследованности» на фоне господствующей тенденции представить автора любого политического трактата либо демократом, либо олигархом.

Затруднения в определении политического *credo* оратора вызваны, на наш взгляд, тем обстоятельством, что и демократическая и олигархическая теории в настоящее время все еще плохо изучены. А. Джонс, занимавшийся исследованием афинской демократии, в свое время справедливо заметил, что в нашем распоряжении чрезвычайно мало источников по этой проблеме. Он склонен объяснять сложившуюся ситуацию тем, что авторы сохранившихся трактатов так или иначе причастны к олигархии [Jones, 1957, с. 41—43]. Однако об олигархии мы, в сущности, имеем сведений не больше, и их отсутствие трудно объяснить именно такими причинами. Трудность, пожалуй, в другом: от-

сутствуют более или менее четкие критерии для определения основных элементов двух господствовавших политических группировок.

Представители «лучших и благородных», которые были оппозиционно настроены по отношению к демократии, упорно боролись с нею в VI и V вв. Создается впечатление, что в IV в. период активного политического противостояния народовластию остался позади. Правда, произошли два олигархических переворота, но они были спровоцированы Пелопоннесской войной. Аристократия либо подчеркнуто отошла от общественной деятельности, заняв позицию политического квиетизма (*ἀπραγμοσύνη*) и отгородившись таким образом от напористой энергии демократии, отличительной чертой которой была кипучая деятельность (*πολύπραγμοσύνη*), либо занялась разработкой наилучшего образа правления [Carter, 1986; Vatai, 1984], попутно разбирая установления демократии и буквально не оставляя от них камня на камне.

О принципах создания правильного государственного устройства речь пойдет дальше, сейчас же нам хотелось бы обратить внимание на источники, признанные бесспорно олигархическими — сочинения Платона и Псевдо-Ксенофонта, наполненные язвительными комментариями по поводу демократических порядков. Так, автор анонимного трактата, ранее приписываемого Ксенофону, убежден, что простому народу свойственны величайшая необразованность, недисциплинированность и низость, что и толкает его на позорные дела. В Афинах, продолжает он, установившийся порядок вовсе не предполагает совершенствования государства, он лишь создает оптимальные условия для существования демократической системы (Ps.-Xen. Ath. Pol., I, 5, 7). Автор прямо связывает власть демоса с корыстолюбием, добавляя, что выходцы из народа стремятся занять те должности, которые «приносят в дом жалование и доход» (Ps.-Xen. Ath. Pol., I, 3). Платон трактует демократический постулат свободы как возможность делать все, что ни пожелаешь, видя в этом презрение ко всему, что считается важным для государства (Plato. De Rep., 557—558 B).

Во всех этих высказываниях хорошо видно раздражение, испытываемое олигархами, соприкасавшимися с практикой радикальной демократии и опасавшимися ее дальнейшего развития и укрепления. Лидеры беднейших слоев полиса (*οχλοσα*) требовали увеличить выплату пособия неимущим гражданам, расширить их участие в управлении государством, проводить более активную политику внешней экспансии, интенсивнее эксплуатировать союзников и принимать самые решительные и жесткие меры при их попытках отложиться от Афин. Лозунги такого рода побуждали олигархов усилить критику демократических принципов, хотя нет полной уверенности, что их возмущение вызывали сами принципы, а не их практическая реализация или их интерпретация некоторыми наиболее решительно настроенными группами

ждан. Во всяком случае, практика радикальной демократии во многом способствовала консолидации аристократии в IV в. Если раньше в ее среде были как противники народовластия, так и его сторонники, то после раскола демократов при Перикле на умеренное и радикальное крыло «лучшие и благородные», постепенно отходя от народовластия, стали политически более гомогенными. Как бы то ни было, критиковали ли олигархи постулаты демократии или варианты их воплощения, они сосредоточили внимание на негативной стороне аргументации явно в ущерб позитивной, предлагая взамен существующей некую идеальную политическую систему, а отнюдь не реальную.

Не очень обнадеживающая ситуация складывается и с демократической теорией. Оживленно дискутируется вопрос: существовала ли она вообще, вполне возможно, что мы имеем дело с практическим видом единовластия. В современной историографии есть сторонники и той и другой точки зрения, но ни одна из сторон не располагает убедительными доказательствами своей правоты, косвенные данные, которыми они оперируют, могут трактоваться по-разному. В подобной ситуации чрезвычайно сложно давать оценки политических воззрений авторов трактатов о государственном строе. И все же позиция, занятая Исократом в «Ареопагитике», может быть объяснена и квалифицирована, если отойти от традиционных точек зрения и приять во внимание некоторые новые тенденции, обозначившиеся в исследовании теории и практики полиса.

Начнем с того, что взгляды оратора, несомненно, имеют точки соприкосновения с критическими замечаниями, высказанными в адрес демократии Платоном и Аристотелем. Не будем останавливаться на огромном значении, которое придается в «Ареопагитике» системе моральных ценностей и воспитанию, и соответствующих параллелях у Платона, это особый сюжет. Нам бы хотелось обратить внимание на другое: почти одинаковый подход оратора и философа к понятию равенства и существованию двух его видов.

Исократ пишет, что при одном из них все имели одинаковые права, при другом — каждый получал по заслугам (Isocr. Areopag., 21). Симпатии автора речи явно на стороне второго варианта. Платон признает необходимость жеребьевки как уступку практическому руководству полисом, а высшим видом равенства считает такое, которое по справедливости воздает каждому должное (Plato. Leg., 757). Исократ утверждает, что предки отвергали как несправедливое равенство, требовавшее одинаковых почестей для хороших и дурных (Isocr. Areopag., 21). Платон формулирует мысль о несправедливом уравнивании примерно так же, но уточняет, что такой порядок присущ демократии (Plato. De Rep., 558 C).

Оратор противопоставляет политику прошлого современной, при которой распущенность считается демократией, противозаконие — свободой, неводержанность на язык — равенством, а

возможность делать все что вздумается — счастьем (*οὐδ' ἡ τοῦτον τὸν τρόπον ἐπαίδευε τοὺς πολῖτας ὥςιν ἡγεῖσθαι τῇ μὲν ἀκολασίᾳ δημοκρασίᾳ, τὴν δὲ παρανομίᾳ ἐλευθερίᾳ, τὴν δὲ παρρησίᾳ ἰσονομίᾳ, τὴν δ' ἐξουσίᾳ τοῦ ταῦτα ποιεῖν εὐδαιμονίᾳ* — Isocr. Aeginet., 20). Философ говорит об извращении понятий в демократическом государстве, где наглость будут называть просвещенностью, разнузданность — свободой, распутство — великолепием, бесстыдство — мужеством (*ὑβρίν μὲν εὐπαιδευσία, καλοῦντες, ἀναρχίαν δὲ ἐλευθερίαν, ἄσωτίαν δὲ μεγαλοπρέπειαν, ἀνείδειαν δὲ ἀνδρείαν* — Plato. De Rep., 560 E).

Интересные параллели в оценке государственного строя можно наблюдать также у Исократа и Аристотеля. В «Политике» дано определение политии как смешения олигархии и демократии. Политическое устройство, более близкое к демократии, называется там политией, а к олигархии — аристократией (Arist. Pol., IV, 6, 2). А. И. Доватур, исследуя политическую терминологию Аристотеля, обратил внимание, что Аристотель соотносит политику как правильную форму правления с ранним периодом афинской демократии: то, что древние называли демократией, на самом деле — полития (Arist. Pol., IV, 10, 10) [Доватур, 1958, с. 63; 1968, с. 57]. А. И. Доватур полагает, что *πολιτεία* означала цензовую конституцию. По его гипотезе, в противовес демократической фракции в кругах противников демократии *πολιτεία* означала республиканский строй, основанный на принципе какого-то ценза, из этих кругов трактовка была заимствована Аристотелем¹⁰ [Доватур, 1958, с. 62]. Идея двух видов равенства у Исократа по существу совпадает с постулатом Аристотеля¹¹.

Постоянные параллели между демократией IV в. и строем, который оратор именует «испорченной демократией», показывают, что оратор не воспринимал демократию как нечто цельное и неизменное, он говорит об изменении демократического строя. Исократ здесь не одинок: Аристотель в «Афинской политии» заканчивает разбор политической истории города примерно тем же временем, что и оратор. Он квалифицирует демократию указанного периода как одиннадцатое по счету преобразование и употребляет тот же термин, который применен в «Ареопагитике» — *μεταβολή* (Arist. Ath. Pol., XV, 41, 2). В «Политике» Аристотель

¹⁰ На трактовке политии как воплощения идеала умеренных олигархов настаивает А. К. Бергер. Его позиция в данном случае обусловлена оценкой Аристотеля как представителя олигархов, разработавшего и суммировавшего олигархические постулаты [Бергер, 1966, с. 148, 150, 190].

¹¹ А. И. Доватур ошибочно, как нам кажется, полагает, что Исократ обозначал термином *πολιτεία* только современный ему государственный строй [Доватур, 1958, с. 62, 64]. Текст «Ареопагитики» опровергает, по нашему мнению, такое утверждение. А. И. Доватур выводит свое заключение из содержания не «Ареопагитики», целиком посвященного проблемам полисного устройства, а «Панегирика», ориентированного на проблемы внешней политики и поэтому касающегося остальных вопросов довольно бегло.

рассматривает пять теоретических разновидностей демократии, худший вид имеет много общих черт с радикальной демократией Исократ (Arist. Ath. Pol., IV, 4, 3).

Аристотель и Исократ идентичны в оценке государственного устройства периода господства Ареопага. В главах автора «Афинской политики» это время было прекрасно (*καλῶς*), так как Афинянам удалось достичь успехов в военном деле, приобрести славу у эллинов (*καὶ παρὰ τοῖς Ἑλλήσιν εὐδοκίμῃσαι*), добиться гегемонии на море (*καὶ τὴν τῆς θάλαττης ἡγεμονίαν λαβεῖν* — Arist. Ath. Pol., XXIII, 2). Оценка Исократ столь же высока: при той политике афиняне совершили много великих и прекрасных подвигов, заслужили славу у всех людей и с согласия эллинов стали гегемонами (*οἱ μὲν γὰρ ἐκείνῃ χρώμενοι, πολλὰ καὶ καλὰ διαπραξάμενοι καὶ παρὰ πᾶσιν ἀνθρώποις εὐδοκίμησαντες, παρ' ἐκόντων τῶν Ἑλλήνων τὴν ἡγεμονίαν ἔλαβον* — Isocr. Areopag., 17).

Можно привести еще много примеров совпадения политической фразеологии и аргументации у Исократ, Платона и Аристотеля. Такого рода аналогии, уже зафиксированные и прокомментированные в историографии, вносят дополнительные осложнения и путаницу в характеристику взглядов оратора. Труды Платона в исследовательской литературе чаще всего определяются как квинтэссенция олигархической теории. Аристотель оценивается по-разному. Как и в случае с *πάτριος πολιτεία*, взгляды оратора и позиция философов идентифицируются на основании фразеологии и аргументации.

Между тем демократия как политическая группировка, а затем как государственная система вышла на историческую арену довольно поздно. Граждане, интересы которых она защищала, не принадлежали к слою, обладающему хорошо разработанной и четко выраженной системой этических, политических и правовых ценностей. Все известные нам понятия в этой сфере, как позитивные, так и негативные, были выработаны аристократией, часть которой конституировалась потом как олигархия: *καλός*, *κ' ἀγαθός*, *ἀρετή*, *δῆμος*, *ὄχλος* [Сахненко, 1978; Adkins, 1972; Arnheim, 1977, с. 158—181].

В процессе консолидации и развития демократическое течение вынуждено было заимствовать терминологию своих противников, изменяя ее значение. Например, одним из принципов народовластия следует считать равенство (*ἰσωνομία*). Доказано, что первоначально *ἰσωνομία* означала равенство в аристократической среде, своего рода «рыцарский этос» [Оссовская, 1987, с. 39; Lengauer, 1988, с. 12—19]. В. Ленгауэр показал, что все принадлежавшие к правящему слою, какое бы место в его иерархии они ни занимали, должны были иметь одинаковый набор добродетелей, обеспечивающий равноправие в рамках кодекса чести, выработанного аристократией. Причем данная норма функционировала лишь в среде «лучших» (*ἀριστοί*) и не распространялась на другие слои общества.

Набравшая силу демократия воспользовалась лозунгом враждебной ей группировки, приспособив его к своим целям. *ἰσωνομία* стала обозначать равенство в политических правах. У Геродота, к примеру, *ἰσωνομία* уже прочно ассоциируется с демократией, причем не с любой, а с конкретной — афинской. В период Пелопоннесской войны *ἰσωνομία* начала фигурировать как равенство в политических правах [Lengauer, 1988, с. 101—119].

М. Хансен полагает, что *ἰσωνομία* была для афинской демократии важным идеологическим постулатом, но вместе с тем и дефиницией, стоявшей несколько особняком, привнесенной в нее философами. Он обращает внимание, в частности, что *ἰσωνομία* никогда не была персонифицирована, ей не поклонялись, подобно *δημοκρατία* и *ἐλευθερία* («демократии» и «свободе») [Hansen, 1989, с. 24—25].

Экстраполяцию аристократических понятий в демократическую идеологию можно наблюдать и на примере *ἰσθυορία* — свободы слова, права апелляции к Народному собранию, возможности в открытой, публичной дискуссии высказать любое мнение. *ἰσθυορία* была важнейшим принципом, краеугольным камнем народовластия. Свидетельства об этом исходят из лагеря не только сторонников, но и противников демократии. Автор Псевдо-Ксенофоновой «Афинской политики», чтобы подчеркнуть неправомерность широкой трактовки *ἰσθυορία*, возведения ее в ранг элемента государственной системы, упрекает афинян в том, что свобода слова распространяется не только на граждан, но и на метеков и рабов (Ps.-Xen. Ath. Pol., I, 12). Исследователи, изучающие происхождение этого термина, показали, что *ἰσθυορία* в качестве синонима *δημοκρατία* появилась после реформ Солона. Однако есть основания предполагать, что связь *ἰσθυορία* с именем этого законодателя обозначилась лишь в произведениях IV в., в ранний период понятие могло означать равные права для выступления в аристократическом Совете [Lewis, 1971; Woodhead, 1967].

Вторым источником, из которого демократия черпала постулаты для обоснования правильности своих установлений, была философия досократиков, выработавшая кардинальные понятия для объяснения строения космоса, природы, человеческого общества. Позднее многие из них были использованы демократами как аргументы, доказывающие закономерность народовластия, его детерминированность мировым порядком. Гр. Властос высказал мысль, что тезис Гераклита о государстве как части всеобщей справедливости вдохновил Солона на проведение реформ, а в период расцвета демократических Афин лег в основу их концепции государственного строя [Vlastos, 1970, с. 71—72]. По мнению Ц. Фаррар, аргументы в пользу демократических принципов могли быть найдены в философии Протагора и Демокрита [Farrar, 1989]. В той же философии досократиков искали подтверждение правильности своих взглядов и противники демократии.

Активному внедрению аристократической терминологии в демократию способствовал переход части «лучших» в лагерь народовластия. На протяжении довольно долгого времени вождями демоса были выходцы из среды «знатных и благородных». Похоже, что лишь начиная с Клеона можно говорить о лидерах демократии, не принадлежащих к аристократическому слою.

«Уклончивость» позиции Исократ и приведенные соображения — еще одно доказательство отсутствия четкого различия в понятийной системе демократии и олигархии. По источникам можно довольно четко дифференцировать конкретные политические группировки, определить их взгляды на внутреннюю и внешнюю политику государства, зачастую известны и лозунги группировок, однако всего этого недостаточно для выявления демократической и олигархической теорий. Существует большой разрыв между позицией полисных идеологов и действиями различных группировок. В историографии теоретические воззрения обычно соотносились с лозунгами, выдвигаемыми в ходе борьбы, однако исследования последних десятилетий показали ошибочность подобной идентификации. Благодаря им постепенно вырисовывается комплекс понятий, присутствующий в лозунгах и программах как демократов, так и олигархов.

При внимательном рассмотрении оказывается, что мы не можем получить четкого представления о демократической и олигархической теориях. Попытки реконструировать их на основании политических постулатов не дали убедительных результатов, так как основные демократические понятия были заимствованы у аристократов и переосмыслены. В основе их модификации лежало семантическое расширение слова: равенство избранных в рамках выработанных ими этических норм превратилось в равенство в политических правах граждан одного государства, свобода слова в аристократическом Совете — в свободу мнений в Народном собрании и т. п.

Учитывая очень небольшое число источников, находящихся в нашем распоряжении, далеко не всегда можно определить, с каким вариантом трактовки мы имеем дело, с олигархическим или демократическим. Кроме того, очевидно, что некоторые лозунги типа *πάτριος πολιτεία* благодаря своей эффективности одинаково использовались враждебными группировками, стремящимися оправдать проводимые ими акции возвращением общества к установлениям предков, которые ассоциировались со стабильностью и благополучием в жизни государства и его граждан. Следовательно, их наличие в политических трактатах не может служить доказательством принадлежности авторов этих произведений к врагам или сторонникам народовластия.

Употребление одних и тех же понятий в полемике демократии и олигархии и наличие тех же самых понятий в философских трудах наводит на мысль об отсутствии у олигархии и демократии программ, разработанных на теоретическом уровне. Тогда

совпадение в IV в., т. е. в период более или менее окончательного оформления государственных концепций, универсальных представлений, и разная степень их обобщенности в работах философов и лозунгах политиков можно объяснить тем, что для греков они были характерными чертами полиса и в рамках этого образования разделялись всеми политическими направлениями.

Ощутимая разница между группировками наблюдается скорее не в теории, а на практике, когда встает вопрос о формах реализации общих постулатов. При таком положении дел, очевидно, следует отказаться от методов максимального сближения разных сфер, изучения одной из них при помощи дефиниций другой, а попытаться найти какие-то другие механизмы связи. Иными словами, применить для некоторых аспектов полиса сформулированный социологией тезис об определенной автономии политики по отношению к идеологии.

Затронутые проблемы идеологии и политической деятельности тесно связаны с вопросом об оригинальности позиции автора «Ареопагитика» и местом речи среди других политических трактатов. Анализ речи показывает ее несомненную близость к трудам Платона и Аристотеля в теоретической постановке и разработке важнейших проблем теории полиса.

Явные симпатии теоретики испытывают к некой промежуточной форме, свободной от ярко выраженных недостатков конкретной олигархии и конкретной демократии. Такой формы никогда не существовало и не могло существовать, так как она была идеей полисной организации. Структура абстрактного полиса и принципы его управления были созданы путем критического разбора основных полисных вариантов и контаминации их отдельных черт. Полученная в результате этого идеальная политическая форма имеет черты сходства с реально существующими видами правления и в то же время противостоит каждому из них.

Однако отношение к исходному материалу не было одинаковым, демократия чаще олигархии становилась объектом критики и порицания, что дает исследователям основание говорить об антипатии «афинских интеллектуалов» к демократии и симпатии к олигархии. Трудно сказать, насколько такая ситуация может служить свидетельством пристрастия к одной политической форме и неприятия другой [Albafull, Pages, 1971, с. 57; Marcle, 1976, с. 98—99]. Не следует забывать, что превалирующим видом государственной организации в Афинах была демократия, она смогла продержаться достаточно долго и, следовательно, давала больше пищи для размышлений, в том числе и критических, нежели олигархия.

Если посмотреть на развитие политической теории Греции с такой точки зрения, то промежуточная позиция Исократова между демократией и олигархией не будет выглядеть неправдоподобной или уникальной, она хорошо согласуется с общим направлением политической мысли.

Абстракция Исократы имеет на первый взгляд больше правдоподобия, нежели другие, потому что «привязана» к конкретному историческому периоду, ее установление приписано конкретному историческому лицу — Солону, объектом идеализации выбран Ареопаг, ослабление власти которого в свое время знаменовало победу демократических сил. Правдоподобие это мнимое, так как ко времени создания «Ареопагитика» данный период афинской истории, Солон и Ареопаг превратились в своего рода понятийные штампы, политические стереотипы. Ссылки из них, как было уже показано, стали аргументами *pro* или *contra* при анализе настоящего или прогнозах на будущее. Солону было отведено место идеального государственного деятеля. Ареопаг воспринимался как воплощение и страж моральных ценностей, а весь отрезок времени ассоциировался с высшей точкой внешних успехов и внутренней стабильности.

Побудительным толчком процесса трансформации реальности в схему была, очевидно, борьба политических группировок, она же и определила основные черты схемы. К моменту создания «Ареопагитика» развитие этих стереотипов было закончено. Вызванные к жизни политической борьбой, они активно использовались в ней, но уже в качестве понятий настолько обезличенных, что их стало чрезвычайно трудно соотносить с конкретными группировками.

Политические трактаты, предназначенные для относительно широкой аудитории, будь то «Ареопагитик», написанный в форме ораторской речи, или «Афинская политика» в виде исторического сочинения, использовали этот набор штампов, чтобы облегчить читателям и слушателям восприятие теоретической мысли и придать ей вид правдоподобия и реальности. «Ареопагитик» Исократы, на наш взгляд, можно считать прекрасным примером пограничного произведения такого рода.

Политический оратор и его аудитория

Тезис Исократы о том, что государственные должности следует занимать людям, наиболее приспособленным к такого рода деятельности, затрагивает очень важную проблему политических лидеров и массы, более узко — политического оратора и его аудитории.

Самые ожесточенные дискуссии между сторонниками и противниками демократии вызывали вопрос о власти: кто и как должен управлять государством, какую часть населения следует считать здесь правоспособной, каков должен быть критерий отбора политических деятелей. Платон упрекал народовластие в том, что оно не обращает внимания на прежние занятия человека, вступающего на государственную должность, т. е. не рассматривает будущих руководителей с точки зрения их подготовленности к столь важному и ответственному делу (Plato. *De Rep.*, 558C). Рав-

ным образом он не одобрял и принципа занятия должности по жребии (Plato. De Rep., 557A). Философ с возмущением писал, что когда речь идет об управлении полисом, то любой плотник, сапожник, торговец, судовладелец, богатый, бедняк, благородный, безродный может дать совет, и никто его не укоряет в том, что, «не получив никаких знаний, не имея учителя, такой человек решается выступать все же со своим советом» (Plato. Protag., 319D. Пер. В. С. Соловьева).

Демократы отстаивали тезис о возможности и даже необходимости для каждого гражданина вершить судьбу полиса. Следовательно, жеребьевка, проводимая при занятии государственных должностей среди людей, гипотетически одинаково способных управлять, была, с их точки зрения, вполне оправданна и закономерна. По мнению Ц. Фаррар, обоснование этой позиции можно найти в учении Протагора, убежденного, что любой полноправный член общества обладает достаточными знаниями и компетентностью, поэтому общественные интересы могут быть реализованы через его личность [Farrar, 1989, с. 99–125].

Однако законы функционирования общества вносили свои коррективы в демократические постулаты. Политику полиса определяли профессионалы, которые контролировались Народным собранием. Люди, сходявшиеся для того, чтобы обсуждать вопросы, имевшие первостепенное значение для города, обычно разбивались на две неравные группы, одну из них составляли *ἰδιῶται* (обычные граждане), другую — *πολιτενόμενοι* (политические лидеры и их сторонники) [Mossé, 1984]; другим вариантом деления можно считать оппозицию *ἰδιῶται*—*ῥήτωρ* (толпа — оратор) [Hansen, 1987, с. 56–62]. Демосфен довольно наглядно, хотя и с явными преувеличениями, показал, какая ситуация могла складываться в политических дискуссиях: «Оратор является предводителем... полководец у него в подчинении и еще триста человек, готовых кричать ему в лад, вы же, все остальные, примыкаете кто к одним, кто к другим» (Dem. II, 29. Пер. С. И. Радцига). Исследования подтверждают, что теоретически равные права на свободу слова могли использоваться далеко не всеми, так как людям, занятым сельским хозяйством, ремеслом или торговлей, было трудно противостоять здесь политикам, прошедшим специальное обучение ораторскому искусству, мастерски владеющим речью. За этими людьми стояло более фундаментальное образование, они имели больше свободного времени для совершенствования качеств, необходимых оратору и политику. Не нужно забывать также, что они обладали имиджем, столь важным для каждого общественного деятеля, имели средства, чтобы создавать и поддерживать этот имидж. Следовательно, нет оснований говорить о реальных равных возможностях для каждого афинского гражданина оказывать активное влияние на принятие решений, связанных с государственной политикой. Масса юридически однородных субъектов, теоретически управлявших Афинами, со-

стояла из тех, кто действительно мог вступать в словесное состязание, и тех (а их было подавляющее большинство), кто слушал, поддерживая импонирующие им выступления и отвергая неудобные [Hansen 1987, с. 56—61; Sinclair, 1987, с. 139—141; Strauss, 1986, с. 17—36].

Рост влияния политического красноречия в государственной системе не мог пройти бесследно для риторики. Сложившаяся ситуация определила трактовку Исократом искусства красноречия как практического варианта знания, которое до этой поры было монополизировано философией. Оратор подчеркивает, что проникновение в тайны слова (*λογος*), умение составить правильную речь — одно из условий занятия философией, но чаще всего риторика прямо идентифицируется у него с философией (Isocr. Antid., 50, 81, 185). Такое понимание логоса, использование его в политической деятельности раздвигает границы возможностей риторики, обучение которой становится связующим звеном между теоретическими знаниями и их практическим воплощением.

Исократ сознавал, что большие потенциальные возможности, заложенные в красноречии, могут быть обращены как во благо, так и во зло, природа слова такова, что «одно и то же можно изложить разными способами: великое представить незначительным, а малое возвеличить, старое представить новым, а о недавних событиях рассказать так, что они покажутся древними» (Isocr. Paneg., 8. Пер. К. М. Колобовой)¹². Конечный результат зависел, по его мнению, от личности оратора и поведения слушателей, степени адекватности их реакции, которая, в свою очередь, определялась уровнем политического сознания. В речах оратора мы находим уже сложившуюся концепцию назначения профессионалов, выступающих в Народном собрании, тех правил, которыми они должны руководствоваться, критерии отличия «плохих» ораторов от «хороших», характеристику слушателей. Сопоставление взглядов Исократа на эту проблему с высказываниями его современников (как сторонников, так и противников Исократа) показывает, что сложился уже определенный набор штампов, которыми пользовались при выступлениях представители самых различных политических направлений. Эти штампы определялись системой ценностей аудитории, они отражали наиболее популярные у слушателей идеи и постулаты.

Прежде всего, подчеркивалось благородное назначение речей и их несомненная польза для государства. По убеждению Исократ, его произведения призывают к справедливости, обличают ошибки и дают советы (Isocr. Antid., 65). Он сообщает, что ис-

---

¹² Р. Бакстон, исследуя риторику в греческой трагедии, показал неоднозначность понятия искусства убеждения, возможность использовать красноречие и для высоких, и для низких целей. Если политические ораторы оценивали данное свойство с позиций государственной пользы, то драматурги разрабатывали прежде всего нравственный аспект риторики [Buxton, 1982].

пользовал дар красноречия на благо людям — возвеличивал родной город, восхвалял его прошлое, призывал сограждан к благим поступкам (Isocr. Antid., 36, 61, 86). Достаточно высоко оценивая возможности красноречия и собственные способности, Исократ поучал соотечественников, что если они прислушаются к его советам, то сумеют навести такой порядок в Элладе, который будет одновременно и справедливым и полезным для Афин (Isocr. Antid., 79). В речи, обращенной к македонскому царю, он пишет, что, последовав его рекомендациям, тот обретет «величайшую и прекраснейшую славу» (Isocr. Phil., 134). Исократу вторит Демосфен: «Ценность представляет не сама по себе речь оратора и не звучность его голоса, а то, насколько он разделяет точку зрения народа и насколько ненавидит и любит тех же людей, что и отечество» (Dem. VIII, 280. Пер. С. И. Радцига).

Обязательная ссылка на важность темы, положенной в основу выступления, превратилась, видимо, уже в обязательную преамбулу любой речи, что признавалось и самими ораторами: «Все, кто восходит на эту трибуну, обычно заявляют, что вопрос, по которому они будут говорить, очень важен и заслуживает величайшего внимания» (Isocr. De Pace, 1. Пер. Л. М. Глускиной). Аристофан в одной из своих комедий блестяще обыграл эту, видимо уже поднадоевшую слушателям, патетику:

Заботы одинаковы о городе
У всех нас. Огорчаюсь и печалюсь,
Слежу я за разрухой государственной
И вижу: негодян правят городом.

(Aristoph. Eccl., 173—176.
Пер. Адр. Пиотровского.)

Исократ не упускал из виду и такую важную деталь, как имидж политического оратора, выступающего в роли лидера. Он пояснял, что репутация почтенного и добропорядочного гражданина увеличивает доверие слушателей к словам выступающего (Isocr. Antid., 280). Аналогичного мнения придерживался и Аристотель, который писал, что для настоящего восприятия предложений оратора слушатели должны быть изначально расположены к нему (Arist. Rhet., II, 20—25).

Скорее всего именно в этих тезисах следует искать объяснение обычной афинских государственных деятелей поливать друг друга грязью, анализируя не только общественную деятельность, но и вытаскивая на всеобщее обозрение подробности личной жизни. Причем приводились такие детали, что порой возникает ощущение погружения в клоаку. Сами же полемисты считали подобную манеру дискутировать в порядке вещей, поясняя, что, «кто дурен в частной жизни, никогда не будет порядочным в общественных делах» (Aesch. III, 78). На мнение аудитории пытались воздействовать, бросая противнику обвинение в том, что тот не истинный афинянин. Эсхин, например, обращал внимание Народного собрания на то, что Демосфен по матери — скиф, т. е. варвар, эллином он может считаться только по языку, поэтому

его «пороки» не местного происхождения (надо полагать, это обстоятельство должно было придавать им особую отвратительность — Aesch. III, 172). У населения Афин, воспитанного в духе глубочайшего уважения к автохтонности, считающего полноправным гражданином лишь того, чьи родители были коренными афинянами, подобные выпады, видимо, находили определенный отклик.

В политических дискуссиях достаточно часто звучала также тема подкупленности выступающих. Исократ доказывал, что общественному благу такие ораторы противопоставляют собственную корысть. Они берут слово не ради дел, нужных городу, а ради выгоды, которую надеются извлечь в результате своих речей. Именно здесь кроется причина их вопиющей беспринципности (Isocr. Ageorag., 24—25; De Pace, 5, 124; Panath., 12—13; Antid., 38). Вообще, если поверить всем взаимным обвинениям во взятничество, которыми переполнены источники такого рода, то создается впечатление, что в Афинах не было ни одного честного оратора (Aesch. I, 107, 114—115, 120; II, 3, 74, 161; III, 143, 146, 173, 259; Din. I, 13, 26, 29—41, 45—46, 60, 66, 99, 108; II, 6, 20; Dem. III, 22, 29).

Ораторы, из всех сил стремившиеся снискать благоволение слушателей, похоже, при этом были о них не слишком лестного мнения. Во всяком случае, в речах упорно повторяется образ аудитории как инертной, косной и враждебной массы, сопротивляющейся любым попыткам благотворного воздействия на нее. Аттестация аудитории крайне негативна, ей инкриминируется постоянное противодействие добрым советам, уклонение от правильного образа действий, стремление поступать вопреки данным рекомендациям. С возмущением говорится о невежественности толпы, ее легкомысленности, глупости, пристрастности, непостоянстве, неумении разобраться, где добро, а где зло. Исократ раздраженно замечает, что выступать на многолюдном собрании и обращаться к согражданам с речью все равно что ни к кому не обращаться. Он характеризует души слушателей не только как невежественные, но и преисполненные дурных устремлений: неудивительно, что из выступающих им нравятся самые негодные (Isocr. Phil., 12; De Pace, 13—14, 124, 130; Antid., 22, 303).

Характеристика состава слушателей и их действий, данная Исократом, совпадает с мнением ораторов других политических направлений. Демосфен уверяет, что говорить в Афинах правдивые речи попросту опасно, для этого требуется немалое гражданское мужество. Он сетует на сложившуюся практику вымещать досаду из-за политических неудач не на их виновниках, а на тех, кто дает наилучшие советы. Дело доходит до того, утверждает он, что зачастую приходится просить собравшихся только об одном: выслушать оратора, не прерывая его криками и не срывая на нем досаду за неудачи внешней политики (Dem. I, 16; II, 24; IV, 13—14, 38, 51; V, 3; VI, 55).

Судя по некоторым данным, исходящим, правда, из тенденциозных (в силу жанра или политической направленности) источников, некоторые сетования ораторов не были лишены основания. Так, герой пьесы Аристофана «Ахарияне» признается:

Сегодня с твердым я пришел намереньем
Кричать, мешать, стучать, бранить ораторов,
Лишь только не о мире говорить начнут.

(Aristoph. Achar., 137—139.
Пер. С. Анна)

Платон утверждал, что, «когда густой толпой заседают в народных собраниях, либо в судах или в театрах, в военных лагерях, наконец, на каких-нибудь общих сходках и с превеликим шумом частью отвергают, частью одобряют чьи-либо выступления или действия», переходят меру и в том и в другом; «они кричат, рукоплещут, и вдобавок их брань или похвала громким эхом отдается от скал в том месте, где это происходит, так что шум становится вдвое сильнее» (Plato. De Rep., 492 BC. Пер. А. Н. Егунова).

Конфронтация выступающих и слушающих, на наш взгляд, прямо связана со становлением ораторского искусства, она была необходима для его оформления, своего рода рефлексии. На определенном этапе развития красноречие достигло уровня самоопределения, т. е. осознания своей специфики, отличия от других видов идеологии. Этот феномен отмечен и достаточно хорошо освещен в филологии, меньше внимания уделено его подвиду — политическому красноречию, двойственная сущность которого проявилась в стремлении определить себя дополнительно как форму политической деятельности. Любое самоосознание происходит путем противопоставления, в данном случае — через оппозицию «оратор—аудитория»: ораторы консолидировались как группа политических советников — профессионалов, имеющих свое *credo*, отличающихся от остальной массы сограждан. Анализ речей показывает убежденность Исократ и других ораторов в превосходстве над толпой, гиперболизацию ими значения политического красноречия в жизни полиса. Они явно убеждены, что посредством слова могут вершить судьбы как отдельных людей, так и целых государств.

Вместе с тем очевидно, что оппозиция между выступающими и аудиторией послужила средством не только консолидации, но и разъединения ораторов. Сообщается, что толпа далеко не всегда настроена враждебно, лстивые речи она принимает благосклонно, чем и пользуются всякого рода негодяи, заботящиеся лишь об одном: быть приятным слушателям. Яркими красками нарисована фигура демагога, беснующегося на трибуне, взывающего к низменным инстинктам толпы и восторженно встречаемого Народным собранием. С разнузданностью таких людей, сетует Эсхин, уже не в состоянии справиться ни должностные лица, ни законы; он утверждает, что если боги охраняли государство, то подобные ораторы вели его к гибели (Aesch. III, 4, 130). Исократ

с негодованием сообщает, что дар красноречия такие люди обратили против государства, завладевая ораторской трибуной, они доводят город до безумия, вызывают распри и несут погибель обществу (Isocr. De Pace. 121, 124; Panath., 13). Когда исполняются их советы, комментирует Демосфен, дела полиса идут плохо, зато ораторов — прекрасно, доходы государства падают, а состояние демагогов увеличивается (Dem. II, 22; V, 1, 3, 22, 25—29).

Обобщенный образ плохого оратора, находящегося в гармонии с аудиторией, а не противостоящего ей, имел на практике весьма конкретное применение: он отождествлялся с политическими противниками. Этот штамп, созданный усилиями представителей разных ориентаций, играл важную роль в их соперничестве, так как лежал в основе тактики изоляции противников, которым приписывались цели и замыслы, враждебные полису, а также поведение, идущее вразрез с общепринятой системой ценностей. Подчеркивалось, что угодничество перед толпой приводит к негодным советам, а они влекут за собой неудачные политические акции.

Социальная программа

Социальная программа Исократы самым тесным образом связана с его взглядами на государственное устройство. Она в гораздо меньшей степени, нежели политическая, привлекала внимание исследователей, хотя в работах об ораторе идея похода на Восток неизменно связывалась с защитой интересов имущих людей и стремлением разрешить вопрос о неимущих.

Нам хотелось бы обратить внимание на тезис Ж. де Ромили, что Исократ представлял *pátrios politeía* не как режим, а как систему, образ жизни [Romilly, 1954, с. 336]. Такая трактовка термина не может быть принята, так как анализ речи показывает, что с ним связано и представление об определенном государственном устройстве. Скорее можно говорить о *pátrios politeía* как о комплексе понятий, включающем политические, социальные, экономические проблемы, вопросы религии, морали, воспитания. Однако положение Ж. де Ромили добавляет новый и интересный аспект к пониманию термина как определенного мировоззрения, все стороны которого связаны между собой, поэтому социальная позиция Исократы в вопросах внутренней структуры полиса неотделима от его взглядов на правильное управление государством.

В речах оратора неоднократно встречается мысль о тесной и неразрывной связи внутренней и внешней политики Афин с экономикой, социальными отношениями внутри полиса. Он ставит вопрос о соотношении богатства и бедности в государстве. Факт существования обеспеченных и бедных афинян отмечается как в прошлом, так и среди современников. Это кажется Исократу естественным и не вызывает никакого осуждения. Уместно напом-

нить, что отсутствие абсолютного равенства признавалось всеми политическими группировками. Даже радикальные демократы не считали возможным распространять принцип *ἰσωνομία* на распределение частной собственности, признавая его лишь как политический лозунг и политические права [Hansen, 1989, с. 22—23; Vlastos, 1953, с. 351 и сл.].

Основу хорошего государственного устройства Исократ видит прежде всего в правильном соотношении людей состоятельных и неимущих. В превалировании неимущих над состоятельными таится, по его мнению, не только угроза благосостоянию города, но и основам полисной системы. Радикальная демократия опирается прежде всего на бедные слои населения, поэтому политика бесчестных ораторов направлена на усиление нужды в государстве (Isocr. De Pace, 124, 137).

Исократ стремится показать, какой частью общества поддерживаются установления радикальной демократии: людьми, которые живут от доходов, получаемых в дикастериях и Народном собрании, вынужденными из-за нужды идти на поводу у лживых демагогов (Isocr. De Pace, 130). Практика получения платы за руководство государством привела, по Исократу, к тому, что ораторы, не думая о благе сограждан, заботятся лишь о собственной выгоде. Упоминаются демагоги, которые, будучи на государственных должностях, приобрели состояние (Isocr. Ageorag., 24—25; De Pace, 127). Внешняя политика, проводимая людьми такого рода, сетует оратор, не только нанесит непоправимый ущерб афинянам, но и привела к потере полисом главенствующего положения в Элладе (Isocr. De Pace, 63—66, 77—84).

Как уже было показано, обвинение ораторов, под которыми подразумевались политические противники, в подкупности и использовании общественных денег в личных целях широко применялось представителями различных группировок. В этих шаблонных обвинениях могла быть и доля правды, несомненно, имелись случаи злоупотребления государственной казной [Harvey, 1985]. Однако Исократ придает своим нападкам определенную социальную направленность: так поступают люди, не имеющие состояния, для которых занятие общественными делами — способ получения средств к жизни (Isocr. Ageorag., 24—25).

Оратор выдвигает положение о том, что увеличивающаяся численная диспропорция между обеспеченными и нуждающимися гражданами и как следствие этого — политическое господство последних ведет Афины к гибели. Ответственность за подобного рода действия возлагается на предыдущее поколение, проводившее практику изгнания из городов «лучших» (*τοὺς βελτίστους*) и распределение их имущества между «худшими» (*τοῖς πονηρότατοις*) (Isocr. De Pace, 79).

Исократ настойчиво проводит мысль о том, что основой жизнеспособности государства служит правильное соотношение в сфере управления полисом различных имущественных слоев. Группа людей, стоящих у власти, проводит политику в соответствии со своими экономическими интересами и социальным статусом. Неимущие будут стремиться к низведению всех граждан Афин до своего уровня и соответственно ослабят экономический потенциал города. Состоятельные же люди, наоборот, станут способствовать процветанию полиса. Недаром у Исократа встречается параллель между частными и государственными делами (Isocr. Ageorag., 28, 72), он бросает согражданам упрек в том, что они поручают руководство общественным достоянием людям, которым бы никто не доверил никакого частного дела (Isocr. De Pace, 4, 13, 52. Ср. Aesch. I, 29; III, 78).

Состоятельные люди, убеждает он, могут в случае нужды оказать государству помощь из собственных средств (Isocr. Ageorag., 24; De Pace, 13). В «Ареопагитике» с явной симпатией говорится о гражданах, хорошо знающих размер собственного имущества, не оставляющих его в небрежении, чтобы злоумышлять (*ἐλεβουλέω*) против чужой собственности (Isocr. Ageorag., 24). Именно такие люди должны преобладать в полисе численно и находиться у власти.

Исократ с возмущением отмечает не только увеличение числа неимущих граждан, но и форму, в которой выражается их бедность. Порицаются злостные должники (Isocr. Arcorag., 34), а также люди, которые, вместо того чтобы работать, обеспечивают себе необходимое пропитание тем, что тянут жребий перед дикастерием (Isocr. De Pace, 130). Именно они мерзнут зимой в одежде, вид которой не поддается описанию (Isocr. Ageorag., 54), и позорят город, выпрашивая подаяния у первых встречных (Isocr. Ageorag., 83), пребывают в постоянной нужде (*ενδεια*) (Isocr. De Pace, 120) и вынуждены скитаться (Isocr. Phil., 120).

Критика оратора направлена против внутренней политики радикальной демократии, содержания толпы бедняков за счет состоятельных людей. В речи «О мире» то и дело отмечаются чрезвычайные военные палогии (*ῥιςφορα*), обмен имуществом¹³, триерархия (Isocr. De Pace, 20 128, 130), все это, сетует оратор, доставляет такие неудобства, что жизнь «состоятельных людей» (*τοὺς τὰς οὐσίας κεκτημένους*) становится плачевнее, чем жизнь «неимущих» (*τοὺς συνεχῶς πενομένους*) (Isocr. De Pace, 128). Он

¹³ Обмен имуществом (*ἀντιδοαίς*) происходил в том случае, если афинский гражданин считал, что возложенные на него общественные повинности не соответствуют его доходам. В таком случае он предлагал более состоятельному, чем он, гражданину либо принять эту обязанность на себя, либо поменяться с ним имуществом.

(τοὺς τὰς οὐσίας κекτημένους) становится плачевнее, чем жизнь «неимущих» (τοὺς συνεχῶς πενομένους) (Isocr. De Pace, 128). Он констатирует, что его состоятельные сограждане не очень охотно предоставляют ссуды нуждающимся, так как не уверены в их возврате (Isocr. Ageorag., 33—34).

Негодование Исократы вызывали действия радикальных демократов не только в сфере политики, но и экономики. Жесткая политика этой группировки по отношению к зажиточным слоям населения и увеличение выплаты денег за исполнение всякого рода государственных обязанностей были попыткой полиса вмешаться в перераспределение дохода в обществе, оставить некоторые денежные суммы в распоряжении государства. Бесконечные и преувеличенные жалобы обеспеченных афинян на непосильное бремя налогов и свое разорение обусловлены не столько тяжестью налогов¹⁴, сколько нежеланием уделить часть своего дохода государству. Они предпочитали потратить деньги на предметы роскоши или вложить их в какое-нибудь предприятие. Очевидно, существовала и другая группа собственников, которая мирилась с подобным распределением дохода, но у Исократы, как и вообще в источниках IV в., получила отражение позиция первой группы. Оратор разделяет ее взгляды и категорически протестует против насильственной формы вмешательства государства в дела частных лиц.

В греческом обществе существовала теория о пагубности чрезмерного богатства и необходимости делиться им с согражданами. Осуждение стремления к наживе (πλεονεξία) встречается у Фукидида (Thuc. I, 40, 1; III, 45, 4; 82, 6; IV, 62, 3; VI, 39, 2). Еврипид писал, что богатства человека не могут быть его абсолютной собственностью, они даны божеством ему в пользование (Eurip. Phoenic., 555). Аристотель полагал, что не следует получать слишком много прибыли, нужны распределение по справедливой мере и забота об окружающих (Arist. Nic. Eth., V, 4, 11A, 1134A; 14, 1137B).

Накопление в IV в. значительных средств в одних руках и нежелание тратить их часть на общественные нужды стали противоречить принципу полиса как хозяйства, построенного на основе определенного распределения полученных доходов. Исократ не отвергал этот принцип по существу, он протестовал против варианта, в котором тот был воплощен радикальной демократией.

В противовес финансовой политике своих политических противников оратор выдвигает собственный план перераспределения дохода, основанный на двух принципах: εὐνοία («благорасположенность») и ὁμόνοια («единодушие», «согласие»). Прямому

¹⁴ Л. М. Глускина пришла к выводу, что существующее в литературе представление об эйсфоре как большом бремени для состоятельных афинян не подтверждается анализом источников [Глускина, 1973, с. 37].

тивопоставляется добровольная помощь нуждающимся согражданам со стороны обеспеченных людей.

Ссылаясь на прошлое полиса, Исократ показывает, как он понимает термин *πάτριος πολιτεία* в экономике. Под ним подразумевается социально-экономическая политика, направленная на равновесие между богатством и бедностью. Состоятельные люди должны помогать нуждающимся, предоставляя тем за умеренную плату обрабатывать землю, посылать их в торговые плаванья или предоставлять средства для каких-либо других занятий. Такая политика приводит к тому, что имущие граждане не боятся понести ущерб, отдавая деньги в долг, и не скрывают свое имущество (Isocr. Areopag., 32—35).

Оратор еще раз подчеркивает, что экономической основой существования людей, которых он называет менее состоятельными, должны быть земледелие и морская торговля (Isocr. Areopag., 44), а не плата за участие в управлении полисом и не нищенство. Эта категория населения должна, пишет он, не завидовать богатым, а дружелюбно относиться к ним, помня, что от последних зависит их благополучие, так как если прекратятся займы, то неимущие дойдут до полного разорения (Isocr. Areopag., 31—32, 34). Показательно, что доброжелательство должны проявить не только имущие, но и бедняки; такая постановка вопроса, несомненно, служит косвенным отражением ожесточенных социальных распри IV в., упоминания о которых неоднократно встречаются в источниках этого времени.

Вторым принципом правильной экономической политики Исократ считает единодушие (*ὁμόνοια*) сограждан. Он внушает афинянам, что необходимо оказывать друг другу внимание, какое подобает людям рассудительным и принимающим участие в жизни отечества (Isocr. Areopag., 31). Призывы к единству внутри государства означают у него признание каждым своего места в экономической и социальной иерархии полиса и добровольное исполнение связанных с ним обязанностей. Чтобы не было отклонений от эталона, автор предлагает применить предохранительные меры при помощи Ареопага (Isocr. Areopag., 43—49), противопоставляя их насильственному вмешательству государства при господстве радикальной демократии. Прекрасное единодушие общества основано у Исократа на экономической целесообразности: состоятельные граждане оказывают помощь менее обеспеченным и одновременно пускают в оборот свое имущество (Isocr. Areopag., 35).

Затем оратор, не надеясь на один высокий моральный авторитет Ареопага, спешит подкрепить его соответствующими законами. В отличие от пренебрежительного отношения к политическим постановлениям он с уважением пишет об экономических законах, настаивая на их строгом соблюдении. При возвращении долга, поучает он, судьям следует руководствоваться не добротой (*ἐπιείκεια*), а законами (*νόμος* — Isocr. Areopag., 33). Государство

своим авторитетом должно закрепить разделение граждан на имущих и неимущих и гарантировать первым их права.

Существует еще одна проблема, которую затрагивает Исократ, излагая свои взгляды на внутреннее устройство полиса, — взаимоотношения сограждан и их отношение к полису. Источники единодушно констатируют обострение социальной борьбы в полисе конца V — середины IV в. Диодор сообщает об избиении знатных в Аргосе (Diod. XV, 57—58), ожесточенные распри в городах фиксирует Ксенофонт (Xen. Hell., IV, 4, 11; 8, 20; V, 2, 7; VI, 4, 18; VII, 1, 43—44). Лисий отмечает внутренние смуты и взаимное соперничество как характерную черту своего времени (Lys. XXXIII, 3—4). В описании Платона государство вообще находится на краю гибели, так как идет война всех против всех, борьба за власть губит и правителей и весь город. Богатые живут в страхе перед бедняками, которые, одержав победу, одних убивают, а других изгоняют (Plato, Leg., 521A, 557A, 744D).

Исократ характеризует взаимоотношения соотечественников в том же духе. Мы не пропускаем ни одного дня, пишет он в «Ареопагитике», чтобы не причинить друг другу зла (Isocr. Areopag., 82), а в речи «О мире» жалуется на то, что город ввергнут во внутренние распри (Isocr. De Pace, 20). В «Филиппе» автор сообщает о социальной борьбе в Аргосе, жители которого истребляют наиболее выдающихся (*τοὺς ἐνδοξοτάτους*) и богатых сограждан (*τοὺς πλουσιωτάτους*) (Isocr. Phil., 52), и о людях, лишенных средств к жизни, скитающихся по Элладе и вредящих всем встречным (Isocr. Phil., 121).

Итак, Исократ, рассматривая проблему социального равновесия в полисе, в основу гражданского мира положил принципы *εὐνοία* и *δμόνοια*. При этом, по правильному замечанию В. Йегера, социальное здоровье оратор строит не на внешнем успехе, а на правильном воспитании граждан [Jaeger, 1986, II, с. 120]. Но здесь следует оговориться, что такое решение принято Исократом на теоретическом уровне, а ожесточенные социальные распри требовали немедленных практических мер. На практике оратор видит выход из создавшегося положения в походе против варваров и в колонизации Персии. Его стремление разрешить острые социальные проблемы своего времени путем внешней экспансии было отмечено многими исследователями [Шофман, 1967, с. 136; Cloché, 1963, с. 95; Kessler, 1911, с. 57; Mathieu, 1925, с. 22; Mossé, 1962, с. 442; Wilken, 1929, с. 392]. Нам бы хотелось подчеркнуть, что в решении социальных проблем у Исократа ясно прослеживаются два уровня — теоретический и практический, которые не совпадают между собой. Если первый уровень мы можем считать одним из аспектов *πάτριος πολιτεία*, базирующимся на принципах идеального государственного устройства, то второй продиктован создавшейся обстановкой, служит временной мерой для стабилизации положения в городе, ориенти-

рован на поддержание социального мира силами граждан, а не путем воздействия посторонних факторов.

Исократ указывает на ослабление полисного патриотизма и рост аполитичности граждан. Он возмущается равнодушием афинян к судьбе своего города, которые даже не дают себе труда принять личное участие в войне за собственные интересы и предпочитают использовать наемников (*Isocr. De Pace*, 46—48), пренебрегают военными обязанностями, если не получают за них денег (*Isocr. Areopag.*, 82).

Исократу вторит Демосфен, укоряя сограждан в том, что они не решаются выступить в поход за сохранение собственных владений (*Dem. II*, 24). Надо отметить, что, несмотря на различие политических, а главное — социальных программ, в вопросах патриотизма афинян у Исократа и Демосфена — полное единодушие. Оба оратора гордятся героическим прошлым города, его местом среди других греческих государств, красотой и богатством Афин. Более того, оформляя свои выступления, они в унисон заявляют, что исходят из нужд города. Даже если их речи придутся не по вкусу аудитории, они готовы ради блага полиса пойти наперекор общественному мнению и подвергнуться гонениям, но выполнить свой гражданский долг (*Isocr. De Pace*, 3—11, 13—14, 36—40; 70; *Dem. II*, 16; *III*, 21, 32).

Исократ в вопросах полисного патриотизма придерживается определенной социальной позиции. Он порицает аполитизм вообще и нападает на людей, исполняющих свои военные обязанности за деньги. Однако известно, что аполитизм был распространен и среди состоятельных афинян; характерно, что этот вопрос оратор обходит молчанием.

Оратор видит сплоченность гражданского коллектива в сохранении и сбережении родов знаменитых мужей (*Isocr. De Pace*, 50, 89) и протестует против расширения прав гражданства. Он сетует на то, что его соотечественники легче разрешают приобщиться к своей знатности, чем трибаллы и лукапы¹⁵ — к своему низкому происхождению (*Isocr. De Pace*, 50). Завоевательная политика радикальной демократии привела, по мнению Исократа, к тому, что могилы наполнены телами коренных афинян, а фратрии и списки лексиарха — людьми, не имеющими никакого отношения к городу (*Isocr. De Pace*, 88).

Остается еще один вопрос, имеющий важное значение для понимания взглядов Исократа на структуру полиса, — как соотносились между собой его политические и социальные взгляды. К сожалению, здесь трудно провести какие-либо четкие параллели. Как отмечалось выше, политическая позиция Исократа может быть определена довольно приблизительно. Социальная ориентация оратора более четкая — он явно стоит на стороне иму-

¹⁵ Трибаллы — фракийский этнос, лукапы — южноиталийский этнос.

щих людей и защищает их экономические интересы. Однако соотношение социальной программы Исократ с какой-нибудь политической группировкой сталкивается с еще большими трудностями, чем классификация его политической программы.

Основа социальной программы оратора находится в сфере экономики и не всегда совпадает с разделом в области политики, хотя, конечно, между ними существует взаимосвязь. В речи «О мире» есть фраза о том, что надо прекратить считать людей почтенных и порядочных приверженцами олигархии (Isocr. De Pace, 133), но этого слишком мало, чтобы внести какую-либо ясность в данный вопрос. Косвенные доказательства и сопоставления не могут быть использованы в силу того, что в исследовательской литературе практически отсутствуют работы об экономической платформе различных группировок и их социальном составе. Источники предоставляют крайне скудный материал по этой проблеме, речь может идти о выявлении лишь общих тенденций.

Требуется дополнительное исследование вопрос о критериях, определяющих имущих и неимущих, поскольку, как отметил М. Гальяно, представления о богатстве и бедности у разных авторов могут быть совершенно различны [Galiano, 1968, с. 83]¹⁶. Исократ, кстати, мало употребляет слово «богатые» (οἱ πλούσιοι), предпочитая термины «состоятельные», «имеющие достаточные средства» (οἱ ἔχοντες, οἱ κεκτημένοι). Следовательно, речь идет скорее всего не о богатых людях, а о тех, кто имеет достаточные средства к жизни, обладает определенным состоянием. Противопоставляются им не просто бедные люди, а граждане, живущие за счет государственных пособий, паразитирующие за счет города.

Не исключено, что нападки на принцип оплаты государственных должностей могли быть стимулированы формой, которую она приняла в первой половине IV в. Помимо большого политического значения оплата участия в управлении полисом имела и свои теневые стороны, так как в желающих существовать за счет города никогда не было недостатка. Демосфен тоже жалуется на стремление граждан не работать, а жить на государственные пособия. Он вынужден с большой осмотрительностью проводить мысль об использовании части этих средств на борьбу с Филиппом, старательно отводя возможные подозрения в том, что хочет лишить народ законной доли его дохода (Dem. I, 19—20).

Социальные воззрения Исократ показывают его как убежденного защитника интересов имущих граждан. В речах оратора отчетливо прослеживается стремление соединить социально-экономические и политические структуры. Он свидетельствует об ожесточенных социальных конфликтах своего времени и пы-

¹⁶ П. К. Синклер также указывает на условность у ораторов понятий богатства и бедности [Sinclair, 1987, с. 121].

тается решить их на теоретическом и практическом уровнях. В теории оратор выдвигает положение о необходимости взаимной помощи граждан одного коллектива, их взаимной доброжелательности, подчеркивает единодушие сограждан полиса и приходит к выводу, что каждый должен довольствоваться тем местом, которое он занимает в социально-экономической иерархии государства. На практике Исократ предлагает другое средство — поход в Азию, который должен помочь разрешить вопрос о неимущих.

Представляется, что взгляды Исократа на социально-экономическое положение в Афинах и других греческих полисах заслуживают серьезного внимания, так как отражают процессы, протекавшие в греческом обществе, и позволяют лучше понять политическую программу оратора. В речах неоднократно встречается мысль о тесной и неразрывной связи внутренней и внешней политики Афин с экономикой и социальными отношениями внутри полиса. Тезис о том, что определенной политической структуре государства соответствует определенный экономический режим, можно найти в целом ряде политических и философских трактатов — у Аристотеля, Платона, Ксенофонта, «Оксиринхского историка». В дошедших до нас источниках эта проблема разработана либо на теоретическом уровне, где взаимосвязь элементов показана статически, либо она непосредственно связана с конкретными событиями, которые повлекли за собой изменения в текущей политической жизни. Исократ внес свой вклад в серию социально-политических трактатов конца V — середины IV в., показав прямую зависимость между политической и экономической линиями развития государства.

Единовластие

Острое недовольство Исократа политикой радикальной демократии побудило его искать правильные формы управления государством не только в утопическом прошлом, но также и в тирании. Поскольку цель «хорошо организованной демократии» и единовластного правления для оратора была одна и та же — обеспечить стабилизацию полиса, то имеет смысл взглянуть на интерпретацию Исократом тирании.

Тирания всегда воспринималась эллинами как абсолютно неприемлемая форма правления. В VI и V вв. она осуждалась, в литературе появился даже нарицательный образ тирана как жестокого узурпатора, беспринципного и корыстолюбивого правителя, который приносит несчастья окружающим, за что и сам наказан бедами в личной жизни; у него нет друзей, он не доверяет близким и живет в постоянном страхе. Софокл был убежден, что «спесь порождает тирана и грозное его ждет наказание» (Soph.

Oed., 873). Герой драмы Еврипида «Ион» не хотел бы стать тираном, ибо тот

..... рад, коль залучит
В друзья себе злодеев. Всякий честный
Тирану — острый нож. Трепещет он
В нем своего убийцы. ....

(Eurip. Ion, 625—629.
Пер. И. Анненского)

Историки отвергали тиранию по иным соображениям, прежде всего как форму правления, близкую к ненавистной персидской монархии. Геродот подчеркивал, что персы поддерживали тиранию в греческих малоазийских полисах. Фукидид порицает тиранов за то, что из-за них Эллада «была задерживаема в своем развитии, не совершала общими силами ничего видного» (Thuc. I, 17).

Несомненным противником тирании был Геродот, в его описании тираны наделены всевозможными негативными качествами — они жестоки, завидуют жизни и здоровью добродетельнейших граждан, зато негоднейшим покровительствуют (Herod. III, 80; V, 92). Историк подчеркивает, что «каждое государство предпочитает народное управление единовластия тирана» (Herod. IV, 137. Пер. Ф. Мищенко). Созданию отрицательного образа тирана в литературе способствовали также греко-персидские войны. Для полисной идеологии было естественно соединить единовластную форму правления в Персии, заклятом враге греков, со всеми бедствиями и несчастьями, которые принесла Элладу персидская интервенция.

Антитираническую тенденцию можно найти в драматических произведениях. Отрицательное отношение к единовластиям проходит через все творчество Эсхила. Им осуждаются не только тирания, но и те ее свойства, которые в глазах трагика и его современников неизменно сопутствовали власти, основанной на праве меча (Aesch. Agamem., 1423—1425). Эсхил, убежденный сторонник афинской демократии, предельно ясно обозначил свое отношение к тирании в словах: «Лучше смерть, нежели тирания», они вполне могли стать лозунгом народовластия в V в. В «Прикованном Прометее» драматург отождествил тирана с Зевсом, вероломство которого считал типичной болезнью деспотов, поскольку им свойственно «друзьям не верить, презирать союзников» (Aesch. Promet., 942). Эсхил считал неизбежным, что когда власть находится в руках одного человека, то «никто не свободен, кроме него» (Aesch. Promet., 224).

По традиции, в IV в. установление господства полиса-гегемона в Элладу и пренебрежение им интересами других государств, попрание установившихся норм продолжали называть тиранией. Особенно часто этого звания удостоивались Афины и Спарта. Вместе с тем в политической мысли возник интерес к тирании как не только допустимой, но порой и необходимой форме правления, которая обычно бывала не очень похожа на реальную, со-

здавался скорее некий идеализированный образ тирана как просвещенного правителя, заботящегося о благе государства. Прямо или косвенно подчеркивалось, что тирания — лишь переходная форма правления. И все же возникновение такого направления очень симптоматично. Его можно рассматривать как показатель кризисных явлений в прежней системе управления полисом, практика толкала политическую мысль на поиски форм организации государства.

Тиранией интересовался Платон, причем его взгляды на эту форму правления претерпели некоторые изменения. В «Государстве» тиран предстает одиозной фигурой, поскольку философ полагает, что тирания выросла из демократии; представитель народа окружал себя телохранителями, получал власть и становился тираном (Plato. *De Rep.*, 565 D, 566 A). Однако в «Политике» Платон считает тиранию родственной не демократии, а царской власти, объединяя оба способа единовластного правления термином «монархия» (*μοναρχία*), хотя и поясняет, что они существенно отличаются друг от друга (Plato. *Polit.*, 276 E, 302 D).

Взгляды философа эволюционировали от категорического отрицания тирании к утверждению, что ее возможно использовать для руководства государством в переходный период от реально существующего полиса к полису образцовому. Правитель, утверждал он, своим поведением способен модифицировать нравы общества: «Если тиран захочет изменить нравы государства, ему не потребуется особых усилий и слишком долгого времени. Хочет ли он обратить своих граждан к добродетельным обыкновениям или, наоборот, к порочным — ему стоит только самому вступить на избранный им путь. Его собственное поведение будет служить предписанием, так как одни поступки будут вызывать с его стороны похвалу и почет, другие — порицание; послушника же он будет покрывать бесчестьем за тот или иной поступок» (Plato, *Leg.*, 711 B. Пер. А. Н. Егунова). Однако в совершенном государстве места тирании уже не было (Plato. *De Rep.*, 473 D; *Polit.*, 290 A — 302 D; *Leg.*, 627 A).

Известно, что Платон дважды посетил Сицилию по приглашению Дионисия Младшего, который утверждал, что хочет управлять согласно философским принципам. Хотя философ и тиран не нашли общего языка, остался любопытный документ, возможно связанный с этими поездками, — «Письма» Платона. Авторство Платона, правда, здесь ставится под сомнение, одни исследователи утверждают, что по стилю, манере письма, высказанным идеям они несомненно принадлежат философу, другие отрицают это¹⁷. В любом случае высказанные в «Письмах» мысли о необходимости использовать тиранию, сохранив ее оболочку, но изменив содержание, облагородить тирана знанием фило-

---

¹⁷ Обзор различных точек зрения по этому вопросу дан в книге В. Гатри [Guthrie, 1979, с. 399 и сл.].

софии или присутствием мудрого наставника заслуживают внимания и очень близки Платону. Автор «Писем» полагает, что знания и законы смогут преобразовать существующую тиранию в хорошую форму правления.

Идеальное управление видел в единовластии современник Платона Ксенофонт. Ксенофонт-историк отмечал непопулярность тирании в Греции, но Ксенофонт-теоретик тщательно разработал «совершенную» тиранию. Поиски оптимальных вариантов управления заставили его обратиться к персидской монархии, к личности Кира Младшего. С первых же строчек «Киропедии» ясно, что автора этого произведения привлекает абсолютная власть персидского царя над его подданными и беспрекословное повиновение последних (Хен. Суг., VIII, 1, 22). Характерно, что акцент был поставлен на карательных функциях. Деспотизм был интересен Ксенофонту более продуманной и гибкой системой наказания непокорных, чем та, которая применялась в Элладе, в которой, по мнению историка, царили незаконность и смещение (Хен. Нелл., VII, 5, 27). Поэтому особое внимание обращено на те стороны персидской монархии, которые служат для установления и поддержания порядка в стране. Так, например, подчеркнуто, что правильному управлению Персией способствовала разветвленная сеть доносчиков, благодаря которой «люди повсюду боятся вести речи, неудобные царю, как будто он сам их услышит, и совершать поступки, неудобные царю, как будто он сам будет их свидетелем» (Хен. Суг., VIII, 2, 12. Пер. Э. Д. Фролова).

В трактате «Агесилай» Ксенофонт берет другой вариант единоличного правления — царскую власть в Спарте, в силу чего черты характера правителя и методы управления рассматриваются с иной точки зрения. Агрессивная внешняя политика Лакедемона, его военизированное устройство определили идентичность понятий «правитель», «полководец», управление государством сопоставляется с командованием войском. Предполагается, что в основе и того и другого феномена находятся одни и те же принципы — дисциплина, послушание, беспрекословное повиновение. Оказывается, что самыми добрыми надеждами можно преисполниться при таком порядке, где «люди почитают богов, предаются военным упражнениям и ревностно исполняют приказы военачальников» (Хен. Агес., I, 12. Пер. Э. Д. Фролова).

Историк хочет оправдать единоличную власть с точки зрения этики и морали. Его идеальному правителю присущи все качества, которые ценятся в людях, — благородство, гуманность, приветливость, щедрость. Особенно выделяются постоянство и верность слову как единственно надежная опора среди смены политических ориентаций, борьбы группировок, молниеносных возникновений и столь же быстрых распадения военных союзов. Для того чтобы достичь подобного уровня, правитель должен постоянно самосовершенствоваться, прекрасно владеть собой, подавая пример своим подданным (Хен. Агес., IV; VIII; XI).

В трактате «Гиерон», написанном уже на закате жизни, Ксенофонт обращается к тирании, предлагая экономические, политические и социальные реформы с целью ее совершенствования. Прежде всего автор советует Гиерону найти твердую социальную опору. Для него это самая важная проблема, решение которой повлечет за собой благоустройство всего общества. Цель тирана, как и всякого правителя, — обеспечить безопасность «лучшим» и «благородным», обозначаемым термином *καλοὶ καγαθοί*. Для Ксенофонта с его вниманием к экономике вполне закономерно также предложить меры по увеличению доходов государства (Xen. Hier., 9, 7, 99), единовластие оказывается тесно связанным с качествами хорошего хозяина (Ср. Xen. De vect.; Memor., VI, 2, 11).

Таким образом, очевидно, что в греческой политической литературе IV в. оживленно обсуждался вопрос о единоличной власти. В философии и публицистике были рассмотрены греческие и негреческие образцы правителей. Тенденция эта не случайна, она отражает кризисные явления этого периода, с которым связано возникновение «младшей» тирании. «Старшая» и «младшая» тирании, важные вехи в истории Эллады, возникли в сложной и тяжелой для полиса обстановке, обе характеризовались крайним обострением социальной и политической борьбы, но ранняя тирания знаменовала собой укрепление государства, а поздняя — появление в нем тяжелых симптомов и потерю независимости. Шел настойчивый поиск мер, способных укрепить полис. При этом могли, по крайней мере теоретически, одни известные формы управления отбрасываться, другие — модифицироваться.

Свою лепту в разработку концепции единоличного управления внес и Исократ, обосновав его с моральной и политической точек зрения, с позиций законности и целесообразности, много внимания уделено анализу взаимоотношений между правителем и обществом. При изучении взглядов оратора на эту проблему можно выделить три основных периода.

Первый из них представлен двумя ранними речами — «Похвала Елене» и «Бусирис»¹⁸. В «Похвале Елене» Исократ приходит к выводу, что наилучшая форма правления — единоличная власть, но ни в коем случае не тираническая. Он превозносит мифического героя Тесея за то, что «свою власть он не охранял наемниками, но сберегал ее благомыслием граждан, по могуществу своему равный тирану, а по благодеяниям — заступник народа» (Isocr. Hel., 37). Оратор подчеркивает, что можно «обладать неограниченной властью и все же чувствовать себя ничуть не хуже, чем те, кто участвует в управлении на началах равенства» (Isocr. Hel., 43). Его Тесей — идеальный правитель, он напоминает вождя, который заботится о народе, правит с согласия своих граждан; власть для него — не источник обогащения, а средство возвысить эллинов, обеспечить их безопасность (Isocr. Hel., 43). Уже

¹⁸ Они цитируются в переводах М. Н. Ботвинника и А. И. Зайцева.

в этой речи оратор начинает создавать высокий моральный облик идеального правителя, который берет «на себя опасности, оставляя плоды своих трудов в общее пользование» (Isocr. Hel., 32).

Исократ проводит четкое разграничение между властью мудрого правителя, царствующего с согласия граждан и благодаря своим выдающимся личным качествам, и тираном, опирающимся на военную силу, правящим вопреки воли сограждан. По существу, он повторяет идеи своих предшественников V в. о тирании как отрицательной форме правления и, следуя их традиции, дает уничтожающую характеристику тиранам, утверждая: «Они грабят святыни богов, умерщвляют лучших из сограждан, не доверяют самым близким людям, и на душе у них ничуть не легче, чем у схваченных и приговоренных к смерти; они вызывают зависть видимостью благополучия, а в глубине души страдают больше, чем другие. Ведь что может быть мучительней, чем жить, постоянно опасаясь быть убитым кем-нибудь из рядом стоящих, и бояться тех, кто охраняет тебя, ничуть не меньше, чем злоумышленников» (Isocr. Bus., 15, 32).

Исократ, как и Ксенофонт, в поисках новых государственных форм обратился к Востоку. Рассматривая неограниченную власть царя в Египте, он находит в ней немало привлекательных черт. Его заинтересовало египетское государство как один из видов централизованной власти. В отличие от Ксенофонта, который перенес на Восток свой идеал греческого правителя, Исократ в «Бусирисе» пытался перенести некоторые черты египетского управления в Грецию. Если, характеризуя греческого правителя Тесея, автор уделял большое внимание его моральным качествам и подчеркивал выборный характер власти, то, говоря о Бусирисе, он делает упор на организаторские способности царя, на его умение подчинить себе людей. Здесь нет и речи о том своеобразном договоре, который существует между Тесеем и народом. Характер власти явно деспотический, от общества требуется безропотное подчинение. Исократ, написавший страстную речь о пороках тиранов и отрицательно оценивающий подобную форму правления, спокойно воспринимает неограниченную власть Бусириса как нечто само собой разумеющееся, автора больше интересует организация и методы управления и обеспечения безопасности правителя.

После «Бусириса» оратор в своих теоретических исследованиях не обращался к восточным государствам: вероятно, он понимал, что подобный государственный строй не соответствует греческому идеалу [Mikkola, 1954, с. 238]. Пропаганда восточной деспотии как образца правления, который может многому научить греков, помешала бы идее похода на Восток.

Наконец, Исократ, понимая невозможность прямого перенесения восточного деспотизма в Грецию, стал разрабатывать в теории ту политическую форму единоподержавной власти, которая уже возникла в современном ему обществе. Такой формой была

тирания. Наделяя тиранов некоторыми чертами восточных деспотов, он предпочитал не ссылаться на такой одиозный пример, как Восток. «Бусирис» в этом отношении был исключением, как бы «пробой пера». Однако при изучении взглядов оратора на формы правления мы не должны сбрасывать со счетов его ранние произведения, оправдывающие единоличную власть, еще сравнительно робкие, несовершенные, находящиеся под влиянием предшествовавших мыслителей, но уже высказывающие многие положения, получившие более полную разработку в других речах.

Второй этап в развитии идеи единовластия у Исократа определяет так называемый «Кипрский цикл», датированный 70—60-ми годами, в него входят речи «К Никоклу», «Никокл», «Эвагор», «К Демонику». Поскольку почти все они посвящены кипрским правителям и преследуют одну и ту же цель, мы считаем целесообразным рассматривать эти произведения все вместе, а не каждое отдельно, тем более что речи содержат много параллелей и взаимно дополняют друг друга. В речах Исократа этого периода уже присутствуют тщательно разработанная система управления государством тиранами и ее теоретическое оправдание.

В «Кипрском цикле»¹⁹ выведены два реально существовавших тирана — Эвагор и его сын Никокл. Они не случайно стали героями панегирика тирании. Эвагор был союзником афинян, личным другом Конона, получил права афинского гражданства, ему даже воздвигнули статую в Афинах. В заслугу Эвагору ставится то, что гражданин своего города он «из варваров сделал эллинами», — в глазах Исократа, сторонника расширения гегемонии Греции над соседними областями, это было большим достоинством (Isocr. Euag., 54, 57, 66).

Непримиримый противник Персии, оратор, конечно, прославлял Кипрскую войну и даже затруднялся определить, какое деяние Эвагора считать более значительным: борьбу с лакедемонянами, общее управление государством или последнюю войну с Персией (Isocr. Euag., 68). Этой войне он уделяет много места, подчеркивая военные способности правителя, его роль защитника народа. Все это, по мнению Исократа, должно было придать образу тирана большую привлекательность и склонить симпатии греческого общества к единоличной форме правления.

Автор пытается освятить эту власть обычаями, доказать, что она одобряется богами и те предпочитают именно такое управление, так как подчиняются Зевсу, как царю (Isocr. Nic., 26). Следуя установившейся традиции, он наделяет тирана Эвагора благородным происхождением, начиная его родословную с потомков Зевса (Isocr. Euag., 12—18). Для оправдания Эвагора Исократ приводит чисто софистический довод, характеризуя его как выдающуюся и сильную личность, для него ясно, «что человек с такой

¹⁹ «Кипрский цикл» цитируется в переводах Э. Д. Фролова.

натурой не может довольствоваться всю жизнь простой ролью» (Isocr. Euag., 24).

Впервые в греческой политической теории была высказана мысль, что судьба тирана «и по божественным, и по человеческим понятиям является самой высокой и почтенной». Тирания провозглашается даже предпочтительнее наследственной царской власти. «Кто не признает, что опасная судьба Эвагора лучше удела тех, кто получил царскую власть по наследству», или «благодаря случайному стечению обстоятельств», или «одолевают своих врагов хитростью и коварством?» (Isocr. Euag., 35—36).

Подобное замечание как будто дает право предположить, что Исократ противопоставляет царскую власть тирании и все его дальнейшие положения направлены на оправдание тиранической формы правления. Поскольку образцами правителей он берет двух тиранов, то, конечно, полностью отказаться от термина «тирания» автор не может, но пользуется им он крайне редко, предпочитая заменить его термином «царская власть». Очевидно, речь идет не об апологии тирании, а о теоретическом обосновании идеи единовластия. Тирания могла быть использована как наиболее реальный и перспективный вариант монархии для Греции IV в. Кроме того, создавая идеальный образ единовластного правителя, Исократ хотел избежать неприятных для греческих граждан ассоциаций, связанных с тиранией.

Гипотетическая монархия, созданная Исократом, феномен более сложный и глубокий, чем простая тирания. У идеи единовластия было достаточно врагов как в демократических Афинах, так и во всей остальной Греции. Автор мог сознательно избегать одиозного слова «тиран», опасаясь усилить недоброжелательное отношение к своей теории.

Характерно, что образы кипрских тиранов, достойных людей и правителей, благополучно доживших до преклонных лет, резко контрастируют с установившимися в греческой литературе представлениями о неизбежном возмездии тиранам как деспотам, причиняющим горе другим. Предполагалось, что за это они карались несчастьями в личной жизни. Например, Геродот полагал, что тиран должен вести недостойный образ жизни и испытывать всяческие беды — искупление за недостойную форму правления (Herod. I, 32; III, 40—43, 80). Еврипид был убежден, что глубоко заблуждаются те, кто видит счастье в единовластии:

Ты хвалишь царский жребий. Точно, с виду
Отраден он, но глубже загляни:
Там какво? О, счастье! О, блаженство!
Век трепетать насилья, озираясь...

(Eurip. Ion, 621—624.

Пер. И. Анненского)

Платон, в соответствии с традицией, писал, что тирану «необходимо быть... и ненавистником, и недружелюбным, и нечестивым... и от всего этого сперва особенно самому быть несчастным,

а потому и сделать такими своих ближних» (Plato. De Rep., 580 A. Пер. Е. Н. Егунова). Деспоты у него общаются «либо со льстецами, которые готовы во всем служить им, либо с теми, перед которыми сами падают, имея в них какую-нибудь нужду» (Plato. De Rep., 575. Пер. Е. Н. Егунова). Философ заключает: «Тиран, хотя это иному и не кажется, в существе дела поистине есть раб, осужденный на величайшее ласкательство и унижение, есть лстец перед людьми самыми негодными, он нисколько не может удовлетворить и своим пожеланиям, напротив, во многом крайне нуждается и покажется действительно бедным, кто сумеет созерцать его душу в целости» (Plato. De Rep., 579 D—E. Пер. Е. Н. Егунова).

Исократ не только хорошо был знаком с такого рода взглядами, но и при удобном случае сам апеллировал к ним как к устойчивому штампу. Он использовал моральное осуждение тирании для аргументации своих тезисов в решении проблемы взаимоотношений греческих полисов. Он осуждает стремление Афина к морскому господству как желание, достойное тирана, и полагает, что бедствия, испытанные городом, — возмездие, подобное возмездию тиранам (Isocr. De Pace, 114—115). Убедая македонского царя проводить дружественную политику по отношению к греческим полисам, Исократ предупреждает его, что насильственный захват эллинских государств будет похож на политику тирана, Филиппа в таком случае будет ожидать справедливое наказание (Isocr. Phil., 106—108).

Однако в «Кипрском цикле» он обращается к данной идиоме для ее опровержения. Оратор размышляет о причинах неудач тиранов, почему одни из них «были убиты теми, от кого менее всего этого можно было ожидать, другие сами вынуждены причинять зло близким, а третьих постигли оба эти несчастья, тогда все начинают думать, что лучше самое скромное существование, чем власть над всей Азией, если она сопряжена с такими невзгодами» (Isocr. Ad Nic., 5—6).

Возможность избежать подобной ситуации оратор видит лишь в умении управлять, а оно основывается на знании. На первый взгляд он здесь близок Платону, также ставившему знание во главу угла, но сходство это внешнее. Умение править Исократ понимает не как обладание определенной суммой знаний или особым искусством, присущим человеку по праву благородного происхождения, для него это скорее умение разобраться в обстановке и сделать правильную ставку на ту часть общества, которая может поддержать правителя.

Тирания у Исократа должна не держаться на терроре, а опираться на имущие слои, обязанность тирана охранить «порядочных людей» (*χρηστοί, ἐπεικεῖς*) от «злоумышленников» (*ἐπιβουλευόντες*). Он советует не позволять бесчинствовать толпе (*πλῆθος*), будучи убежденным, что самое ужасное — уравнение в правах порядочных и дурных (*πονηροί* — Isocr. Ad Nic., 14—15;

Euag., 42—43). Необходимо, чтобы люди, неравные между собой, не получали равных благ, пусть каждый пользуется почетом по достоинству. Именно здесь, в социальной сфере, терминология Исократ наиболее близка олигархическому словоупотреблению. По наблюдению Э. Д. Фролова, используется традиционный олигархический набор: *χρηστοί, βέλτιστοι, πονηροί* [Фролов, 1969, с. 13]. Видимо, на этапе «Кипрского цикла» Исократ еще не выработал тех дефиниций, которыми пользовался позднее (*οἱ ἔχοντες, οἱ κερτιμένοι*).

Следовательно, зажиточные и средние слои населения, по мнению Исократ, могли не опасаться произвола при надлежащем образом организованной тирании, их там будут ожидать почет и уважение, зато «злоумышленники», выходцы из беднейших слоев населения, которых так панически боялись «достойные» граждане IV в., могли быть уверены, что никогда не застанут правителя врасплох, и это умеряло их притязания на чужое имущество.

Идеальная тирания Исократ находится в прямой оппозиции по отношению к демократии. Раздраженный практикой народных собраний — отсутствием быстрой реакции на происходящие события, пагубно отражающейся на внешней политике полиса, оратор подчеркивает, что государства с единовластным способом управления «превосходят другие в принятии решений и выполнении необходимых дел», а также имеют преимущества на войне (Isocr. Nic., 17, 22—24).

Связь Исократ с кипрскими тиранами и его произведения, направленные в защиту монархии, очевидно, вызвали возмущение в Афинах: против оратора было выдвинуто обвинение в том, что его «учениками становились не только частные лица, но и ораторы, и стратеги, и цари, и тираны» (Isocr. Antid., 30). Исократу пришлось оправдываться и доказывать, что Никокл не давал ему денег «с целью научиться выступать в судилищах», аргументируя это тем, что тот, будучи господином, принимал решение всегда сам (Isocr. Antid., 40).

Третий этап в развитии монархических идей Исократ ознаменован его речью «Филипп», написанной в 346 г. После того как греческие государства и отдельные правители обманули надежды оратора, он обратил внимание на македонского царя Филиппа.

Исократ считает, что Филипп обладает значительными преимуществами перед греческими государствами для гегемонии в походе против варваров. Главное преимущество заключается в единодержавной власти. Как и в «Кипрском цикле», оратор говорит, что сильный человек не должен ограничиваться законами, повиноваться государству, так как именно в этом заключается препятствие для осуществления своих целей (Isocr. Epist., VII, 8—9). Но в «Филиппе» эти мысли сконцентрированы на подготовке к походу, подчинены одной основной идее: объединению греков (Isocr. Phil., 14).

Подводя итоги, подчеркнем, что в речах оратора четко выделяются три этапа.

I — ранний, когда оратор пишет речи «Похвала Елене» и «Бу-сирис», где рассматривает власть царя в Греции и власть восточного деспота. Отдавая предпочтение той форме монархии, которая была характерна для Эллады, он тем не менее находит много привлекательных черт в организации государства и методах управления им на Востоке. Уже в этом раннем цикле выявились импонирующие ему черты единовластия: сильная централизованная власть, предоставляющая правителю широкую свободу действий в интересах господствующего слоя, и безусловное подчинение псимущих.

II — 70—60-е годы. Этот период характеризуется «Кипрским циклом» («К Никоклу», «Никокл», «К Демонику»). Он сравнивает монархию с другими, традиционными формами правления в Греции и приходит к выводу, что эта форма правления наиболее целесообразна для IV в., так как лишь сильная централизованная власть способна справиться с кризисными явлениями в экономике и политике полиса. На данном этапе Исократ рассматривает только внутреннюю политику монархического управления. У Исократа мы наблюдаем более ясное и четкое, по сравнению с Платоном и Ксенофонтом, определение цели монархического правления, все время подчеркивается, что власть монарха защищает интересы «лучших» граждан. Монархическая концепция Исократа носит более теоретический характер, чем у Ксенофонта, который все время искал на практике форму управления, отражающую его взгляды в теории.

В развитии идеи единовластия у Исократа, на наш взгляд, наиболее важен этот период, в котором он создал тщательно продуманную и разработанную теорию единой державной власти, обосновав последнюю с этической, моральной, политической стороны, рассмотрев это правление с точки зрения законности и целесообразности, много внимания уделил анализу взаимоотношений между правителем и обществом.

III — 346 год. Специфику этого периода определила речь «Филипп», обращенная к македонскому царю с предложением объединить греков для экспансии на Восток. В ней Исократ не занимается дальнейшей разработкой своей теории идеального правителя, а ограничивается тем, что повторяет несколько прежних постулатов о свободе монарха перед законом и преимуществе единоличной формы правления над всеми остальными. Но эти положения приобретают здесь несколько иной смысл. В «Филиппе» оратор соединил монархическую концепцию с идеей похода против персов, считая, что осуществить экспансию сможет только сильная централизованная власть.

Обращение Исократа к единовластию было связано с дискредитацией в его глазах традиционных видов полисного управления — демократии и олигархии. Кризисные ситуации в полити-

ческой и социальной сферах, общую нестабильность Эллады оратор связывает с несостоятельностью этих видов власти. Поэтому эволюция от республиканской организации к единовластному правлению выглядит вполне закономерной, тем более что греки были знакомы с двумя ее вариантами — тиранией и царской властью.

Исократ не одинок в своем интересе к сильной личности, через это увлечение прошли и его современники Платон и Ксенофонт, что дает основание говорить об известной ориентации греческой идеологии IV в. до н.э. на монархию как оптимальный вид руководства полисом в период разрушения привычных форм и отношений. К этой мысли подталкивала и практика политической жизни — Эллада прошла через тиранические режимы дважды, в VI и IV вв.

Знаменательно, что ни один вариант единовластия не был принят политическими мыслителями в «чистом виде», каждый из них претерпел модификацию и отошел достаточно далеко от существовавших прототипов. Существенной переработке подверглась тирания, несвойственные ей черты приобрела царская власть в Спарте. Персидская деспотия утратила свою восточную окраску и превратилась в этнически обезличенный идеал совершенного государственного устройства.

Концепция единоличного правителя у Исократа прошла примерно через те же метаморфозы. Как «истинная» демократия в «Ареопагитике» не совпадала с той, которая существовала в Афинах, так и образ просвещенного и добродетельного правителя сохранил мало черт, присущих греческим тиранам.

Глава 5

АЛЬТЕРНАТИВЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

...действия государств определяются не ненавистью или клятвами или тому подобным, а только соображениями собственной выгоды

Исократ. Филипп, 45

Помимо проблем управления государством Исократ затрагивает и тему межполисных связей, взаимоотношений греческих государств. В речах, написанных для афижан, эти сюжеты, естественно, проецируются на внешнюю политику Афин. Оратор раскрывает и обосновывает свои взгляды на примере действий родного города.

В начале «Ареопагитика» он размышляет о многочисленных изменениях, которым подвержена жизнь частных лиц и государств. Быстрая смена событий приводит к тому, что государства, обладающие мощью, утрачивают ее, а незаметные прежде полисы возвышаются (Isocr. Areopag., 4—8). Поэтому внешнее благополучие часто таит в себе слабость и скрывает процессы, ведущие к разрушению. Первый взгляд на Афины свидетельствует об их силе, и подобное мнение широко распространено. Действительно, город владеет более чем 200 триер, наслаждается миром на всей подвластной ему территории, сохраняет власть на море, окружен союзниками, имеет влияние на многие полисы, поэтому должен чувствовать себя в безопасности (Isocr. Areopag., 1—2).

Исократ решает опровергнуть мнение о мнимом благополучии и показать истинное состояние дел¹. Для доказательства своей правоты оратор опять прибегает к истории как идеальному фону для сравнений. Но если в вопросах внутренней политики образцы прошлого использовались как в качестве примеров, так и эталона государственного устройства, то теперь они взяты лишь как примеры, иллюстрирующие и подкрепляющие мысли автора.

---

¹ Сходный прием был употреблен Демосфеном в одной из речей против Филиппа (VI). Он доказывает, что могущество Филиппа — ложное, в его государстве множество внутренних противоречий.

Оратор констатирует, что отношение эллинов к Афинам значительно хуже, чем в прежние времена. Исократ употребляет даже более сильное выражение — эллины ненавидят (*μισέω*) город, терпят его только из-за могущества, так как они поработены Афинами, и обвиняют полис в том, что он притесняет их и взимает дань (Isocr. Areopag., 81; De Pace, 21, 125). Рассорившись со всеми греками, Афины вынуждены терпеть беды, которые причиняет им вражда с Фивами и Лакедемоном, поступились частью земель в пользу Фив, потеряли города во Фракии, неудачные военные действия привели к гибели сотен триер и гоплитов (Isocr. Areopag., 9—10, 53; Phil., 43; De Pace, 86—87).

Исократ напоминает о героическом прошлом города, разрушенного варварами, так как он был покинут жителями ради спасения эллинов. Автор всячески подчеркивает ту решающую роль, которую сыграли Афины в греко-персидских войнах, а также стоявшую перед ними благородную цель — борьбу не только за свободу города, но и за независимость Эллады (Isocr. Areopag., 6, 75; Phil., 129, 147; De Pace, 432—443; Paneg., 137; Archid., 40). Греки по достоинству оценили подобное бескорыстие и добровольно вручили полису гегемонию (Isocr. Areopag., 17, 88; De Pace, 30, 42; Paneg., 57).

Период, непосредственно примыкающий к окончанию греко-персидских войн, Исократ считает наиболее удачным для внешней политики Афин. Автор сообщает нам чрезвычайно мало о взаимоотношениях города с другими полисами, лишь ставит акцент на том, что Афины первенствовали в Элладе по праву и это право признавалось другими государствами. Ссылки на войны с персами и роль в них полиса не выходят за рамки стандартных приемов похвальной речи (ср. Thuc. II, 36, 4; Lys. II). Исократ приводит факты, но не объясняет их, как в случае с *πάτριος πολιτεία*. Распространенное в Афинах мнение, что они, будучи величайшим городом в Элладе, зависят от военной политики предшествующих поколений, умело обыгрывается оратором: он видит в них доказательство того, что афинянам изменило военное счастье из-за их измены заветам отцов.

Исократ недоумевает, каким образом полис собирается продолжать воевать при таком тяжелом финансовом положении. Предки в подобных случаях имели на Акрополе запасы золота и серебра (Isocr. De Pace, 47), их потомки, нуждаясь во всем необходимом, содержат для этой цели наемную армию, изыскание средств для ее содержания вызывает новые трудности и осложнения (Isocr. De Pace, 45—46). С трудом добытые средства расходуются впустую, афиняне не могут укрепить свое могущество (Isocr. De Pace, 69)². Политика, проводимая по отношению к союзникам, тоже не устраивает автора: притеснение и обложение данью вызывает их озлобление. В результате такой политики

² Ср. Dem., III, 28 — афиняне истратили без нужды 1500 талантов.

Афины теряют соратников, которые становятся непримиримыми врагами города (Isocr. Areopag., 10; De Pace, 29, 46, 78, 82).

Виновным во всем оратор считает сам полис, который руководствуется во внешней политике неверными принципами. Народу нравятся ораторы, внушающие, что следует снова получить владения на нужных территориях (*κτήσεις*) и восстановить былое могущество (*δύναμις*) (Isocr. De Pace, 56). Среди граждан преобладает мнение, что нельзя допускать, чтобы плавали по морю те, кто не платит Афинам взносы (*συνταξίς*); афиняне выходят в море с большим числом триер и заставляют города платить им эти взносы силой. Видя выгоду в несправедливости, они захватывают чужую собственность и не понимают, что в этом причина всех несчастий (Isocr. De Pace, 17, 29, 37).

Далее Исократ проводит свою излюбленную параллель между общим и частным, сравнивает действия города с поведением тирана, доставляющего себе радость трудами и несчастьями других (Isocr. De Pace., 91). Как тиран несчастлив в личной жизни, неся кару за страдания, причиненные людям, так и государство, притесняющие другие, в наказание само претерпевает страдания. Войны, которые ведут Афины, тяжело отражаются на их внутренней жизни. Исократ связывает с ними чрезвычайные военные налоги (*εἰσφορά*), триерархии и другие литургии (Isocr. De Pace, 20, 25, 29; Areopag., 9, 17; Phil., 43). Война привела также, по его мнению, к ряду изменений в образе жизни, нарушению прежних обычаев и разным нелепостям: граждане не желают воевать за собственные интересы, поручая это людям, причастным ко всяким гнусностям; тех, кто уличен в подкупе, назначают стратегами; негоднейших (*πονηρότατοι*) из граждан считают самыми верными хранителями политического строя и т. п. (Isocr. De Pace, 43—44, 50, 53, 88).

Действия Афин порицаются автором прежде всего за неудачно построенные взаимоотношения с другими полисами, в результате чего город утратил первенство в Элладе. Нападки Исократа прямо связаны с Союзнической войной, возникшей из-за возврата Афин к прежней агрессивной политике и разногласия с партнерами по Второму Афинскому морскому союзу. Речь «О мире» была написана в то время, когда стало ясно, что город терпит поражение. Именно это обстоятельство побудило автора особенно резко осудить политику полиса по отношению к союзникам и настаивать на скорейшем заключении мира (Isocr. De Pace, 16).

В речи «О мире» Исократ высказывается против войны, но в «Архидаме», произведении, написанном при другой политической ситуации, он придерживается иного мнения, там оратор призывает Спарту к продолжению военных действий и раскрывает свое отношение к ним: война и мир сами по себе ни добро, ни зло. Тот, кто преуспевает, должен жаждать мира, так как мир помогает долго сохранять благополучие, а при неудачном стече-

нии обстоятельств следует обратить свои помыслы к войне (Isocr. Archid., 49—50). Подобная оценка показывает, что военные действия Афин осуждаются прежде всего за то, что они не только не принесли ожидаемых выгод, а напротив — ухудшили экономическое состояние полиса, отсюда их решительное неприятие и восхваление мира.

Морское могущество как демократический принцип

Исократ использует тяжелую для Афин ситуацию как наглядный пример, демонстрирующий, к чему приводит государство непродуманный образ действий во внешней политике. Эти действия не могут расцениваться как отдельные ошибки, а находясь в определенной взаимосвязи, образуют систему. Беды Афин в Союзнической войне — лишь логическое завершение развития тенденций, зародившихся намного раньше. Враждебное отношение союзников Исократ находит естественным, так как те претерпели много несправедливости, страдая от наглости (*ἀσέλγεια*) предков (Isocr. De Pace, 79). В «Филиппе» Афинам ставится в упрек, что после захвата власти на море они взыскали с союзников большие средства и взяли на себя право одни города разрушать, другие возвеличивать, с третьими поступать по своему усмотрению (Isocr. Phil., 46).

Внешняя политика такого рода обычно тесно связана у Исократ с понятием «современная демократия», и для ее обозначения употребляется выражение «власть на море» (*ἀρχὴ τὴν κατὰ θάλατταν*). Критика подобных действий идет в самых различных направлениях. Люди, которые хотят властвовать над эллинами, т. е. афиняне, не обладают нужными для этого качествами: у них неправильный политический строй и образ жизни (Isocr. De Pace., 42—48). «Власть на море» несправедлива, так как несправедливо, чтобы один город властвовал над всеми, а сильный над слабым (Isocr. De Pace, 68, 125). Кроме этических и политических доводов мы встречаемся и с экономической аргументацией. «Власть на море» объявляется источником бед города, эта мысль часто варьируется на протяжении всего текста речи «О мире». По верному замечанию Ж. де Ромили, у Исократ примером, подтверждающим его положение, служат не только афиняне, но и спартанцы, чье государство «испортилось» и испытало несчастья сразу же после установления такой власти [Romilly, 1958, с. 95].

А. К. Бергер отмечает, что «проблема общения с морем, бесспорно, положительно решалась политиками и идеологами демократии, представители олигархической идеологии решали ее отрицательно» [Бергер, 1966, с. 104]. Позиция Исократ по отношению к морскому могуществу на первый взгляд смыкается с позицией олигархии, однако автор дифференцирует свою точку зрения. Его страстные обличения относятся к настоящему времени. Протест направлен не против первенства Афин на море, а против формы этого первенства, послужившей причиной его ут-

раты. В «Панегирике» позиция оратора несколько иная. В литературе до сих пор не решен вопрос, связан ли «Панегирик» Исократом с образованием Второго афинского морского союза, а если да, то насколько тесно³. Нам кажется, что довольно сложно сравнить устав данной организации и «Панегирик», эти документы относятся к совершенно разным типам источников. Устав фиксирует ситуацию в юридических терминах, а Исократ — в дефинициях политической теории, к тому же его речи направлены отнюдь не на анализ принципов Союза, это объединение рассматривается под определенным углом зрения и в связи с конкретной проблемой.

Для нас здесь важно то, что Исократ не противник морского могущества как такового. Он отрицает мнение, что, получив власть на море, афиняне причинили эллинам много зла, и оправдывает их владычество, доказывая, что пострадали лишь враги полиса, а союзники процветали (Isocr. Paneg., 100—103). К моменту организации Второго афинского морского союза и в начале его существования мы не находим в речах Исократов никаких выпадов, направленных против него, равным образом не сообщается никаких порочащих сведений о предшествующем союзе (афинской Архе) в первые годы его организации. Даже наоборот, подчеркивается его поддержка эллинами.

Следовательно, нет оснований говорить о том, что автор отвергает «власть на море» в качестве разновидности первенства Афин в Греции. Критика касается тех периодов (Пелопоннесская и Союзническая войны), когда Афинам изменяло военное счастье и город терпел поражение в столкновении с более сильным противником — Спартой и союзниками. Выступление Исократов направлено не против преобладания Афин в Элладе, а против тех факторов, которые, на его взгляд, привели к утрате первенства⁴.

³ Вилламович [Willamowitz, 1883, с. 380] полагает, что «Панегирик» — обоснование Второго Афинского морского союза. Э. Бухнер [Buchner, 1958, с. 28—87] доказывает, что речи «О мире» и «Панегирик» направлены против Союза. Е. А. Миллиор [Миллиор, 1939, с. 93, 100] находит в «Панегирике» программу-минимум и программу-максимум. Первая заключается в установлении гегемонии Афин на море, прекращении междоусобных войн и объединении Эллады. Вторая — в захвате Малой Азии. По ее мнению, не «Панегирик» подготовил Второй Афинский морской союз, но его публикация показала, что созрели все условия для борьбы со Спартой.

⁴ В литературе эта проблема была поставлена как вопрос — существует ли единство темы в «Панегирике» и речи «О мире», или Исократ выдвинул в них две различные точки зрения. В. Йегер [Jaeger, 1940, с. 427; 1945, с. 134] высказал предположение, что здесь речь идет о двух видах морского владычества, которые и обозначены двумя различными терминами. Э. Бухнер [Buchner, 1958, с. 87, 150] видит единство между данными речами, но подчеркивает, что для обозначения пресимущества употребляются разные термины, которые нельзя считать синонимами, он объясняет расхождение в терминологии изменившейся политической ситуацией. К. Брингманн [Bringmann, 1965, с. 32 и сл.] пришел к выводу, что в промежутке между двумя речами взгляды Исократов изменились в связи с изменением ситуации. М. Леви [Levi, 1959, с. 77 и сл.] и Дж. Джиллис [Gillis, 1970, с. 196] находят между двумя произведениями противоречия.

Эта тема связана с проблемой управления полисом. Оратор обвиняет радикальную демократию в проведении пагубной политики насильственного морского владычества. Вина возлагается не только на руководителей государства, но и на Народное собрание, оказывается, что демос, не сумев разобраться в ситуации, пошел на поводу у льстецов; как будто лишившись рассудка, он принимал в один и тот же день взаимоисключающие решения (Isocr. De Pace, 3—5, 9, 12, 14, 38, 53, 59). Тон обвинений очень резкий, создается впечатление, что цель автора — во что бы то ни стало дискредитировать группировку, ратующую за продолжение войны.

Лицам, стоящим у кормила власти, инкриминируется ослабление обороноспособности государства, подрыв его политического престижа, разрушение экономики (Isocr. De Pace, 7, 19—21, 26, 42, 46—47, 69, 125—127, 131, 155). С политической фразеологией оказались тесно связанными и моральные дефиниции. Понятие демократии, как правило, сопровождается весьма отрицательными определениями, благодаря им оратор пытается закрепить в сознании читателей самое негативное отношение к демократическому способу управления, вернее, предпринимается попытка изменить укоренившееся мнение.

На протяжении всей речи Исократ повторяет, что его цель — переубедить народ. Делается это при помощи аргументации как общего, так и конкретного характера, причем второй тип явно преобладает, так как Исократ стремится прежде всего живописать бедствия сегодняшнего дня. В речи вообще очень сильна эмоциональная окраска, оратор вызывает не только к разуму, но и к чувствам аудитории. Такая насыщенность произведения доводами, воздействующими на разные сферы восприятия, вызвана необходимостью разрушить уже сложившиеся социально-политические стереотипы, формирующие позитивный образ народовластия. Исократ стремится представить демократию в самом невыгодном свете, он даже утверждает, что ее неразумная политика побудила часть афинян склониться на сторону олигархии (Isocr. De Pace, 108). Поскольку оратору важно создать и закрепить новую ассоциативную связь, идентифицировать демократию с неудачами города, утратой им престижа в Элладе, то, за исключением некоторых хвалебных упоминаний о строе предков, народовластие сурово осуждается.

Позиция Исократа в речи «О мире» определяется необходимостью любой ценой убедить аудиторию в гибельности продолжения войны. Поэтому практически отсутствует разделение демократии на «истинную» и «испорченную». Исократ не дифференцирует понятие «демократия», чтобы не рассеивать внимания читателей, сконцентрировать его на основных постулатах речи. Оратор подразумевает под «современной демократией» ту часть демократической группировки, которая стоит за продолжение войны, и именно на ней он сосредоточил силу аргументации.

Его политическим противникам противопоставлена антивоенная коалиция, кто входит в нее, Исократ не сообщает. Он лишь отводит от сторонников мира подозрение в олигархизме и раздраженно замечает, что пора перестать считать сикофантов (доносчиков) приверженцами демократии, а людей почтенных и порядочных (*καλοὶ καγαθοί*) — олигархии (Isocr. De Pace, 51, 133). Это высказывание Исократ не следует трактовать как выражение симпатий к олигархии, речь идет лишь о сторонниках и противниках военных действий⁵.

Дифференцированная оценка, данная в «Ареопагитике» внутреннему управлению, в речи «О мире» перенесена на принципы внешней политики Афин, в частности на интерпретацию понятия силы, могущества полиса. Слово *δύναμις* употребляется и в положительном, и в отрицательном смысле. Убедая сограждан прекратить войну, Исократ, перечисляя преимущества мирного договора, говорит о восстановлении былого престижа, о том, что в случае справедливого мира эллинам будет выгодно поддерживать силу Афин (Isocr. De Pace, 6, 137). Сила выступает в роли не только военно-экономического потенциала, но и как моральный авторитет.

Ее положительная оценка распространяется лишь на прошлое (при ссылах на бывшие справедливые времена) и на будущее, которое представляется автору воплощением его замыслов. Когда речь заходит о настоящем, сила становится роковым фактором, мешающим благоденствию, воплощением несправедливости по отношению к эллинам, источником бед для афинян. В подобных случаях, хотя употребляется слово *δύναμις*, речь всегда идет о морской власти: понятие *δύναμις* в данной ситуации плотную примыкает к интерпретации Исократом категории «власть», «держава» (*ἀρχή*). Это слово и производные от него уже связываются с господством и несчастьями, которые оно порождает (Isocr. De Pace, 48, 66, 86, 93). Но самое разрушающее действие производит «власть на море» (*ἀρχή τὴν κατὰ θάλατταν*), Ж. де Ромили обращает внимание [Romilly, 1958, с. 95], что с ней у автора ассоциируются все беды государства, самые ненавистные для греков понятия: господство (*κυρία*) и деспотизм (*δεσποτεία*). Как уже отмечалось, с властью на море Исократ соединяет вполне определенные явления — угнетение союзников, подчинение полисов силой⁶. Оратор начинает использовать термин *ἀρχή τὴν κατὰ*

⁵ П. Клоше справедливо заметил, что Исократ не затрагивает демократического строя, он осуждает действия, продиктованные стремлением к насильственной власти в Элладе [Clôché, 1963, с. 76 и сл.].

⁶ Содержание понятий *ἀρχή* и *ἡγεμονία* было подробно исследовано Бухнером, который пришел к обоснованному выводу, что первое из них обозначает у Исократы господство над греками, а второе — признаваемое всеми привилегированное положение Афин в Элладе [Buchner, 1958, с. 150]. В. Йегер неверно, на наш взгляд, связывает принцип гегемонии с интересом группы имущих [Jaeger, 1945, с. 129] — в речах оратора нет данных для подобного вывода.

θάλατταν для обозначения не какого-то одного соединения или союза, а определенной системы неправильных взаимоотношений полисов. Доказательством этому служит оценка действий Спарты, которая захватила власть над полисами, что преисполнило ее граждан несправедливостью, а государство в целом — высокомерием к союзникам, стремлением к захвату чужого, пренебрежением к клятвам и договорам (Isocr. De Pace, 96). Лакедемоняне, получив власть на море, вошли в полосу несчастий (Isocr. De Pace, 101).

Власти на море противопоставляется «гегемония на суше» (*ἡγεμονία κατὰ γῆν*). Если первый тип организации автор исторически соотносит с Афинами, то второй приписывается Спарте, его отличительными чертами признаются дисциплина и выносливость, контрастирующие с неорганизованностью, характерной для власти на море (Isocr. De Pace, 102; Phil., 60). Как и в случае с *ἀρχὴν τὴν κατὰ θάλατταν*, Исократ абстрагирует понятие, *ἡγεμονία* тоже связана с первенством среди эллинов, но первенством, имеющим другую основу, построенном на принципах уважения лидера союзниками и добровольного вручения ими власти (Isocr. De Pace, 30, 42, 138).

Оратор рассматривает два типа межполисных связей — власть на море и гегемонию на суше — и соотносит их с двумя ведущими полисами Греции — Афинами и Спартой. Для своего времени он считает определяющим понятие *ἀρχὴν τὴν κατὰ θάλατταν*, обозначая им несправедливые отношения внутри союза, угнетение союзников⁷.

Выгода — в справедливости

Следует остановиться на том, как понимал Исократ справедливость, несправедливость, выгоду, пользу в межгосударственных отношениях.

Моральная оценка тех или иных действий государства, его политики, конечно, не представляет собой ничего исключительного и нового для греческой литературы и политической теории. Однако их постановка и решение в речах Исократа вызывают особенный интерес, так как здесь теория и практическая политика выступают равноправными партнерами, дополняя друг друга. Упреки, брошенные оратору некоторыми исследователями, порицающими его за то, что он не пытается разрешить глубокие философские или гуманистические проблемы своего времени, необоснованны. Он не просто характеризует межполисные отношения, но и осмысливает их в философских и правовых категориях.

⁷ М. Леви подчеркивает, что Исократ отвергает политику, основанную на грубой силе [Levi, 1959, с. 50].

Высказывания Исократ о политике полисов подчинены одной идее — он всё рассматривает и интерпретирует под определенным углом зрения: необходимости объединения греков и похода в Азию. Характеристика Исократом положения в Греции будет неполной без учета его рассуждений о цели внешней политики полиса. Для этого оратор переносит принцип частного на общее и сравнивает политику государства с поведением людей, считая, что все люди стремятся к пользе (*συμφέρον*), однако не знают точно, какие действия здесь наиболее благоприятны (Isocr. De Pace, 28).

Афины не понимают, что стремятся к власти, которая невыгодна для них (Isocr. De Pace, 66, 70, 74). Кроме того, она еще и несправедлива, так как основана на вмешательстве в чужие дела (*πολυπραγμοσύνη*) — (Isocr. De Pace, 26, 58, 108) [Ehrenberg, 1947; Bringmann, 1965]. Исократ полагает, что *πολυπραγμοσύνη* — это нечто специфически афинское. В данном случае он разделяет мнение Фукидида, который писал: «Обладание и надежда на то, что они замышляют, сливаются в единое целое только у афинян, благодаря той быстроте, с какою они стремятся осуществить свои решения. Так непрестанно всю жизнь трудятся они с напряжением сил и среди опасностей. Наличными благами наслаждаются они очень мало, будучи постоянно заняты стремлением к приобретению, и нет для них другого праздника как выполнить то, что требуется обстоятельствами; напротив, на праздный покой они смотрят так же, как на утомление без отдыха. Поэтому, если бы кто-нибудь, желая кратко охарактеризовать афинян, сказал, что они рождены для того, чтобы самим не иметь покоя и другим не давать его, он был бы прав» (Thuc. I, 70, 7—9. Пер. Ф. Мищенко). Одинаково осуждая несправедливые действия Афин и Спарты, оратор относит понятие *πολυπραγμοσύνη* только к практике родного города, придерживаясь установившейся традиции.

Политика вмешательства в чужие дела продиктована стремлением получить пользу, извлечь выгоду (*πλεονεξία, συμφέρον*). Афиняне, по мнению Исократ, с жадностью гонятся за всем, что сулит доход, и нередко совершают ради него несправедливости (Isocr. De Pace, 7, 17). В этом случае Исократ, подобно Фукидиду (Thuc. I, 40, 1; III, 45, 4; 86, 6; IV, 62, 3; VI, 39, 2), видит в *πλεονεξία* желание человека или государства иметь больше, чем положено.

Исократ разделяет взгляды своего предшественника на то, что несправедливая политика приводит к получению несправедливого дохода, однако автор возлагает мало надежды на то, что сообщение об этом побудит государство изменить образ действий, ибо некоторые дошли до такой степени неразумия, что хотя и признают несправедливость (*ἀδικία*) весьма постыдной, но считают ее выгодной и полезной в повседневной жизни. Справедливость же (*δικαιοσύνη*), по мнению этих людей, хотя и обеспечива-

ет добрую славу (*εὐδοκίμον*), но невыгодна и способна приносить большую пользу не тем, кто ее проявляет, а другим людям (Isocr. De Pace, 31). Исократ считает своей обязанностью показать, что несправедливость не может быть по-настоящему выгодна, истинную пользу приносит лишь справедливый способ действий.

В основе внешней политики полиса, согласно оратору, лежит стремление к наживе, и он признает, что это естественно. По его мнению, существуют два способа получения искомого — справедливый и несправедливый, оба ведут к цели. Возникает вопрос, какой из них предпочесть и каким критерием руководствоваться при выборе. Исократ предлагает временной фактор: нужно стремиться к такому способу извлечения дохода, который может гарантировать его продолжительный период (Isocr. De Pace, 33—34).

На шкале ценностей оратора, образуя эталон поведения, соединяются понятия выгоды и справедливости. Таким образом, автор снимает конфликт между моралью и успехом: что лучше — делать неправое дело и процветать или поступать справедливо и понести ущерб (см. Plato. Apol., 35 B-E, 37 A-F, 38 D-E; Krit. 46 D; Gorg. 507 C). Его позиция находит отражение и в способе аргументации. По наблюдению Дж. Джиллиса, в речи «О мире» используются универсальные аргументы, апеллирующие к правовым дефинициям и к понятию целесообразности. В некоторых местах они настолько тесно связаны и переплетены, что их разделение представляет значительные трудности [Gillis, 1970, с. 199 и сл.].

Попытки соотнести этические и философские представления греческой литературы с конкретными событиями обычно наталкиваются на большие трудности. Произведения Исократов дают возможность увидеть, как отражается конкретная деятельность в категориях политического мышления. Здесь прямым предшественником Исократов был Фукидид, написавший историю Афин в рамках определенной концепции, исходя из которой он ее объяснил и оценил.

Теоретические обобщения Исократов тесно связаны с конкретными ситуациями, события формируют идеи. Справедливость здесь не отвлеченное понятие, а критерий для оценки политических действий. Исократ, сопоставляя справедливость и несправедливость в межполисной политике, приходит к следующим выводам. Несправедливо: чтобы один город имел господство над эллинами; чтобы сильный властвовал над слабыми, стремление к большему вопреки справедливости; вмешательство в чужие дела; покушение на чужую собственность. Несправедливо все это потому, что доходы, получаемые таким путем, неустойчивы и подвержены колебаниям, примеры чему — судьба Афин и Спарты (Isocr. De Pace, 6, 26, 30, 68—69, 138). Справедливо: получить гегемонию от союзников по их доброй воле; предоставить полисам автономию; уйти из чужих городов, чтобы «каждый имел свое»; заслужить среди эллинов добрую славу; добиться благоволения союзников и руководить ими не как деспоты (*δεσπότης*), а как союзники (*σύμμαχος*) и друзья (*φίλος*).

Остановимся сначала на примерах, иллюстрирующих несправедливость и последствия, к которым она приводит. Исократ, характеризуя состояние Эллады, фиксирует внимание лишь на четырех греческих государствах — Афинах, Спарте, Аргосе и Фивах. Таким образом оратор отличает ведущие полисы и расстановку сил. Описание одинаковых бедствий, которые терпят враждующие стороны, дает ему возможность выявить причину подобного состояния. Государства описаны примерно по одной схеме, продиктованной установкой оратора, которому важно не столько показать действительные бедствия, сколько воссоздать обобщенную картину бед Греции (Isocr. Phil., 47—54). Борьбу между собой уже ведут четыре полиса вместо двух, происходит дробление конфликта, и расширяется круг государств, претендующих на первенство. Исократ показывает, что соотношение сил между претендентами нестабильно, подвержено быстрым изменениям.

Характеристика Афинам была дана выше. Остаются Спарта, Аргос и Фивы. Наибольшее внимание уделено традиционному противнику Афин, состояние дел которого далеко не блестяще. Граждане испортились, изменилась политика, полис устремился к захвату чужого, вероломно предавал союзников, враждовал, в сущности, со всей Элладой, опустошал материк, чинил насилия на островах, брал деньги от персидского царя (Isocr. De Pace, 46, 95—100; Ageorag., 104; Paneg., 122, 126). В наказание лакедемоняне потерпели поражение в битве при Левктрах, потеряв цвет своего войска, и вступили в полосу несчастий; враги вторглись на территорию полиса, с ним воюют соседи, его ненавидят большинство эллинов, он находится под постоянной угрозой войны (Isocr. De Pace, 100; Phil., 47—50).

В Аргосе одни дела в таком же состоянии, другие еще в худшем, к неудачам военных действий прибавляются внутренние распри, истребляются наиболее богатые и выдающиеся из граждан (Isocr. Phil., 51—52).

Фиванцы поступают несколько не благоразумнее Афин. Сообщая о враждебных отношениях между Фивами и Афинами, Исократ язвительно замечает, что по справедливости фиванцы и афиняне должны давать друг другу деньги на Народное собрание: кто чаще будет собираться, тот и обеспечит наилучшее положение своему противнику (Isocr. De Pace, 57—59). Одержав ряд побед в сражениях, Фивы стали проводить агрессивную внешнюю политику, в наказание они потеряли свои города и понесли ущерб (Isocr. Phil., 53—55).

Война и мораль

Исократ обращает внимание читателей на то, что ни один из четырех полисов не смог добиться более или менее продолжительного и крупного успеха, и на переменчивость военного счастья, политическую неустойчивость. Он не сомневается в том, что такая ситуация не может долго продолжаться (Isocr. Phil., 40,

44, 55). Описывая межполисные столкновения, автор стремится закрепить отрицательное отношение к ним путем соотнесения войн с понятиями зла (*κακόν*), смятения (*ταραχή*), опасности (*κίνδυνος*), а также различными выражениями, обозначающими убийство, разрушение (*ἀπόλλυμι*, *λυμαίνομαι*, *τέμνω*, *ἀποκτείνω*, *πορνεύω*). Он убежден, что греческие государства страдают из-за войны, политику силы, проводимую Афинами, автор называет безумием и безрассудством (*ανοία*, *ἀλογία* — Isocr. De Pace, 7, 17, 41, 85, 121).

В данном случае оратор продолжает и развивает негативное отношение к межполисным войнам, характерное для исторической литературы и публицистики конца V — середины IV в.

Начало такому восприятию положил Фукидид своим описанием Пелопоннесской войны, отличающейся, по его мнению, от прочих размерами, масштабами и уникальностью. Неудивительно, что она сопровождалась событиями, зачастую происходящими в жизни полисов впервые, причем это относится и к военной, и к политической, и к социальной сферам. Фукидид отмечает, что во время этой войны взаимные распри впервые внесли смуту в государственные дела (Thuc. II, 65, 11).

Очертив глобальность и уникальность событий, историк останавливается на причинах, которые имели столь далеко идущие последствия. Читатель узнает, что сразу постичь их нелегко: истинные побуждения государств, политических и военных деятелей оказываются скрытыми и замаскированными официальными заявлениями, поводами и предлогами. Настоящую подоплеку событий автор видит в том, что мощь Афин стала внушать опасение Спарте, что и побудило ее развязать войну (Thuc. I, 23, 6). Он добавляет, что лакедемоняне не начинали военных действий, пока могущество афинян не обозначилось ясно и последние не стали угнетать спартанских союзников (Thuc. I, 118, 2). Комментируя сицилийскую катастрофу, он замечает, что лакедемоняне надеялись, победив афинян, укрепить свое господство над Элладой (*τῆς πάσης Ἑλλάδος ἥδη ὀφραλῶς πρᾶσσεσθαι* — Thuc. VIII, 2, 4).

Эта четкая и ясная характеристика показывает, что автор усматривает источник конфликта прежде всего в политическом соперничестве двух крупнейших полисов Греции, причем вражда оценивается им с точки зрения морали. Эгоистические тенденции Афин и Спарты задают тон всей военной кампании, во многом определяя позицию других государств и побуждения, которыми те руководствуются, присоединяясь к той или другой стороне. По Фукидиду, движущими силами раздоров между полисами оказываются такие негативные моральные факторы, как страх, ненависть, вражда, жажда господства, стремление к наживе. Они присутствуют при объяснении самых разных событий — причин начала войны, ее продолжительности, конкретных военных акций, позиции политических деятелей и полководцев; распрей внутри полисов.

Чувство страха (*φόβος*) заставляет давних соперников начать войну, у афинян это страх потери господства, у спартанцев — усиление могущества Афин (Thuc. I, 31, 88, 143). Историк полагает, что Афины вмешались в распрю между Керкирой и Коринфом, которая переросла в войну между Афинами и Спартой, вовсе не из соображений справедливости, а из желания ослабить Коринф (Thuc. I, 44, 2). Равным образом и Спарта руководствовалась в своей политике исключительно прагматическими целями, игнорируя установленные правила общения между полисами. Описывая исключительную жестокость, проявленную ею по отношению к союзным с Афинами Платеям, Фукидид добавляет, что в основе совершенных действий лежало стремление угодить фиванцам. Те были давними врагами платейцев, а Лакедемон рассчитывал на их помощь в войне (Thuc. III, 68, 4). Очень далеки от справедливости и благородства мотивы, побудившие полисы, сохранявшие прежде нейтралитет, после сицилийской катастрофы выступить на стороне Спарты. Каждый из них оправдывал свою политику тем, что если бы Афины одержали в Сицилии победу, то напали бы и на него, а также, что последующие военные действия против ослабевших Афин будут кратковременными, поэтому принимать в них участие почетно (*καλὸν εἶναι* — Thuc. VIII, 2, 1).

Схеме взаимоотношений государств вполне соответствует и характеристика отношений внутри полисов, мотивы действий политиков и полководцев. Фукидид обвиняет афинян в том, что они и в других делах, не связанных с войной, под влиянием личного честолюбия и личной корысти (*κατὰ τὰς ἰδίας φιλοτιμίας καὶ ἴδια κέρδη*) действовали во вред себе и союзникам (Thuc. II, 65, 7). Очень показательны мотивы сицилийского похода, одни из сограждан историка хотели посмотреть страну, другие (их было большинство) рассчитывали на жалование во время похода и на расширение афинских владений, гарантирующее им это жалование в дальнейшем (Thuc. VI, 24, 3). В таком же духе действуют и отдельные лица. В числе причин, способствовавших заключению перемирия, Фукидид называет смерть Клеона и Брасида, афинского и спартанского полководцев, основных сторонников активных военных действий.

Разительным контрастом выступает в «Истории» противоречие между настоящими причинами распри и их словесным оформлением. Фукидид пишет, что истина была искажена в декларациях враждующих государств, явная на деле, она скрыта на словах (*τὴν μὲν γὰρ ἀληθεστάτην προφασιν — ἀναφεισάτην δὲ λόγῳ* — Thuc. I, 23, 6).

Историк показывает, что низменные и корыстные цели ведущих греческих государств, побудившие их начать и в течение двадцати с лишним лет продолжать войну, не имеют ничего общего с официальными предложениями к конфликтам. Так, приняв твердое решение воевать с Афинами, пелопоннесцы тем не менее

отправляли к ним посольства с жалобами, чтобы в случае отказа иметь более веский повод для войны (*μευίστη πρόφασις* — Thuc. I, 126).

Волна неустойчивости, раздоров, смятения и жестокости, обрушившаяся на Элладу, оказывает у Фукидида влияние на все стороны жизни полисов. В области внешней политики — это борьба между греческими государствами, давшая достаточно примеров распада старых связей и образования новых, отступлений от общепринятых правил, случаев вероломства, безжалостности по отношению к пленным и т. п. В сфере чисто военной — раздоры между союзниками и отсутствие согласованности и единства.

Внутренняя жизнь городов нарушается не только непрерывными военными действиями, но и ожесточенной гражданской борьбой. Фукидид, как правило придерживающийся спокойного повествовательного тона, дает очень экспрессивное, яркое и запоминающееся описание распри между гражданами Керкиры, подчеркивая небывалое озлобление, возникшее там в ходе политических и социальных столкновений. И самое печальное, пишет он, что этот инцидент был лишь началом целой серии внутренних междоусобиц, которые сопровождали Пелопоннесскую войну (Thuc. II, 82—83).

Анализируя их природу, историк приходит к выводу, что всему виной изменения в психологии людей (Thuc. III, 82, 2). Вооруженные конфликты воздействуют у него прежде всего на моральные ценности, которые начинают перестраиваться в соответствии с законами, правилами, обычаями войны, происходит настолько глубокое извращение понятий, что добродетель и порок меняются местами.

С самого начала политическая теория Греции резко отрицательно относилась к вооруженным столкновениям между греческими государствами. Война ассоциировалась с разрухой, несчастьями, насильственными изменениями государственного строя, моральной деградацией индивидов и общества в целом, в ее оценке преобладают такие определения, как страх, ненависть, личное честолюбие, стремление к наживе.

Одновременно намечается тенденция восприятия вооруженных конфликтов как наиболее распространенного варианта межгосударственного общения. Так, например, приступая к изложению начала и хода Пелопоннесской войны, Фукидид в преамбуле характеризует историю Эллады как серию внутренних и внешних вооруженных конфликтов (Thuc. I, 2—19).

Ксенофонт, продолживший описание Пелопоннесской и последующих войн, рассматривает военные действия в совершенно ином плане, чем Фукидид. Его «Hellenica» дает значительно меньше материала, показывающего воздействие междоусобиц на идеологию и психологию современников, однако предоставляет в

распоряжение исследователя данные, помогающие понять факторы, которые повлияли на оценку войны в литературе.

Историк нередко определяет междоусобицы как братоубийственные войны. Он пишет, что у Агесилая большинство воинов не желали идти походом против греков (Xen. Hell., IV, 2, 5), что эллины тяготились войной и желали мира (Xen. Hell., V, 1, 29). Это отношение к войне как к преступлению против соплеменников показывает, что в греческой идеологии возник новый интересный аспект — апелляция к этническому самосознанию, усиление его, но не в результате борьбы против внешнего врага, а как следствие внутренних раздоров.

У Ксенофонта в борьбе полисов за гегемонию постоянно фигурирует персидский царь, который оказывает помощь то Афинам, то Спарте (Xen. Hell., I, 1, 14; 4, 7; II, 1, 10—14; IV, 1, 32; 2, 1; 8, 1, 7—9, 12, 16; V, 29, 31; VI, 3, 9, 12). Так обозначился еще один важный аспект в межполисных конфликтах — активное вмешательство соседних «варварских» государств в распри греческих городов и ориентация греков на помощь иноземных правителей. Причем эллины уже стали понимать опасность такого положения. Историк утверждает, что персы стремились к тому, чтобы ни одно греческое государство не стало могущественным, но все были бессильны из-за междоусобиц (*ἀλλὰ πάντες ἀσυνεῖς, αὐτοὶ ἐν αὐτοῖς στασιάζοντες* — Xen. Hell., I, 5, 9).

Для уточнения картины и лучшего понимания некоторых тенденций имеет смысл привлечь информацию «Оксиринхского историка», хотя из-за фрагментарности она может использоваться лишь как косвенные свидетельства. «Оксиринхский историк» склонен приписывать вступление тех или иных государств в войну прежде всего активности политических деятелей и социально-политической борьбе внутри полисов.

В данном источнике отчетливо звучит мотив низменных и корыстных побуждений политических деятелей, заинтересованных в войне. Некоторые политики в Афинах хотели, по мнению автора, лишить своих сограждан мира и покоя и опутать войной и хлопотами, чтобы иметь возможность поживиться за счет казны (*ἐν αὐτοῖς ἐκ τῶν κοινῶν ἢ χρηματίζεσθαι*). Их единомышленники в Беотии старались вовлечь беотийцев в войну обманным путем (*διὰ τῆς ἀπάτης* — Hell. Охуг. VIII, [XIII], 2). Побуждения такого рода считаются более важной причиной вражды к Лакедемону, чем персидские сокровища (Hell. Охуг. XVI, [XV], 5).

Таким образом, мы получаем подтверждение уже отмеченных тенденций. К ним относится прежде всего стремление к слиянию внешней и внутренней борьбы в греческих полисах. У «Оксиринхского историка» эта тема обозначена, пожалуй, яснее, чем у Фукидида и Ксенофонта. В отличие от первого он даже меняет местами причину и следствие, не война стимулирует государственные перевороты, а наоборот (несомненно сходство с Фукидидом в развитии сюжетов об эгоизме и корысти, лежащих в

основе побуждений людей, ратующих за войну). И наконец, «Оксиринхский историк» дает подтверждение широкого распространения версии о том, что враждебность ряда полисов к Лакедемону объясняется подкупом персидским золотом.

Первое, что бросается в глаза у Исократы, — частое обращение к военной тематике, разбору истории войн, описанию происходящих действий и предсказанию тех, которые возможны в будущем, что подтверждает важное место данной проблемы в жизни греческих государств. Оратор сам отмечает увеличение числа войн в последнее время (Isocr. Phil., 49). Продолжая традиционное направление греческой политической мысли, Исократ в своих определениях исходит прежде всего из внутреннего положения полиса. Линия взаимосвязи и взаимовлияния внешней и внутренней политики, намеченная у Фукидида и продолженная у Ксенофонта, получает в его речах дальнейшее развитие.

Политические, социальные и экономические процессы, протекавшие в полисах, убеждают Исократы в том, что войны расшатывают и видоизменяют государственную организацию, ухудшают экономическое положение, нарушают образ жизни и обычаи, изменяют отношения в политической и социальной сфере (Isocr. De Pace, 20, 25, 29, 43—55, 88). Он, подобно Фукидиду, осуждает войну с точки зрения морали: междоусобицы очернили Афины в глазах эллинов и принесли несчастья городу (Isocr. De Pace, 19), из-за них все греки находятся в бедственном положении (Isocr. Phil., 7, 38, 47—55), борьба губит полисы, города становятся военной добычей, их население живет в большем страхе, чем изгнанники (Isocr. Paneg., 168; Phil., 146—148), поэтому можно только мечтать о способе, который положит конец всем этим несчастьям.

Исократ не ограничивается перечислением ущерба, причиняемого полисам войнами, а исследует и причины, толкнувшие государства к междоусобным конфликтам. Он упоминает о стремлении добиться власти (*ἀρχή*) как источнике раздора между Афинами и Спартой (Isocr. Phil., 42), о борьбе за справедливость (Isocr. Paneg., 183), о лозунге свободы Эллады, во имя которой официально сражались и Афины и Спарта (Isocr. Paneg., 52, 75, 122; Phil., 129; ср. Лис. I, 47, 107). Тем не менее политическое соперничество, преданность высоким идеалам отступают у него на задний план и подоплекой вооруженных столкновений оказывается борьба из-за выгоды, пользы, доходов.

У Фукидида изменение существующего порядка связано прежде всего с индивидами и коллективом одного полиса. Исократ раздвигает эти привычные рамки и переносит свой постулат на всю Элладу. Он понимает, что войны определяются политической уже не одного или двух государств, а большого числа полисов, что они — закономерное явление его времени. Оратор сталкивается с необходимостью анализа межгосударственных отношений в процессе войн и проводит его при помощи методов и понятий, применяемых для изучения единичного полиса.

Например, именно так им доказывается положение о войнах как символе неустойчивости, нестабильности. Оратор говорит о широкой амплитуде колебаний в судьбах людей и полисов, когда казавшиеся ничтожными дела изменяются к лучшему, и наоборот. Эти изменения (*μεταβολή*) в «Ареопагитике» касаются прежде всего государственного строя и нравственности граждан, в речи «О мире» к ним присоединяются сдвиги во внешнеполитическом статусе Афин и Спарты, а в «Филиппе» взлеты и падения в карьере политических деятелей сравниваются с перепадами во внешней политике государств.

Основной причиной межполисных распрей оказывается все то же стремление к выгоде. Ожесточенная борьба между греками происходит из-за недостатка земли и хлеба, нужда разрушает дружбу, обращает родство во вражду и вовлекает людей в войны и смуты (*πολεμος, ταραχή* — Isocr. Paneg., 174). Исократ пишет о войнах, охвативших Элладу и о причиняемых ими грекам бедах почти в тех же выражениях, что и о военных конфликтах отдельного полиса. Он также называет их безумием (*μανία* — Isocr. Paneg., 133) и рисует ту же мрачную картину всеобщей анархии и смятения: граждане сражаются друг с другом (Isocr. Paneg., 116, 168; Phil., 146—148). Предлагая обдумать, как избежать вражды, Исократ указывает, что она возникает из-за малого (*οἷτινες οὕτω περὶ μικρῶν κινδύνενομεν* — Isocr. Paneg., 133; Phil., 126), в то время как полисы пренебрегают возможностью получить действительно крупную добычу, которая ждет их в Азии, если греки объединятся и покорят ее (Isocr. Paneg., 133; Phil., 9).

Так возникает новый фактор в интерпретации военных конфликтов. Речь идет уже не только об осуждении межполисных войн, предпринимаются попытки найти выход из создавшегося положения, кровопролитные столкновения зашли настолько далеко и имели такие тяжелые последствия, что многие кризисные явления, характерные для полисов данного времени, все отклонения от привычных жизненных стереотипов стали связываться с войнами. Избавление от междоусобных войн, таким образом, представлялось избавлением от всех бедствий.

Исократ настойчиво проводил в своих речах идею о том, что мир в Греции может быть установлен лишь путем перенесения войны в Азию. Перечисляя многочисленные выгоды такого поворота событий, он убеждает полисы последовать его совету. Оратор стремится доказать легкость покорения Персии, отмечает моральное превосходство греков над варварами, низкие моральные качества последних, неподготовленность к военным действиям (Isocr. Paneg., 182; De Pace, 9; Phil., 9, 16, 42, 76, 80, 89—90, 100—101, 125, 137).

В этом аспекте Ксенофонт и Исократ дополняют друг друга. Хотя в «Hellenica» упор сделан в основном на роль персидского золота в разжигании войн, у Ксенофонта есть и другая тенденция, близкая Исократу, хотя и не оформленная в четкую про-

грамму. Он пишет, что ферский тиран Ясон хотел получить средства (*χρηματα*) с народов материка, считая, что персидского царя покорить легче, чем греческие полисы (Xen. Hell., VI, 1, 12). В представлении Ксенофонта почти все персы — толпа рабов, чуждая гражданских доблестей, он также убежден в возможности легкого покорения Персии (Xen. Hell., III, 4, 19; VI, 1, 12).

В политической пропаганде Персия превратилась в важнейший аргумент при определении политики одних полисов и обвинении других. Еще Фукидид показал, что в Пелопоннесской войне афиняне ссылались на греко-персидские войны, чтобы продемонстрировать свое моральное превосходство над Спартой и выступить в роли защитников свободы Греции. Их предки восхвалялись за решение противостоять персам в то время, когда лакедемоняне занимали более уклончивую позицию. Но, очевидно, афинские недруги использовали в своих контраргументах те же самые факты, давая им другую интерпретацию. Гермократ Сиракузский бросил афинянам обвинение в том, что те сражались с персами не за свободу эллинов, а за свою собственную независимость (Thuc. VI, 76, 4). Сходный мотив подмены собственническими и союзническими интересами дела всех греков звучит и в речи фиванцев, обращенной к жителям Платей, которые упрекаются в том, что они воевали с персами не ради эллинов, а в силу своей привязанности к Афинам и солидарности с ними (Thuc. III, 64, 1).

К сожалению, мы не располагаем данными о влиянии греко-персидских войн на спартанские лозунги, можно только предположить, что если они и упоминались, то выделялся заключительный этап, когда лакедемоняне вступили в активную борьбу с персами. Зато есть много свидетельств, показывающих, что в IV в. охотно вспоминали о доблести предков, подкрепляя ссылками на прошлое борьбу в настоящем. Исократ строит обвинения против Спарты, способствующей, по его мнению, разжиганию братоубийственной войны, на параллелях с поведением лакедемонян по отношению к Персии. Во время греко-персидских войн, пишет он, спартанцы думали только о собственном спасении (Isocr. Paneg., 93) и если приняли наконец участие в общей борьбе, то сделали это только в силу необходимости, а не долга (Isocr. Paneg., 97), чем существенно отличаются от афинян (Isocr. Panath., 49—52). Те, напротив, рисковали жизнью не за собственные интересы, а за всю Элладу (Isocr. Paneg., 75; Phil., 147). Родина оратора восхваляется за то, что дважды освободила Грецию от варваров (Isocr. Phil., 129; ср. Lys. II, 21—47; XXXIII, 3; Dem. III, 36; XIV, 3, 36).

Более близкие Исократу события подаются в таком же освещении. Он отмечает активное вмешательство Персии в межполисные распри и ее финансовую помощь то одной, то другой из враждующих сторон. Об участии в подобных сделках Афин умалчивается, зато сообщается, что спартанцы заискивали перед пер-

сами ради порабощения Эллады (Isocr. Paneg., 85). Тема предательства соплеменников повторяется и в констатации факта о выдаче ионян персам (Isocr. Paneg., 122). Исократу вторит Демосфен, объясняя ослабление Афин происками персидского царя и лакедемонян (Dem. XV, 24).

В речах Исократа можно заметить следы еще одной точки зрения, на которой стояли, по-видимому, мелкие и средние полисы, одинаково страдавшие под гнетом и афинской и спартанской деспотии. Хотя оратор стремился опровергнуть обвинение в том, что оба полиса под предлогом борьбы с варварами за спасение эллинов лишили греческие города независимости (Isocr. Panath., 97), он вынужден признать, что, желая добиться власти, Афины и Спарта пошли на дружбу с персами, и замечает, что эллины настолько плохо относились к одному из лакедемонских полководцев, что считали: победа персидского царя над ним избавит их от бедствий (Isocr. Phil., 42, 95).

У Демосфена отношение к войнам более четкое и дифференцированное, чем у Исократа. Он разделяет все военные конфликты на справедливые и несправедливые (Dem. I, 5, 15; V, 7; XV, 10, 17).

Есть разница, замечает оратор, ведется война из-за наживы (*πλεονεξία*) или ради защиты собственного достоинства (Dem. XV, 10). И общественное мнение Эллады оценивает политику ведущих полисов в зависимости от того, хотят ли они сохранить собственную независимость или покорить других (*ὥστε εἶναι καὶ κρατεῖς τῶν ἄλλων*), ибо никто не желает, чтобы над ним властвовали (*δεσπότες ὑπαρχειν*). Из этого делается вывод, что залог успешной политики — признание ее справедливости (Dem. V, 24). Когда такой принцип нарушен, государство постигает заслуженное наказание, как, например, в случае с Лакедемоном, который стал воевать из-за выгод и нарушил своими корыстными интересами порядок в Элладe (Dem. IX, 24).

Интересно замечание Демосфена о делении межполисных конфликтов на войны между демократией и олигархией. Демократические государства воюют друг с другом из-за частных недоумений (*περὶ τῶν ἰδίων ἐγκλημάτων*), когда полисы не могут разрешить споров в общем порядке из-за земли, границ, в силу соперничества (*φιλονικία*) или из-за гегемонии. С олигархами демократы вступают в столкновения из-за государственного устройства (*πολιτεία*) и свободы (*ἐλευθερία*). Здесь мы, пожалуй, впервые сталкиваемся с ясно выраженным соотношением войны и политического устройства полиса. Все предшествующие авторы скорее отмечали общность низменных и эгоистических побуждений, приведших греческие государства к междоусобным распрям, и одновременно их камуфляж высокими идеалами. Демосфен разделил военные конфликты на «домашние», возникающие в среде демократов, и «внешние», между демократами и олигархами.

Причины войны у Демосфена примерно те же, что у Исократа — властолюбие, жажда наживы, борьба за родину и свободу, но их соотношение между собой другое. На первый план выдвигаются не экономические выгоды и политическое соперничество, а благородные цели защиты свободы и справедливости, причем зачастую даже не одного полиса, а всей Эллады. Нет мысли о мире в Греции путем перенесения войны в Азию, превалирует идея объединения и горькие упреки полисам в разобщенности. Демосфен сетует: греческие государства настолько разобщены, что не в состоянии заключить между собою союз взаимопомощи и дружбы (Dem. IX, 28), кругом царят смуты и взаимное недоверие (*ταραχή καὶ ἀπιστία*) (Dem. XIV, 36). Дошло до того, что каждый считает для себя выгодным, когда другой погибает, и никто «не заботится и не принимает мер, чтобы спасти дело греков» (Dem. IX, 29).

Демосфен пишет, что в Пелопоннесской войне господствовали «спор и смута» (*ἔρις καὶ ταραχή*) (Dem. XVIII, 18), упоминает о разногласиях между Афинами и Спартой (Dem. III, 24), Спартой и Фивами (Dem. XVIII, 188) и общем недоверии полисов к Афинам (Dem. V, 17—19; XIX, 12). Ведь никто не хочет, замечает он, чтобы «кто-нибудь один победил другого, а потом господствовал над ними самими...» (Dem. V, 17), ссылаясь на повсеместно распространенную в Греции политику.

Возникает закономерный вопрос, чем вызвана разница в оценках. Ответ, на наш взгляд, лежит в различной политической ориентации ораторов. Исократ освещает события под влиянием двух основных идей — необходимости восстановления былого могущества Афин и похода на Восток, впоследствии эти два пункта оказываются взаимосвязанными: Афины должны стать гегемоном Эллады и объединить греков для антиперсидского похода. Перед Демосфеном стояла другая задача — убедить своих соотечественников и остальные греческие полисы в необходимости дать совместный отпор Македонии. Возрастание ее мощи и активная завоевательная политика привели в конце концов к утрате полисами независимости и подчинению Македонии.

Здесь речь идет об оборонительной, а не наступательной войне, поэтому, естественно, в формулировании целей и задач на первое место поставлена защита свободы, а не корыстные интересы, что неоднократно подчеркивалось Демосфеном (Dem. I, 5, 15; VI, 25; VIII, 46, 49, 59, 60—62; IX, 26; X, 25, 61—64; ср. Лус. I, 47). Поэтому в его речах так остро стоит проблема разобщенности греков в результате междоусобных войн и подчеркивается гибельность их продолжения перед лицом общего для всех врага — македонского царя Филиппа.

В остальном же аргументация Демосфена обнаруживает поразительное сходство с доводами Исократа, только она повернута против Македонии, а не Персии. Это неудивительно, поскольку взгляды ораторов на межполисные конфликты и войны с негре-

гrecкими государствами восходят к одним и тем же традициям. Четкая проафинская ориентация Исократa проявляется в том, что он восславляет Афины за благодеяния грекам начиная с греко-персидских войн и видит в них защитника Эллады перед лицом «варварского» мира, только их он считает достойными такой высокой миссии, как объединение греков для похода против персов. Даже в «Панегирике», где формально возглавить поход предложено Спарте и Афинам, видно, что это уступка сложившимся обстоятельствам, симпатии автора по-прежнему на стороне Афин.

Исократ видит причину междоусобиц в Элладe не столько в политическом, сколько в экономическом соперничестве, в стремлении полисов к выгоде и доходу, возвращаясь к трактовке, что подоплека конфликта лежит во внутреннем развитии Греции, а не вмешательстве «варваров». Линия Фукидида продолжается у него и в другом плане — подчеркивается масштабность происходящих событий, столкновение крупных политических блоков, а не отдельных государств. Эта черта влияет и на восприятие войны — тенденцию к ее типизации. Речь зачастую идет уже не о конкретных военных действиях, а о признаках, характерных для межполисных войн вообще, например их причинах и следствиях.

Внешний фактор приобретает у Исократa новую, оригинальную интерпретацию — превращается из причины создавшегося положения в средство его преодоления. Персия из источника агрессии становится объектом завоевания, и мир в Греции, таким образом, устанавливается перенесением войны в Азию, которая должна предоставить в распоряжение эллинов тот самый доход, который служит яблоком раздора и причиной ожесточенных междоусобиц.

В связи с этим большое внимание уделено греко-персидским войнам — и в качестве достойного подражания образца политики по отношению к варварам, и в роли своеобразной лакмусовой бумажки, показывающей истинные достоинства полисов. Позиции, занятые греческими государствами в прошлом, прямо связывались с их поведением в настоящем. Афины, например, объявлялись защитниками эллинов и в греко-персидских войнах, и в межполисных конфликтах, а также наиболее подходящей кандидатурой, чтобы стать во главе антиперсидского похода. Спарта, напротив, обвинялась в перманентном предательстве общего дела греков как в прошлом, так и в настоящем.

У Исократa и Демосфена существует уже определенный стандарт в восприятии полисных распрей как несчастья не только для отдельных государств, но и для всей Эллады. Такое отношение к войнам наметилось еще у Фукидида, чему способствовали политические, экономические и социальные факторы. Кризисные явления в полисе IV в., нарушение привычных норм и образа жизни стали связываться у современников с непрекращающимися в Греции военными столкновениями, на войне как бы замкнулись многие проблемы греческого общества, она стала ассоциировать-

ся со всеми отрицательными явлениями в нем. Неудивительно, что пути выхода из создавшегося положения были намечены чисто военные — завоевательный поход.

Независимость полиса

На будущее Исократ советует Афинам и другим полисам придерживаться признания взаимной автономии (*αὐτονομία*), единства (*διδόμοια*) и доброй воли (*εὐνοια*), все это связано со справедливостью и уважением прав других. Идея свободы и автономии не заключала в себе ничего нового для греков IV в., так как была частью неписаных законов греческих межгосударственных отношений.

Как лозунг *πάτριος πολιτεία* («конституции предков») использовался различными группировками внутри государства, так и *ἐλευθερία* и *αὐτονομία* («свобода» и «автономия») были испытанным средством в политической борьбе и пропаганде.

О возрастании роли принципа автономии в межполисной жизни убедительно свидетельствует Анталкидов мир, который строился на условии автономии всех греческих полисов, *αὐτονομία* была возведена в ранг основного принципа внешней политики, договор подчеркнул универсальность этого принципа: *τὰς δὲ ἅλλας Ἑλληνίδας πόλεις καὶ μικρὰς καὶ μεγάλας αὐτονόμους ἀφεῖναι* («всем греческим полисам, как большим, так и малым, быть автономными» — Xen. Hell., V, 1, 31).

Автономия полисов оказалась зафиксированной в многостороннем договоре, подписанном подавляющим большинством греческих государств, причем были предусмотрены также санкции, направленные против нарушителей соглашения (Xen. Hell., V, 1, 31).

Договор не только закрепил право каждого государства быть автономным, но и повлиял на фактическое положение дел — ряд городов получил независимость, хотя и не всегда такую полную, как декларировалось. Характерен пример с беотийскими городами. При заключении мира Фивы хотели принести присягу от имени всех беотийцев, но эта попытка правового закрепления их преобладания в Беотии успеха не имела, им пришлось согласиться на предоставление беотийским полисам автономии (*αὐτονόμους ἀφεῖντες τὰς Βοιωτίας πόλεις* — Xen. Hell., V, 1, 33—34).

Разгромив Архэ, Спарта уничтожила силу, способную противостоять Пелопоннесскому союзу, и облегчила себе завоевание Греции и фактическое уничтожение автономии, которая была ее лозунгом в борьбе с Афинами. Договорная суверенность полисов была выгодна Лакедемону как превентивная мера против образования любой враждебной ему коалиции, так как все союзы строились на известной степени подчиненности главе объединения. Ксенофонт отмечает, что благодаря Анталкидову миру лакедемо-

няне получили значительное превосходство (*Λακεδαιμόνιοι πολὺ ἐπικυδέτεροι εὐέοντο* — Хеп. Hell., V, 1, 36).

Практика показала, что Спарта немедленно воспользовалась им. Объявив себя «блюстителями мирного договора» (*προστάται...τῆς εἰρήνης*), спартанцы, ссылаясь на необходимость его реализации, стали проводить активную политику подчинения полисов и наказания ранее отпавших союзников. Свои действия Спарта представляла как получение автономии для греческих городов. В «Hellenica» признается, что автономия беотийских городов была давним желанием Лакедемона, исходившего при этом, естественно, не из интересов городов, а из стремления ослабить таким путем враждебные ему Фивы. Аналогичные причины побудили спартанцев настоять на том, чтобы Аргос освободил Коринф (Хеп. Hell., V, 1, 36). Дальнейшая политика Спарты ясно показывает противоречие между юридической нормой и практическими результатами ее реализации. Понятие «автономия» стало совмещать не только политический и правовой аспект, но и пропагандистский. Она стала выступать в качестве компонента политической пропаганды, аргумента для оправдания действий ведущего полиса. Данный аспект этого понятия, намеченный еще у Фукидида, удачно использовался Спартой в Коринфской войне.

Действия Спарты находились в таком противоречии с провозглашенными ею принципами, что даже Ксенофонт, старательно избегающий упоминаний о враждебном отношении к Лакедемону, вынужден был отметить все возрастающее раздражение полисов. Обвинения были предъявлены именно в той сфере, которой пользовалась Спарта для придания своим акциям вида законности. Ее упрекали в препятствовании автономии полисов и заключении с греческими государствами неравноправных договоров, уничтожавших самостоятельность городов. Основные претензии сосредоточились вокруг декрхий и насаждения олигархии. Противники апеллировали к автономии для усиления тяжести своих обвинений: поскольку зафиксированная в соглашении автономия рассматривалась как обязательный закон, то Лакедемон инкриминировали стремление к беззаконию — нарушению внутрполисных установлений и попранию межгосударственных (Хеп. Hell., VI, 3, 7—9).

Афины еще в период Коринфской войны сделали вывод из полученного им жестокого урока и повернули лозунг независимости государств против Спарты. По свидетельству Ксенофонта, Афины, освобождая города от спартанских *гармостов* (наместников), уверяли жителей, что предоставят им автономию (Хеп. Hell., IV, 8, 1). Однако в полной мере это направление оформилось в период, непосредственно предшествующий образованию Второго афинского морского союза, и в первые годы его существования. Афины оправились от поражения и воспользовались недовольством полисов спартанской политикой для подготовки

новой коалиции, направленной против Пелопоннесского союза. Параллельно с активной дипломатической деятельностью проводилось идеологическое обоснование объединения, здесь была использована популярность идеи автономии среди греческих государств.

Исократ в «Панегирике» ссылается на противоречие между принципом автономии и политической жизнью Греции во время господства Спарты. Выражая взгляды большинства полисов, он упрекает Лакедемон в том, что практически отсутствует автономия, записанная в договоре, и что настоящее положение далеко от *αὐτονομία καὶ ἐλευθερία* («независимости и свободы» — Isocr. Paneg., 115, 117). Афины активно использовали недовольство полисов спартанской политикой для пропаганды новой коалиции, построенной на основе справедливости и уважения суверенности государств. Автономия фигурирует в подготовке новой коалиции и в своем прямом значении, т. е. как правовой статус государства. Договоры, заключенные Афинами с рядом полисов, и декрет Второго афинского морского союза упоминают *αὐτονομία* в числе условий соглашения (Tod. II², № 118, стк. 21; № 121, стк. 6; № 123, стк. 20; № 124, стк. 22). Самый ранний из этих пактов — соглашение с Хиосом — начинается с заверений верности договору, утвержденному царем и полисами (Tod. I², № 118, стк. 1—12).

Юридическая гарантия автономии полисам, входящим в коалицию, не помешала Афинам спустя некоторое время начать возрождение традиций Архэ — политики подавления союзников и подчинения их своей воле. Афины, как и Спарта, использовали правовой принцип суверенности полисов в политической пропаганде лишь тогда, когда хотели ослабить друг друга. Достигнув цели, они спокойно отбрасывали его. Даже зафиксированный в договорах и уставах коалиций, он не имел практической силы, если не поддерживался политикой одного из крупных государств.

Восставшие союзники начали войну, которая поставила Афины в тяжелое положение. Чтобы выйти из него, город опять обратился к лозунгу автономии. Исократ в речи «О мире», ратуя за скорейшее окончание военных действий, был вынужден признать, что противники Афин имели основания упрекать их в деспотизме и политике вмешательства во внутренние дела. Он призывает полис заключить мир на условии признания автономии эллинов, вывода гарнизонов из чужих городов и сохранения каждым своей территории (Isocr. De Pace, 16). При этом оратор ссылается на общепринятое мнение: по справедливости эллины должны быть автономными — *διεξίοντες δ'ὡς δίκαιόν ἐστιν αὐτονόμους* (Isocr. De Pace, 67).

Речи Исократа показывают, что к середине IV в. упреки в несоблюдении автономии или использовании ее в корыстных целях стали обычным аргументом в политической публицистике. В «Панегирике» оратор исходит из интересов Афин и адресует свои

обвинения Спарте. В речи «О мире» он уже признает, что Афины сами нарушают этот принцип в ущерб союзникам. В «Платейской речи», написанной от имени жителей Платей, звучит та же аргументация, но направленная против Фив. Платейцы жалуются на то, что прежде фиванцы высказывались за свободу и автономию, а теперь говорят только о выгоде и силе (Isocr. Plat., 24). Афинам поставлено в вину попустительство Фивам — прикрываясь автономией (*τὴν αὐτονομίαν προτείνοντες*), они разрешают фиванцам разорять города (Isocr. Plat., 43). В речи, написанной от имени спартанского царя Архидама, говорится, что отпавшие от Лакедемона государства Пелопоннеса не улучшили этим своего положения. В числе бед, постигших неверных союзников, упоминается утрата ими автономии (Isocr. Arch., 64).

Понятие свободы тесно связано с представлением о перемене греческого полиса как свободном и независимом государстве и относится к числу бесспорных и незыблемых *κοινὸι νόμοι* («общих законов»). Трудно проследить истоки и начальные этапы формирования понятия «свобода», но очевидно, что оно не могло существовать без антитезы и всегда было связано с понятием не-свободы, рабства. Первоначально свобода была лишь социальным термином и применялась для обозначения отношений внутри государства.

Греко-персидские войны четко обозначили новый аспект: свобода стала характеризовать также и отношения между государствами. Эти войны превратили идею свободы в призыв к консолидации сил для отражения внешней опасности, в принцип, выражавший взгляды греков на специфику их типа организации общества. В данный период свобода постоянно упоминается как цель освободительной войны и квинтэссенция полисных ценностей, важно подчеркнуть, что речь шла о независимости не только отдельных полисов, но и Эллады в целом. Антитеза *ἐλευθερία* — *δουλεία* (свобода — рабство) приобрела тогда новый оттенок, связанный не с индивидуальным, а с государственным статусом, рабство и ассоциирующиеся с ним негативные представления усиливали позитивное значение понятия «свобода».

Свобода продолжала оставаться идеалом полиса и после того, как Греции удалось отстоять независимость. Из речи Перикла видно, что он считает свободу первоосновой существования государства, если Афины спасут свободу, то легко смогут восстановить утраченное (Thuc. II, 62, 3). У Фукидида вопрос о свободе встает в самых драматических ситуациях (Thuc. I, 134, 1).

Свобода связана с самим существованием государства; недаром, как уже было отмечено исследователями, свобода противопоставляется рабству, статусу варваров, ниже которого эллин уже не мог опуститься. В межполисных отношениях антитеза «свобода — рабство» (*ἐλευθερία* — *δουλεία*) используется для того, чтобы подчеркнуть остроту конфликта и создать ситуацию, из которой, в сущности, есть только один выход.

Л. Пранди убедительно показала, что Спарта эффективно использовала лозунг *ἐλευθερία* в своей пропаганде, рассматривая Пелопоннесскую войну как освободительную против Архэ, обостряя тем самым конфликт и переводя его на новый, панэллинский уровень. Данные, приводимые автором статьи, свидетельствуют, что этот шаг способствовал популярности политики Лакедемона и нашел отклик в общественном мнении Греции [Prandi, 1976, с. 72—82].

Лакедемон остался верен лозунгу до конца войны, и Ксенофонт торжественно провозгласил день уничтожения Длинных стен побежденных Афин днем начала свободы Эллады (*την ἡμέραν τῇ Ἑλλάσι ἄρχειν τῆς ἐλευθερίας* — Xen. Hell., II, 2, 73). Однако вскоре греческие города обвинили Спарту в том, что по ее вине вместо свободы они получили двойное рабство (*διπλὴν δουλείαν*): гармостов и декархов (Xen. Hell., III, 5, 13).

Афинская пропаганда воспользовалась благоприятной для нее ситуацией. Исократ отметил, что Спарта вступила в войну под лозунгом освобождения эллинов, но ее победа создала положение, очень далекое от свободы (Isocr. Paneg., 117—121). Оратор прибегает к антитезе *ἐλευθερία* — *δουλεία*, возвращаясь к ее первоначальной интерпретации, т. е. сопоставляя Элладу и негреческие государства. Он пишет, что спартанская политика привела к вмешательству персидского царя в дела эллинов и выдаче ионийцев персам, в то время как предки афинян не заискивали перед варварами в целях порабощения Эллады (*ἐπὶ δουλεία τῇ τῶν Ἑλλήνων*) (Isocr. Paneg., 85, 119—121). В «Панегирике» титул освободителей Греции отбирается у спартанцев и передается афинянам, как жителям полиса более достойного этого высокого звания, прославленного подвигами в мифические времена и в период греко-персидских войн, когда Афины сражались за свою свободу и свободу других эллинов (Isocr. Paneg., 52). Эти же мотивы были затем повторены оратором в «Панафинейской речи», но с более резким акцентом. Афиняне именуются здесь спасителями Эллады, издавна ненавидящими варваров (ср. Lys. II, 33—34; XXXIII, 6), одновременно спартанцы обвиняются в предательстве общего дела греков: под лозунгом освобождения эллинов они передали персидскому царю греческие города в Азии, а сами поработили эллинов в Греции, закрепив это путем договора с царем (Isocr. Panath., 52, 102—106).

Исократ интерпретирует политику негреческих государств как угрозу порабощения и уничтожения свободы Эллады, ссылаясь на действия Персии в прошлом. Даже стремясь доказать необходимость покорения Азии греками и нуждаясь в преувеличении персидской опасности, он вынужден ограничиться комментированием современных ему событий как руководства царем делами эллинов, но не упоминает о возможности утраты свободы.

В осуществлении программы Исократ и поддержании справедливого мира в Элладе должна была помочь добрая воля (*εὖνοια*), проявленная полисами друг к другу; *εὖνοια* между городами — это уважение свободы и независимости других. Ж. де Ромилли видит в доброй воле вид посредничества, соединяющий идеи, противоположные друг другу [Romilly, 1958, с. 96]. К. Брингман доказывает, что цель Исократ — склонить добрую волю греков к Афинам, *εὖνοια* — залог успешной политики [Bringmann, 1965, с. 68].

Соглашаясь в принципе с такой интерпретацией понятия доброй воли, мы бы хотели обратить внимание на то, что «доброжелательность» в речах оратора всегда тесно связана с антитезой «сильный — слабый». В сфере внутригосударственных отношений — богатый и бедный, межполисных — сильные и слабые города, в отношении полисов к внешнему миру — Эллада и Филипп. Как известно, единодушие граждан (*ὁμόνοια*) считалось основой полиса, краеугольным камнем его существования [Jones, 1956, с. 79 и сл.]. Исократ переносит такое понимание единства на межполисные отношения и делает принципом объединения греческих государств.

В «Филиппе» противопоставлены *εὖνοια* и *ὁμόνοια* (Isocr. Phil., 68), т. е. добровольное признание превосходства и вынужденное, насильственное подчинение. Сильная сторона должна позаботиться о своей доброй репутации и не демонстрировать превосходство слишком явно, проявлять известную заботу и о делах союзников. Те же, в свою очередь, обязаны смириться с тем, что являются более слабыми партнерами, следовательно, обязаны ради общей задачи и общей выгоды, в которой будут иметь свою долю, пойти на некоторые уступки. Пренебрежение доброй волей — опрометчивый шаг с их стороны: если они не захотят стать доброжелательными по собственной инициативе, то заставит необходимость: соображения полезности убедят полисы прекратить раздоры, а бедствия заставят сделать это (Isocr. Phil., 45). Добрая воля в понимании Исократ предстает осознанной необходимостью определенных действий⁸.

Цель перед полисами состоит одна — покорение Азии, действия, мешающие этой акции, осуждаются, предлагаются меры, способствующие осуществлению плана Исократ. В такой ситуации особое значение приобретает роль гегемона, предводителю похода. Проблема объединения была одной из главных на протяжении всей истории Греции. У Исократ свое понимание задач ведущего полиса, ближе всего его интерпретация к пониманию роли вождя в военном походе. Слово *ἡγεμών* («предводитель») почти не связывается с настоящим временем, оно относится ли-

⁸ Так автор снимает еще один конфликт: между свободой и несвободой.

бо к прошлому, либо к будущему и, как правило, связано с военными действиями. Для Афин это период греко-персидских войн, для Спарты — время неиспорченных нравов и простой, четкой, военной организации государства (т. е. до Пелопоннесской войны — см. Isocr. De Pace, 30, 42, 102, 144; Paneg., 57; Phil., 60). Преобладание одного полиса над другими названо как угодно — властью, державой, господством, тиранией (*δύναμις, ἀρχή, δεσποτία, τύραννος*), только не гегемонией (Isocr. De Pace, 34; Paneg., 80, 104).

Гегемония в будущем возможна лишь при изменении существующих отношений. При такой организации межполисных связей слово «союзник» (*σύνμαχος*) будет иметь свое буквальное значение — военный союзник. Идея Исократов о совместном походе греков на Восток служит своеобразным трафаретом, в рамках которого освещаются и решаются все вопросы. Поэтому кардинальные проблемы межполисных отношений остаются нерешенными, лишь предъявлены обвинения политике, проводимой ведущими полисами в настоящем, да и то потому, что такая политика мешает осуществлению похода.

Отсюда расплывчатость общей политической программы взаимосвязей полисов и конкретность отдельных мер, призванных прекратить вражду и установить перемирие. Все предложения Исократов, не связанные прямо с походом, носят следы половичатости и неопределенности. А. Момильяно полагает, что для программы оратора характерны два противоречивых мотива: союз между греками следует основать на равных началах и союз не может существовать без сильной власти [Momigliano, 1934, с. 186]. Позиция Исократов становится объяснимой, если видеть в его тезисе противоположные тенденции, но направленные к одной цели. Идея автономии была пропагандистским приемом, второе предложение направлено на военный союз, организация которого немыслима без сильного предводителя.

После того как Исократ признал в «Панегирике» проблему объединения наиболее актуальной для своего времени, он стал искать лидера, который мог бы возглавить поход и осуществить его. В «Панегирике» предлагается дуализм, раздел гегемонии между Афинами и Спартой. Его решение обусловлено скорее внешними обстоятельствами, нежели внутренней убежденностью⁹. В период господства Спарты и ослабления Афин предложение разделить гегемонию было равносильно выдвижению Афин как вождя похода. Во всех остальных речах Исократ неизменно выдвигает одного предводителя, будь то государство или какой-нибудь выдающийся, по его мнению, деятель.

Э. Миккола на примере ранних речей Исократов сформулировал три основные функции вождя в понимании оратора: ответст-

⁹ Мы согласны с мнением Клоше [Cloché, 1933, с. 132], что в предложении разделить гегемонию со Спартой Исократ был не совсем искренен.

венность вождя перед народом (в этом он противоположен деспоту); вождь — слуга своего народа; вождь — защитник сограждан [Mikkola, 1954, с. 230].

В дальнейшем Исократ развил тезис об ответственности вождя перед народом и перенес его на внешнюю политику полиса: оправданием власти Афин может послужить их забота по отношению к городам. Наблюдение С. Пелмена, что именно у Исократ в этом и состоит разница между хорошей *ἀρχή* («державой»), основанной на *ἐπιμέλεια* («заботливости»), и тиранией [Perlmen, 1967, с. 340—341], представляется нам удачно дополняющим тезис Э. Микколы. Оратор настойчиво предлагает предводителю похода считать общей отчизной всю Элладу (Isocr. Paneg., 215; Phil., 177) и напоминает, что любовью пользуются не те, кто приобрел могущество для себя, а те, кто стал причиной великих благ для эллинов (Isocr. Phil., 145).

Исократ много пишет о гегемоне, эту почетную обязанность он предлагал и различным полисам, и отдельным лицам, что вовсе не означает, что он политически беспринципен. Искренне убежденный в том, что война за пределами Эллады — единственный способ установить в ней порядок, он возлагал эту миссию то на Афины, то на негреческих правителей. К последним Исократ привела не чрезвычайная вера в культуру, не недоверие к демократии и не аристократическое мышление, как полагает А. Момильяно [Momigliano, 1934, с. 187]. Он действует вполне в духе времени, характерной чертой которого было пристальное внимание к единовластным правителям, тиранам, командирам наемных отрядов, вера в то, что личность своими действиями может резко изменить ход событий, что она способна совершить дела, оказавшиеся не по силам большим коллективам людей.

Гегемоном греков Исократ все же предпочитал видеть Афины. Он обращается к другим государствам лишь после неоднократных попыток убедить родной полис в своей правоте. В «Панегирике» ведущая роль в походе отводится Афинам, хотя Спарта упоминается как равный по силе полис. Исократ постоянно ссылается на подвиги Афин в греко-персидских войнах, их выдающиеся заслуги перед Элладой, на благодарность греков, признавших гегемонию города. Героическое прошлое служит образцом для подражания, контрастом к настоящему, ориентиром для будущего, его роль в аргументации оратора универсальна. Прошлое Спарты восхваляется за внутренний порядок, однако она нигде не представлена спасительницей греков.

Почему Исократ не называет прямо греческого гегемона в будущем походе на Восток? При ответе на этот вопрос мы вынуждены довольствоваться гипотезами, построенными на догадках и предположениях. Причиной служит, очевидно, постоянная зависимость оратора от ситуации. Его программа дает нам лишь средства, связанные с этой ситуацией, годные для заключения перемирия, и цель, ради которой они выдвинуты. Прямо назы-

вать гегемона при быстро меняющемся соотношении сил, постоянном разделе Греции на враждующие лагеря значило дискредитировать идею, так как враги полиса-лидера автоматически становились и противниками объединения Эллады под его эгидой.

Исократ чрезвычайно осторожен, на словах он никому не отдает предпочтения и старается выдвинуть лозунги, понятные и близкие всем, — прекращение войн, всеобщий мир, процветание, автономия, добрая воля. Они — почти точная копия его социальной программы, ориентированной на согласие между бедными и богатыми, их взаимную помощь, предполагающей отношения, построенные не на принуждении, а на доверии. Только в области межполисных отношений эта программа перенесена в политику.

Одним из наиболее удачных и широко известных лозунгов Исократа была его идея панэллинизма, общности истории и культуры, объединяющей греков, несмотря на их раздоры между собой, позволяющей рассматривать Элладу как нечто целое и единое перед лицом огромного варварского мира. Панэллинизм считается одним из основных пунктов программы оратора и своеобразным мостом, перекинутым между идеологией классического и эллинистического полисов.

Проблема единства греков была поставлена еще в V в. и неизменно связывалась с противопоставлением варварам, панэллинизм и Персия неотделимы друг от друга [Bringmann, 1965, с. 23; Kessler, 1911, с. 19; Levi, 1959, с. 56; Mathieu, 1925, с. 50; Perlman, 1969]. Идея общности греков, сознание своего этнического и культурного единства возникли в период греко-персидских войн, когда появилась необходимость объединения против персов. Представление об общности было теоретическим обоснованием этого объединения, а оппозиция по отношению к варварам, напавшим на Элладу и разорявшим ее, укрепляла полисы в сознании правоты своего дела, придавала войне освободительный характер.

В греческой литературе прочно установилось отрицательное отношение к варварам как к людям, неспособным возвыситься до высот эллинской культуры¹⁰. Противопоставление проводилось также в области политики, деспотизм считался неотъемлемой чертой персов, а полисное управление — греков.

Ораторы и публицисты отдавали себе отчет в том, что войны между полисами велись не только ради права на гегемонию, а преследовали и экономические цели. Уже Горгий в «Олимпийской речи» считал возможным устранить соперничество полисов в Элладе, объединив ее силы против Персии. Лисий, всячески прославляющий мужество афинян и чернящий варваров, Ари-

---

¹⁰ Бэкон [Bacon, 1961], исследуя отношение к варварам в греческой трагедии, показала, что у Эсхила и Софокла не было презрения к иноземцам. Символический тип неполноценного варвара сформировался в пьесах Еврипида.

стофан в «Ахарниях», Эсхил в «Персах» достаточно ясно показывают тенденции, господствовавшие в греческом обществе.

Исократ не был создателем идеи панэллинизма, он снова выдвинул и обосновал этот лозунг именно в тот момент, когда Эллада наиболее нуждалась в нем [Mikkola, 1954, с. 240; Levitt, 1943, с. 66; Sinclair, 1951, с. 135]. Тезис об общности греков перед лицом варваров был перенесен в область политики, хотя и сохранил некоторые черты этнического противопоставления¹¹. Он разделил судьбу ряда институтов и идей, которые появились во время становления полиса и его борьбы за свою независимость, потом исчезли или не играли существенной роли в классический период для того, чтобы, видоизменившись, возникнуть на другой основе во время кризисных явлений в полисе. Так обстоит дело со «старшей» и «младшей» тираниями, пристальным вниманием к экономике, панэллинистской идеей.

Исократ довел программу панэллинизма до ее логического конца, не только противопоставив варваров и эллинов, но и сформулировав основные задачи и цель похода: прекращение вражды между полисами и перенесение войны в Азию. Он неоднократно развивает тезис о том, что война между греками — безумие (*мания*), вместо того чтобы воевать друг с другом из-за доходов, лучше перенести войну на материк (Isocr. Paneg., 17, 19, 33). Е. А. Миллиор заметила, что основой соглашения полисов, по Исократу, была их автономия, но без эксплуатации периферии полис был обречен на экономическое вымирание [Миллиор, 1939, с. 96]. Этим обусловлены настойчивые призывы оратора перенести войну в Азию и извлечь из нее доходы. Экономические цели внешнеполитической программы Исократ предельно обнажены и не оставляют сомнения в том, что именно они служат главным побудительным мотивом.

Признавая вклад Исократ в выдвижение и оформление панэллинистской идеи, считать ее центральным тезисом его учения мы можем лишь с некоторыми оговорками. Вся известная нам программа взаимоотношения полисов друг с другом и их иерархия в Элладе носит ситуационный характер. В ее основе нет идеальной модели, к которой следует стремиться. Критикуя современную ему политику полисов, Исократ создал отрицательный образ, но оставил его без антипода.

Восхваление оратором гегемонии, равноправия, автономии, единства — не более чем ораторские приемы, использованные для убеждения аудитории. Предложенные им меры — временные, не снимающие важнейших вопросов взаимоотношений полисов¹². Ближайшая цель оратора — создание симмахии для по-

¹¹ О перенесении понятия общности эллинов в политику см. [Walbank, 1951]. М. Леви [Levi, 1959, с. 164] разделяет общность, основанную на *paideia*, и этническую общность. На наш взгляд, идея панэллинизма у оратора включает в себя и то и другое, хотя первый тип, конечно, преобладает.

¹² Нам хотелось бы обратить особое внимание на тезис Ж. де Ромили [Romilly, 1954, с. 344], что мир у Исократ не был систематической программой.

корения Азии, дальше он не заглядывает. Отстаивая свои взгляды, Исократ затрагивает такие основные понятия, как *ἀρχή*, *ἡγεμονία*, *αὐτονομία*, однако их освещение очень односторонне — лишь в связи с критикой существующего положения или разъяснением задач, стоящих перед полисами.

В концепции, ориентированной на события текущего дня, идея панэллинизма занимает весьма почтительное место, но не следует забывать, что предложенная программа действий была промежуточной, следовательно, невозможно считать панэллинизм основным принципом межполисных отношений или новым типом связи между греческими государствами. Направленный против варварского мира, панэллинизм для Исократа — удачный лозунг для завоевательного похода.

Глава 6

ОБРАЗ ВРАГА

...жители Азии — это никуда не годные свободные граждане, но превосходные рабы.

*Плутарх. Изречения царей
и полководцев, 60. 1*

Кого из нас они только не оскорбили? И было ли такое время, когда они не злоумышляли против эллинов? И что в нашей стране не вызывает у них ненависти?

Исократ. Панегирик, 155

Оппозиция Европы и Азии (подоплека шовинизма)

В первой половине IV в. перед полисами все настойчивее вставала проблема взаимоотношений с окружающими их негреческими государствами, особенно важное значение приобрели Персия и Македония. Как отмечалось выше, вмешательство Персии в дела эллинских городов, зависимость Афин и Спарты от денежной помощи «великого царя» привели к тому, что греки вынуждены были постоянно держать Персию в поле зрения.

Ксенофонт ссылается на постановление царя об автономии полисов как на высшую инстанцию, чьи предписания неоспоримы (Xen. Hell., VI, 3, 9, 17). Исократ признает, что, несмотря на ненависть (*ἔχθρα*) эллинов к персам, и Афины и Спарта предпочли дружбу с ними дружбе с теми, кто каждому из них помогал добиться власти (Isocr. Phil., 42). Когда оратор объясняет афинянам, какой мир они должны заключить с союзниками, то в качестве образца берет Анталкидов мир (Isocr. De Pace, 16).

Он напоминает также о том, что афиняне в свое время отправили немало посольств к царю, желая убедить того отказаться от помощи Спарте, угнетающей эллинов (Isocr. De Pace, 68). В «Ареопагитике», давая оценку состоянию дел в Афинах, в числе других тревожащих его симптомов Исократ сообщает о враждебном отношении царя к городу, а в «Панегирике» с горечью отмечает, что тот руководит делами эллинов (Isocr: Areopag., 81; Paneg., 119—121).

Признавая богатство и силу персов важным фактором при решении межполисных дел, греки продолжали считать их варварами и существами низшего порядка. Эта оценка была конечным итогом долгого развития идеи исключительности эллинов. Первоначально их контакты с другими народами, в том числе и с персами, носили характер обычных межэтнических связей. Безусловно, существовала оппозиция «мы — они», но она не носила враждебного характера, была лишь обычным компонентом этнического самосознания. Понятие «варвар» относилось к области языка и обозначало человека, который не знает греческого [Toynbee, 1969, с. 50].

Вооруженное нападение Персии на Грецию изменило ситуацию, персы стали врагами и в этом качестве были наделены множеством негативных свойств. В общественном сознании эллинов после греко-персидских войн стал интенсивно формироваться стереотип варвара-перса, изначально во всем противоположного и враждебного греку, неполноценного в юридическом статусе, в политической организации общества, в культуре. Аристотель в «Политике» совершенно определенно выразил господствующую идею своего времени: раб и варвар по природе своей понятия тождественные (*ἐν δὲ τοῖς βαρβάροις τὸ θῆλυ καὶ τὸ δοῦλον τὴν αὐτὴν ἔχει τάξιν* — Arist. Polit., I, 2, 5, 125, 126).

Прочная ассоциация между варварами и рабским состоянием прослеживается в пьесах Эсхила, Аристофана, Еврипида [Велков, 1967; Соболевский, 1957, с. 297 и сл.; Belloni, 1986; Mactoux, 1980, с. 151—152]. Многие произведения Ксенофонта, особенно «Агесилай», насыщены антиперсидскими выпадами. Историк проводит параллели не только в общественной организации, но и в образе жизни, системе ценностей. Он подчеркивает благородную простоту грека, его непритязательность в быту, щедрость, верность слову и долгу, неустанное самосовершенствование. Варвар же, в описании Ксенофонта, отличается заносчивостью, кичливостью, изнеженностью, привычкой к роскоши (Xen. Ages., IX, 1—4, 26, 32).

Исократ разделяет взгляды современников и приводит в своих речах уже стандартный набор оценок персов: то, что позор для потомка Геракла, — похвала для варвара; он также постоянно сопоставляет греков и варваров в пользу первых; порицает трусость варваров, их неспособность к управлению, предрасположенность к рабству и т. п. (Isocr. Phil., 76, 90, 100—104, 125, 137; Paneg., 152). Автор не может примириться с тем, что могуществом обладает дурно воспитанный варвар (*κακῶς τετραμμένον* — Isocr. Phil., 139). Сравнение с персами употребляется как крайне отрицательный пример: афиняне пользуются, подобно царю, наемными войсками (Isocr. De Pace, 47). Исократ с возмущением сообщает о появлении у варваров людей, претендующих на управление Элладой (Isocr. Phil., 124).

Автор подробно разбирает все стороны жизни персидского государства. Прежде всего он критикует сам принцип его организации — деспотию, при которой подданные преклоняются перед смертным человеком, падают ниц, стараясь унижить себя любым способом. Эллины не привыкли терпеть единовластие, говорит он, а другие народы не могут жить без него (*ἀνευ τῆς τοιαύτης δυναστείας* — Isocr. Paneg., 151; Phil., 107).

Персидское царство, по его мнению, не монолитно, оно охвачено внутренними распрями, полно скрытых противоречий — сатрапы неверны друзьям, трусливы перед врагами. Держава переживает тяжелое положение — отпали Египет, Кипр, Финикия, Киликия, правитель Карики дружественно настроен лишь внешне, часть покоренных государств, в сущности, не оказывает поддержки царю, но зато может быть полезна его противникам. Повелителя персов преследуют постоянные военные неудачи, по общему мнению, он недостойн быть ни правителем, ни царем, ни полководцем (Isocr. Paneg., 152, 160—162; Phil., 100—103, 137)¹.

Исократ стремится убедить своих читателей, что варвары плохо подготовлены к войне, лишены на ней выносливости, у них не может появиться ни хороший стратег, ни хороший воин (Isocr. Paneg., 150; Phil., 124). Поэтому воевать с ними все равно что воевать с женщинами (Isocr. Phil., 90; ср. Xen. Hell., III, 9, 19). Военная слабость Персии настолько очевидна, что ее смог поколебать даже небольшой отряд эллинов, сообщает автор (Isocr. Paneg., 162; ср. Xen. Hell., VI, 1, 12) и добавляет вопреки всякой исторической правде, что только случайность помешала Клеарху овладеть персидской державой, глава которой после битвы с греками проникся презрением к своему войску (Isocr. Phil., 90—92).

Параллельно описываются богатства Азии, где благодаря плодородию почвы большая часть полей не возделывается. Эллины могли бы владеть в Персии многими землями, нынешнее же положение таково, что Азия пользуется большим благополучием (*τὴν Ἀσίαν ἄμεινον πράττουσαν τῆς Εὐρώπης*), чем Европа, а варвары богаче (*εὐπορώτεροι*) эллинов (Isocr. Paneg., 132—133; Phil., 132).

Исократ призывает к походу против царя, выставя два основных мотива: отмщение за старые обиды и извлечение дохода из Азии, который прекратит ссоры греческих городов друг с другом. В речах подчеркивается, что Афины были разрушены варварами, что греки ненавидят персов, которые оскорбляли их, злоумышляли против них, предали огню жилища и храмы богов, указывается на необходимость мести (Isocr. Ageorag., 6; Phil., 42; Paneg., 155, 185).

В заслугу деятелям прошлого ставится их политика по отношению к варварам, которым не давали строить козни против эл-

¹ Ж. Матье отмечает явное противоречие в программе между надеждой на помощь персидских сатрапов и проектом порабощения варваров [Mathieu, 1925, с. 20—22].

линов. Персидский флот не появлялся дальше Фаселиды, а сухопутные войска не переходили реку Галис (Isocr. Ageorag., 80; Paneg., 118). Автор считает Каллиев мир 449 г. наиболее правильным и справедливым делением сфер влияния. Современное ему состояние дел резко ухудшилось, афиняне, вместо того чтобы воевать с варварами за эллинов, используют наемников из Азии для борьбы со своими восставшими союзниками (Isocr. De Pace, 42). Исократ обвиняет греков в том, что они укрепляют власть персидского царя (Isocr. Paneg., 134—137; Phil., 126). Самое же удивительное, по его мнению, заключается в том, что никто из эллинов не думает стать господином (*κύριος*) Азии, так как многие считают могущество царя неодолимым (Isocr. Phil., 124, 139). Эти заявления подкреплены ссылками на неоднократные победы греков над варварами (Isocr. Phil., 111; Ageorag., 75; De Pace, 43; Paneg., 37).

В мотивировке похода у Исократа, как и в решении других проблем, смешиваются две оценки — моральная и экономическая. Описав низость и неполноценность варваров и обосновав свои выводы ссылками на предков, он обращается к перечислению выгод, которые могут получить полисы от войны с персами, они представляются ему неоспоримыми. Таким путем можно уладить все недоразумения, возникшие между полисами, прекратить войны между городами. Исократ предлагает афинянам обдумать, как им следует вести себя по отношению к грекам и как к варварам, рекомендуя быть верными (*πιστός*) первым, а вторым — враждебными (*φοβερός* — Isocr. Ageorag., 51, 79). Он настоятельно советует прекратить вражду в Греции и вместе воевать с варварами (Isocr. Paneg., 119).

Автор объясняет читателям, чем вызвана ожесточенная борьба полисов за гегемонию — эллинов толкает к конфликтам недостаток земли, из-за нужды в пахотной площади они должны распахивать горы. Именно нужда (*ἀπορία*) разрушает дружбу (*ἐταίρια*), обращает родство во вражду и вовлекает всех людей в войны и смуты (*πόλεμος, στάσις*). Поэтому полисам следует получить у варваров то, что они хотят взять у эллинов (Isocr. Paneg., 17, 34, 119, 132, 174; Phil., 9; ср. Xen. Hell., IV, 1, 12).

Исократ напоминает, что все, кто начинали воевать с персидским царем, становились из бесславных знаменитыми (*ἄδοξος — λαμπρός*), из бедняков — богатыми (*πένετες — πλούσιος*), из малоимущих — обладателями обширных земель и государств (Isocr. Phil., 29). Нужно быть безумными, говорит он, чтобы подвергаться опасности из-за малого и пренебрегать извлечением дохода из Азии, вместо того чтобы спокойно владеть многими землями (Isocr. Paneg., 133).

Оратор анализирует прежние походы Клеарха и Агесилая и приходит к выводу, что причина их неудач заключалась в отсутствии хорошо организованного тыла, единого не только экономически, но и политически (Isocr. Phil., 86—92, 95—127), уста-

новление мира между полисами легко устранил это препятствие. Даже с военной стороны настоящий поход организовать легче, чем предшествующие: из скитающихся по Греции людей можно без труда набрать наемников и сформировать войско (Isocr. Phil., 96). В качестве примеров, на которые следует равняться, приведены мифические герои Геракл и Ясон, прославившиеся победами над варварами (Isocr. Phil., 111—112, 119). По мнению Исократ, поэмы Гомера обрели столь великую славу из-за того, что тот прекрасно воспел тех, кто воевал против варваров (Isocr. Paneg., 159).

При такой ситуации особенно остро встает вопрос о единстве греков, причем именно военном единстве, при котором неразрывимы согласие (*δμόνοια*) и военный поход (*στρατεία* — Isocr. Phil., 16) в Азию. Полисы могут покорить Азию, лишь заключив мир и собрав достаточно большое войско (Isocr. Paneg., 166). Исократ даже продумал политику греков в завоеванной стране. Необходимо разрушить царство (*τὴν βασιλείαν ἀνελεῖν*), захватить как можно больше земли (*χώραν δὲ πλείστην ἀφορίσασθαι*), основать на этой территории города и поселить в них тех, кто не имеет средств; завоеванные земли следует поделить. Если же эта программа не будет выполнена, то хотя бы освободить греческие города, находящиеся в Азии (Isocr. Phil., 120). Указанные мероприятия должны были стимулировать интерес полисов, они стали, в сущности, греческим планом колонизации Персии. В речах настойчиво повторяется тезис о необходимости извлечь доходы из Азии и лишить варваров благоденствия — такова задача, на которую направлен план колонизации (Isocr. Phil., 130).

Обращают на себя внимание некоторые детали. Например, отсутствует обоснование военной угрозы со стороны Персии. О ней упомянуто только один раз, да и то для доказательства морального падения греков по сравнению с их предками (Isocr. Phil., 124). Превалируют чисто практические выгоды — извлечение доходов и в меньшей степени избавление от смутьянов. Есть ссылки на прошлые обиды, но ни слова о реальной опасности.

Для Исократ показательно, что конфликт интересов у него не переведен в конфликт идей. Правда, автор пытается немного замаскировать истинные цели похода лозунгами разрушения могущества варваров во имя свободы, об избавлении народов от варварской деспотии и перехода их под покровительство эллинов (Isocr. Phil., 140, 154). Однако положение о недопустимости того, чтобы Азия была богаче Европы, а варвары пользовались большими благами, чем эллины, звучит для него и естественнее и убедительнее (Isocr. Phil., 132).

Идея азиатского похода — попытка переключить внутренний конфликт на внешний; показателем величины, серьезности и интенсивности конфликтов греческого общества служит не только их описание и комментирование, но и глубина разработанности и обоснование необходимости внешнего конфликта. Указанные явления находятся в прямой пропорциональной зависимости — чем глубже внутренний конфликт, тем убедительнее и настойчивее аргументация внешнего. Исократ использовал идею противо-

поставления Греции и Персии в качестве стимула для консолидации сил как внутри отдельных полисов, так и между ними.

Обращаясь к Филиппу, Исократ признает, что ему вполне можно задать вопрос, почему он адресуется с призывом начать войну против варваров и позаботиться об эллинах к македонскому правителю, обойдя свое государство. Он объясняет это тем, что именно Афины он энергично призывал к свершению подобных дел, но сограждане обратили на его слова меньше внимания, чем на речи ораторов, беснующихся на трибуне. Поэтому автор вынужден был отказаться от мысли об Афинах как вожде похода, не отказавшись, однако, от своей цели.

Приведенные слова Исократова дают ключ к пониманию его взглядов на кандидатуру предводителя похода. Претенденты могли меняться, но цель оставалась прежней. Оратору было далеко не все равно, кто осуществит его мечту. Неоднократные воззвания к Афинам показывают, что он стремился осуществить свой замысел не только в рамках полисной системы, но даже в интересах определенного полиса, который должен был получить большую, по сравнению с другими, долю добычи.

После Афин Исократ обращается с подобными воззваниями к Дионисию Сиракузскому, к Тимофею, тирану Гераклеи.

«Идея восточного похода и тема властителя как бы объединяются и конкретизируются в исократовских письмах, где обращения к наиболее влиятельным фигурам эпохи ставят своей задачей убедить их лично взяться за дело» [Миллер, 1967, с. 48]. В «Кипрском цикле» Исократ уже достаточно подробно рассказал о высокой миссии единовластных правителей перед народом. В своих «Письмах» и речи «Филипп» он это делает вторично, но уже связывает данный тезис с внешней политикой. И в том и в другом случае его попытки привлечь к решению полисных задач негреческих правителей продиктованы разочарованием в политике полисов, неспособных, по мнению оратора, осуществить его планы². Однако не следует забывать и другого: кому бы ни поручал Исократ воплотить в жизнь свою программу, конечной целью всегда была выгода, получаемая греческими полисами, и он предлагал осуществить мероприятия, в которых прежде всего были заинтересованы эллинские государства.

Кто поведет эллинов на Восток?

После заключения Филократова мира Исократ обратился к Филиппу с речью, поставив целью убедить македонского царя примирить воюющие греческие государства и начать совместную греко-македонскую войну против Персии. К периоду с 351 по 338 г. (битва при Херонее) относятся страстные речи Демосфена, направленные

² На связь между интересом Исократова к единовластному правлению и его обращением к македонскому царю уже обращалось внимание в историографии [Фролов, 1969, с. 18; Mathieu, 1925, с. 11 и сл.; Momigliano, 1934, с. 188 и сл.].

против Филиппа и представляющие его в совершенно ином свете, чем рисует Исократ. Нередко Исократ и Демосфен изображаются полными противоположностями, не имеющими ничего общего [Rohilly, 1958, с. 99; Sinclair, 1951, с. 139]. Однако более верным представляется другой подход, находящийся у этих ораторов точки соприкосновения в главном, но предполагающий, что они расходились в средствах [Бабст, 1851, с. 100].

Демосфен внес свою лепту в концепцию панэллинизма, разрабатывая идею о необходимости объединения греков. Подобно Исократу, он считал их разобщенность великим несчастьем. Лучшим средством покончить с междоусобицами было, по его мнению, объединение против общего врага. Но если для Исократы основным врагом стала Персия, то Демосфен считал, что опасность исходит со стороны Македонии.

Аргументация и того и другого оратора примерно однотипна. Призывая афинян не верить Филиппу, обвиняя его в нечестности и вероломстве, Демосфен использует уже устоявшийся стереотип отрицательного отношения к варварам, восклицая: «Разве он не враг, разве он не варвар?!» (Dem. III, 16). Характерно уничижительное отношение к Македонии как к типично варварской территории, этот прием должен был придать доводам оратора еще большую убедительность. Филипп называется жалким македонянином, уроженцем страны, где прежде нельзя было купить даже порядочного раба (Dem. IX, 31). Набор обвинений в речах Демосфена показывает, что нагнетание вражды к Филиппу строилось на подчеркивании его варварских свойств.

Итак, Исократ нашел в лице македонского царя силу, способную объединить полисы и выполнять ту миссию, к которой оказалось непригодно ни одно греческое государство. Почему же при создавшемся положении выбран именно Филипп? Представляется, что на решение Исократы повлияло сразу несколько факторов.

Власть Филиппа привлекает автора возможностью отправлять послов куда угодно, принимать их от кого угодно, говорить то, что кажется полезным. Остальные великие люди лишены таких благ, так как вынуждены подчиняться государству и законам (Isocr. Phil., 14—15). Доказывается, что македонский царь благодаря единовластию обладает значительными преимуществами перед греческими государствами, что дает ему право на гегемонию в походе против варваров³.

Достижения Филиппа очень внушительны, он покорил целый ряд варварских племен, имеет возможность вмешиваться в дела

---

³ Демосфен выдвигает совершенно иные причины возвышения Филиппа. Признавая, что тот стал великим (Dem. III, 4), он считал, что македонский царь приобрел свое могущество благодаря беспечности афинян (Dem. IV, 11), достиг всего обманом (Dem. II, 7), сыграл на корыстолюбии некоторых людей (Dem. II, 8), и что Македония сильна лишь союзниками (Dem. II, 5). В набор излюбленных средств Филиппа, по его мнению, входят ложь, уступки, угрозы, клевета, лесть (Dem. I, 3; II, 10). В то же время он признает преимущества единовластия на войне (Dem. I, 4).

полисов, в результате он предстает более способным к принятию нужных решений, чем кто-либо другой (Isocr. Phil., 18, 20—21). Ранее уже отмечался интерес Исократа к единовластному правлению, если сравнить данную характеристику с «Кипрским циклом», «Архидамом», «Письмами», мы увидим, что такое обращение довольно стандартно для оратора. Восхваление власти Филиппа как формы управления государством в этом случае скорее общее место, ораторский прием, нежели модель для подражания.

Исократ признает военные успехи Филиппа закономерными в силу того, что власть находится в одних руках, но нигде не называет их законными. Для сопоставления с македонским царем автором отобраны те политические деятели, которые, по его мнению, достигли выдающегося положения, переступив рамки законов или общепринятых правил.

Алкивиад, находясь в изгнании, воевал со своей родиной и верг в несчастья всю Элладу (Isocr. Phil., 60). Характерно, что хотя он и возвратился в Афины с огромной славой (*μεγάλη δόξα*), но не получил одобрения всех (Isocr. Phil., 61). Конон, отказавшийся вернуться домой после поражения в битве при Геллеспонте, сумел победить спартанцев и вернуть родному городу былую славу (Isocr. Phil., 62—64). Дионисий, будучи обыкновенным человеком, но безрассудно и безумно возжелав монархии, решился на все, что обеспечивало успех его замыслам, и захватил власть над Сицилией (Isocr. Phil., 65).

Признавая природные данные, наличие власти и богатства факторами, диктующими обществу свои условия (Isocr. Phil., 15, 41), Исократ предполагает элементы случайности в том, что тот, а не другой человек, обладающий необходимыми данными, добился успеха. Недаром, упоминая о Кононе, Алкивиаде и Дионисии, автор все время употребляет глагол *τυγχάνω* («иметь удачу», «случаться», «приключаться»), имеющий оттенок случайности, — очевидно, подразумевается, что политические карьеры этих деятелей могли и не состояться. Поэтому выполнение именно Филиппом священной миссии по объединению Эллады и организации похода в Азию не может трактоваться как неизбежность. Просто в данный момент в нем воплотились качества, необходимые для поставленной задачи. Следует отметить то большое значение, которое имеет в речах Исократа понятие подходящего момента, счастливого случая (*καιρός*). В историографии уже отмечено значение *καιρός* в структуре речи (*λόγος*) как удачного момента, удачных обстоятельств, удачных методов для оправдания действия [Jonson, 1959, с. 34; Steidle, 1952, с. 264]. Такое понимание *καιρός* вполне справедливо и для «Филиппа». Умение использовать подходящий момент, не упустить его служит решающим фактором, благодаря которому политический деятель, обладающий качествами, необходимыми для успеха, добивается осуществления своих замыслов. Филипп, например, действует при удачном стечении обстоятельств, которые одновременно мо-

гут помочь ему примириться с греками, превзойти все известные деяния, получить немеркнущую славу и совершить удачный поход, сулящий новые земли и богатства. В «Панегирике», обращаясь к греческим государствам, Исократ тоже убеждал их, что наступил удобный момент войны с персами (Isocr. Paneg., 160, 172).

Интересно отметить, что почти в то же время подобным образом высказывается о *καίρῳ* и Демосфен, обращаясь к афинянам и обещая им новые земли и сокровища (Dem. I, 8—9; II, 2, 23—24; III, 5—6, 16; IV, 18); что свидетельствует о стандартности приёма. Видимо, упор на удобный момент, который может сразу изменить существующее положение, исправить ошибки прошлого, обеспечить безопасность будущего, довольно характерен для эпохи. Понятие случайности, счастливого случая начинает занимать все большее место в теории как отражение современных Исократу и Демосфену политических событий, неустойчивости союзов, войн, ослабления ведущих полисов, возвышения второстепенных.

Македония и Греция: трагическое союзничество

Мы уже останавливались на характеристике, данной оратором состоянию дел в Греции, и причинах, из-за которых, по его мнению, невозможно было саморегулирование конфликтов. Признав Македонию силой, призванной совершить то, что оказалось невозможным для полисов, Исократ описывает взаимоотношения Эллады и Македонии в тот момент, когда Филипп должен выступить в роли спасителя греков. Характеристика этих взаимоотношений и обращение к личности македонского царя все время переплетаются и дополняют друг друга.

В первых же абзацах речи сказано, что ее цель — прекратить взаимное соперничество (Isocr. Phil., 4). Упоминая о фессалийцах, которых царь расположил к себе, оратор сообщает также о соседних городах, из которых одни привлечены Македонией на свою сторону благодеяниями (*ταῖς εὐεργεσίαις*), а другие Филипп покарал за сопротивление (*ἀναστάντους πελοίεκεν* — Isocr. Phil., 20). Но прямые указания на вражду редки или, по выражению Ф. Бласса, они очень тактичны [Blass, 1892, с. 319]. Исократу важнее подчеркнуть факторы, способствующие сотрудничеству. Оратор предпочитает не замалчивать некоторые события, а подавать их в нужной форме и с соответствующими комментариями. Подобная позиция позволяет ему, с одной стороны, встать в позу непредвзятого наблюдателя, а с другой — очень гибко проводить нужные мысли.

Итак, Исократ показывает взаимоотношения Греции и Македонии большей частью замаскированно. Их предыстория должна доказать, что эллинские города всегда были в дружбе с предками Филиппа (Isocr. Phil., 32—34, 77, 106). Отношения с греками в

настоящем прямо почти не затронуты. Зато советы на ближайшее будущее очень многочисленны и подробны. Внимательно рассмотрев их, можно воссоздать картину истинного положения и отношения к нему автора.

Прежде всего, не стоит делать различие (*διαφορά*) между городами. Следует остерегаться ошибок, совершенных в прошлом, и ни в коем случае не допускать их повторения в будущем (Isocr. Phil., 135). Своевременные услуги предают забвению прежние ошибки, например, если у Филиппа возникли враждебные взаимоотношения с каким-либо полисом (Isocr. Phil., 37, 80). Исократ говорит о своем плане на будущее и убеждает македонского царя, что приобрести расположение эллинов гораздо лучше, чем силой (*κατὰ κράτος*) захватывать многие греческие города, ибо подобные действия вызывают недоброжелательство, ненависть и многочисленные проклятия (*εχυνος, δυσμένεια, πολλάι βλαπήμιαί* Isocr. Phil., 68).

Существующее положение отражено Исократом еще одним своеобразным приемом: через аргументацию противников. Она такова: могущество Филиппа возрастает не в интересах Эллады, а против нее, его коварная политика направлена на разъединение греческих государств, тогда их легче покорить. Значительная часть греческих городов уже попала в подчинение Македонии. Словом, Филипп злоумышляет (*ἐπιβουλεύω*) против всех эллинов (Isocr. Phil., 73—75).

Исократ с негодованием отвергает эти слухи как ложные, не упуская возможности лишний раз опорочить своих противников, объявив их сочинителями выдумок (*λογολοιουντες*). Он спешит реабилитировать Филиппа заявлением, что за ним нет никакой вины. Тем не менее автор предупреждает, что не следует давать поводов к подобным слухам, не стоит презирать толпу и пренебрегать всеобщим уважением (Isocr. Phil., 79), т. е. косвенно признается непопулярность Филиппа в Греции и отношение к нему, как к завоевателю.

Описание действий македонского царя в Элладе от имени противников Исократ и мнимое опровержение истинности нарисованной картины — ораторский прием, благодаря которому автор не погрешил в глазах современников против действительных событий и выразил свое отношение к политике Филиппа в Греции. Мы разделяем мнение И. Бабста, что в оценке серьезности надвигающейся опасности он, надо думать, был сходного мнения со своими политическими противниками [Бабст, 1851, с. 110].

Поэтому неумеренная, порой грубая лесть, прославляющая исключительное положение Филиппа, его заслуги, дарования и могущество (Isocr. Phil., 18—19, 41, 67, 76), — лишь обманчивая внешняя оболочка. Войны царя с полисами названы ошибкой, которой впредь следует остерегаться. Правда, оценка смягчается признанием, что ошибки совершены с двух сторон и вообще лю-

ди более склонны ошибаться, чем поступать правильно (Isocr. Phil., 35).

Исократ видел захватнические планы Филиппа в отношении Греции, не идеализировал царя и не был введен в заблуждение его лживыми обещаниями. Оратор дает ясную и трезвую оценку происходящих событий и взвешивает их возможные последствия для Эллады. Завоевательную политику Филиппа он пытался направить в русло, выгодное для Греции⁴. Македонский правитель выбран главой похода в силу сложившихся обстоятельств. Исократ считает обращение к нему единственной возможностью спасти Грецию от завоевания, а общество от разложения.

Обращает внимание обилие терминов, обозначающих подчинение, там, где речь идет о взаимоотношениях Македонии с покоренными племенами, о господстве над варварами, варьируются понятия абсолютной власти (*συντασταια, δεσποτης, βασιλευς*). Там же, где упоминается о политике Македонии по отношению к Греции, автор старается избегать подобных выражений, эти дефиниции замещаются другими, применяемыми для описания внутренней политики Эллады — *αρχη, δυναμις* («главенство, мощь, сила»). В них отсутствуют оттенки подчинения, подчеркивается равноправное партнерство.

Постоянно встречаются ссылки на генеалогию, подчеркивающие греческое происхождение македонского царя (Isocr. Phil., 32—34) [Perlman, 1977]. Указывается, что предкам Филиппа была предоставлена царская власть (*βασιλεια*) и гегемония (*ηγemonia*) на вечные времена (Isocr. Phil., 33). Применение двух этих терминов подчеркивает различные функции власти для македонского правителя: царская власть — для Македонии, гегемония — для Греции. Тезис подкреплен утверждением, что к эллинам надо относиться как к друзьям и союзникам, они не терпят принуждения (Isocr. Phil., 5, 16, 45, 68, 79—80, 107). Исократ сообщает царю, что предки Филиппа никогда не стремились властвовать над эллинами, что греки не терпят монархии (Isocr. Phil., 107).

Проведено четкое размежевание функций македонского правителя: по отношению к грекам — верный (*πιστος*), по отношению к варварам — грозный (*φοβερος* — Isocr. Phil., 80; ср. Агеорag., 51). Исократ утверждает, что предок Филиппа стал в Македонии царем, но не господином, не деспотом, поэтому его царствование было отлично от остальных (Isocr. Phil., 105—108). При этом под царским образом правления подразумевается власть не персидских, а спартанских царей.

В тексте противопоставляется власть царя (*βασιλικως*) и власть тирана (*τυραννικως*). Автор разъясняет, что монархическая форма правления связана со многими опасностями, избежать которых можно лишь при правильной политике (Isocr. Phil., 108, 154). Мысль подана замаскированно, она связана не с самим Филиппом, а с его предками.

⁴ К такому же выводу пришли С. Пелмен [Perlman, 1969, с. 314, 318], Ж. Матье [Mathieu, 1925, с. 24], А. Момильяно [Momigliano, 1934, с. 190].

Тема войны звучит и здесь. Главное в ней — определить врагов и союзников, в данном случае — персов и греков. Правильный выбор решает успех войны, ее справедливость, законность. Поэтому война македонян и греков оказывается чреватой опасностями не только для эллинов, но и для власти самого Филиппа, поскольку будет незаконной (ср. Dem. II, 9—10).

Оратор хотел, чтобы Филипп объединил Элладу в виде федерации свободных греческих городов, подчиненных царю как военному вождю. Он предложил македонскому царю в походе против общего врага роль гегемона, но не монарха и не военного диктатора. По отношению к полисам он должен был выступить в роли более сильного союзника, а не правителя⁵. Исократ пытался заключить двойной союз: полисов между собой и всех греков с Филиппом. Демосфен тоже придает вопросу о союзнничестве большое значение, например о необходимости союзников для Афин, о значении союзников для Филиппа (Dem., I, 10; II, 13—14).

Исократ пытается интерпретировать действия царя в нужном ему свете и убедить того изменить политику по отношению к полисам, указывая на многочисленные выгоды, которые можно из этого извлечь. Например, Филиппу выгодно (*λυσιτελεω*), чтобы афиняне вернули себе Амфиполь, так как, передав им город на словах (*λογω*), на деле (*εργω*) он будет владеть им. Тут же указывается на необходимость взаимных уступок, однако последнее слово остается за афинянами (Isocr. Phil., 2—6).

Характерно сопоставление дружбы (*φιλία*) и дохода (*προσодος*) как однозначных понятий. Дружба здесь понимается как сотрудничество, одинаково выгодное для обеих сторон, приносящее доход. По мнению автора, доходы, полученные благодаря дружеским отношениям, значительно превысят те, которые получает Филипп от завоевания греческих городов. Дружеские и союзнические отношения строятся Исократом на чисто деловой основе.

В аргументации Исократ все время идет стимулирование призывов и лозунгов экономическими и политическими выгодами. Высокие слова о долге, спасении, благодеянии неизменно подкрепляются другими понятиями; оратор исходит из положения, что государства руководствуются не ненавистью и клятвами (*μὴτ' ἔχδρας μὴδ' ὀρκων*), а только соображениями выгоды (*ὠφελεία* — Isocr. Phil., 45). Отсюда — выгодно примирить греческие города, примирение принесет посреднику много полезного (Isocr. Phil., 30, 36, 42). Точно так же выгодно стремиться к осуществлению таких дел, как поход на Восток (Isocr. Phil., 68).

Внешне автор стремится занять позицию наблюдателя, находящегося над спорящими сторонами, спокойно и без пристрастия анализирующего обстановку, чтобы найти наиболее правильное решение. Речь адресована двум противникам, она долж-

⁵ Стремление Исократ видеть в Филиппе военного лидера, а не властителя греческих полисов подчеркивает Э. Д. Фролов [Фролов, 1969, с. 18], К. Брингманн [Bringmann, 1965, с. 111], С. Пелмен [Perlman, 1969, с. 314], Т. Райдер [Ryder, 1965, с. 99].

на содержать аргументацию, способную убедить и ту и другую сторону. Отсюда — отказ высказаться в споре из-за Амфиполя в пользу Афин или Македонии, стремление выбрать из слов «самые умиротворяющие» (*τῶν λόγων εἰρηνικώτατοι* — Phil., 3), а также часто повторяющееся признание ошибок и греческих полисов, и Филиппа, которые одинаково виноваты в сложившейся напряженной обстановке и одинаково получают выгоды, примирившись между собой. Для этого от каждой стороны потребуются уступки, которые в дальнейшем окупят себя. Позиция, занятая в речи Исократом, была лишь удобной, гибкой формой, позволявшей ему наиболее эффективно совместить в одном произведении подбор доказательств, адресованных двум враждебным сторонам, которые бы взаимоисключались без этого приема.

Исократ отдавал себе отчет в том, что препятствием его идеям служило не только широко распространенное в Элладе негативное отношение к Филиппу и не только агитация политических противников оратора. Препятствием служили и замыслы самого царя, весьма далекие от заботы о благе эллинов, от стремления к миру в Греции и дележу доходов после войны в Азии. И опять прямо об этом ничего не говорится, мысль подается опосредованно, отрицательные черты македонского царя воплотились в его советниках.

Подчеркивая свое беспристрастие, автор усиленно выказывал стремление как можно дальше отойти от замыслов как греческих ораторов (*ρητόρων*), так и друзей Филиппа (*σὺν ἑταίρων* — Phil., 2). Советники царя признаны наиболее деятельными (*σπουδαιότατοι*) из македонян, знающими, что для него полезно (Isocr. Phil., 19)⁶. Но понятие о пользе находится в контексте, где говорится о завоевании Македонией варварских племен. Очевидно, правильные советы сподвижников царя относятся к его внутренней политике и к взаимоотношениям со всеми государствами, кроме греческих, тут же делается замечание, что они могут быть несведущи во всех других делах. Оказалось, что Филипп добился блестящего положения благодаря советам эллинов из числа тех, кого нельзя назвать незнаменитыми (*ἀδόξους ἄνδρας* ὩΘΥ™Θ·ΚΠ|©™Ј©ᵀ (*ἀνοήτους* — Isocr. Phil., 19). Намечается, пока конспективно, распределение ролей в походе против варваров: греки — вдохновители, македоняне — исполнители.

В предвещании Исократ оба партнера здесь солидарны в ожидании значительной выгоды от агрессии. Помощь, оказанная Филиппом, таким образом, окупается. Подчеркивая невозможность антиперсидской войны без поддержки Македонии, оратор превращает Филиппа из благодетеля в должника, выплачивающего свой долг: ведь в свое время эллины помогли предкам македонского царя. С другой стороны, правитель Македонии сам не может обойтись без союза с греками, если отправится завоевывать Азию. Эта разнообразная и гибкая аргументация лишней раз сви-

⁶ Демосфен считает, что Филиппа окружают грабители, лъстецы, люди, погрязшие в пороках (Dem. II, 19).

детельствует о той исключительной важности, которую придавал Исократ регулированию взаимоотношений с Македонией, и тех трудностях, которые ему необходимо было преодолеть.

Даже очень беглый обзор сложившейся ситуации показывает нам сложный конгломерат, включающий в себя анализ настоящего, задачи будущего, условия соглашения и принципы сотрудничества. Насколько реальны были задачи такого союза и верил ли сам Исократ, что он мог осуществиться на условиях, указанных им, какие цели он преследовал, обращаясь к Филиппу за помощью?

Мысль о возможном подчинении подспудно присутствует в речи, она проявляется в многократных предостережениях Филиппу не подчинять эллинов силой, не совершать действий, противных их природе, ссылок на исторические примеры и идее возмездия тем, кто правит подобно тиранам. Постоянно варьируется сочетание «победа-поражение». Многочисленные примеры должны убедить читателей в том, что здесь нет резкого разделения, одно может переходить в другое (Isocr. Phil., 5—6, 43—53, 60, 62, 64). Победители часто из-за злоупотребления своими удачами оказываются не в лучшем положении, чем побежденные, а люди и государства по истечении короткого срока не только достигают прежнего положения, но и значительно улучшают его. В конечном счете истинные победа или поражение определяются не настоящими событиями, а той пользой, которую они приносят в будущем.

Безусловно, Исократ не желал подчинения Греции Македонии, но, будучи трезвым политиком, понимал, что Филипп потребует определенных уступок. В сущности, признание *status quo* на сегодняшний день и есть уступка, причем немалая, поскольку в жертву приносится часть греческой территории. Очевидно, нужно говорить не о политической близорукости Исократа, а о том, насколько верно он предвидел результаты, могли ли в принципе эти уступки окупиться ожидаемыми выгодами. Дилемма решалась им положительно, хотя и не на все уступки следовало, по его мнению, идти.

В литературе дебатруется вопрос — существовала ли связь между речью Исократа и политикой Филиппа, а если да, то какая⁷. Замыслы Филиппа и Исократа не совпадали, каждый пре-

---

⁷ Мнения исследователей по данному вопросу резко расходятся. К. Брингманн [Bringingmann, 1965, с. 96—97] считает, что Исократу не подходила македонская форма возвышения над Грецией. П. Вендланд [Wendland, 1910, с. 188] полагает, что Филипп мог воспользоваться идеями Исократа, чтобы склонить общественное мнение в свою пользу. У. Вилькен [Wilken, 1929, с. 291] приходит к выводу, что оратор — либо политический мечтатель, либо орудие македонской пропаганды. А. Момильяно [Momigliano, 1934, с. 190] также находит, что Исократ не увидел направленности политики Филиппа и помог ему своим именем. Ж. Матье [Mathieu, 1925, с. 31 и сл.] считает этот вопрос очень спорным и полагает, что здесь нельзя сказать ничего определенного. Наша точка зрения примыкает к позиции С. Пелмена [Perlman, 1969, с. 317], что «Филипп» не может рассматриваться в ракурсе его влияния на политику Филиппа или Александра.

следовал свои цели. Невзирая на принципиальную несовместимость, их программы взаимодействовали и дополняли друг друга постольку, поскольку отвечали нуждам времени. Поэтому совпадают идеи Исократ и Филиппа о союзе Греции и Македонии, но не совпадают принципы этого союза и его формы. Как показало будущее, македоняне не могли обойтись в этом походе без эллинов; а полисы, даже понимая жизненную необходимость похода в Азию, сами не смогли бы его осуществить. О значении промакедонской и антиперсидской программы Исократ для реальной политики Филиппа можно говорить лишь в теоретическом аспекте.

В «Филиппе» Персия послужила регулятором не только внутренних конфликтов. Походом на Восток автор надеялся отвлечь внимание македонского царя от Греции, предложив ему другие земли и богатства, более доступные. Обоснование законности войны, доказательства политической и военной слабости варваров, обещание союзничества — все служит одному — убедить Филиппа, что воевать с Персией проще и выгоднее, чем с Грецией. Отсюда такой контраст в описании военно-политической организации Персии и ее экономики. Подчеркивается ненадежность управления, плохая организация войска, неудачная внешняя политика, но неизменно отмечается экономическое благополучие государства и его богатства.

В плане завоевания Персии легко прослеживаются два направления. Аргументация автора, как и прежде, адресована двум разным объектам — Греции и Македонии, служит для разрешения внутреннего и внешнего конфликта. Хотя выполнение колониационного плана возложено на Филиппа, в указанных мероприятиях была заинтересована в основном Греция. Ссылки на прежнюю вражду эллинов и персов, призывы отомстить за причиненное зло, проект освобождения эллинских городов в Азии и перспектива основать там новые греческие поселения вряд ли могли вдохновить Филиппа на войну с персами.

Вторая группа аргументов подобрана так, чтобы убедить Филиппа возглавить поход, заинтересовать его предстоящей войной. Она имеет иную структуру. Отсутствуют напоминания о священной мести; разработка управления завоеванной страной. Вместо них рассмотрены факторы, обеспечивающие успешную кампанию (Isocr. Phil., 96—97, 104, 114—115, 120). Ни слова не говорится о способах получения богатства, лишь настойчиво подчеркивается, что предводитель похода сумеет извлечь из него пользу (*ὠφέλεια*), а также получит немеркнущую славу и всеобщее уважение и почет (Isocr. Phil., 36, 113—119, 133—143, 153).

Выгода здесь понимается скорее как военная добыча, чем постоянный доход от покоренной страны. Выше отмечалось концептивное распределение Исократом роли греков и македонян в предстоящем походе: исполнители и вдохновители. План завоевания Персии добавляет иной аспект к этому положению: как бу-

дет производиться дележ добычи, кому достанется интенсивная, а кому — экстенсивная эксплуатация захваченной территории. Различные уровни эксплуатации соответствовали, кстати, и уровню развития этих двух стран.

В программе политики полисов по отношению к Македонии и Персии панэллизнизм занимает центральное место, так как направлен против варварского мира. В «Филиппе» Исократ выступает от имени всей Греции, а не каких-либо отдельных полисов. В данном случае мы не согласны с мнением Пелмена, что главным партнером Филиппа в предстоящем союзе выбраны Афины, морская мощь Греции, таким образом город сохранит свое влияние в Элладде, т. е. исследователь считает, что в данной речи Исократ выступает с афинофильских позиций [Perlman, 1969, с. 312 и сл.].

В принципе оратор стоял на афинофильских позициях, в анализе настоящего и в планах на будущее он исходил прежде всего из интересов своего родного города. В «Филиппе» автор явно выделяет Афины из числа других полисов, не давая им такой мрачной и безнадёжной характеристики, как Спарте, Аргосу и Фивам, подчеркивая, что Афины — единственное крупное греческое государство, заключившее мир с Македонией.

Исократ невольно выдает свои симпатии, однако в целом он стремится быть нейтральным по отношению к ведущим полисам, обращает внимание на общие беды и общие интересы греков. Во внешней политике он абстрагируется от интересов одного полиса и оперирует обобщенным понятием Эллады как системы полисов. Хотя автор имел дело с конкретной политической ситуацией, вопросы союза с Македонией решались им на теоретическом уровне. Он брал полис как определенный тип организации государства, а не те варианты, в которых этот принцип воплощался на практике. Речь шла о сотрудничестве двух принципиально различных государственных организаций — греческого полиса и македонского царства, при котором Исократ защищал интересы эллинов.

При решении проблемы взаимоотношений с Македонией Исократ диаметрально противоположен Демосфену. Оба оратора исходят из одной и той же посылки: сохранения полисной организации, но идут разными путями. Одинаково оценивая целый ряд явлений, они из-за различия в политических и социальных программах делают противоположные выводы.

Были два пути устранения Филиппа как противника Эллады: мирный и враждебный. Первый из них — программа Исократ, который хотел путем переговоров превратить противника в союзника. Второй — программа Демосфена, война, направленная на подавление противника. Политические группировки Исократ и Демосфена, их различное понимание внутренней и внешней политики полиса — два пути сохранения полисной системы. Исократ пытался для стабилизации этой системы использовать союз с одним варварским государством для войны против друго-

го, заключив его от имени всех греческих государств. Мера эта временная и вынужденная, она не может рассматриваться как политический принцип, но все-таки примечательно, что подобный шаг был сделан, он знаменовал поиски новых типов связей Эллады с внешним миром. Демосфен хотел сохранить старую структуру при помощи традиционных методов, внося некоторую модернизацию в духе времени. В своих действиях он опирался лишь на внутренние силы системы и категорически исключал посторонние.

Безусловно, существенное значение имеет и реализация замыслов Исократа и Демосфена, деталь, на которую почему-то упорно не обращают внимания исследователи. Видимо, в данном случае этические представления ученых одерживают верх над объективностью. Действительно, призывы Демосфена защищать свободу и независимость полисов, его бескомпромиссность в борьбе с македонской агрессией, противопоставление народовластия деспотизму неизменно вызывали и будут вызывать симпатию и уважение к нему, поскольку здесь совпадают представления, характерные для системы ценностей и античности, и наших дней.

Вместе с тем справедливость требует признать, что позиция Исократа была более реалистична и его прогнозы имели удивительно высокую степень точности. Вскоре после написания «Филиппа» Греции пришлось подчиниться Македонии, был принят совместный греко-македонский поход против Персии. Его предводитель — сын Филиппа Александр Македонский доказывал необходимость завоевания Азии, прибегая к аргументации, выработанной идеологами панэллинизма, в первую очередь Исократа. Эллы действительно покорили персидскую державу, основали там новые города, получив при этом значительные экономические выгоды⁸.

Разумеется, далеко не все осуществлялось согласно планам Исократа, да и трудно было бы предполагать их полную реализацию. Но заслуживает внимания тот факт, что принципиальные постулаты оратора (и то, чего он желал, и то, чего он опасался) полностью совпали с последующими историческими событиями. Исократ заплатил за свою прозорливость высокую цену. Вероятнее всего, именно его «отклоняющееся поведение», взгляды, идущие вразрез с общепринятыми представлениями, определили непопулярность оратора как политического мыслителя в античной историографии и значительно повлияли на его оценку в современных исследованиях.

---

⁸ Более подробно об идеологической подготовке эллинизма см. [Исаева, 1990].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Никогда не бывает, чтобы ораторы делали вас негодными или честными, наоборот, вы делаете их какими хотите: не вам ведь приходится угадывать, чего они хотят, а они стараются угадать то, что, по их мнению, желательно для вас.

Демосфен. XIII, 36

Несомненно, что Исократ всегда был заметной фигурой в античной культуре. Его авторитет как выдающегося оратора, разработавшего основные принципы риторики, был необычайно высок, но именно поэтому деятельность Исократа освещалась в историографии нового и новейшего времени довольно однобоко. Прошло немало времени, прежде чем сначала довольно робко, а затем все более настойчиво начали обращать внимание на оратора как на политического мыслителя, а его речи стали рассматривать как важнейший источник по экономике, политике, праву, социальным отношениям, общественной психологии, пропаганде в Греции IV в. Чем больше разрабатывался такой аспект его творчества, тем более перспективным он представлялся, но одновременно возрастали и препятствия.

Риторическая форма, в которую облекались социальные и политические постулаты, сыграла роковую роль в изучении наследия Исократа. Благодаря ей образовался настоящий клубок противоречивых мнений, причем ученые, стоящие на взаимоисключающих позициях, легко находили в речах оратора подтверждение правильности своих взглядов. Лишь в последние десятилетия наметилась и стала креннуть тенденция изучения терминологии Исократа и были предприняты попытки связать правила риторики с политическими постулатами оратора. Данный подход, оцененный и принятый далеко не всеми, наметил выход из тупика, в котором оказались исследователи творчества оратора.

В этой книге, автор которой принадлежит к сторонникам нового метода интерпретации речей Исократа, показаны некоторые проблемы греческой истории в освещении политической риторики, своеобразие которой помогает раскрыть новые аспекты в

уже, казалось бы, хорошо изученных явлениях, добавляет весьма существенные штрихи к изображению Эллады, создает дополнительные аргументы при решении сложных и запутанных дилемм.

В речах Исократы нашли отражение далеко не все характерные черты IV в. до н. э., так как оратор не ставил перед собой задачи дать подробное описание событий и тенденций своего времени. Его целью был анализ некоторых политических и социальных ситуаций, находившихся у критической черты, и поиск выхода из создавшегося положения. В связи с этим он затронул ряд проблем, имеющих первостепенное значение для греческих полисов в период, предшествующий потере ими политической независимости: вопросы управления государством, взаимоотношения городов в Элладе, вопросы, связанные с политикой по отношению к Персии и Македонии, тему социальных противоречий.

Перечисленные аспекты определялись конфликтными ситуациями времени, а не тщательно продуманной теорией государственного устройства, как, например, у Платона или Аристотеля. Поэтому некоторые вопросы политической теории остались у Исократы неразработанными, а сведение его постулатов в систему и соотнесение между собой частей системы порой сталкивается с серьезными затруднениями. Тем не менее в речах существует единство подхода к проблемам и прослеживается их взаимосвязь, что позволяет говорить о них как о комплексе идей и даже объединить их термином «программа».

При исследовании социально-политической программы Исократы автор книги исходил из того, что, хотя поводом для создания речей были конкретные события, понять и объяснить *credo* оратора можно, лишь ориентируясь на общие тенденции его времени, в которые эти события входили как составное звено. Разумеется, подобный подход не умаляет значения тех или иных фактов, оказавших влияние на жизнь греческого общества и отраженных в речах оратора, а лишь подчеркивается, что исследование социальных и политических принципов Исократы должно проводиться только путем их соотнесения как с отдельными событиями, так и с процессами, которые лежали в их основе.

Образ Эллады, созданный Исократом, конечно, тенденциозен, но не более чем в трудах Платона, Аристотеля, Ксенофонта — наших основных литературных информаторов. В данном случае интересны именно особенности искажения, поскольку они помогают установить специфику речей Исократы и политической риторики в целом, т. е. дают ключ к одному из самых важных источников для понимания специфики народовластия как в античности, так и в современности. Можно совершенно определенно утверждать, что ориентация на сугубо теоретические произведения себя не оправдала: конкретные политические формы не могут изучаться в отрыве от живого слова, звучащего на площадях, передающего умонастроения людей, которым оно адресовано. К

тому же не следует забывать, что именно благодаря социальной и политической психологии толпы модифицировались теоретические построения идеологов, выдвигались на первый план те, а не иные идеи, происходила их эволюция, иногда настолько интенсивная, что они, сохраняя прежнюю оболочку, по сути превращались в свою противоположность.

Речи Исократы, сохранившие высокий теоретический уровень с ориентацией на психологию масс, на конкретные, «сиюминутные» ситуации, дают редкую, особенно для античности, возможность наблюдать особенности в расхождении восприятия понятия «демократия» политическими мыслителями и народом, демоксом, имеющим свое собственное представление о народовластии. Изучение позиции оратора по отношению к проблеме управления государством позволяет сделать вывод, что мы имеем дело с комплексом взглядов, объединенных термином *patrios politeia*. Здесь прослеживается тесная связь с морализирующими тенденциями IV в., с распространенной в то время политической и социальной утопией, с представлениями о власти у демократии и олигархии, с борьбой этих группировок между собой.

Взгляды оратора на политическую структуру полиса не могут быть точно соотнесены ни с демократией, ни с олигархией. Программа Исократы несколько хаотична, что обусловлено трактовкой *patrios politeia* не только как политического термина, но и системой жизни вообще. Но основное препятствие при определении политической направленности взглядов оратора заключается в отсутствии данных для сопоставления с различными политическими теориями IV в. Внутривнутриполитическую программу Исократы приходится условно поместить между умеренной демократией и умеренной олигархией.

Такая оценка, хотя и не дает четкого ответа на вопрос, был ли Исократ демократом или олигархом, отмечает ценный для политической теории факт существования не только таких резких противоположностей, как радикальная демократия и крайняя олигархия, но и умеренных течений в этих направлениях, имевших точки соприкосновения.

Невозможность идентифицировать политическое *credo* Исократы, руководствуясь привычными критериями, наводит на сомнение в правильности данных критериев. В частности, серьезные возражения вызывает представление о возможности установления ориентации афинских политиков, основываясь на «типично олигархической» или «типично демократической» фразеологии. Анализ концепции Исократы показывает, что обе группировки использовали примерно одинаковую терминологию. Новейшие работы в области философии досократиков, а также по изучению возникновения и трансформации принципов демократии подводят к предположению, что идеологи правления большинства и правления меньшинства черпали свои постулаты из

одного и того же источника — космогонических систем VI в. Кроме того, многие принципы народовластия были заимствованы у аристократии, часть которой и образовала олигархическую группировку.

Если данная гипотеза верна, то встает вопрос о целесообразности столь упорных попыток реконструкции теорий демократии и олигархии, предпринимаемых уже не одно десятилетие. Их скорее всего вообще не существовало, принципиальные разногласия наблюдаются больше на практике. Даже если признать подобное предположение слишком смелым, все равно позиция, занятая оратором, речи которого наряду с произведениями Платона и Аристотеля дают наиболее связную и полную информацию о демократии и олигархии, заставляет задуматься о многих укоренившихся в антиковедении представлениях.

Взгляд Исократ на назначение оратора и на его взаимоотношения с аудиторией поднимает важную проблему о роли политического красноречия в государстве демократического типа, о неизбежности слияния в политическом лидере функций государственного деятеля и оратора. Анализ высказываний выдающихся мастеров риторики IV в. — Исократ, Демосфен, Ликурга, Эсхина — демонстрирует наличие в выступлениях представителей самых различных, зачастую враждующих группировок одинакового набора штампов, которые, с одной стороны, призваны были завоевать доверие аудитории, а с другой — и сами сформировались под влиянием системы ценностей слушателей. К ним относятся уверения выступающих в своей преданности демократии, восхваление строя предков, стремление подкрепить любую новацию ссылкой на законы отцов. Особенным успехом пользовались тезисы об исключительности Афин и упоминания об их славном прошлом. Этот набор стереотипов, передающий особенности общественной психологии того времени, создает большие трудности в выявлении истинных взглядов ораторов.

Постоянные нападки Исократ на практику народных собраний, считавшиеся ранее бесспорным доказательством его антидемократизма, могут, как показано в книге, иметь и другую интерпретацию — служить подтверждением выдвинутого в исследовательской литературе постулата о разделении Народного собрания, верховного органа демократических Афин, на две неравные группы: профессиональных политиков и их окружения (*politeuomeoi*) и остальной массы (*idiotai*). Причем основой дифференциации, показателем степени не формального, а реального участия в управлении государством в числе других факторов служило и умение владеть словом, эффектно построить речь. Известная неподготовленность низшего слоя населения Афин (*ochlos*) к управлению полисом, а также действующий при больших скоплениях людей закон психической заражаемости приводили к тому, что решения Народного собрания далеко не всегда были удачными и целесообразными, особенно в экстремальных ситуа-

циях Пелопоннесской войны или конфликтах, характерных для IV в.

Социальные взгляды оратора характеризуют его как убежденного защитника имущих граждан. В речах Исократ отчетливо прослеживается стремление соединить экономику и политику, им выдвинут тезис о прямой зависимости внутренней и внешней ориентации полиса от благосостояния государства и его граждан. Исократ приводит свидетельства увеличения социальных конфликтов в Афинах и делает попытку их разрешения на теоретическом и практическом уровнях.

Он выдвигает положение о необходимости тесного содружества граждан одного полиса (*homonoia*), приходит к выводу, что каждый должен довольствоваться занимаемым местом в социально-экономической иерархии государства. На практике, требовавшей конкретных и немедленных мер для разрешения конфликтов, оратор предлагает иное решение — поход в Азию, посредством которого он надеялся разрешить вопрос о неимущих.

Соотнести между собой социальные и политические взгляды Исократ сложно, поскольку экономическая и политическая градации граждан совпадали далеко не всегда. Материал для подобного сопоставления отсутствует не только в речах оратора, анализ других источников того же времени показывает столь же разнородную и запутанную картину. Хотелось бы подчеркнуть отсутствие полного тождества между социальной и политической программами оратора. Их связь довольно ясно обозначена при разрешении вопросов, связанных с проблемами внутреннего управления полисом и идеей похода на Восток.

При рассмотрении принципов межполисных отношений она выражена опосредованно: принцип «неправильной» гегемонии в Элладе Исократ делает следствием господства радикальной демократии, проводящей политику поощрения бедняков, не желающих работать и живущих за счет государства. Кроме того, неудачная внешняя политика, проводимая той же группировкой, способствовала, по его мнению, разорению граждан и возрастанию числа социальных конфликтов. В проблеме взаимоотношений полисов с Македонией связь политических воззрений с социальными отсутствует, так как вопросы решались Исократом в основном с теоретических позиций сотрудничества двух различных государственных систем — греческих полисов и Македонии. Внимание автора было направлено на решение конкретного внешнеполитического конфликта, который он не связывает ни с какими социальными слоями.

В сфере межполисных контактов оратор исходил прежде всего из интересов родного города и настойчиво проводил мысль о праве Афин на лидерство в Элладе. Но довольно часто он обращается к вопросам, выходящим за пределы афинской внешней политики, в частности при рассмотрении проблем, касающихся

принципов взаимоотношений полисов и условий, необходимых для политического преобладания в Греции.

В связи с последним наблюдается тенденция к трансформации реальных политических союзов в абстрактные представления, обозначающие разные типы политической гегемонии. Так, варианты межполисных объединений, названных «власть на море» и «гегемония на суше», олицетворявших для оратора афинскую и спартанскую коалиции, существуют у него в двух видах понятия — как конкретные союзы и как абстрактные принципы, положенные в основу государственных альянсов.

Исократ не разработал положений, на которых могли строиться взаимоотношения греческих городов. Вместо них он выдвинул идею решения всех конфликтных ситуаций как внутри полисов, так и между ними путем внешней экспансии, перенесения войны между эллинскими государствами на территорию Азии. Пропаганда антиперсидского похода должна была, по замыслу оратора, служить целью и средством объединения эллинов для войны с варварами. В речах Исократ получил свою дальнейшую разработку и завершение идея панэллинизма, выдвинутая в литературе V в.

Не следует забывать, что панэллинизм у оратора — не новый тип взаимоотношений полисов на основе суверенитета, на который он часто ссылается, а общность культурных, политических и социальных воззрений, образа жизни (т. е. принципов, на основании которых греки противопоставлялись варварам), создававших предпосылки для объединения полисов и покорения Азии.

В речах Исократ, как, пожалуй, ни в каком другом греческом источнике, особенно наглядно видны истоки формирования оппозиции Запада и Востока, Европы и Азии на теоретическом уровне. Его произведения фиксируют ту стадию развития идеи, когда культурные и политические противоречия двух различных этносов превращаются в устойчивое представление, общее место в политическом сознании и одновременно становятся исключительно важным фактором пропаганды.

Отношение Исократ к Персии, подчеркнуто негативное, определено его убежденностью, что поход против варваров позволит разрешить конфликты греческого общества. Поэтому основное внимание уделено оратором описанию экономической и военной структур персидского государства, которые приобретали особое значение в связи с намечающимся походом. При характеристике других сторон жизни персидской деспотии Исократ ограничивается в основном стандартным набором, цель которого — доказать низкий политический и морально-этический уровень варваров, характерный для греческой литературы V—IV вв.

Активная внешняя политика македонского царя Филиппа послужила поводом для создания одной из самых интересных речей Исократ — «Филипп». В этом многоплановом произведении органично соединены самые разные положения. Автор пытается

привлечь к участию в антиперсидском походе Филиппа и решить таким образом сразу две проблемы: отвести от Греции угрозу македонского завоевания и получить в предстоящей войне с варварами сильного союзника. В связи с этим Исократ тщательно разрабатывает принципы, на которых должны строиться отношения между греками и македонянами и эксплуатация захваченной территории в Азии. При этом оратор тщательно оговаривает функции партнеров в предстоящем походе и положения, лежащие в основе дележа добычи.

Высокая степень точности прогнозирования будущего Исократом позволяет рассматривать его как одного из идеологов эллинизма — принципиально нового периода в истории древности, когда крупные державы с сильной централизованной властью сменили многочисленные и мелкие свободные полисы Эллады. Сопоставление греков и варваров, столь характерное для произведений оратора, создание негативного образа неграка сыграло важную роль на первом этапе эллинизма — психологически облегчило покорение персидской державы и теоретически обосновало его. Без этого акта агрессии на той стадии развития человечества был бы невозможен переход античного мира к новым формам организации общества, сначала первый в мировой истории контакт западной и восточной культур в рамках одного государства, а затем их взаимное обогащение.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Исократ
О МИРЕ
(около 358—355 гг. до н. э.)

Перевод и комментарии Л. М. Глускиной

Содержание, составленное неизвестным автором

Когда Харет был послан для покорения Амфиполя, бывшего тогда автономным и независимым (дела лакедемонян были плохи после битвы при Левктрах, а Афины были слабы), он, полагая, что легко сможет взять Амфиполь в любое время, и желая восстановить бывшее могущество Афин, напал на хиосцев, родосцев и других союзников¹. Они оказали сопротивление, Харет потерпел неудачу и не знал, как ему поступить: если, оставив их, направиться к Амфиполю, то союзники в отместку могут напасть на Аттику. Узнав об этом, афиняне запросили мира. Хиосцы, родосцы и другие [союзники] сразу же согласились. Это и есть Союзническая война. На Народном собрании по поводу прекращения войны выступает Исократ, предлагая не вмешиваться в чужие дела и соблюдать спокойствие². Свою речь он делит на две части: в первой он советует согласиться на автономию хиосцев, родосцев и других союзников; во второй — предлагает отказаться от гегемонии на море.

Говорят, что Аристид издал речь против мира, направленную против этой части речи Исократа.

Такова тема речи. Главное в ней — вопрос о том, что полезно. Постановка вопроса деловая — ведь это увещание в пользу мира.

Если тебе когда-либо придется произнести общеупотребительное вступление, то присоедини к нему особые предваряющие слова, как это сделал Исократ в своей речи «О мире», когда он говорит: «Ведь мы пришли сюда, чтобы обсудить вопрос о войне и мире, который имеет величайшее значение...» Это прекраснейший метод [в риторике], когда мы указываем, каким методом рассуждений будем пользоваться, даже если речь идет о привычных для всех вещах.

• • •

(1) Все, кто всходят на эту трибуну, обычно заявляют, что вопрос, по которому они будут выступать, очень важен и заслуживает величайшего внимания на-

---

¹ В 357 г. до н. э. ряд членов Второго Афинского морского союза выступили против Афин и объединились для борьбы.

² В действительности Исократ никогда не выступал с этой речью. Она была написана им для читателей, а не для слушателей.

шего города. И если подобное предисловие было вполне уместно в других случаях, то мне представляется, что с этого же следует начать речь и о нынешних наших делах. (2) Ведь мы пришли сюда, чтобы обсудить вопрос о войне и мире, который имеет величайшее значение в жизни людей, и дела тех, которые в этом вопросе следуют разумным советам, идут, как правило, лучше, чем у других. Столь велико значение вопроса, для обсуждения которого мы собрались здесь. (3) Между тем я замечаю, что вы по-разному слушаете выступающих здесь ораторов: одних — внимательно, а других — даже и голоса не выносите. Такое ваше поведение несколько не удивляет: ведь и раньше вы имели обыкновение прогонять всех ораторов, кроме тех, которые угождали вашим желаниям. (4) За это справедливо было бы упрекнуть вас, ибо вы знаете, что многие богатые дома разорились из-за льстецов, и ненавидите людей, сделавших лесть своей специальностью в частных делах; но когда речь идет о делах государственных, вы к подобным людям относитесь иначе. И порицая тех, которые приближают к себе льстецов и получают от них удовольствие, вы в то же время сами явно доверяете льстецам больше, чем другим гражданам. (5) В результате вы сделали так, что ораторы думают и заботятся не о том, что принесет пользу государству, а о том, чтобы произносить угодные вам речи. И теперь в большинстве своем они уже ринулись выступать в таком роде. Ведь всем было ясно, что вам больше понравятся ораторы, призывающие к войне, чем те, которые советуют соблюдать мир. Оно и понятно. (6) Первые внушают надежду, что мы снова получим владения в городах³ и восстановим наше бывшее могущество. Вторые же ничего подобного не обещают, но говорят, что надо соблюдать мир, довольствоваться тем, что есть, и не стремиться к большему вопреки справедливости. А это большинству людей чрезвычайно трудно. (7) Мы так цепляемся за надежды и с такой жадностью гонимся за тем, что сулит выгоду, что даже обладатели величайших богатств не хотят довольствоваться ими и, постоянно стремясь к большему, рискуют тем, что имеют. Именно этого и следует сейчас опасаться: как бы не впали в подобное безумие. (8) Мне кажется, что некоторые люди слишком уж устремились к войне, словно услышали суждения не обыкновенных людей, а самих богов, что мы доведем все начинания до успешного конца и легко одолеем наших врагов. Между тем люди здравомыслящие должны не совещаться о том, что им известно, — ведь это излишне, — а действовать в согласии со своим разумением; если же какие-либо дела обсуждаются, то не следует думать, что предстоящее заранее известно; нужно все обсудить, строя предположения, но помнить при этом, что может случиться и непредвиденное. (9) Вы, однако, не делаете ни того, ни другого, а поступаете в высшей степени опрометчиво. Собравшись для того, чтобы выбрать наилучший совет из всех предложенных, вы, словно хорошо уже зная, как надо поступать, не хотите слушать никого, кроме тех ораторов, которые говорят вам в утуду. (10) Однако же, если вы действительно хотели выяснить, что полезно для государства, следовало слушать ораторов, не согласных с вашим мнением, внимательнее, чем тех, которые подыгрывали вам; ибо известно, что, когда выступающие здесь говорят то, что вам хочется, они легко могут ввести вас в заблуждение — ведь сказанное в утуду затемняет вашу способность распознать наилучшее; со стороны же тех, которые дают советы, не угождая вам, подобная опасность не грозит. (11) Ибо они смогут переубедить вас только в том случае, если докажут, что их советы принесут пользу. А кроме того, разве могли бы люди

---

³ Подразумеваются члены Второго Афинского морского союза, созданного в 378 г. до н. э.

правильно судить о прошлом или принимать решения на будущее, если бы они не сопоставляли противоположные суждения различных ораторов, выслушивая тех и других с равным вниманием. (12) Меня удивляют и люди старшего возраста, если они уже не помнят, и более молодые, если они ни от кого не слышали, что те, которые убеждали держаться мира, никогда не причиняли нам зла, но зато мы претерпели много больших бед из-за тех, которые необдуманно ратовали за войну. Между тем мы совсем не помним этого, но всегда готовы, ничего не делая для нашего собственного благополучия, снаряжать триеры, взимать чрезвычайные военные налоги, то оказывать помощь, то воевать с кем придется, как будто мы подвергаем опасности не свой, а чужой город.

(13) Причина же этого в следующем: хотя вам надлежит о делах общественных заботиться так же, как о своих личных, вы относитесь к ним по-разному и, когда обсуждаете свои дела, ищете советников более разумных, чем вы сами; когда же вы в народном собрании обсуждаете дела государственные, то не доверяете таким советникам и враждебны к ним. Из выступающих с трибуны вам нравятся самые негодные, и вы думаете, что пьяные более преданы демократии, чем трезвые⁴, неразумные — чем здравомыслящие, те, которые делают меж собой государственное достоинство⁵, — чем те, которые выполняют литургии из собственных средств. И можно только удивляться, если кто-либо надеется, что государство, имеющее таких советников, будет преуспевать. (14) Однако же я знаю, что выступления против ваших взглядов связаны с неприятностями, и хотя у нас демократия, но нет свободы слова в Народном собрании, кроме как для безрассуднейших и нисколько о вас не заботящихся ораторов, а в театре — для сочинителей комедий. Возмутительнее всего то, что вы проявляете такую благосклонность к людям, выставляющим напоказ перед другими элинами недостатки нашего города⁶, какой не пользуются у вас даже те, кто приносит вам пользу, против тех же ораторов, которые порицают и вразумляют вас, вы негодуете, как будто они причиняют городу какой-то вред. (15) И все же, несмотря на это, я не откажусь от своего намерения. Ведь я пришел сюда не для того, чтобы угождать вам или домогаться ваших голосов, но для того, чтобы высказать свое мнение сперва по поводу предложений, представленных вам приганами, затем и о других делах нашего города. Ибо никакой пользы не будет от принятых сейчас постановлений о мире, если мы не вынесем правильных решений и о дальнейших мерах.

(16) Я утверждаю, что нам необходимо заключить мир не только с хиосцами, родосцами, византийцами, косцами, но со всем человечеством, и мирный договор должен быть не таким, какой предложили некоторые лица, а таким, какой был заключен с царем и лакедемонянами⁷, и предусматривать автономию элинов, вывод гарнизонов из чужих городов и сохранение каждым своей территории. Ведь не придумать более справедливого и более выгодного для нашего го-

⁴ Намек на демократического деятеля Клеофонта, который якобы в пьяном виде выступил в собрании и убедил афинян отвергнуть мирные предложения спартанцев после битвы при Аргинузах. См. Arist. Ath. Pol., 34; p. Isocr. Antid., 316.

⁵ Подразумевается Евбул, создавший из излишков государственных доходов специальный фонд *феорикон* для раздач народу во время праздников.

⁶ Во время представлений комедий на празднике Дионисий присутствовали гости из других городов Греции. В свое время Аристофан подвергся нападкам Клеона за то, что осмеивал в присутствии иностранцев недостатки Афин. Ср. Aristoph. Acham., 500 и сл.

⁷ Анталкидов мир 387 г. до н. э.; ср. Isocr. Paneg., 115.

рода мирного договора, чем этот. (17) Я знаю, что если на этом прекращу свое выступление, то покажется, будто я готов причинить ущерб нашему городу, ибо получается, что фиванцы останутся во владении Феспиями, Платеями и другими городами⁸, которые они захватили вопреки своим клятвам⁹, а мы без всякой необходимости уйдем из тех городов, которыми теперь владеем. Однако же если вы выслушаете меня до конца с должным вниманием, то думаю, что все вы осудите безрассудство и неразумие тех, которые видят выгоду в несправедливости, захватывают силой чужие города и не понимают, какие несчастья возникают в результате такого рода действий. (18) Именно это я попытаюсь доказать вам на протяжении всей своей речи. Сперва же поговорим о мире и посмотрим, чего бы мы хотели для себя при данном положении дел. Ведь если мы правильно и разумно определим это, то на этой основе сможем лучше решить и все остальные вопросы.

(19) Разве мы не будем удовлетворены, если сможем безопасно жить в своем городе, имея больше материальных благ, добьемся у самих себя взаимного согласия, а у эллинов — доброй славы? Я думаю, что при этих условиях город достигнет полного благоденствия. Война, однако же, лишила нас всего этого¹⁰. Она сделала нас беднее, подвергла многочисленным опасностям, очернила нас в глазах эллинов и принесла нам всяческие несчастья. (20) Если же мы заключим мир и будем вести себя согласно предписаниям общего договора¹¹, то будем совершенно спокойно жить в своем городе, освободившись от войн, опасностей и внутренних распрей, в которые мы теперь ввергнуты. С каждым днем будет возрастать наше благосостояние, ибо мы избавимся от чрезвычайных военных налогов, триархий и других связанных с войной литургий и спокойно будем возделывать землю, плавать по морю и предаваться другим занятиям, которые заброшены сейчас из-за войны. (21) И мы увидим, как город получит вдвойне большие, чем теперь, доходы¹² и заполнится купцами, чужеземцами и метеками, которые покинули его теперь. Но самое главное — мы приобретем союзников в лице всех людей, и не по принуждению, а по их доброй воле, не таких союзников, которые в безопасные для нас времена терпят нас из-за нашего могущества с тем, чтобы отложиться в трудную минуту, а таких, которые относятся к нам, как подобает истинным союзником и друзьям. (22) А кроме этого — то, чего мы теперь не можем добиться с помощью войны и больших затрат, мы легко получим с помощью посольств. Ибо не думайте, что Керсоблепт¹³ станет воевать за Херсонес, а Филипп — за Амфиполь, когда увидят, что мы не стремимся к захвату чужих земель. Ныне же они с полным основанием опасаются того, чтобы наше государство стало соседом их владениям. (23) ибо видят, что мы, не довольствуясь тем, что имеем, постоянно стремимся к большему. А если мы изменим свой образ действий и приобретем лучшую репутацию, они не только отстанут от наших владений, но еще дадут нам впридачу из своих. Им будет выгодно, поддерживая могущество нашего города, владеть спокойно своими царствами. (24) И тогда

⁸ Орхомен и Ороп. См. Diod. XV. 76, 79.

⁹ Подчиняя себе греческие города, Фивы нарушали условия подписанного ими Анталкидова мира.

¹⁰ Подразумевается Союзническая война 357—354 гг. до н. э.

¹¹ Анталкидов мир 387 г. до н. э.

¹² Согласно Демосфену (X, 37, 38), доход Афин после заключения мира возрос со 130 до 400 талантов.

¹³ Керсоблепт, сын Котиса, царь одрисов во Фракии (358—343 гг. до н. э.).

мы сможем получить во Фракии столько земли, что у нас будет изобилие не только для нас самих¹⁴, но мы окажемся в состоянии предоставить достаточные средства к существованию нуждающимся и скитающимся из-за бедности эллинам¹⁵. Там, где Афинодор¹⁶ и Каллистрат¹⁷ — первый, будучи частным лицом, второй — изгнанником — оказались в состоянии основать города, мы смогли, если бы только захотели, завладеть многими такими местами. Если мы претендуем на первенство среди эллинов, то нам гораздо больше пристало возглавить такого рода предприятия, чем войны и наемные армии¹⁸ — то, к чему мы стремимся теперь.

(25) Что касается предложений послов¹⁹, то достаточно того, что я сказал, хотя можно было бы, вероятно, еще многое к этому добавить. Но я полагаю, что нам следует уйти с этого собрания, не только приняв решение о мире, но и обсудив, как мы будем его соблюдать, чтобы не получилось так, как стало у нас обычным, что спустя короткое время мы снова окажемся вовлеченными в те же распри. Не отсрочка нужна нам, а полное избавление от нынешних бедствий. (26) Однако ничего этого нельзя добиться, прежде чем вы не проникнетесь убеждением, что мирная политика приносит больше пользы и выгоды, чем вмешательство в чужие дела, справедливость — чем несправедливость, забота о своих собственных делах — чем стремление к чужому. Об этом никогда не осмелился сказать вам ни один оратор. А я именно об этом намереваюсь сказать подробнейшим образом. Ибо я вижу, что наше благополучие связано с такой политикой, к какой я вас призываю, а не с той, какую мы проводим теперь. (27) Однако же оратор, который пытается выступать с необычными предложениями и хочет изменить ваши представления, вынужден коснуться многих вопросов и произнести длиннейшую речь: об одном напомнить, за другое упрекнуть, за третье похвалить, четвертое посоветовать. Ведь даже используя все эти средства, трудно склонить вас к большему благоразумию.

(28) Все дело в том, как мне кажется, что, хотя все люди стремятся к своей выгоде и к преимуществам перед другими, они не знают, какие действия приводят к этому, и расходятся друг с другом в суждениях: у одних суждения здравые и способные наметить правильный путь, у других — ложные, уводящие чрезвычайно далеко от того, что полезно. Именно это последнее и случилось с нашим городом. (29) Ведь мы полагаем, если выходим в море с большим числом триер и силой заставляем города платить нам взносы и присылать сюда синедров, что поступили должным образом. В действительности же мы чрезвычайно далеки от истины: ни одна из наших надежд не оправдалась, но зато мы вызвали против себя вражду, возникли военные столкновения и большие расходы. И это вполне естественно. (30) Ибо и в прежние времена мы из-за такого же вмешательства

¹⁴ В 353 г. до н.э., захватив г. Сест на Херсонесе Фракийском, афиняне послали туда клерухов. См. Diod. XVI. 34, 3.

¹⁵ Ср. Isocr. Phil., 120.

¹⁶ Афинодор — командир греческих наемников, участвовавший в военных действиях в Персии и на Херсонесе Фракийском. Неизвестно, какую колонию он основал.

¹⁷ Каллистрат — афинский оратор и политический деятель, изгнанный по обвинению в измене. Удалился во Фракию, где участвовал в реколонизации г. Дата. Вернувшись без разрешения в Афины, был казнен.

¹⁸ Ср. 44—46.

¹⁹ По-видимому, послы от городов Второго Афинского союза, с которыми Афины в то время коевали.

в чужие дела подвергли себя величайшим опасностям; когда же наш город проявлял справедливость, помогал обиженным и не стремился к захвату чужого, эллины сами по своей доброй воле вручили нам гегемонию²⁰. А мы в течение уже долгого времени безосновательно и крайне неразумно пренебрегаем этими фактами. (31) Ибо некоторые дошли до такой степени неразумия, что хотя и признают несправедливость весьма постыдной, но считают ее выгодной и полезной в повседневной жизни; справедливость же, по их суждению, хотя и обеспечивает добрую славу, но невыгодна и способна приносить большую пользу не тем, кто ее проявляет, а другим людям. (32) Они не понимают, что ничто не содействует материальной выгоде, доброй славе, правильному образу действий и вообще благополучию в такой степени, как добродетель со всем тем, что в нее входит. Ведь благодаря хорошим душевным качествам мы приобретаем и другие преимущества, в которых нуждаемся. Поэтому люди, не стремящиеся быть благоразумными, незаметно для самих себя оказываются пренебрегшими и тем, чтобы мыслить более здраво, и тем, чтобы преуспевать больше других. (33) Меня удивляет, если кто-либо думает, что люди, проявляющие благочестие и справедливость, упорно хранят верность этим добродетелям, рассчитывая на удел худший, чем у людей дурных, а не потому, что надеются снискать и у богов, и у людей больше, чем другие. Я убежден, что только добродетельные люди получают длинные преимущества, в то время как остальные получают преимущества, не приводящие к добру. (34) Ибо я замечаю, что люди, которые предпочитают несправедливость и считают величайшим благом присвоение чужого, испытывают то же самое, что животные, попавшиеся на приманку: вначале они вкушают от того, что схватили, а немного времени спустя претерпевают страшные бедствия. Те же люди, которые живут в благочестии и справедливости, чувствуют себя в безопасности в настоящее время и питают еще более радостные надежды на всю свою жизнь в будущем. (35) И если даже обычно это получается не во всех случаях, то все же по большей части дело обстоит именно так. И поскольку мы не можем усмотреть действий, которые всегда окажутся полезными, люди здравомыслящие должны предпочитать такие действия, которые приносили пользу многократно. Но крайнюю непоследовательность проявляют те люди, которые, хотя и признают, что справедливый образ действий благороднее и угоднее богам, чем несправедливый, в то же время думают, что соблюдающие справедливость окажутся в худшем положении, чем те, которые предпочли подлость.

(36) Мне хотелось бы, чтобы было столь же легко убедить слушателей следовать добродетели, сколь просто восхвалять ее. Но теперь я боюсь, не впустую ли говорю подобные вещи. Ибо в течение уже долгого времени нас развращали люди, не способные ни на что иное, кроме обмана, и до такой степени ни во что не ставящие народ, что, желая развязать войну и сами получив за это деньги, они осмеливаются говорить, что мы должны подражать нашим предкам, не допуская, чтобы над нами смеялись и чтобы плавали по морю те, которые не хотят платить нам взносы. (37) Я охотно спросил бы этих ораторов, каким предкам они призывают нас подражать: тем ли, которые жили во время войн с персами, или тем, которые руководили государством перед Декелейской войной? Если

²⁰ В 478 г. до н. э., при организации Делосского союза, Афины возглавили его по просьбе ионийских греков. См. Thuc. I, 95 и сл.; ср. Isocr. Paneg., 72; Panath., 67 и сл.

вторым, тогда они предлагают нам не что иное, как снова подвергнуться риску порабощения; (38) если же они советуют подражать тем, кто победил варваров при Марафоне, или тем, кто жил еще до этого, то разве не бесстыднейшие люди эти ораторы? Восхваляя тогдашних государственных деятелей, они тут же убеждают вас делать прямо противоположное тому, что делали те, и допускать ошибки такие, что я не знаю, как мне с ними и быть: сказать ли правду о них, как я делал до сих пор, или умолчать, опасаясь вашего гнева? Мне кажется, лучше было бы сказать об этих ошибках, однако я вижу, что вы больше гневаетесь на тех, кто порицает вас за них, чем на виновников случившихся бедствий. (39) Однако же я устыдился бы, если бы оказалось, что я больше забочусь о своей репутации у вас, чем об общем благе. Мой долг, как и долг всех, кто печется о нашем государстве, выбирать речи не самые приятные, а самые полезные. Вам же нужно прежде всего понять следующее: в то время как для лечения телесных недугов врачи изобрели много разнообразных средств, нет иного лекарства для душ невежественных и преисполненных дурными устремлениями, кроме как речь, дерзающая порицать за ошибки. (40) Далее: смешно терпеть прижигания и операции врачей ради избавления от более сильной боли, а речи отвергать еще до того, как получишь ясное представление, могут ли они принести пользу слушателям.

(41) Я сказал это заранее потому, что в дальнейшем собираюсь говорить вам, не уклоняясь ни от чего, без всякого стеснения. Если бы приехал какой-нибудь чужеземец и, еще не поддавшись вашей развращенности, столкнулся внезапно с тем, что происходит, разве не решил бы он, что мы обезумели и лишились рассудка? Ибо мы тщеславимся подвигами предков и считаем нужным превозносить город за тогдашние деяния, сами же поступаем не так, как они, а прямо противоположным образом. (42) Предки наши постоянно воевали с варварами за эллинов, а мы сняли с места людей, добывавших себе средства к жизни в Азии, и повели их против эллинов²¹. Наши предки, освобождая эллинские города и оказывая им помощь, удостоились гегемонии; мы же, порабощая эллинов и делая обратное тому, что делали наши предки, возмущаемся, если нас не удоставляют таких же почестей, какие имели те. (43) Мы настолько уступаем нашим предкам в действиях и образе мыслей, что в то время, как они ради спасения эллинов решились покинуть свою родину²² и победили варваров, сражаясь на суше и на море, мы даже ради собственных интересов не хотим подвергаться опасности. (44) Стремясь властвовать над всеми, мы не желаем участвовать в походах; затеяв войну едва ли не против всего человечества²³, мы сами ею не занимаемся, а поручаем людям, лишенным отечества, перебежчикам или таким, которые стеклись сюда из-за других преступлений. Стоит кому-либо предложить этим людям большую плату, как они последуют за ним против нас²⁴. (45) Тем не

---

²¹ Афинский стратег Харет использовал азиатских наемников в борьбе против непокорных афинских союзников.

²² Перед Саламинским сражением 480 г. население Аттики было эвакуировано.

²³ В период 363—355 гг. до н.э. Афины воевали с Александром из Фер, фракийским царем Керсobleптом, с Амфиполем, Евбеей, Хиосом, Византией, Потидеей и др.

²⁴ Афинские наемники во главе с их командиром Харетом во время Союзнической войны нанялись к персидскому сатрапу Артабазу. Ср. Isocr. Ageorag., 8; Dem. IV, 24.

менее мы любим этих наемников даже больше, чем своих детей; если бы дети наши причинили кому-либо зло, мы не захотели бы нести за это ответственность; когда же нам собираются предъявить обвинения за грабежи, насилия и беззакония наемников, мы не только не возмущаемся, но даже радуемся, если услышим, что они совершили нечто подобное. (46) Мы дошли до таких нелепостей, что, нуждаясь в самом необходимом, взялись содержать наемную армию, притесняем и облагаем данью своих собственных союзников, чтобы раздобыть жалованье для врагов всего рода человеческого. (47) Мы намного хуже, чем наши предки, — и не только самые прославленные из них, но даже вызвавшие к себе ненависть: когда они принимали решение воевать против кого-либо, а на акрополе было полно серебра и золота, то считали нужным сами рисковать своей жизнью во исполнение решений; а мы, оказавшись в такой нужде и будучи столь многочисленны, пользуемся наемными войсками, подобно персидскому царю. (48) Когда в те дни снаряжали триеры, матросов набирали из ксенов и рабов, а граждан отправляли в качестве гоплитов. А теперь мы в качестве гоплитов используем ксенов, а граждан вынуждаем быть гребцами, и когда происходит высадка на вражескую землю, люди, претендующие на владычество над эллинами, сходят на берег, неся подушки для гребцов, а люди, о моральных качествах которых я только что говорил, с оружием в руках идут в бой.

(49) Все же, если бы можно было увидеть, что сам наш город хорошо управляется, появилась бы уверенность и за все остальное. Но кто бы мог сдерживать негодование именно по этому поводу? Мы утверждаем, что мы коренные жители, что наш город основан раньше других, и нам следовало быть для всех примером хорошего и налаженного политического устройства. Между тем управляется наше государство хуже, и в нем больше беспорядка, чем в недавно основанных городах. (50) Мы гордимся и чванимся тем, что мы лучшего происхождения, нежели другие, но мы легче разрешаем желающим приобщиться к этой знатности, чем трибаллы и луканы — к своему низкому происхождению²⁵. Мы установили многочисленные законы, но очень мало считаемся с ними. Я приведу один пример, из которого вам станет ясно и остальное: у нас положена смертная казнь тому, кто будет уличен в подкупе; однако мы явно повинных в этом людей избираем стратегами и поручаем руководство важнейшими государственными делами человеку, который сумел развратить наибольшее число граждан²⁶. (51) Мы оберегаем наше политическое устройство не меньше, чем безопасность государства в целом, и в то же время, хотя и знаем, что демократия в периоды мира и спокойствия усиливалась и упрочивалась, а во время войны уже дважды была свергнута²⁷, тем не менее враждебно относимся к сторонникам мира, подозревая их в приверженности к олигархии; зато мы благожелательны к зачинщикам войны, полагая, что они пекутся о демократии. (52) Будучи столь искушенными в речах и в политике, мы, однако, действуем так безрассудно, что по-разному решаем одни и те же вопросы в один и тот же день. То, что мы осуждаем до того, как приходим в народное собрание, за это мы голосуем, когда собираемся там, а немного времени спустя, когда уходим оттуда, снова порицаем принятые решения. Претендуя на то, что мы мудрейшие из эллинов, мы избираем себе таких совет-

²⁵ Трибаллы — народ в глубине Фракии. Ср. Isocr. Panath., 227; луканы — народ южной Италии.

²⁶ Намек на Харета, которого обвиняли в подкупе ораторов, особенно Аристофонта, чтобы те выступали за войну.

²⁷ Подразумеваются олигархические перевороты 411 и 404 гг. до н. э.

ников, каких нельзя не презирать, и поручаем руководство общественным делом самым людям, которым никто не доверил бы никакого частного дела. (53) А ужаснее всего то, что людей, которые с полным основанием могут быть признаны негоднейшими из граждан, мы считаем самыми верными хранителями нашего политического строя. В то время как метсков мы оцениваем по тому, каких они себе изберут простатов, сами мы не думаем, что о нас будут судить по нашим руководителям²⁸. (54) Мы очень сильно отличаемся от наших предков, которые ставили руководителями государства и избирали стратегами одних и тех же людей, ибо полагали, что человек, способный дать наилучший совет с трибуны, примет наилучшее решение и когда будет предоставлен самому себе; (55) мы же поступаем как раз наоборот: тех людей, чьи советы мы пользуемся по важнейшим вопросам, мы не считаем возможным выбирать стратегами, словно не доверяя их способностям. А в поход с неограниченными полномочиями²⁹ мы отправляем таких людей, с которыми никто не стал бы советоваться ни о частных, ни о государственных делах, как будто бы они там станут умнее и легче рассудят общезлнинские дела, чем те, которые разрешаются здесь. (56) Я имею в виду не всех наших деятелей, а только тех, кто повинен в том, о чем говорится. Мне не хватило бы оставшейся части дня, если бы я попытался перечислить все ошибки, допущенные в наших государственных делах.

(57) Кто-либо из тех, к кому в первую очередь относятся мои упреки, разгневавшись, спросит, может быть: «Если мы и впрямь имеем столь дурных советников, то почему же мы остаемся неувредимыми и не уступаем в могуществе никакому другому городу?» Я на это ответил бы, что мы имеем противников, которые несколько не благоразумнее нас. (58) Так, если бы фиванцы после сражения, в котором они одержали победу над лакедемонянами³⁰, освободили Пелопоннес, дали автономии остальным элинам и соблюдали бы мир, а мы продолжали бы поступать несправедливо, тогда не пришлось бы этому человеку задать свой вопрос, и мы бы поняли, насколько соблюдать умеренность лучше, чем вмешиваться в чужие дела. (59) Теперь же сложилась такая обстановка, что фиванцы спасают нас, а мы — их, они доставляют нам союзников, а мы — им. Поэтому, если рассуждать здраво, мы и фиванцы должны были бы давать друг другу деньги на народные собрания: ведь кто из нас чаще будет собираться, тот обеспечит лучшее положение своему противнику. (60) Необходимо, чтобы люди даже мало-мальски здравомыслящие свои надежды на спасение возлагали не на ошибки наших врагов, а на собственные действия и собственный разум. Ибо тому благу, которое достается нам благодаря их неразумию, случай может положить конец или принести изменения. То же благо, которого мы добились благодаря самим себе, будет прочным и более продолжительным.

(61) Итак, тем, кто упрекает нас без оснований, возразить нетрудно. Но если кто-либо из настроенных более благожелательно, подойдя ко мне, согласится с тем, что я говорю правду и справедливо порицаю за происходящее, но скажет, что люди, призывающие к благоразумию, должны не только обвинять за содеянное, но и советовать, (62) от чего воздерживаться и к чему стремиться для того,

²⁸ Здесь используется различное употребление слова *простат*: так назывался афинский гражданин, представлявший интересы метека, и в то же время государственный деятель, представлявший (по идее) интересы народа.

²⁹ В этих случаях стратег назывался автократом. Такие полномочия получил Харет, см. Dem. XXIII, 173; ср. Isocr. Antid., 116.

³⁰ Подразумевается битва при Левктрах в 371 г. до н. э.

чтобы прекратились неправильные решения и действия,— вот на такую речь мне было бы трудно дать ответ; трудно не в том смысле, чтобы мой ответ был правдивым и полезным, а в том, чтобы он понравился вам. Тем не менее, поскольку уж я решился говорить без утайки, то мне следует, не колеблясь, высказаться и по этому вопросу.

(63) Я несколько раньше говорил уже о том, чем должны обладать люди для того, чтобы благоденствовать, а именно — благочестием, рассудительностью, справедливостью и прочими добродетелями. А о том, как нам в кратчайший срок научиться этим добродетелям, я скажу сейчас правду, хотя она, вероятно, покажется слушателям странной и сильно отличающейся от общепринятого взгляда. (64) Ибо я полагаю, что мы будем жить в лучшем государстве и сами станем лучшими и преуспеем во всех делах, если перестанем стремиться к владычеству на море. Это владычество привело нас к нынешним неполадкам, уничтожило тот демократический строй³¹, при котором наши предки были счастливейшими из эллинов, оно — причина всех бед, которые мы претерпеваем сами и доставляем другим эллинам. (65) Хорошо понимаю, как трудно человеку, порицающему столь желанное для всех и ставшее предметом борьбы могущество, ожидать терпеливого отношения к своим словам. Тем не менее, поскольку вы уже выдержали и другие мои речи, хоть и правдивые, но неприятные, я прошу вас принять и эту (66) и не счесть меня таким безумцем, который решился бы выступить перед вами со столь необычной постановкой вопросов, если бы не имел, что сказать вам правильного по этому поводу. Напротив, я думаю сделать очевидным для всех, что мы жаждем владычества несправедливого, недостижимого и не способного принести нам пользу.

(67) Что оно несправедливо, я могу показать вам на основании того, что узнал от вас самих. Ведь когда лакедемоняне обладали этим могуществом³², каких только слов мы не расточали, обвиняя их господство, доказывая, что по справедливости эллины должны быть автономными? (68) Какие из значительных городов мы не призывали к участию в созданном для этой цели военном союзе? Сколько посольств отправили к великому царю³³, чтобы внушить ему, что несправедливо и вредно, чтобы один город властвовал над эллинами? И перестали мы воевать и подвергаться опасности на суше и на море не прежде, чем лакедемоняне согласились заключить договор об автономии³⁴. (69) Тогда оказывается, мы считали несправедливым, чтобы более сильные властвовали над более слабыми, да и теперь мы признаем это в установившейся у нас политической системе.

И к тому же я надеюсь вам быстро доказать, что мы не смогли бы установить свое владычество на море, если бы и захотели. Если мы не сумели сохранить его, имея десять тысяч талантов³⁵, то как смогли бы мы приобрести это могущество теперь, когда мы нуждаемся в средствах, и при том, что нравы у нас не те, при каких мы добились власти, а такие, при каких мы ее потеряли? (70) Я по-

³¹ Подразумевается политическая система, установленная Солоном и Клисфеном, которых Исократ высоко ценит. Ср. Агеорag., 20.

³² После 404 г. до н. э., когда победившая в Пелопоннесской войне Спарта стала гегемоном Эллады.

³³ Персидский царь Артаксеркс II (405—359 гг. до н. э.).

³⁴ Анталкидов мир 387 г. до н. э.

³⁵ Ср. § 126, где названа цифра 8 тыс. талантов и речь идет об обмене имуществом (XV), 234; по Фукидиду (II, 13, 3), наибольшая сумма, когда-либо хранившаяся в казне акрополя, составляла 9700 талантов.

лагаю, что вы очень быстро поймете из следующих моих слов, что городу невыгодно принять эту власть, если бы даже нам ее предлагали. Я предпочитаю и об этом сказать вкратце, ибо опасаясь, как бы из-за моих многочисленных упреков не показалось кое-кому, будто я поставил себе за правило чернить наш город.

(71) И действительно, если бы я стал так говорить о государственных делах перед какими-либо другими людьми, я заслужил бы такое обвинение. Но ведь я выступаю с речью перед вами и не стремлюсь оклеветать вас перед другими, но хочу, чтобы вы сами прекратили подобные действия и чтобы наш город и остальные эллины твердо соблюдали мир, которому посвящена вся моя речь. (72) По необходимости и те ораторы, которые увещевают, и те, которые обвиняют, пользуются сходными словами, однако замыслы их как нельзя более противоположны друг другу. Поэтому нам не всегда следует судить одинаково о тех, чьи речи как будто те же самые: тех, кто порицает вас, чтобы принести вред, надо ненавидеть, ибо это люди, враждебные государству; тех же, которые увещевают вас ради вашей же пользы, надо восхвалять и считать наилучшими гражданами; (73) а в особенности того из них, кто способен наиболее ясно показать, какие действия дурны и к каким бедствиям приводят. Ибо такой оратор быстрее всего смог бы добиться, чтобы вы, возненавидев то, что следует ненавидеть, обратились к лучшей политике. Это я хотел сказать вам, чтобы оправдать мою резкость в том, что уже было до сих пор сказано, и в том, что я еще собираюсь сказать. А теперь я снова начну с того, на чем я остановился.

(74) А именно: я говорил, что вы лучше всего убедитесь, сколь невыгодно было для нас приобретение власти на море, если посмотрите, каким был наш город до того, как приобрел эту власть, и каким стал после того, как получил ее. Если вы это мысленно сопоставите, то поймете, причиной скольких несчастий для города она явилась.

(75) Так вот, наше государство тогда было настолько лучше и сильнее, чем стало впоследствии, насколько Аристид, Фемистокл и Мильтиад были лучшими мужами, чем Гипербол³⁶, Клеофонт³⁷ и нынешние ораторы в народном собрании³⁸. Вы убедитесь, что народ в своей политической деятельности тогда не был преисполнен безделья, нужды и пустых надежд, (76) но был в состоянии побеждать в сражениях всех, кто вторглся в нашу страну, удостоивался наград за доблесть в битвах за Элладу, пользовался таким доверием, что большая часть эллинских городов добровольно подчинилась ему. (77) Несмотря на это, морское могущество привело нас к тому, что вместо почитаемого всеми политического строя у нас такая распущенность, за какую ни один человек не стал бы хвалить; граждан же это могущество приучило к тому, что вместо того, чтобы побеждать нападающих на нас, они не осмеливаются даже встретить врагов перед стенами города³⁹. (78) Вместо благоволения к нам союзников и доброй славы среди про-

³⁶ Презрительно говорит о Гиперболе, вожде радикальной демократии после Клеона, и Аристофан (Рах, 681 и сл.); ср. Thuc. VIII, 73.

³⁷ Клеофонт, демократический деятель конца V в. до н.э., в конце Пелопоннесской войны выступал против мира со Спартой. Ср. Arist. Ath. Pol., 34; Isocr. Antid., 316; Aristoph. Ranae, 679.

³⁸ Подразумеваются Аристофонт и Евбул.

³⁹ Намек на политику Перикла в первый период Пелопоннесской войны, когда афиняне отсиживались за Длинными стенами, предоставив Аттику на опустошение спартамцам.

чих эллинов морское могущество вызвало такую ненависть, что наш город едва не подвергся порабощению, если бы только лакедемоняне, которые сначала во-
евали против нас, не проявили больше благосклонности к нам, чем те, которые
были прежде нашими союзниками. (79) Однако несправедливо было бы обви-
нить последних за то, что они оказались враждебны к нам: ведь они стали к нам
так относиться, не нападая, а защищаясь, и лишь после того, как претерпели
много плохого; ибо кто выдержал бы наглость наших отцов, которые, собрав са-
мых бездельных и причастных ко всяким гнусностям людей из всей Эллады и,
заполнив ими триеры, навлекли на себя ненависть эллинов, изгоняя из других го-
родов лучших граждан и распределяя их имущество между негоднейшими из эл-
линов⁴⁰? (80) Однако же если бы я осмелился подробно рассказать о том, что
произошло в те времена, то вас, возможно, заставил бы лучше рассудить нынеш-
нее положение дел, но к себе самому вызвал бы ненависть. Ведь вы обычно не-
годуете не столько против виновников ваших ошибок, сколько против тех, кто
вас порицает за них. (81) И поскольку вы так настроены, я опасюсь, как бы не
вышло, что, пытаясь облагодетельствовать вас, я сам попаду в беду. Тем не ме-
нее я не отступлю полностью от того, что задумал сказать, но, опустив самое не-
приятное и способное вас больше всего уязвить, напомним только о том, что за-
ставит вас понять безрассудство тогдашних руководителей государства. (82) Они
так тщательно придумывали действия, за которые люди вызывают к себе вели-
чайшую ненависть, что провели постановление — деньги, полученные от взносов
союзников, разделить на таланты и вносить на оркестру во время Дионисий, ког-
да театр будет полон⁴¹. И не только это. Они выводили на сцену сыновей граж-
дан, погибших на войне⁴², демонстрируя, с одной стороны, союзникам взыска-
нные с их имущества подати, вносимые на оркестру наемниками, а с другой сто-
роны, — остальным эллинам — множество сирот и бедствия, вызванные таким
своекорыстием. (83) Поступая так, они и сами считали город счастливым, и
многие неразумные люди превозносили его; не имея ни малейшего представле-
ния, что произойдет из-за этого в будущем, они восхищались и восхваляли не-
справедливо приобретенное городом богатство, хотя оно должно было вскоре
загубить и то, которое существовало там по праву. (84) Тогдашние руководители
государства так далеко зашли в пренебрежении к собственным делам и в стрем-
лении к чужому, что стали снаряжать триеры в Сицилию в то время, как лакеде-
моняне вторглись в нашу страну, и уже построено было укрепление в Декелее⁴³;
им не стыдно было видеть, что отечество раздирается и опустошается, а они от-
правляют войско против тех, кто никогда ни в чем не провинился перед нами;
(85) нет, они дошли до такого безрассудства, что задумали установить свою
власть над Италией, Сицилией и Карфагеном, в то время как не владели своими
собственными предместьями. Они настолько превзошли всех людей в своем не-

⁴⁰ Речь идет об изгнании аристократических деятелей и конфискации их имущества. Ср. Thuc. VIII, 21.

⁴¹ Во время Великих Дионисий, справлявшихся в марте, происходили театральные представления, на которых присутствовали представители союзных государств.

⁴² В Афинах дети погибших на войне граждан воспитывались до совершеннолетия за счет государства. Затем их представляли народу, собравшемуся в театре. Ср. Aeschin III, 154.

⁴³ В действительности экспедиция в Сицилию была снаряжена в 415 г. до н. э., до того как спартанцы заняли Декелею (413 г. до н. э.). Однако оратор прав в том, что в Сицилию была в 413 г. отправлена вспомогательная эскадра. Ср. Thuc. VII, 20.

разумии, что других несчастья смиряют и делают благоразумней, а их и несчастья ничему не научили. (86) И это несмотря на то, что во время нашего владычества они испытали больше и более серьезных бедствий, чем когда-либо довелось испытать нашему городу. Двести триер, отплывшие в Египет, погибли вместе с экипажами, у Кипра погибли сто пятьдесят триер; во время Декелийской войны они загубили десять тысяч голплитов из своих граждан и союзников, в Сицилии — сорок тысяч голплитов и двести сорок триер, наконец, двести триер в Геллеспонте. (87) А кто сочтет, сколько загублено эскадр по пять, десять или более того триер, сколько погибло отрядов по тысяче или две тысячи человек? Одно только можно сказать: стало обычным тогда устраивать каждый год публичные погребения, на которые приходили многие наши соседи и другие эллины не для того, чтобы разделить нашу скорбь по усопшим, а чтобы порадоваться нашим несчастьям. (88) В конечном итоге незаметно для самих себя они заполнили общественные могилы трупами сограждан, а фратрии и списки лексиарха — людьми, не имеющими никакого отношения к нашему городу⁴⁴. Об огромном числе погибших можно лучше всего узнать из следующего: мы увидим, что роды самых именитых мужей и самые прославленные дома, которые устояли в период распри при тиранах и во время войн с персами, оказались разоренными при том могуществе, которого мы теперь жаждем. (89) А если бы кто-нибудь пожелал рассмотреть, беря это как бы для примера, что случилось с остальными гражданами, то обнаружилось бы, что мы почти изменили свой состав. Однако же не тот город следует считать счастливым, который набирает себе граждан кое-как из людей всякого рода, а тот, который лучше других сохраняет потомство людей, с самого начала заселивших его; а людей надо восхвалять не тех, кто владеет тиранической властью, не тех, кто приобрел власть большую, чем полагалось, а тех, кто хотя и достоин величайших почестей, но довольствуется теми, какие дарует им народ. (90) Ибо это лучшее, надежнейшее и достойнейшее состояние, которого может добиться как отдельный человек, так и город в целом. Именно такими качествами обладали современники войн с персами, и поэтому они жили не как разбойники, то имеющие излишние средства к жизни, то терпящие величайшие бедствия из-за недостатка в продовольствии и осады; нет, они не испытывали недостатка в продуктах повседневного питания, но и не имели излишков; гордились справедливостью своей политической системы и собственными добродетелями, и жизнь их была более радостной, чем у других эллинов. (91) Люди же следующего поколения пренебрегли этими преимуществами, стали стремиться не к управлению, а к тирании — слова эти как будто имеют одно и то же значение, но в действительности смысл их резко отличен: дело правителей заключается в том, чтобы своими заботами сделать управляемых более счастливыми; в обычае же тиранов трудами и несчастьями других доставлять себе радости. И те, которые действуют подобно тиранам, по необходимости должны подвергнуться таким же несчастьям, как они, и сами испытать то, чему подвергали других. Именно это и случилось с нашим городом. (92) За то, что мы держали гарнизоны в чужих акрополях, мы увидели врагов в своем собственном акрополе; за то, что брали детей заложниками, отрывая их от отцов и матерей, многие наши граждане были вынуждены во время осады хуже, чем следовало, воспитывать и

⁴⁴ Лексиарх — должностное лицо, ведавшее списками граждан, которые велись по демам. Включение в списки фратрии и у лексиарха было формальным признаком полноправного гражданства.

кормить собственных детей. За то, что наши граждане занимались земледелием на территориях других городов, им в течение многих лет не довелось даже увидеть свою собственную землю. (93) Поэтому, если бы кто-либо спросил нас, согласны ли мы уплатить за столь долгое владычество такими бедствиями нашего города, кто из нас согласился бы на это, кроме совершенно потерявшего рассудок, не помышляющего ни о святилищах, ни о родителях, ни о детях, ни о чем другом, кроме как о собственном веке? Но образцом для себя мы должны избрать рассуждения не подобного рода людей, а таких, которые обладают большой предусмотрительностью, чтут добрую славу государства не меньше, чем собственную, и предпочитают скромное существование на основе справедливости большому богатству, добытому несправедливо. (94) Когда наши предки вели себя подобным образом, они передали потомкам государство в процветающем состоянии и оставили бессмертную славу о своей доблести. Отсюда легко можно вывести два заключения: что страна наша способна воспитывать лучших мужей, чем другие государства, и что так называемое могущество является на деле несчастьем, ибо оно таково, что портит всех им обладающих.

(95) Наилучшим доказательством является то, что могущество развратило не только нас, но и государство лакедемонян. Поэтому люди, обычно восхваляющие доблести лакедемонян, не могут привести такого довода, будто наша политика была дурной вследствие наших демократических порядков, а вот если бы лакедемоняне получили такую власть, они добились бы процветания и для себя, и для других. Напротив, когда власть попала в их руки, ее сущность проявилась еще быстрее. Политический строй лакедемонян, который в течение семисот лет никто не увидел поколебленным ни вследствие опасности, ни вследствие бедствий, оказался за короткое время этой власти⁴⁵ потрясенным и почти что уничтоженным.

(96) Вместо установившихся у них обычаев эта власть преисполнила простых граждан несправедливостью, легкомыслием, беззаконием, корыстолюбием, а государство в целом — высокомерием к союзникам, стремлением к захвату чужого, пренебрежением к клятвам и договорам. Лакедемоняне настолько превозмогли нас в преступлении перед эллинами, что добавили к уже существовавшим бедам еще убийства, внутренние распри в городах, чтобы увековечить вражду граждан друг к другу. (97) Они оказались столь склонными к войне и риску, хотя в другие времена вели себя в этом отношении осторожнее других, что не пощадили ни своих союзников, ни своих благодетелей. Хотя царь дал им более пяти тысяч талантов на войну против нас, а хиосцы ревностнее всех союзников сражались вместе с ними на море⁴⁶, (98) и фиванцы значительно усилили их, предоставив им огромное пешее войско, лакедемоняне, как только добились владычества, сразу же стали строить козни фиванцам: против царя отправили Клеарха с войском⁴⁷, на Хиосе изгнали лучших граждан, а триеры вытащили из доков и, уходя, все увели с собой⁴⁸. (99) Однако они не удовлетворились этими проступками. В одно и то же время они опустошили материк, чинили насилия на

⁴⁵ Владычество Спарты в Греции длилось с 404 г. до н. э. (год капитуляции Афин) до 371 г. до н. э. (поражение спартанской армии при Левктрах).

⁴⁶ Хиос отложился от Афин в 412 г. до н. э. и до конца войны сражался на стороне Спарты.

⁴⁷ Речь идет о греческих наемниках, участвовавших в походе Кира против его брата Артаксеркса. Ср. Isocr. Panath., 104; Paneg., 145—149; Phil. 90 и сл.; Diod. XIV, 12.

⁴⁸ Ср. Diod. XIII, 65, 70. Спартанцы помогли хиосской олигархии утвердиться у власти, 600 демократических деятелей подверглись изгнанию.

островах, свергали демократические правительства и насаждали тиранов в Италии и Сицилии⁴⁹, притесняли Пелопоннес, наполнив его распрями и войнами. Против какого только города они не выступили в поход? Перед какими городами не провинились? (100) Разве не отняли они часть территории у элейцев, не опустошали земли коринфян, не расселили жителей Мантинеи, не захватили с помощью осады Флиунт, не вторглись в область Аргоса, и беспрестанно делая зло другим, разве не уготовили самим себе поражение при Левктрах? Те, кто утверждают, будто поражение при Левктрах явилось причиной бедствий для Спарты, не правы. Не за это поражение союзники возненавидели Спарту, но за вызывающее поведение в предшествующий период; оно и было причиной поражения при Левктрах и того, что угрозе подверглась сама Лакония. (101) Причины следует возводить не к бедствиям, случившимся позднее, а к предшествовавшим поступкам, которые и привели их к столь плачевному концу. Поэтому гораздо ближе к истине будет тот, кто сказал бы, что они оказались во власти несчастий тогда, когда сами стали захватывать власть на море. Ведь они приобрели силу, ничуть не сходную с той, какой владели раньше. (102) Благодаря своей гегемонии на суше и выработанной при ней дисциплине и выносливости лакедемоняне овладели и морским могуществом, из-за распушенности же, привитой им этой властью, они вскоре лишились и прежней гегемонии. Они уже не соблюдали законов, которые унаследовали от предков, не придерживались своих прежних нравов, (103) но, возмнив, что могут делать, что им заблагорассудится, оказались в большом смятении. Они не знали, насколько вредна власть, которую все стремятся получить, как она лишает рассудка тех, кто высоко ценит ее, что, по сути, она подобна гетерам, которые заставляют себя любить, но губят тех, кто общается с ними. (104) Ведь с полной очевидностью обнаружилось, что власть производит подобное действие: любой может увидеть, что те, кто пользовались наибольшей властью, начиная с нас и лакедемонян, впали в величайшие бедствия. Эти государства, которые прежде управлялись весьма разумно и имели прекрасную славу, когда достигли власти и получили гегемонию, ничем не отличались друг от друга, но как и подобает тем, кто развращен одними и теми же устремлениями и той же самой болезнью, предприняли одинаковые действия, совершили сходные проступки и в конце концов подверглись одинаковым бедствиям. (105) Когда нас возненавидели союзники и мы были на грани поражения, лакедемоняне спасли нас, а они, когда все хотели погубить их, прибегли к нашей помощи и от нас получили спасение. И как же можно восхвалять эту власть, которая приводит к столь дурному концу? И как не ненавидеть и не избегать ее, которая побудила и заставила оба государства свершить и претерпеть много страшного?

(106) Не следует удивляться ни тому, что в прошлые времена никто не понимал, причиной скольких бед является власть для тех, кто владеет ею, ни тому, что мы и лакедемоняне боролись за нее. Ибо вы обнаружите, что большинство людей при выборе своих действий ошибаются, больше стремятся к дурному, чем к хорошему, и принимают решения более полезные для врагов, чем для них самих. (107) Это можно увидеть и в самых важных делах. Ибо что происходило не так? Разве мы не избирали такой образ действий, в результате которого лакедемоняне стали властвовать над эллинами, а они разве не распорядились так плохо

⁴⁹ Спарта поддерживала экспансионистские устремления сиракузского тирана Дионисия. Ср. Isocr. Paneg., 126; Diod. XIV, 17.

делами, что мы немного лет спустя снова всплыли на поверхность, и от нас стало зависеть их спасение? (108) Разве чрезмерная активность приверженцев Афин не привела к тому, что города стали склоняться к Спарте, а наглость сторонников Спарты не вынудила те же города перейти на сторону Афин? Разве испорченность демократических деятелей не побудила сам народ склониться к олигархии, установившейся в правление Четырехсот⁵⁰. А безумие Тридцати⁵¹ разве не сделало всех нас более ревностными приверженцами демократии, чем те, которые захватили Филу⁵²? (109) Но и на менее значительных фактах и примерах повседневной жизни можно было бы показать, что большинство людей находит удовольствие в пище и образе жизни, которые вредны и для тела, и для души; то, что полезно было бы тому и другой, они считают тягостным и неприятным, а людей, придерживающихся правильного образа жизни,— образцом стойкости. (110) И если, как оказывается, люди избирают худшее для себя в своей повседневной жизни, которая больше заботит их, следует ли удивляться, что они борются между собой за морское могущество, сути которого не понимают и о котором им никогда в жизни не пришлось размышлять? (111) Посмотрите, скольких претендентов имеет утверждающаяся в городах монархическая власть; они готовы что угодно претерпеть, лишь бы заполучить ее. Между тем какие только тяготы и ужасы не связаны с этой властью? Разве люди, овладевшие единоличной властью, не подвергаются сразу же таким бедствиям, (112) что вынуждены вести борьбу со всеми гражданами, ненавидеть даже тех, от кого не претерпели никакого зла, не доверять собственным друзьям и товарищам, возлагать охрану своей безопасности на наемников, которых никогда и не видели; опасаться своей охраны не меньше, чем заговорщиков; столь подозрительно ко всем относиться, что не чувствовать себя в безопасности в присутствии даже ближайших родственников? (113) И это вполне естественно: ведь они знают, что из тиранов, правивших до них, одни были убиты своими родителями, другие — детьми, третьи — братьями, четвертые — женами⁵³ и что род их оказался стертым с лица земли. Все же, несмотря на это, они добровольно обрекают себя на столь большое число несчастий. И если люди выдающиеся, обладающие величайшей славой, сами навлекают на себя столько бед, следует ли удивляться, когда обыкновенные люди устремляются к другим подобным же бедам? (114) Я хорошо знаю, что вы согласны с тем, что я говорю о тиранах, но вам неприятно слушать мои суждения о морском могуществе. Вы проявляете самое постыдное легкомыслие: то, что вы видите в других, этого вы не замечаете в себе. Между тем немаловажным призна-

⁵⁰ Правление Четырехсот установилось в Афинах в 411 г. до н. э. вовсе не по доброй воле афинского демоса и вскоре было свергнуто.

⁵¹ Подразумеваются так называемые 30 тиранов, захватившие власть после поражения Афин в Пелопоннесской войне. Об их злоупотреблениях ср. Isocr. *Ageorag.*, 66 и сл.

⁵² Афинские демократы, бежавшие от террора 30 тиранов, захватили крепость Филу на границе Аттики с Беотией и оттуда развернули военные действия, приведшие к падению тирании.

⁵³ Кровавая борьба за власть характерна в это время, например, для фессалийского города Феры. После смерти тирана Ясона один из его братьев, Полифрон, убив другого брата, Полидора, утвердился у власти (370 г. до н. э.). Полифрон, в свою очередь, был убит сыном Полидора Александром (369 г. до н. э.). Прославившийся своей жестокостью Александр пал в 358 г. до н. э. от руки братьев своей жены при активном ее участии. Убийства претендентов на царскую власть имели место и в Македонии IV в. до н. э. Ср. *Plut. Pelop.*, 27—29, 35.

ком, по которому распознается здравомыслие людей, является одинаковый подход к суждению о действиях одного и того же порядка. (115) Но вам нет до этого никакого дела: власть тиранов вы считаете тягостной и вредной не только для других людей, но и для самих ее носителей, а морское могущество, которое ни по своим деяниям, ни по вызванным им бедствиям ничем не отличается от единоличной власти, вы почитаете величайшим благом. Вы полагаете, что фиванцы оказались в бедственном положении из-за того, что притесняют своих соседей⁵⁴, сами же обращаетесь с союзниками несколько не лучше, чем они с Беотией, но считаете при этом, что поступаете должным образом.

(116) Если бы вы послушали меня, то перестали бы принимать совершенно необдуманные решения и обратили бы внимание на самих себя, на наш город, с тем чтобы обсудить и рассмотреть, в силу каких действий два этих города — я имею в виду наш и лакедмонян, — малозначимые вначале, достигли владычества над эллинами, а когда захватили огромную власть, сами подверглись угрозе порабощения; (117) в силу каких причин фессалийцы, получившие в удел огромные богатства, владея обширной и плодородной землей, впали в бедность, а мегаряне, у которых вначале были малые и скудные ресурсы, не имевшие ни земли, ни гаваней, ни серебряных рудников, возделывавшие скалистую почву, приобрели величайшие среди эллинов состояния. (118) И хотя у фессалийцев было более трех тысяч всадников и бесчисленное множество пельтастов⁵⁵, их акрополи захватывают то одни, то другие⁵⁶, мегаряне же, располагая небольшими силами, всегда распоряжаются своей страной по своему усмотрению. А кроме того, фессалийцы постоянно воюют между собой, а мегаряне, хотя и живут между пелопоннесцами с одной стороны, фиванцами и нашим городом — с другой, постоянно пребывают в состоянии мира. (119) Если вы сами обстоятельно рассмотрите эти и подобные им факты, то увидите, что невоздержанность и наглость являются причиной несчастий, а умеренность — благ. Вы одобряете умеренность в отдельных людях и полагаете, что те, кто проявляют ее, живут всего безопаснее и являются лучшими из граждан; но вы не думаете, что таким же образом должно вести себя и наше государство. (120) Между тем государствам гораздо больше следует проявлять добродетель и избегать преступлений, чем простым людям; ведь человек дурной и нечестивый может умереть раньше, чем поплатится за свои проступки; государства же вследствие того, что они бессмертны, всегда несут наказания и от людей, и от богов. (121) Учитывая все это, вам не следует прислушиваться к тем, которые утешают вас теперь, но несколько не заботятся о будущем и, утверждая, что любят народ, губят при этом государство в целом. И в прежние времена, когда подобным людям удавалось завладеть ораторской трибуной, они доводили город до такого безумия, что он претерпел все, о чем я только что говорил. (122) Но удивительнее всего, что вы выдвигаете в качестве вождей народа не таких людей, которые мыслят так же, как те, кто добился величия нашего государства, а подобных — и на словах, и на деле — тем, которые погубили его. Однако же вы знаете, что хорошие руководители отличаются от дурных не только тем, что добиваются благоденствия государства, (123) но и тем, что при первых демократический строй в течение многих лет не подвергался

⁵⁴ Фиванцы в 373 г. до н. э. разрушили Платеи, уцелевшие жители бежали в Афины.

⁵⁵ Ср. Xen. Hell., VI, 1, 19.

⁵⁶ Боровшиеся между собой фессалийские города часто призывали на помощь то Македонию, то Фивы, которые использовали это для укрепления своего влияния в этой области. Ср. Plut. Pelop., 26 и сл.

изменениям и не свергался⁵⁷, а при последних за короткое время уже дважды был уничтожен; знаете и то, что изгнанные при тиранах и при Тридцати, вернулись не с помощью сикофантов⁵⁸, а благодаря людям, которые ненавидят подобных лиц и пользуются величайшим уважением за свою порядочность. (124) Несмотря на то что сохранилось столько воспоминаний, в каком состоянии было государство как при хороших, так и при дурных руководителях, мы так благосклонны к испорченности наших ораторов, что, даже видя, как из-за вызванных ими войн и распрей сами они из бедняков стали богатыми, а из остальных граждан многие лишились даже отцовского наследия, мы не сердимся и не возмущаемся их благоденствием; (125) нет, мы миримся с тем, что наш город обвиняют за то, что он притесняет эллинов и изымает с них дань, а они наживаются на этом, что наш народ, который, по их словам, должен властвовать над другими, на деле оказался в худшем положении, чем те, кто рабски повинуются олигархиям; а эти люди, у которых не было ничего за душой, благодаря нашему безрассудству поднялись из убожества до благосостояния. (126) Однако же Перикл, который ранее их был вождем народа и возглавлял государство,— тогда благоразумия было, правда, меньше, чем перед захватом морского могущества, но политическая линия еще была сносной — не стал стремиться к личному обогащению; нет, он оставил после себя состояние меньшее, чем унаследовал от отца, зато на акрополь внес восемь тысяч талантов, не считая священных денег⁵⁹. (127) Нынешние же руководители настолько отличны от Перикла, что дерзают говорить, будто из-за заботы о государственных делах не могут уделять внимания собственным, а в действительности эти якобы находящиеся у них в пренебрежении дела принесли им такие прибыли, о каких они прежде даже богов не смели молить; а народ наш, о котором они, по их словам, пекутся, оказался в таком положении, что никто из граждан не живет легко и радостно, и город полон стенаний. (128) Одни вынуждены перечислять самим себе свои лишения и недостатки и оплакивать их, другие жалуются на множество возлагаемых на них поручений и литургий, на неприятности, связанные с симмориями⁶⁰ и процессами об обмене имущества⁶¹: последние доставляют столько огорчений, что жизнь состоятельных людей оказывается плачевнее жизни тех, кто пребывает в постоянной нужде. (129) Меня удивляет, если вы не способны понять, что нет более зловерной для народа породы людей, чем бесчестные ораторы и демагоги. Они больше всего хотят, чтобы вы,

⁵⁷ От реформ Клисфена в конце VI в. до н. э. до олигархического переворота 411 г. до н. э.

⁵⁸ Профессиональные доносчики, вымогавшие деньги с помощью шантажа. Известны в Афинах с конца V в. до н. э. Ср. Aristoph. Plut., 850 и сл.; Lys. XXV, 3; Исократ называет так ненавистных ему демагогов.

⁵⁹ Кроме государственной казны на Акрополе хранились средства, принадлежавшие богам, прежде всего Афине. Они представляли резерв, к которому обращались в случае нужды, но с обязательным возвратом.

⁶⁰ Симмории в Афинах IV в. объединяли богатых граждан, привлекавшихся к триерархии; кроме того, существовали симмории, между которыми распределялся чрезвычайный военный налог — *эйсфора*. Симмориям посвящена специальная речь Демосфена (XIV), предлагавшего реформировать их.

⁶¹ Если богатый афинянин считал, что его привлекли к дорогостоящей литургии несправедливо, он мог предложить вместо себя другого кандидата, а в случае отказа последнего поставить вопрос об обмене с ним имуществом. Ср. Isocr. Antid., 145.

в дополнение ко всем прочим горестям, терпели недостаток в предметах первой необходимости, ибо они видят, что люди, которые в состоянии удовлетворить свои нужды из собственных средств, стоят на стороне государства и тех, кто дает ему наилучшие советы; (130) те же люди, которые живут от доходов, получаемых ими в дикастериях и народных собраниях⁶², поневоле в силу нужды идут на поводу у бесчестных демагогов и весьма признательны за возникающие благодаря последним судебные преследования, процессы и ложные доносы. (131) Поэтому им доставило бы величайшую радость увидеть всех граждан в таких стесненных обстоятельствах, какие обеспечивают им владычество. Наилучшее тому доказательство: они заботятся не о том, как доставить нуждающимся средства к жизни, но о том, чтобы и тех, кого считают мало-мальски обеспеченными, низвести до уровня бедняков. (132) Какое же может быть избавление от нынешних наших несчастий? Об этом я больше всего говорил, правда, не в одном каком-либо месте, а каждый раз, когда для этого был подходящий повод. Пожалуй, нам легче будет вспомнить, если я попытаюсь снова повторить наиболее существенное, сведя все воедино. (133) Средства, с помощью которых можно было бы исправить и улучшить положение нашего города, следующие: во-первых, если мы советниками в государственных делах сделаем таких людей, каких мы хотели бы иметь советниками в наших частных делах, и перестанем считать сикофантов сторонниками демократии, а людей почтенных и добропорядочных — приверженцами олигархии. Мы должны усвоить, что никто не является демократом или олигархом по природе, а каждый хочет, чтобы утвердился такой политический строй, при котором он будет занимать почетное положение.

(134) Во-вторых, если мы согласимся обращаться с союзниками как с друзьями, и не будем на словах предоставлять им автономию, а на деле позволять стратегам поступать с союзными городами как им заблагорассудится⁶³; если мы будем руководить не как деспоты, а как союзники, поняв, что мы сильнее каждого из греческих городов в отдельности, но слабее всех их вместе. (135) В-третьих, если вы превыше всего — разумеется, после благочестия к богам — будете ставить свою добрую славу среди эллинов. Тем, кто так к ним относится, они добровольно вручают и владычество, и гегемонию.

(136) Если бы вы последовали моим советам, а кроме того, свою воинственность проявляли в учениях и приготовлениях, а миролюбие — в том, чтобы ничего не делать вопреки справедливости, вы добились бы процветания не только нашего города, но и всех эллинов. (137) Ибо ни один другой город не осмелится притеснять их. Напротив, когда они увидят, что наше могущество стоит на страже и наготове для помощи притесняемым, они будут бояться и соблюдать полное спокойствие. Впрочем, как бы эти другие города ни поступали, наше положение будет хорошим и выгодным. (138) Так, если другие сильные государства решат воздерживаться от несправедливых действий, заслугу за эти блага припишут нам. Если же они попытаются совершать несправедливости, все, кто боятся и терпят от них зло, прибегнут к нашей помощи с бесчисленными мольбами и просьбами, вручая нам не только гегемонию, но и самих себя. (139) Так что у нас

⁶² За присутственный день в суде и в Народном собрании афинские граждане в IV в. до н. э. получали небольшую плату. Ср. Isocr. Areopag., 24, 54; Antid., 314; Aristoph. Vespaе, 300 и сл.

⁶³ Исократ, по-видимому, намекает на действия афинского стратега Харета, который отличался грубым и бесцеремонным обращением с союзниками.

не только не будет недостатка в людях, с помощью которых можно будет пресечь обидчиков, но мы приобретем множество союзников, готовых ревностно сражаться вместе с нами. Какой только город или какой человек не захотят быть с нами в дружбе и союзе, когда увидят, что мы в одно и то же время и справедливей всех, и обладаем величайшим могуществом; что мы хотим и можем спасти других, а сами ни в какой помощи не нуждаемся? (140) Каких только успехов не добьется наш город при таком благоволении к нам других эллинов? Сколько богатств притечет к нам, когда мы станем спасителями Эллады? Кто не будет восхвалять нас — виновников стольких великих благ? (141) Однако же из-за преклонного возраста я не в состоянии охватить в своей речи все то, что представляется моему разумению; скажу только одно: в обстановке несправедливостей и безумств, совершаемых другими, великое дело — первыми проявить благоразумие, выступить в защиту свободы эллинов, получить наименование не губителей, а спасителей их, прославиться своей добродетелью и приобрести такую же добрую славу, какая была у наших предков.

(142) Мне остается сказать о самом главном, к чему направлено все сказанное до сих пор. Исходя из этого надо оценивать действия нашего государства. Если мы хотим покончить с нашей нынешней дурной славой, мы должны прекратить бесцельные войны, на вечные времена получить для нашего города гегемонию, стать враждебными к любой тиранической власти и олигархии, памятуя, какие бедствия связаны с ними, и избрать в качестве образца для подражания лакедемонских царей. (143) У них, правда, меньше возможностей совершить несправедливость, чем у простых граждан⁶⁴, но жизнь их намного счастливее, чем у обладателей тиранической власти; ведь люди, убившие тиранов, получают от своих сограждан величайшую награду⁶⁵, а в Спарте те, которые не решаются умереть в сражении за своих царей, подвергаются большому бесчестью, чем покинувшие место в строю и бросившие щит⁶⁶. (144) Подобная гегемония заслуживает того, чтобы к ней стремиться. От наших собственных действий зависит, удостоимся ли мы у эллинов тех же почестей, какие спартанские цари получают от своих граждан; это произойдет, если эллины убедятся, что наше могущество является источником не порабощения, а спасения их.

(145) Можно еще много и хорошо говорить на эту тему, но два обстоятельства побуждают меня прекратить свое выступление: длина моей речи и мои годы. Я прошу и призываю тех, кто моложе меня и имеет больше сил, произносить и писать такие речи, чтобы склонить с их помощью наиболее сильные греческие государства, привыкшие причинять зло остальным, обратиться к добродетели и справедливости. А в обстановке процветания Эллады лучше условия и для учебных занятий.

---

⁶⁴ Подразумевается, по-видимому, подконтрольность спартанских царей эфорам. О царской власти в Спарте ср. Herod. IV, 56—58.

⁶⁵ Так, например, в Афинах потомки «тираноубийц» Гармодия и Аристогитона пользовались особыми почестями.

⁶⁶ Бросить щит на поле боя считалось величайшим позором для греческого воина. В Афинах виновному грозила потеря политических прав.

Исократ АРЕОПАГИТИК

Перевод и комментарии К. М. Колобовой

Содержание, составленное анонимным грамматиком

В этой речи Исократ советует, чтобы члены Ареопага приобрели вновь прежнюю власть, которая прежде, так сказать, распоряжалась всеми делами города. А утратили они ее по следующей причине: некий Эфиальт и Фемистокл, задолжав деньги городу и зная, что если будут судить члены Ареопага, то им пришлось бы вернуть долг полностью, склонили граждан лишить Ареопагитов власти, поскольку тогда никому больше не придется подвергаться суду (Ареопага). (Аристотель говорит в «Афинской Политии» [XXV], что Фемистокл также был зачинщиком того, чтобы Ареопагиты перестали судить по всем делам), поступая так, как бы из-за Ареопагитов, а на деле устраивая все по названной причине. Тогда афиняне, охотно выслушав такой совет, лишили Ареопагитов власти. Таково содержание речи. Основа речи — фактическая. Главное же в речи — польза. Речь была написана в начале времени [правления] Филиппа, как это показывает ее содержание.

(1) Многие из вас, полагаю я, спрашивают себя, — какую именно цель я преследую, выступая здесь перед вами с речью об общественной безопасности¹, словно над нашим государством нависла угроза или положение его пошатнулось. В действительности же Афины владеют более чем двумястами триер², наслаждаются миром на всей своей территории и сохраняют власть на море³. (2) Кроме того, мы имеем многочисленных союзников, готовых в случае нужды прийти к нам на помощь, а еще больше таких, которые платят подать⁴ и выполняют наши приказания. При таких обстоятельствах можно было бы утверждать, что у нас есть все основания чувствовать себя в безопасности, а нашим врагам следовало бы бояться и заботиться о своем спасении.

¹ В подлиннике: *περὶ σωτηρίας τῆν πόλιν καὶ τὴν πλοῦσαν* (ср. § 3, 15, 84) — установившееся выражение для обозначения особой формы выступления оратора перед Народным собранием или в Совете 500: оратор должен был заранее точно определить основную тему своей речи в письменном обращении к пританам, которые, в свою очередь, должны были оповестить граждан о теме, которая будет обсуждаться на очередном Народном собрании. Исократ придает своей речи, написанной для чтения, форму устного выступления на таком собрании, определяя ее содержание как выступление.

² Имеется в виду объединенный флот Второго Афинского морского союза, созданного в 378 г. до н. э.

³ Этим доводом пользовался оратор и политический деятель Аристофон из д. Азении, выступая против заключения Филократова мира. Ср. Феопомп у Дидима (Didym. Comm. ad. Demosth., Col., VIII, 59 и сл.).

⁴ Во Втором Афинском морском союзе ненавистное союзникам слово *φόρος* было заменено словом *συνταξίς*, так как с представлением о *φορῶσι* были связаны тяжелые воспоминания о Первом Афинском морском союзе.

(3) Я знаю, что теперь, руководствуясь этими соображениями и пренебрегая моим выступлением, вы надеетесь при помощи такого могущества удержать под своим контролем всю Элладу. Я же обеспокоен, и как раз по тем же самым причинам. Ибо, по моим наблюдениям, города, считающие свое положение наилучшим, обычно принимают наихудшие решения, а наиболее уверенные в себе чаще всего вовлекаются в величайшие опасности. (4) Причина этого в том, что ни добро, ни зло никогда не приходит к людям само по себе. Обычно богатство⁵ и могущество сопровождаются безрассудством и своеволием, а бедность и скромность сочетаются с благоразумием и умеренностью. (5) Таким образом, трудно решить, что из этого следовало бы предпочесть, чтобы оставить в наследство нашим детям. Ибо мы видим, как при участии, казавшейся худшей, совершаются дела, ведущие к наилучшему положению, а та участь, которая казалась наилучшей, становится причиной резких изменений к худшему. (6) Я мог бы привести бесчисленные примеры из жизни частных лиц, чьи дела особенно подвержены частым переменам; но случаи более важные и лучше известные моим слушателям относятся к событиям, происходившим у афинян и лакедемонян. После разрушения нашего города варварами, понуждаемые страхом перед будущим и обратив пристальное внимание на наши дела, мы возглавили эллинов; когда же мы считали себя непрезодолимыми, мы едва избежали поражения. (7) И лакедемоняне, некогда вышедшие из ничтожных и бедных городов, овладели всем Пелопоннесом, но, возгордившись сверх меры и захватив власть на суше и на море, подверглись тем же опасностям, что и мы⁶.

(8) Безумен тот, кто, зная о столь больших переменах и о таком быстром впадении в ничтожество столь великой мощи, тем не менее доверяет нынешнему состоянию дел, особенно теперь, когда положение нашего города стало значительно хуже, чем в прежние времена. Снова ожили ненависть к нам среди эллинов и враждебность к царю, обстоятельства, которые заставили нас тогда⁷ проиграть войну.

(9) Мне трудно решить, следует ли полагать, что вы совершенно не заботитесь об общественных делах или дошли до такой потери всякого чувства, что не замечаете, в каком смятении находится наш город. А вы похожи именно на таких людей, ведь вы потеряли все города во Фракии, бесцельно истратили более тысячи талантов на наемников⁸, (10) возбудили недоброжелательность к себе эллинов и враждебность варваров. Мало этого, вы вынуждены еще и спасать фиванских друзей⁹ ценой потери наших собственных союзников¹⁰. При таких обстоятельствах вы дважды приносите благодарственные жертвы за благо-

---

⁵ Мысль о богатстве как причине упадка часто встречается в моральных и философских трактатах древних; мысль, что чрезмерное богатство пагубно, встречается уже у Солона (фр. 8) и у Геродота (VII, 102).

⁶ Могущество Спарты длилось с 404 г. (конец Пелопоннесской войны) до 371 г. до н. э. (поражение при Левктрах); тогда афиняне оказали им поддержку. Ср. Isocr. Phil., 44.

⁷ Имеется в виду поражение афинян в Пелопоннесской войне.

⁸ Во время Союзнической войны.

⁹ Подразумеваются мессенцы. Демосфен упоминает о клятве афинян оказывать помощь Мессении в случае агрессии спартанцев. Ср. Dem. XVI, 9.

¹⁰ После окончания Союзнической войны Хиос, Византий и Родос отпали от афинян.

приятные известия¹¹ и обсуждаете наши дела с легкомыслием, подобающим лишь тому, у кого все обстоит как нельзя лучше.

(11) Впрочем, совершенно естественно, что мы так поступаем и так расплачиваемся за это: ибо ничто не может произойти надлежащим образом у тех, кто заранее не принимает правильных решений об управлении своим государством. Даже если эти люди и достигнут успеха в некоторых предприятиях по случайной случайности или благодаря доблести какого-либо мужа¹², то вскоре они снова испытывают те же затруднения, как это и видно из событий нашего прошлого. (12) Даже после того, как наш город утвердил свою власть над всей Элладой, после морской победы Конона и похода Тимофея¹³ мы не сумели хотя бы на время удержать наше счастье; мы быстро утратили и разрушили его. Ибо у нас нет политики, которая могла бы заниматься нашими делами как должно. Мы даже не прилагаем никаких усилий, чтобы создать ее надлежащим образом. (13) Разве мы не знаем, что успех приходит и остается не у тех, кто возводит вокруг себя самые красивые и крепкие стены или собирает наибольшее количество людей в одно и то же место, но у тех, кто лучше и рассудительнее других управляет своим городом. (14) Политика — душа города. Она имеет над городом такую же власть, как разум над телом. Она думает обо всем, сохраняет все полезное и избегает того, что приносит беду. Это ей служат и законы, и ораторы, и рядовые граждане; и каждый из них поступает хорошо или плохо в зависимости от своей политики. (15) А нас ничуть не заботит, что наша политика извращена. Мы и не думаем искать средства к ее исправлению. Вместо этого, сидя по лавкам ремесленников, мы осуждаем теперешние порядки и сетуем на то, что никогда еще при демократии нами не управляли хуже, чем теперь. На самом же деле в поступках и в образе мыслей, которых мы придерживаемся, мы любим нынешнюю политику больше завещанной нам предками. Вот именно в защиту последней я и намереваюсь говорить, и ради этого я испросил разрешение у пританов. (16) Я твердо убежден, что лишь эта политика смогла бы не только отвести грядущие опасности, но и освободить нас от бедствий нашего времени, если бы мы захотели снова вернуться к той демократии, которую установил Солон, самый демократичный из законодателей, и вновь восстановил в ее первоначальном виде Клисфен, изгнавший тиранов и вернувший власть народу. (17) Мы не могли бы найти другую политику, более демократичную и более полезную всему городу. И вот доказательство наиболее убедительное: при этой политике люди совершили множество великих и прекрасных подвигов, заслужили славу у всего человечества и с общего согласия эллинов стали гегемонами Эллады; те же, кто был приверженцем нынешнего строя, возбудили у всех ненависть к себе, испытали много несчастий и лишь с трудом избегли величайших бедствий. (18) Возможно ли восхвалять и даже любить тот строй, который и прежде причинил

¹¹ Одно из таких жертвоприношений имело место за победу в 355 г. до н. э., когда отпавший от царя Артаксеркса III Оха сатрап Артабаз призвал на помощь Хареса, в результате чего войско царя потерпело поражение. Щедро вознагражденный сатрапом, Харес послал в Афины 300 жертвенных быков. Ср. Diod. XVI, 22, 2; Dem. XIV (речь, характеризующая обстановку нарастающей военной угрозы со стороны персов).

¹² Намек на походы Конона и его сына Тимофея, ученика Исократ. Ср. Isocr. Paneg., 142, 154; Phil., 61—64; Antid., 107 и сл.

¹³ В интересах доказательства основной темы Исократ упрощает хронологию, опуская почти весь промежуток между победой Конона при Книде (394 г. до н. э.), морскими операциями Тимофея (375—373 гг. до н. э. ср. Isocr. Antid., 108—113) и Союзнической войной.

нам много зла, и теперь с каждым годом становится все хуже? Разве мы не должны бояться, что, если так пойдет дальше, мы в конце концов потерпим полное крушение, встретив опасности еще большие, чем те, которые угрожали нам в прежние времена.

(19) А чтобы вы могли сделать выбор между этими двумя политиями, подробно ознакомившись с обеими, а не ограничиваясь общими выслушанными вами соображениями, вам нужно отнестись внимательно к тому, о чем я говорю; я же, со своей стороны, постараюсь как можно короче изложить основные характерные черты каждой из политий.

(20) Люди, управлявшие в то время городом, установили политику не такую, которая на словах называлась бы самой мягкой и направленной на всеобщее благо, а в действительности для людей, имеющих с ней дело, оказывалась бы совершенно другой. И не так воспитывала эта политика граждан, чтобы они считали распушенность — демократией, противозаконие — свободой, невоздержанность на язык — равенством, а возможность делать все что вздумается — счастьем. Таких она не терпела и наказывала и тем самым добивалась того, чтобы граждане становились добродетельнее и рассудительнее. (21) Наиболее же содействовало хорошему управлению городом то, что существовали две признанные формы равенства. Одна из них предоставляла всем одинаковые права, другая воздавала каждому должное. Хорошо понимая, какая из них была более полезной, наши предки отвергали как несправедливое то равенство, которое требовало одних и тех же почестей для хороших и дурных, (22) они предпочли ту, которая оценивает и наказывает каждого по его заслугам. Положив это в основу управления городом, они не замещали должностей по жребию из всех граждан, но отбирали¹⁴ лучших и наиболее способных к тому или другому виду государственной деятельности. Ибо они надеялись, что и все остальные будут вести себя так, как и руководящие делами государства. (23) Такой отбор они считали более демократичным, чем выборы по жребию. Ведь при жребии все решает случайность, и высшие должности часто могут получить сторонники олигархии, тогда как при отборе добродетельных кандидатов народ получит полную возможность избирать людей, наиболее преданных существующей политике.

(24) И вот причина, почему это нравилось большинству и почему при замещении должностей не возникало борьбы: граждане были приучены к труду и бережливости; они не оставляли в пренебрежении свое имущество, злоумышляя против чужого, не поправляли своих дел за счет общественного достояния¹⁵, а в случае нужды оказывали помощь государству из своих собственных средств; они не подсчитывали заранее и точно доходов от общественных обязанностей, зато хорошо знали размер прибыли от своего личного имущества. (25) Они никогда не прикасались к тому, что принадлежало государству, и поэтому в те времена было труднее найти желающих управлять, чем теперь встретить человека,

¹⁴ Предварительное установление списка кандидатов на избрание некоторые приписывали конституции Солона (ср. Arist. Ath. Pol., 8, 1); в Панафинейской речи Исократ относит эту форму избрания к досолоновскому времени (ср. Panath., 145).

¹⁵ Здесь речь идет об оплате не только магистратов, но и граждан за участие в заседаниях суда, в народных собраниях и т. д. Ср. Isocr. De Pace, 120; Arist. Ath. Pol., 24, 62.

который не стремился бы к этому; они считали заботу об общественных делах служением народу, а не средством получения личных доходов. С самого первого дня вступления в должность они не искали источников дохода, пропущенных их предшественниками, но прежде всего думали о том, не осталось ли забытым какое-либо дело, требующее срочного завершения. (26) Короче говоря, наши предки ясно понимали, что народ, подобно тирану, должен назначать представителей власти, карать провинившихся и выносить решения по спорным вопросам; а люди, располагающие достаточными средствами к жизни, должны посвятить себя заботам об общественных делах как слуги народа. Ибо проявляя справедливость, они достойны похвалы и вправе дорожить этой почестью; (27) при плохом же управлении они не заслуживают никакого снисхождения и подвергаются самым суровым наказаниям. Кто бы мог найти демократию, более надежную и более справедливую, чем та, которая выдвигает на занятия общественными делами людей наиболее способных и в то же время сохраняет за народом высшую власть над ними?

(28) Таково было устройство их политики. Из этого видно, что и в повседневной жизни они всегда поступали справедливо и согласно закону. Ибо когда народ создает такие прекрасные принципы поведения в делах государственных, то и частная жизнь неизбежно отражает характер его общественного строя. (29) Прежде всего об их поведении по отношению к богам, ибо именно с этого будет справедливо начать; и в служении богам, и в проведении жертвоприношений и празднеств наши предки не были так непостоянны и беспорядочны. В торжественных процессиях они не приводили к алтарю по триста быков, когда им это вздумается; но они и не пропускали жертвоприношений, установленных отцами. А когда устанавливались дополнительные празднества с угощениями, они не стремились к такому расточительному великолепию, какое заставляло отдавать по дешевке с торгов отправленные самых священных обрядов; (30) наши отцы строго следили, чтобы отечественные обычаи оставались неприкосновенными и не допускали каких-либо добавлений сверх установленного. Не в расточительстве видели они благочестие, но в сохранении неприкосновенности обрядов, переданных им предками. Поэтому и боги не посылали им ничего, что могло бы навлечь беду или вызвать ужас. И посев и сбор урожая всегда происходили в свое время.

(31) Таковы же были и их отношения друг с другом. Они придерживались одного и того же мнения относительно общественных дел, а в своей частной жизни оказывали друг другу внимание, какое подобает людям рассудительным и принимающим участие в жизни отечества; неимущие в то время никогда не завидовали более состоятельным. (32) Они заботились о знатных семьях, как о своих собственных, считая, что от богатых зависит и их собственное благополучие. А люди состоятельные не только не относились свысока к находящимся в стесненном положении, но считали самую бедность среди граждан позором для себя и помогали нуждающимся, предоставляя им за умеренную плату обрабатывать землю¹⁶, посылая их в торговые плавания или предоставляя средства для каких-либо других занятий. (33) Они не боялись потерпеть от этого какой-либо ущерб — или потерять все, или после больших хлопот вернуть лишь часть от-

¹⁶ Исократ, естественно, полагает, что арендаторы уплачивали собственникам земли не 5/6, а 1/6 урожая.

данной суммы. Напротив, они были уверены в сохранности выданной суммы так же, как денег, лежащих в их собственном доме. Ведь они видели, что судьи, выносящие решения по торговым сделкам, не руководствовались снисходительностью, но повиновались законам; (34) да и при ведении других процессов они не подготавливали для себя возможности совершать преступления. Они возмущались злостными должниками сильнее, чем сами потерпевшие, ибо считали, что нарушители договоров наносят значительно больший вред бедным, чем богатым. Ведь если люди состоятельные прекратят предоставление займов, они лишатся только незначительных доходов, бедняки же, лишенные материальной помощи, дойдут до полного разорения. (35) Благодаря такому взаимному доверию никто не скрывал своего имущества и не уклонялся от предоставления ссуды; наоборот, богатые охотнее отдавали деньги, чем получали их обратно. Таким образом, и те и другие обоюдно достигали того, к чему и следует стремиться всем разумным людям; ибо они оказывали помощь согражданам, а в то же время и свое имущество пускали в оборот. Ведь главная причина их дружественного общения заключалась в прочном владении имуществом законными собственниками и одновременно предоставлением пользования им всем нуждающимся гражданам.

(36) Может быть, некоторые отнесутся с порицанием к тому, что я хвалю образ действия тех времен, но не указываю причин, вследствие которых наши предки так хорошо управлялись как со своими частными, так и с государственными делами. Хотя я уже в какой-то степени коснулся этого вопроса, но попытаюсь теперь сказать о нем яснее и подробнее. (37) В те времена афиняне не имели множества надзирателей в годы юности, а достигнув совершеннолетия, не получали права делать все, что им вздумается. Напротив, достигая полного расцвета, они подвергались значительно более строгому надзору, чем в детстве. Наши предки придавали такое большое значение нравственным качествам, что поручили наблюдение за благопристойностью граждан совету Ареопага¹⁷, членами которого могли быть только люди знатного происхождения, показавшие своей жизнью пример высокой доблести и безупречной нравственности. Естественно поэтому, что он превосходил все другие советы Эллады.

(38) Чтобы судить об установлениях того времени, можно воспользоваться примерами наших дней. Еще и теперь вследствие пренебрежения к делам, касающимся выбора и докимасии должностных лиц мы можем видеть, что люди, невыносимые во всех остальных делах, становясь членами Ареопага, не решаются больше следовать своей истинной природе и подчиняются установлениям закона более, чем собственным порокам. Такой великий страх внушили дурным людям наши предки, и такой великий памятник оставили они здесь своей добродетели и мудрости.

(39) Именно такому Совету, как было уже сказано, наши предки поручили заботиться о строгом порядке. Этот Совет считал невеждами тех, кто думал, что лучшие люди рождаются в городах, законы которых наиболее точно составлены. Если бы это было так, то в любом случае ничто не препятствовало бы всем эллинам стать совершенно одинаковыми, перенимая друг у друга писанные законы. (40) Однако добродетель возрастает не на основании законов, а путем еже-

---

¹⁷ Такое же наблюдение за нравственностью граждан со стороны Ареопага отмечено Аристотелем (Ath. Pol., 3, 6; 8, 4).

дневных упражнений; большинство людей воспринимает те нравы и обычаи, в которых каждый из них воспитан. Многочисленные и точно составленные законы служат признаком плохой организации города: только чтобы ставить преграды преступлениям вынужден город создавать многочисленные законы. (41) На самом же деле гражданам, живущим при правильно организованном строе, нужно не заполнять текстами законов портики, а хранить справедливость в своей душе: ведь не от народных постановлений, но от нравственных добродетелей зависит хорошее состояние государства. Дурно воспитанные люди не останавливаются перед нарушением законов, хотя бы и написанных с наибольшей точностью, тогда как хорошо воспитанные пожелали бы соблюдать даже самое простое законодательство. (42) Придерживаясь такого образа мыслей, члены Совета заботились прежде всего не о средствах наказания для нарушителей законов, а о создании таких условий, при которых граждане не совершали бы ничего, достойного наказания. Это они считали своим долгом, усердствовать же в мыслях о наказаниях они предоставляли врагам.

(43) Они заботились так обо всех гражданах, но больше всего — о молодых. Ведь они видели, что в этом возрасте люди особенно неустойчивы по своему характеру и обуреваемы различными страстями. Души их поэтому более всего нуждаются в укрощении приверженностью к благородным занятиям и трудам, доставляющим радость. Только такие занятия смогли бы привлечь и сдержать тех, кто получил воспитание, достойное людей свободных и приученных к высокому образу мыслей. (44) Однако неравенство в жизненных средствах не позволяло всем заниматься одним и тем же. Поэтому каждому определялось то занятие, которое подходило к его имущественному положению. Менее состоятельных обращали к земледелию и морской торговле, ибо бедность порождается праздностью, а преступление — бедностью. (45) Уничтожая, таким образом, первопричину зла, члены Совета стремились освободить граждан и от других преступлений, происходящих от праздности. Тех же, кто обладал достаточными средствами, они заставляли заниматься верховой ездой, физическими упражнениями, охотой и философией, они видели, что из людей, получивших такое воспитание, одни достигают совершенства, другие же воздерживаются от большинства пороков. (46) Члены Совета не бездействовали и позднее, после проведения этих законов в жизнь. Поделив город на кварталы, а страну — на демы, они следили за жизнью каждого гражданина, а нарушителей порядка призывали в Ареопаг. В одних случаях члены Совета ограничивались увещанием или угрозой, в других — подвергали наказанию в зависимости от проступка. Они знали, что существует два пути — путь поощрения людей к несправедливости и путь, останавливающий зло. (47) Там, где нет надзора за людьми и наказания преступников, где судебные приговоры не точны, развращаются даже хорошие по природе люди; там же, где нелегко преступникам — скрыться, а уличенным — получить прощение, стремление к злу все более и более теряет силу. Зная и то и другое, члены Совета удерживали граждан от дурных поступков как наказаниями, так и надзором за ними. (48) Люди, запятнавшие себя преступлением, совершенно не могли укрыться от членов Совета, уже заранее знавших, кто мог это преступление совершить. И поэтому юноши проводили время не в игорных домах или у флейтисток и не в сборищах, подобных тем, в которых теперь они растрачивают дни напролет. Напротив, они предавались установленным для них ежедневным упражнениям, восхищаясь и в то же время соревнуясь с теми, кто в этом первен-

ствовал. Они настолько избегали агоры, что даже если кто-нибудь из них был вынужден пройти по ней, то каждому было видно, как застенчиво и скромно он держался. (49) Возражать или дерзить старшим считалось тогда даже более страшным, чем теперь дурное обращение с родителями. Есть или пить в харчевне не решился бы даже сколько-нибудь приличный раб; юноши заботились о собственном достоинстве, а не кривлялись, подобно скоморохам. Плоские остроты и зубоскальство, провозглашаемые теперь признаками ума, считались тогда несчастьем, ниспосланным человеку судьбой.

(50) Однако пусть никто не подумает, что я плохо отношусь к людям младшего поколения. Не их считаю я ответственными за то, что происходит теперь; я хорошо знаю, что большинство из них менее всего довольны создавшимся положением, благодаря которому им дозволено жить в такой неводержности. Естественно поэтому обращаться с упреками не к ним, но, по справедливости, к тем, которые управляли городом незадолго до нас¹⁸. (51) Ведь это именно они довели наших граждан до такой распущенности и разрушили власть Ареопага. В то время, когда этот Совет стоял у власти, город не был перегружен тяжбами и доносами¹⁹ и не было в нем ни налогов на имущество²⁰, ни бедности, ни войн; между собой граждане жили в дружбе, а со всеми остальными — в мире. Эллинам они внушали доверие, а у варваров вызывали страх; (52) эллинов они спасли, а варваров так строго наказали, что те могли радоваться, если с ними не приключится ничего худшего. Ведь потому, что наши предки жили в такой безопасности, дома и другие постройки вне города у них были красивее и богаче, чем внутри городских стен; многие граждане тогда и вообще не посещали Афин, даже во время празднеств, но предпочитали пользоваться собственным добром, оставаясь дома, вместо того, чтобы пировать за счет государства. (53) И даже дни торжественных празднеств, ради которых и приходил кто-нибудь в город, проводились не с разнузданностью и бьющей в глаза пышностью, но с разумной умеренностью. Ибо свое благосостояние граждане оценивали не пышными процессиями, не соперничеством друг с другом из-за хорегий и не бахвальством подобного рода, но соблюдением нравственных устоев в организации своей повседневной жизни, а также отсутствием среди них нуждающихся. Именно это и есть критерий для суждения об истинном процветании людей и об отсутствии низменных принципов [управления]. (54) Кто же из рассудительных людей не содрогнется теперь при виде всего, что совершается вокруг, когда многие из сограждан нуждаются в самом необходимом, когда они тянут перед дикастерием жребий, чтобы узнать, будут ли они сегодня обеспечены необходимым пропитанием или нет, а в то же время считается правильным кормить за счет государства других эллинов, которые нанимаются гребцами на корабли, танцуют в хорах, надев расшитые золотом гиматии, а зимой мерзнут в таких одеждах, какие я не берусь и описать. Эти и другие резкие противоположности, порожденные нашим способом управления, приносят государству великий позор. (55) Ничто подобное не случалось при прежнем Совете: бедных он освободил от нужды, предоставив им работу и помощь людей состоятельных; юношей предохранил

¹⁸ Имеются в виду демократы, начиная с Эфиальта, лишившего Ареопаг политической власти. Ср. Arist. Ath. Pol., 26.

¹⁹ Это относится к сикофантам.

²⁰ Эйсфора.

от распущенности упражнениями и надзором; политических деятелей излечивал от корыстолюбия наказаниями и невозможностью виновным скрыться от возмездия; людей преклонного возраста спасал от уныния предоставлением гражданских почестей и уважением юношей. Мог ли существовать государственный строй более достойный, чем этот, так прекрасно предусмотревший все общегосударственные интересы?

(56) Мы перечислили большую часть некогда существовавших установлений; что касается пропущенных, то легко можно судить из сказанного, что и они носили такой же характер. Некоторые, уже выслушавшие мой рассказ об этом, хвалили меня, как только могли, и признавали, что наши предки были счастливы, управляя городом именно таким способом; (57) однако и они думали, что мне не удастся убедить вас воспользоваться этими принципами, но в силу привычки вы предпочтете бедствовать при существующих порядках, чем наслаждаться лучшей жизнью при более совершенной политике. Они предупреждали меня, что я, советуя лучшее, подвергаюсь опасности прослыть врагом народа и сторонником установления в городе олигархии. (58) Действительно, если бы я говорил о вещах неизвестных и не общепризнанных и побуждал бы вас избрать для этого синедров или синграфес²¹, по вине которых была уничтожена раньше власть народа, вы, естественно, имели бы право на такое обвинение. Я, однако, не предлагал ничего подобного, а говорил об управлении, характер которого ни для кого не является тайной; (59) это управление, унаследованное от отцов, как вы все прекрасно знаете, и было причиной многочисленных благодеяний для нашего государства и для остальных эллинов; кроме того, его установили и узаконили такие люди, которые по всеобщему признанию были демократичнейшими из граждан. И было бы в высшей степени странно, если бы, советуя вам ввести эту политику, я был бы заподозрен в стремлении к перевороту.

(60) Цель, которую я преследую, легко понять также из следующего: в большинстве речей, мной произнесенных, вы найдете осуждение олигархии и тирании; я одобряю равноправие и демократию, но не любую, а лишь хорошо организованную, созданную не как попало, но на справедливой и разумной основе. (61) Я знаю, что созданием такой политики наши предки далеко превзошли всех других. И лакедемоняне наилучшим образом управляют своей страной потому, что они как раз и являются наиболее демократичными. И при избрании должностных лиц, и в повседневной жизни, и во всех остальных занятиях мы можем видеть, что равенство в правах и обязанностях у них имеет гораздо большее значение, чем у других. Олигархия ведет борьбу именно с этими установлениями, которыми постоянно пользуется хорошо организованная демократия.

(62) Если бы мы захотели к тому же исследовать историю самых знаменитых и великих из других городов, мы нашли бы, что демократические формы правления более полезны, чем олигархические. Если бы мы сравнили даже наш всеми порицаемый государственный строй не со старой демократией, которую

²¹ При установлении первой олигархии времени Пелопоннесской войны уже в 413 г. были избраны 10 пробулов, в помощь которым избрали еще 20 человек. Согласно Фукидиду (VIII, 67), было избрано лишь 10 лиц с неограниченными полномочиями — *συνγραφεις αἰτοκράτορες*. Коллегия синедров была создана для установления и создания олигархической конституции, хотя официального наименования этой коллегии синедрами не засвидетельствовано, но, по-видимому, она обычно обозначалась этим общим термином «заседателей». Ср. Arist. Ath. Pol., 29, 2—30, 9.

я описал, но с правлением Тридцати, каждый несомненно признал бы его божественным. (63) Даже если кто-нибудь упрекнет меня в том, что я выхожу за пределы моей темы, я все же хочу, в целях разъяснения, рассказать, насколько наш строй превосходит правление Тридцати. И пусть никто не подумает, будто я слишком тщательно исследую ошибки нашей демократии, замалчивая все, что было в ней хорошего и значительного. Этот рассказ будет недолгим и в то же время бесполезным для слушателей. (64) Кто из людей старшего возраста не знает, что, когда мы потеряли флот у Геллеспонта, и город постигла тяжкая беда, люди, которых мы называем демократами, были готовы на любые жертвы, чтобы не выполнять приказаний врага? Они считали самым страшным, если кто-либо увидит город, правивший эллинами, под властью другого государства; и в это же время разве не были готовы сторонники олигархии разрушить стены и отдаться в рабство? (65) И кто не знает, что тогда, когда народ был хозяином положения, мы размещали гарнизоны в акрополях других городов? Когда же Тридцать захватили власть, враги заняли наш акрополь! В те времена нашими владыками стали лакедемоняне; но когда изгнанники, вернувшись, отважно вступили в борьбу за освобождение и Конон одержал морскую победу, разве не прибыли послы лакедемонян и не передали городу власть на море? (66) И кто же из моих сверстников не помнит, что демократия так украсила город и храмами, и общественными зданиями, что еще и теперь люди, посещающие его, считают, что он достоин править не только эллинами, но и всеми другими народами? А Тридцать — одними постройками пренебрегли, другие — ограбили, а верфи, стоявшие городу не менее тысячи талантов, продали на слом за три таланта! (67) Наконец, никто не решился бы прославлять перед лицом демократии кротость правления Тридцати. Они одни, получив власть над городом по постановлению народного собрания, без суда предали смерти полторы тысячи граждан и заставили более пяти тысяч бежать в Пирей. Демократы же, хотя и победили в сражении и вернулись с оружием в руках, предали смерти лишь главных виновников преступлений, а по отношению к остальным вели дела так великодушно и справедливо, что люди, изгонявшие граждан из города, чувствовали себя в Афинах ничуть не хуже вернувшихся из изгнания. (68) Но вот самое лучшее и убедительное доказательство справедливости народа: оставшиеся в городе заняли у лакедемонян сто талантов для осады демократов, укрепившихся в Пирее. Когда же позднее на народном собрании встал вопрос о возврате денег лакедемонянам, многие настаивали на том, что уплату долга, по справедливости, должны произвести не подвергшиеся осаде, но те, кто занимал деньги. Однако народ постановил произвести оплату долга из государственной казны. (69) В результате этого решения мы достигли такого единодушия и так содействовали усилению города, что лакедемоняне, которые во времена олигархов чуть ли не каждый день отдавали нам распоряжения, при демократии пришли к нам просить и умолять не допустить их изгнания из собственной страны²². Вот самое существенное в образе мыслей тех и других: одни стремились властвовать над гражданами и быть рабами у врагов, другие — властвовать над врагами, а среди граждан быть равноправными. (70) Все это я рассказал по двум причинам: во-первых, желая

²² После поражения при Левктрах (371 г.) спартанцы обратились к Афинам за помощью против фиванцев, которая была им оказана посылкой отряда под командованием Ификрата. Подробно об этом см. Xen. Hell., VI, 33 и сл.

показать, что я стремлюсь не к олигархическому строю или к тирании, но к справедливой и хорошо организованной политике; во-вторых, что даже плохо организованная демократия причиняет все-таки меньше вреда, а хорошо управляемая обладает большими преимуществами — ей присуща большая справедливость, она полезнее для всего общества и поэтому более приятна для граждан, живущих при этом общественном строе. (71) Но, может быть, кто-нибудь из вас спросит, чего же я хочу и почему убеждаю вас переменить существующую политику, совершившую так много хорошего, на другую, и почему теперь, только что воздав такую похвалу демократии, вдруг, как бы под влиянием каприза, я снова меняю свое мнение и вновь порицаю и осуждаю существующий демократический строй?

(72) Я порицаю и тех частных лиц, которые лишь изредка поступают правильно, а в большинстве случаев совершают ошибки; я считаю их хуже тех, какими они должны быть; кроме того, они, хотя и происходят от благородных мужей, мало чем отличаются от людей, погрязших в пороках. Я упрекаю их за то, что они значительно хуже своих отцов, и хотел бы посоветовать им отказаться от такого поведения и образа жизни. (73) Я придерживаюсь того же самого мнения и относительно общественных дел. Я полагаю, что нам не следует гордиться или испытывать удовольствие, если мы строже соблюдаем законы, чем люди, ненавидимые богами и охваченные безумием; скорее наоборот, нам следует негодовать и возмущаться, — ведь мы стали хуже наших предков. Мы должны соревноваться с их доблестью, а не с развращенностью Тридцати, особенно потому, что нам подобает быть самыми лучшими из людей. (74) Не впервые я выражаю теперь эти мысли. Я высказывал их многократно и перед многими. Я знаю, что в других местностях выращиваются разнообразные плоды, деревья и животные, обладающие своими преимуществами в каждом районе и по качествам превосходящие те же виды в других местах; а наша страна в состоянии порождать и воспитывать мужей, не только наиболее одаренных в искусствах, предприимчивости и красноречии, но и далеко превосходящих остальных людей мужеством и доблестью. (75) Справедливость этого засвидетельствована древними войнами против амазонок, фракийцев и всех пелопоннесцев, а также борьбой с персами, во время которой они и один на один, и с помощью пелопоннесцев одерживали победы над варварами на суше и на море и были удостоены похвалы за доблесть; ведь ничего подобного не могли бы они совершить, если бы по самой своей природе не превосходили бы остальных людей. (76) Пусть никто не подумает, что эта похвала относится к политическим деятелям нашего времени; напротив, этими словами я воздаю похвалу тем, которые проявили себя достойными доблести наших предков, ведь эта похвала в то же время — порицание тем, кто нерадивостью и дурными поступками покрывает позором свое благородное происхождение, — а это именно мы и совершаем. Правда должна быть сказана. Обладая по природе такими преимуществами, мы не сберегли их, но, охваченные стремлением к дурному, впали в безрассудство и раздоры. (77) Если бы я хотел порицать все то, что заслуживает порицания, и обличать современное положение дел, я боюсь, что это увело бы меня далеко от моей основной темы. Об этом мы говорили и раньше, и еще будем говорить, если мы не сможем убедить вас покончить с подобными ошибками. Теперь же я еще раз вкратце скажу о том, что с самого начала я сделал темой своей речи, а затем уступлю свое место любому желающему обратиться к вам с советом по тому же вопросу.

(78) Если мы будем так управлять городом и дальше, то все останется по-старому. Мы будем жить по-прежнему, принимать решения, вести войны, претерпевать неудачи и совершать почти все то же, что делаем теперь и делали раньше. Если же мы изменим нашу политику, то ясно, что благодаря этому у нас будут те же условия жизни, какими пользовались предки. Ибо одни и те же политические установления неизбежно порождают близкие и одинаковые последствия. (79) Сопоставив важнейшие результаты обеих систем управления, нам необходимо рассмотреть, какую же из них следует предпочесть. Сначала мы должны обдумать, как относились эллины и варвары к прежней политике и как теперь они относятся к нам. Ибо в значительной степени и те и другие способствуют общему процветанию, когда они расположены к нам надлежащим образом. (80) Эллины так доверяли тем, кто управлял государством в то время, что большинство из них добровольно отдалось под власть нашего города, варвары же были настолько далеки от вмешательства в дела эллинов, что их военный флот не появлялся далее Фаселиды, а сухопутные войска не переходили реку Галис, и они оставались в полном бездействии. (81) Теперь же обстановка настолько изменилась, что одни ненавидят наш город, а другие нас презирают. О ненависти эллинов вы слышали от самих стратегов; о том же, как относятся к нам царь персов, видно по его письмам, посланным нам²³.

(82) Кроме того, строгие правила того времени воспитали граждан в такой доблести, что они не оскорбляли друг друга, а при вторжениях врага в страну все вместе боролись и побеждали. У нас же теперь — все наоборот. Мы не пропускаем ни одного дня, чтобы не причинить друг другу какого-нибудь зла, а военными обязанностями мы пренебрегаем настолько, что даже не считаем нужным ходить на проверку, если не получим за это денег²⁴. (83) Но вот самое важное: тогда никто из граждан не испытывал нужды в самом необходимом и не позорил наш город, прося подаяния у первых встречных: теперь же нуждающихся значительно больше, чем имущих. Поэтому нужно быть снисходительным к народу, если он не заботится об общественном процветании, а постоянно думает лишь о том, как просуществовать в каждый сегодняшний день.

(84) Я убежден в том, что, если мы будем подражать предкам, мы освободимся от всех бед и станем спасителями не только нашего города, но и всех эллинов. Я пришел сюда для выступления перед народом и произнес эту речь. Вы же, взвесив все обстоятельства, подавайте свои голоса за то, что покажется вам наиболее полезным для нашего города.

---

²³ Речь идет об ультиматуме персидского царя, который требовал отозвания Хареса и утверждения Царского мира.

²⁴ Граждане получали вознаграждение от государства за участие в Народном собрании и суде; возможно, что они хотели добиться и оплаты за медицинское освидетельствование во время призыва.

Исократ

ФИЛИПП

(около 346 г. до н. э.)

Перевод и комментарии В. Г. Боруховича

**Содержание речи,
составленное неизвестным автором**

Надо знать, что эту речь Исократ написал для Филиппа после того, как стараниями послов во главе с Эсхином и Демосфеном был заключен мир¹. Поэтому Исократу и представился случай, чтобы написать ему теперь как человеку, ставшему другом Афинского государства. Под видом издания хвалы Филиппу он советует ему, помирив друг с другом большие государства Эллады, враждующие между собой, пойти походом на персов. «Ибо,— заявляет он,— тебе пристало совершить это как Гераклиду и как человеку, обладающему столь великим могуществом». Получив и прочитав эту речь, Филипп не послушался излагавшихся в ней советов, но отложил их исполнение до другого времени. Однако позже сын его Александр тоже прочитал эту речь и, воодушевленный ею, предпринял поход против Дария Второго², называвшегося Охом. Ибо главное имя его было Ох, персы же из лести величали его Дарием, сообразно с тем, как называли его далеких предков.

Содержание речи — прагматическое, ибо она содержит совет. Исократ написал эту речь, будучи стариком, незадолго до своей и Филиппа кончины, как утверждает Гермипп.

(1) Не удивляйся, Филипп, что я начну свою речь не с того, с чем я считаю необходимым обратиться к тебе сейчас и о чем буду говорить позже, а с того, что я написал об Амфиполе. Я хочу сначала коротко сказать об этом, чтобы показать и тебе, и всем другим, что не по неведению и не заблуждаясь относительно слабого состояния здоровья, в котором я теперь нахожусь, принялся я писать речь, обращенную к тебе, но, напротив, вполне естественно оказался мало-помалу подведен к этому.

(2) Дело в том, что, видя, как война, возникшая у тебя с нашим государством из-за Амфиполя, причиняет много бедствий, я решил высказаться об этом городе и о его земле. но совершенно не так, как обычно говорят твои друзья, и не так, как об этом говорят наши ораторы, а предельно отличаясь от них по образу мыслей. (3) Они подстрекали к войне, поддерживая наши стремления, а я ни единым словом не высказывался о спорных вопросах, но избрал такую тему, ко-

---

¹ Имеется в виду Филократов мир.

² Автор ошибается — противником Александра был не Дарий II, который правил с 424 по 404 г. до н. э., а Дарий III Кодоман (336—330 гг. до н. э.).

торая казалась мне наиболее способствующей установлению мира: я всегда говорил, что все вы ошибаетесь в оценке событий и что ты воюешь в наших интересах, а наше государство — в интересах твоего могущества. В самом деле, тебе выгодно, чтобы мы владели этой землей, а государству нашему обладание ею никакой пользы не принесет. (4) И, по-видимому, я излагал свое мнение перед слушателями таким образом, что ни один из них не стал хвалить стиль речи за точность и ясность, как это делают некоторые, но все восхищались правдивостью содержания и сочли, что, пожалуй, нет другого способа прекратить вражду между вами (5), если только ты не убедишься, что для тебя более ценной будет дружба с нашим государством, чем доходы, получаемые с Амфиополя, а государство наше не поймет, что нужно избегать основания подобных колоний, в которых население четыре или пять раз подвергалось уничтожению, и искать таких мест для колоний, которые расположены далеко от тех, кто способен властвовать, но вблизи тех, кто привыкли быть рабами (так, например, как лакедемоняне колонизовали Кирену)³. (6) Вражда прекратится, если ты поймешь, что, передав нам эту землю на словах, в действительности ты сам будешь владеть ею, а к тому же приобретешь и нашу признательность (ты получишь от нас в залог дружбы всех тех, кого мы отправим колонистами в твое государство): вражда прекратится, если кто-нибудь внушит нашему народу, что в случае взятия Амфиополя мы будем вынуждены быть так же признательны твоей власти ради живущих там граждан, как были признательны Амадоку Старшему ради колонистов, занимавшихся земледелием в Херсонесе⁴. (7) У всех тех, кто слышал подобные доводы, появилась надежда, что, если эта речь будет распространена, вы прекратите войну, и, отказавшись от прежних настроений, начнете совещаться о каком-нибудь общем благе для себя самих. Конечно, полагали ли они это с основанием или без основания, пусть отвечают за это они сами. А в то время, как я был занят этим делом, вы опередили меня, заключив мир до того, как я закончил работу над речью, — и разумно сделали это: ведь заключение мира на каких бы то ни было условиях лучше, чем перенесение бедствий, возникающих вследствие войны. (8) Хотя я был рад вынесенным решениям о заключении мира и полагал, что он не только нам, но и тебе, и всем другим эллинам принесет пользу, я все же не был в таком состоянии, чтобы отделаться от мыслей по поводу сложившихся обстоятельств, но был расположен к тому, чтобы тотчас же обдумать, как нам сохранить достигнутое и как сделать, чтобы государство наше через некоторое время не пожелало вести новые войны. (9) Размышляя наедине с самим собой об этом, я пришел к выводу; что Афины смогут сохранять состояние мира только в том случае, если крупнейшие государства решат, прекратив междоусобицы, перенести войну в Азию и если они пожелают добиться у варваров

³ Кирена в действительности была основана в 631 г. до н. э. выходцами с о-ва Феры (ныне Санторин), а не из Спарты. Философ Спевзипп резко критиковал Исократа за эту ошибку — см. «Письмо философа Спевзиппа царю Филиппу», §11 (Хрестоматия по истории Древней Греции. М., 1964, с. 421). Однако связи со Спартой у Кирены несомненно были — см. Hiller v. Gaertringen, AM, 1896, XXI, с. 431—432, примеч. 3.

⁴ Царь племени одрисов. Фракийское царство одрисов во главе с Тересом образовалось незадолго до начала Пелопоннесской войны (Thuc. I, 97, 3). Над афинскими колонистами в Херсонесе постоянно висела угроза нападения фракийцев (см. Polyaeu. Stratag., VII, 38). Афины заключили союз с Амадоком в 390 г. до н. э. (ср. Xen. Hell., IV, 8, 26).

тех преимуществ и выгод, которые они сейчас стремятся получить у эллинов: эту мысль мне приходилось уже высказывать в «Панегирике».

(10) Однако обдумав это и придя к выводу, что едва ли когда-нибудь может найтись тема лучше этой, более касающаяся всех, более полезная для всех нас, я вновь стал писать о ней, хорошо сознавая при этом свое состояние и отдавая себе отчет в том, что сочинение подобной речи по силам человеку не моего возраста, но такому, кто находится в расцвете лет и по дарованию своему далеко превосходит других; (11) я видел также, что трудно составить сносно две речи на одну и ту же тему, тем более если опубликованная раньше речь написана так, что даже завистники наши восхищаются и подражают ей еще больше, чем те, кто хвалил ее до чрезмерности. (12) И все же настолько я стал в старости честолюбив, что, пренебрегая этими трудностями, захотел, обращаясь к тебе, вместе с тем и ученикам моим показать и объяснить, что докучать на многочисленных собраниях и обращаться ко всем, собирающимся туда, с речью — это все равно, что ни к кому не обращаться: подобные речи оказываются такими же недействительными, как законы и проекты государственного устройства, сочиненные софистами. (13) Нужно, чтобы те, кто хочет не болтать понапрасну, а делать что-нибудь полезное, и те, кто полагает, что они придумали путь к достижению какого-то всеобщего блага, предоставили другим выступать на этих собраниях, а сами выбрали бы в качестве исполнителя своих планов кого-нибудь из тех, кто умеет говорить и действовать, если только он пожелает внять их речам. (14) Придя к этому выводу, я предпочел обратиться к тебе, сделав свой выбор не из желания угодить, хотя для меня и было бы важно, чтобы речь моя была тебе приятна: однако мысль моя была направлена не на это. Я видел, что все остальные знаменитые люди живут, подчиняясь государству и законам, не имея возможности делать что-нибудь помимо того, что им приказывают, и к тому же они гораздо менее способны совершить те дела, о которых будет идти речь ниже. (15) Тебе же одному судьба дала неограниченную возможность и послов отправлять, к кому захочешь, и принимать, от кого тебе будет угодно, и говорить то, что кажется тебе полезным; к тому же ты приобрел такое богатство и могущество, как никто из эллинов, — то, что единственно может и убеждать, и принуждать. Это также, думаю, потребуется и для того дела, о котором будет идти речь. (16) Дело в том, что я намерен тебе советовать привести эллинов к согласию и возглавить поход против варваров: убеждение подходит для эллинов, а принуждение полезно для варваров. В этом, таким образом, заключается главное содержание всей этой речи.

(17) Я не побоюсь рассказать тебе, за что стали упрекать меня некоторые из моих учеников, — думаю, что от этого будет какая-то польза. Когда я сообщил им, что намерен послать тебе речь, составленную не как образец красноречия и не прославляющую войны, которые ты провел (это сделают другие), но в которой я попытаюсь склонить тебя к делам более близким тебе, более прекрасным и полезным, чем те, которые ты до сих пор предпочитал, (18) они были так поражены, подумав, не сошел ли я с ума от старости, что осмелились порицать меня — то, чего они раньше никогда не делали, — говоря, что я берусь за дела странные и слишком безрассудные. «Поскольку ты, — говорили они, — намерен послать речь с советами Филиппу, который, если даже раньше и допускал, что он ниже кого-нибудь по разуму, теперь, благодаря огромным успехам, непременно должен считать себя способным к лучшим решениям, чем все остальные.

(19) Кроме того, он окружил себя наиболее дельными людьми из македонян, которые, естественно, если даже в других делах и несведущи, то, во всяком случае, знают лучше тебя, что полезно для него. Да и из эллинов ты сможешь увидеть многих живущих там людей, не лишенных славы или ума, но таких, пользуясь советами которых, он не уменьшил своего царства, а добился положения, какого можно только пожелать. (20) Чего ему еще недостает? Разве фессалийцев, которые раньше властвовали над Македонией, он не расположил к себе так, что каждый из них больше доверяет ему, чем гражданам, входящим в их союз? А соседние города, — разве он не привлек один из них на свою сторону благодарениями и не уничтожил другие, которые причинили ему много неприятностей? (21) Разве он не покорил магнетов, перребов и пеонов и не сделал их своими подданными? Разве он не стал полновластным хозяином над иллирийскими племенами, за исключением тех, которые живут по берегу Адриатики? Разве он не поставил над всей Фракией правителей по своему усмотрению? Так разве ты не думаешь, что тот, кто добился таких многочисленных и крупных успехов, сочтет человека, пославшего ему эту речь, большим глупцом и подумает, что человек этот весьма заблуждается в оценке силы своего ума и своих речей?» (22) О том, как я, выслушав это, вначале был подавлен и как снова, собравшись с духом, ответил на все их возражения, я умолчу, чтобы некоторым не показалось, что я слишком горжусь тем, как искусно я отразил их доводы. Так вот, пристыдив умеренно (как мне показалось) осмелившихся порицать меня, я в конце концов пообещал показать эту речь из всех живущих в этом городе только им одним и поступить с ней так, как они решат. (23) Выслушав это, они ушли, — не знаю, с какими мыслями. Однако через несколько дней, когда речь была закончена и показана им, они настолько изменили свое мнение, что им стало стыдно за свою прежнюю дерзость, и они стали раскаиваться во всех своих словах, признавать, что они никогда еще так не ошибались, стали торопиться больше, чем я, с поправкой этой речи к тебе, выражали надежду, что не только государство наше будет благодарно мне за эту речь, но и все эллины.

(24) А рассказал я тебе об этом для того, чтобы ты, если тебе в начале речи этой что-нибудь покажется невероятным, или невозможным, или недостойным тебя, не отбросил в негодование все остальное, но — чтобы с тобой не случилось того же, что и с моими учениками — невозмутимо дожидался, пока не прослушаешь всю речь до конца: надеюсь, я скажу нечто дельное и полезное для тебя. (25) А между тем мне хорошо известно, насколько речи произносимые отличаются по убедительности от речей, предназначенных для чтения, равно как и то, что, по общему мнению, речи, касающиеся дел серьезных и неотложных, ораторами произносятся, а те, что служат для показа своего искусства и преследуют личную выгоду — пишутся. (26) Мнение это не лишено основания потому, что когда с речью выступает человек, не пользующийся авторитетом, без модуляций голоса, применяемых в риторике, к тому же не в подходящее для ее произнесения время, без серьезного отношения к делу, — когда все это не будет делать доводы автора более убедительными и речь окажется как бы обнаженной и пустой, да еще чтец станет читать ее неумело, без выражения, как бы перебирая факты, (27) то, естественно, думаю я, она покажется слушателям никуда не годной. Все это может, пожалуй, сильно повредить и этой речи и быть причиной того, что она покажется более слабой, чем она есть в действительности. В самом деле, она не украшена ритмичностью и не блещет богатством стиля, к которым

и сам я прибегал в молодости, и другим показывал, какими средствами делать речи более приятными и вместе с тем более убедительными. (28) Всего этого я уже делать не могу из-за преклонного возраста, но если я смогу просто изложить самую суть дела, мне достаточно будет и того. Полагаю, что и ты, отбросив все остальное, должен обратить внимание только на это. Ты только тогда сможешь самым основательным и лучшим образом определить, есть ли в моей речи что-нибудь важное и заслуживающее внимания, (29) если учтешь и отбросишь все препятствующие ее восприятию моменты, связанные с уловками софистов и особенностями речей, предназначенных для чтения, если взвесишь и оценишь каждую мысль, и притом не поверхностно и небрежно, но рассудительно и тщательно, как подобает человеку, причастному к философии (а тебя называют таким). Изучая мою речь таким образом и не основываясь на мнении толпы, ты сможешь наилучшим образом сделать для себя соответствующие выводы. Вот то, что я хотел предварительно тебе сказать. (30) А теперь перейду к самому предмету речи. Я хочу сказать, что необходимо, не забывая также о собственных интересах, попытаться примирить между собой государства аргивян, лакедемонян, фиванцев и наше. Если ты сумеешь их объединить в союз, то без труда приведешь к согласию и другие государства. (31) Ведь все они находятся в зависимости от упомянутых и при грозящей опасности обращаются к одному из них за помощью и получают ее там. Поэтому если ты склонишь к благоразумию четыре только государства, то и остальные избавишь от многих бед.

(32) Ты можешь убедиться в том, что тебе не следует пренебрегать ни одним из них, если проследишь их историю во времена твоих предков. Ты увидишь тогда, что у каждого из них была большая дружба с вами, и они оказывали вам огромные услуги. Ведь Аргос для тебя родина, и к нему ты должен относиться с такой же обходительностью, как и к своим родителям⁵. Фиванцы чтут пра-родителя вашего рода торжественными процессиями и жертвоприношениями больше, чем всех остальных богов⁶. (33) Лакедемоняне предоставили на вечные времена потомкам его царскую власть и предводительство на войне, а наше государство, как говорят те, сообщениям которых о древности мы доверяем, Гераклу помогло получить бессмертие⁷ (каким образом — тебе легко будет узнать, мне же рассказывать сейчас неуместно), а детям его — спасение. (34) Оно одно, подвергаясь крайним опасностям в борьбе с могуществом Еврисфея, положило конец его величайшим дерзостям и избавило детей Геракла от постоянно преследовавшей их опасности. Справедливо, чтобы за это были нам благодарны не только те, которые были спасены тогда, но и живущие сейчас: ведь благодаря

⁵ Потомок Геракла Каран из Аргоса был, по преданию (ср. *Iust.* VII, 1), первым царем Македонии. Миф о Каране получил распространение, по-видимому, в более позднее время, и был, вероятно, создан аргивянами, когда Македония стала играть выдающуюся роль в международных делах. Каран упоминается у Диодора (VII, 17) и Синкелла (с. 262). Миф был создан для того, чтобы связать генеалогическими связями Аргос и Македонию. С другой стороны, Пердика I — основатель аргивской династии в Македонии, был, согласно Геродоту (VII, 137), потомком аргивского царя Темена. Ср. также *Herod.* V, 22.

⁶ В Фивах особенно почитали Геракла, так как оттуда, согласно мифу, происходила мать Геракла, супруга фиванского царя Амфитриона. Ср. *Xen. Hell.* VI, 4, 7; *Diod.* XV, 53.

⁷ Согласно Диодору (IV, 39), афиняне первыми совершили жертвоприношение Гераклу как богу.

нам они живут и пользуются благами жизни. Не будь спасены одни, не могли бы вообще появиться на свет и другие.

(35) Поскольку, таким образом, все эти государства предстают в таком свете, у тебя никогда ни с одним из них не должно быть разногласий. Но все мы от природы склонны более ошибаться, чем поступать правильно. Поэтому за все, что произошло до сих пор, вина справедливо падает на всех, но впредь следует остерегаться, чтобы с тобой не случилось ничего подобного, и подумать, какое сделать для них доброе дело, чтобы показать, что ты оплатил достойным и тебя, и твоих услуг образом. (36) Подходящий случай у тебя есть. Между тем, как ты будешь только оплачивать свой долг, они сочтут, поскольку прошло столько времени, что ты первым кладешь начало оказанию услуг. Затем, ведь очень хорошо считаться благодетелем выдающихся государств, с пользой для себя ничуть не меньшей, чем для них. (37) Кроме того, если с кем-нибудь из них у тебя возникла какая-либо неприязнь, ты прекратишь все это, потому что своевременные услуги предадут забвению прежние ошибки обеих сторон. Известно также и то, что все люди помнят больше всего о тех, кто помог им в их несчастье. (38) Ты видишь, как они страдают из-за войны, как похожи они на единоборцев. Ведь и тех, когда ярость начинает у них усиливаться, никто уже не может разнять: когда же они изувечат друг друга, они расходятся сами, без всякого постороннего вмешательства. Так, я полагаю, произойдет и с этими государствами, если ты заранее не позаботишься о них.

(39) Может быть, кто-нибудь решится выступить против моих слов, утверждая, что я пытаюсь склонить тебя взяться за невозможное. По их мнению, ни аргивяне не станут никогда друзьями лакедемонян, ни лакедемоняне — друзьями фиванцев: и вообще те, кто привык к постоянному превосходству, никогда не согласятся на равную долю с другими. (40) А я думаю, что, когда первенство среди эллинов принадлежало нашему государству, а затем государству лакедемонян, едва ли можно было добиться чего-нибудь, так как каждое из них легко могло помешать действиям другого. В нынешних же обстоятельствах, я полагаю, что это не так. Я знаю, что несчастья поставили тех и других в одинаковое положение, поэтому, я полагаю, они предпочтут выгоды, получаемые от соглашения, — преимуществам, получившимся от прежних их действий. (41) Затем, я считаю, что едва ли кто-нибудь другой сможет примирить эти государства, а для тебя подобные дела не составляют никакой трудности, потому что я вижу, как ты осуществил многое из того, что другим казалось безнадежным и невероятным: и будет несколько не удивительно, если и это дело сможешь устроить только ты. Люди великие и выдающиеся должны браться не за такие дела, которые может совершить обычный человек, а за те, за которые не возьмется никто другой, кроме людей, имеющих такие же дарования и могущество, как у тебя.

(42) Я удивляюсь тому, что люди, которые считают такие дела неосуществимыми, ни сами не знают, ни от других не слышали, что много было войн, и к тому же страшных, и что люди, которые положили этим войнам конец и сами получили, и воевавшим сторонам доставили тем самым большие блага. Какая ненависть могла бы быть больше той, которая была у эллинов против Ксеркса? Однако все знают, что дружбу с ним⁸ мы и лакедемоняне предпочли дружбе с

⁸ Выражение «дружбу с ним» имеет, вероятно, в виду уже не Ксеркса, а Артаксеркса, при котором был заключен Анталкидов мир. «Дружба» Спарты с Персией упоминается в Panath., 102, 103.

теми, кто каждому из нас помогал добиться власти. (43) Но к чему вспоминать давно прошедшие события и обращаться к примерам, связанным с варварами? Если бы кто-нибудь внимательно рассмотрел несчастья эллинов, то стало бы ясно, что все они не составляют и ничтожной доли тех бед, которые причинили нам фиванцы и лакедемоняне. Тем не менее, когда лакедемоняне отправились в поход против фиванцев и хотели разорить Беотию, а жителей ее городов расселить, мы, придя фиванцам на помощь⁹, воспрепятствовали осуществлению замыслов лакедемонян. (44) И напротив, когда судьба переменилась¹⁰ и фиванцы вместе со всеми пелопоннесцами попытались уничтожить Спарту, мы — единственные из всех эллинов — заключили с ней союз и тем самым помогли ее спасению¹¹. (45) Полнейшее непонимание дела и глупость обнаружил бы тот, кто, зная, что действия государств определяются не ненавистью или клятвами или тому подобным, а только соображениями собственной выгоды (ибо только к этому они стремятся и направляют все свои усилия), и видя нынешние превратности и перемены, при всем этом отказался бы признать, что и сейчас дело обстоит точно таким же образом — тем более если ты сам займешься примирением этих государств. При этом соображения пользы убедят их, а нынешнее бедственное положение заставит их последовать твоему плану. Эти два обстоятельства, думается мне, должны обеспечить успех дела.

(46) Однако я полагаю, что лучше всего ты сможешь узнать, миролюбиво или враждебно относятся друг к другу эти государства, если мы рассмотрим не совсем кратко и не слишком подробно основные моменты их нынешнего положения, и прежде всего положения лакедемонян.

(47) Они, еще совсем недавно первые среди эллинов на суше и на море, претерпели такие перемены после поражения при Левктрах, что утратили свое господство среди эллинов и потеряли таких людей, которые готовы были скорее погибнуть, чем жить, потерпев поражение от прежде подвластных им. (48) Кроме того, им довелось видеть, как все пелопоннесцы, раньше сопровождавшие их в походах против других, теперь вместе с фиванцами вторглись на их землю. Лакедемонянам пришлось выдержать такое испытание, воюя с ними не на территории страны за свои поля, но в центре своего города, у самых общественных зданий, за своих жен и детей. Так что если бы они не справились с этим испытанием, то погибли бы немедленно, (49) а одержав победу, они нисколько не избавились от бедствий: с ними воюют их соседи, им не доверяют все пелопоннесцы, их ненавидит большинство эллинов, их грабят и разоряют днем и ночью свои же рабы; дня не проходит, чтобы они или не выступали в поход против кого-нибудь, или не сражались с кем-нибудь, или не спешили на помощь гибнущим согражданам. (50) Но вот самая большая беда: они все время пребывают в страхе, как бы фиванцы, уладив дела с фокидянами, не напали на них вновь, обрушив на их головы еще большие бедствия, чем раньше. Можно ли предпола-

---

⁹ С отрядом под командованием Хабрия, против Агесилая в 378 г. до н. э. Ср. Xen. Hell., V, 4, 34; Diod. XV, 29, 6; 32, 2.

¹⁰ После битвы при Левктрах в 371 г. до н. э.

¹¹ В 370—369 г. до н. э. во время похода Эпаминонда и фиванцев в Пелопоннес, когда в союзе с фиванцами выступали аргивяне, аркадяне, мессеняне, элейцы и др., Спарта оказалась в критическом положении (Xen. Hell., VI, 5, 23). Афиняне оказали помощь Спарте, отправив в Пелопоннес войско во главе с Ификратом (Xen. Hell., VI, 5, 49 и сл.).

гать, что люди, находящиеся в таком положении, не встретят с радостью человека, устанавливающего мир, влиятельного и обладающего возможностью избавить их от войн, постоянно им угрожающих?

(51) У аргивян, затем — как ты можешь увидеть — одни дела точно в таком же почти состоянии, другие в еще худшем: они воюют со своими соседями с тех пор, как основали свой город, как и лакедемоняне, с той только разницей, что те сражаются с более слабыми, чем они сами, а эти с более сильными (что, как согласились бы все, является величайшим из зол). Их так преследуют неудачи в военных действиях, что чуть ли не каждый год у них на глазах разоряют и опустошают их землю. (52) Однако вот что ужаснее всего: когда враги на время прекращают причинять им бедствия, они сами начинают истреблять наиболее выдающихся и богатых из числа своих сограждан и делают это с такой радостью, с какой другие не убивают своих врагов. А причиной такой жизни их, полной смятений и бедствий, является только война между греками. Если ты прекратишь ее, ты не только избавишь их от страданий, но дашь им возможность лучше разобраться и в других делах.

(53) Что касается положения фиванцев, то и об этом тебе, конечно, известно. Одержав блестящую победу в сражении и завоевав себе благодаря ей громкую славу, они из-за злоупотребления своими удачами оказались не в лучшем положении, чем побежденные и потерпевшие неудачу. Едва только успели они одержать победу над врагами, как, перестав считаться со всеми, стали беспокоить государства в Пелопоннесе, посмели поработить Фессалию¹², стали угрожать мегарцам, своим соседям, отняли часть земли у нашего государства, Евбею опустошили, выслали триэры в Византий с намерением захватить власть на суше и на море. (54) Наконец, они пошли войной на фокидян, чтобы овладеть в короткий срок их городами, захватить всю окрестную территорию и своими собственными богатствами превзойти дельфийские сокровища. Ничего из этого у них не вышло, но, вместо того чтобы захватить города фокидян, они потеряли свои, а вторгшись на территорию противника, они причинили вреда меньше, чем потерпели сами, возвращаясь к себе. (55) В самом деле, в Фокиде они казнили несколько наемников, которым было лучше умереть, чем жить, а на обратном пути потеряли самых славных своих людей, с непоколебимой отвагой готовых умереть за родину. И до того дошли дела их, что, вознамерившись было подчинить себе всех эллинов, теперь они на тебя возлагают надежды на свое спасение. Поэтому и они, я думаю, немедленно исполняют все, что ты станешь указывать и советовать.

(56) Нам оставалось бы поговорить еще о нашем государстве, если бы оно не заключило мира, поступив благоразумно раньше других. Теперь, я думаю, оно будет содействовать твоим предприятиям, особенно если сможет убедиться, что ты проводишь их ради похода против варваров.

(57) Итак, то, что ты имеешь возможность объединить эти государства, тебе, по-моему, уже ясно из сказанного, а что ты сможешь добиться этого без труда, я постараюсь убедить тебя множеством примеров. И если окажется, что некоторые прославившиеся в прошлом люди, взявшись за дела не прекраснее и не священнее тех, к которым я тебя призываю, совершили более значительные и

¹² Походы Пелопида и Эпаминонда в Фессалию относятся к 368, 367 и 364 гг. Пелопид был приглашен фессалийскими городами для освобождения от тирании Александра Ферского — ср. Diod. XV, 67.

трудные, то что же останется сказать тем, кто выступает с возражениями? Разве ты дела более легкие совершишь не скорее, чем те — более трудные?!

(58) Рассмотрим, во-первых, историю с Алкивиадом. Сосланный нами в изгнание, видя, как люди, испытывавшие до него это несчастье, находятся в страхе перед могуществом нашего государства, он не стал разделять их настроений, но, сочтя, что нужно попытаться вернуться из изгнания силой, предпочел воевать со своей родиной. (59) И если бы кто-нибудь захотел рассказать обо всем, что тогда произошло, он и изложить подробно не смог бы, да и в данном случае это оказалось бы, вероятно, утомительным. В такое он вверх потрясение не только наше государство, но и лакедемонян и остальных эллинов, что нам пришлось перенести те страдания, о которых все знают, а остальные подверглись таким бедствиям, (60) что и сейчас еще не забыты несчастья, постигшие в той войне эти государства. Лакедемоняне же, казавшиеся тогда счастливыми, претерпели постигшие их теперь беды из-за Алкивиада. Поддавшись его совету добиться могущества на море, они потеряли свою гегемонию и на суше. (61) Поэтому если кто-нибудь скажет, что начало их нынешним бедствиям было положено именно тогда, когда они попытались захватить власть над морем, то его нельзя будет уличить во лжи. Так, Алкивиад, после того как причинил столько бедствий, вернулся из изгнания с огромной славой, хотя и не получил одобрения всех. А Конон несколько лет спустя сделал противоположное этому. (62) Потерпев неудачу в морском сражении в Геллеспонте (не по своей вине, а из-за товарищей по должности), он постыдился вернуться домой и отправился на Кипр, проводя там некоторое время в занятиях своими личными делами. Но когда он узнал, что Агесилай с большим войском переправился в Азию и опустошает эту страну, он задумал великое дело: (63) не располагая ничем иным, кроме своих личных сил и способностей, он вознамерился победить лакедемонян — властителей над эллинами и на море, и на суше. И в послании к полководцам персидского царя он обещал привести этот план в исполнение. Что еще я могу сказать? Собрав флот у Родоса и одержав победу в морском сражении, он лишил власти лакедемонян, (64) а эллинам дал свободу. Он не только восстановил стены родного города, но и вернул своему государству былую славу. А между тем, кто мог бы ожидать, что человек, оказавшийся в таком скромном положении, сумеет коренным образом изменить положение дел в Элладе: одни эллинские государства унижить, а другие — возвысить?

(65) Далее, Дионисий (я хочу множеством примеров убедить тебя, что дело, к осуществлению которого я тебя призываю, легко выполнимо), простой сиракузанин по происхождению, по своей репутации и по всему другому, загоревшись страстным и безумным стремлением к монархической власти и решившись на все, что вело к этому, захватил Сиракузы, подчинил все эллинские города Сицилии и собрал такое большое войско и флот, какого не собирал до него ни один человек. (66) Затем и Киру (вспомним также о варварах), подкинутому матерью на дорогу и подобранному какой-то персидской женщиной, выпала на долю такая судьба, что он стал господином всей Азии.

(67) И если Алкивиад, будучи изгнанником, Конон — испытанным неудачи, Дионисий — безвестным, Кир — достойным жалости в самом начале своего появления на свет, сумели так возвыситься и совершить такие великие дела, то разве не следует ожидать, что ты, происходя от таких предков, царь Македонии, господин столь многих людей, легко сможешь устроить все то, о чем говорилось выше?

(68) Посмотри, насколько выгодно стремиться к осуществлению таких дел, в которых, добившись успеха, ты не уступишь в своей славе выдающимся людям прошлого, а обманувшись в ожиданиях, приобретешь, во всяком случае, расположение эллинов,— ведь это гораздо лучше, чем силой захватывать множество эллинских государств. Действия, подобные последнему, вызывают неприязнь, ненависть и страшные проклятия, тогда как с тем, что я тебе советую, ничего такого не связано. И если бы кто-нибудь из богов предоставил тебе на выбор различные виды деятельности, которым ты бы пожелал посвятить свою жизнь, ты не выбрал бы никакого другого пути — если бы стал спрашивать моего совета,— кроме этого. (69) И тебе тогда станут завидовать не только все другие люди, но и сам ты будешь считать себя счастливым. Что может быть больше такого счастья, когда к тебе придут посланцы от великих государств люди, пользующиеся наибольшим почетом, и ты будешь совещаться с ними об общем спасении, о котором, как станет ясным, никто другой не проявил такой заботы, (70) когда ты увидишь, как вся Эллада поднялась на твой призыв и никто не остается равнодушным к твоим решениям, но одни стараются разузнать, в чем их суть, другие желают тебе удачи в твоих стремлениях, третьи опасаются, как бы с тобой не случилось чего-нибудь, прежде чем ты доведешь до конца свое дело. (71) И когда все это будет осуществляться, разве ты не станешь с полным основанием гордиться? Разве ты, доживая свой век, не будешь постоянно радоваться сознанию того, что ты возглавил такие великие дела? Какой человек, обладающий даже заурядным умом, не станет увещевать тебя избрать предпочтительно такую деятельность, которая может давать как бы в качестве плодов и величайшие наслаждения, и вместе с тем немеркнущую славу?

(72) Мне было бы достаточно всего сказанного выше по этому поводу, если бы я не пропустил одного вопроса, не по забывчивости, однако, но не решившись высказаться о нем: а теперь я уже считаю нужным на нем остановиться. Я полагаю, что и тебе полезно услышать об этом, и мне следует говорить открыто, как я привык.

(73) Дело в том, что я слышу, как клеветают на тебя завидующие тебе люди, привыкшие вносить смуту в свои государства и считающие мир, общий для всех остальных, войной в отношении себя. Не заботясь обо всем прочем, они говорят только о твоём могуществе, о том, что оно растет не в интересах Эллады, а против нее, и что ты давно уже затеваешь козни против всех нас; (74) что на словах ты намерен помочь мессенянам, когда урегулируешь отношения с фокидянами, а на деле — подчинить Пелопоннес. Они говорят, что у тебя в распоряжении фессалийцы, фиванцы и все члены амфикинии¹³, готовые следовать за тобой, аргивяне, мессеняне, мегалополитяне и многие другие, готовые вое-

¹³ Имеется в виду Дельфийская амфикиния, особо влиятельными членами которой были фиванцы и фессалийские государства. Филипп активно вмешивается в дела Дельфийской амфикинии с 356 г. до н.э., когда его пригласили принять участие в борьбе против фокидян, обвиненных в святотатстве по отношению к Дельфам. После ряда одержанных побед и Филократова мира Филипп получил голос в амфикинии. Демосфен в речи «О мире», произнесенной после Филократова мира, выступает против совета амфикионцев, обратившихся к Афинам с требованием признать Филиппа членом Дельфийской амфикинии. Совет амфикионцев был создан сразу же после разгрома Фокиды Филиппом (ср. Aesch. II, 139). В дальнейшем Филипп становится фактически вершителем судеб амфикинии, используя ее в качестве орудия своей политики. Решения амфикинии утверждались Филиппом (Diod. XVI, 60, 4). Об организации амфикинии пишет Страбон (IX, 3, 7).

вать вместе с тобой и разгромить лакедемонян; и что, когда ты все это сделаешь, ты без труда подчинишь себе и остальных эллинов. (75) Болтая такие глупости и уверяя, что они все это точно знают, ставя все вверх дном такими речами, они убеждают в этом многих, в особенности тех, кто стремится к таким же дурным делам, что и эти клеветники; затем они убеждают тех, которые не способны разобраться в государственных делах, но, будучи глупыми, питают признательность по отношению к тем, кто притворяется, что страшится и опасается за их судьбу. Наконец, они убеждают тех, кто склонен считать, что ты затеваешь козни против эллинов — цель, по их мнению, заслуживающая того, чтобы к ней стремиться. (76) Они настолько далеки от истинной мудрости, что не знают, как теми же самыми словами одним можно навредить, а другим — оказать услугу. Так и теперь, если бы кто-нибудь заявил, что царь Азии затевает козни против эллинов и приготовился выступить в поход против нас, он этим не сказал бы о нем ничего дурного, а только представил бы его еще более мужественным и заслуживающим большего уважения. А если бы обвинили в этом кого-нибудь из потомков Геракла, который стал благодетелем всей Эллады, то навлекли бы тем самым на него величайший позор. (77) Да и кто не вознегодовал бы и не возненавидел его, если бы оказалось, что он злоумышляет против тех, ради кого предок его подверг себя опасности, да если бы еще оказалось, что ту благожелательность, которую этот предок завещал своим потомкам, потомок его не пытался сохранить, но, предав все забвению, стал стремиться к позорным и дурным делам?

(78) Тебе следует подумать об этом и не оставлять без внимания подобные слухи, которые враги пытаются распространять о тебе, а из друзей нет ни одного, который не возражал бы, стремясь защитить тебя. Ведь истинную пользу для себя ты лучше всего, по-моему, извлечешь, рассматривая мнения тех и других.

(79) И может быть, ты считаешь малодушием обращать внимание на хулителей, болтунов и верящих им, тем более если не признаешь за собой никакой вины. Однако не следует презирать толпу и пренебрегать всеобщим уважением: только тогда ты сможешь считать свою славу прекрасной, великой и приличествующей тебе, твоим предкам и вашим деяниям, когда ты сумеешь расположить к себе эллинов так же (80), как лакедемоняне относятся к своим царям, а твои друзья — к тебе. Этого нетрудно добиться, если ты захочешь быть одинаковым со всеми и перестанешь к одним государствам относиться дружелюбно, а к другим — враждебно, и если ты предпочтешь такие дела, благодаря которым эллинам внушишь доверие, а варварам — страх.

(81) И не удивляйся (как я писал и Дионисию, когда он захватил тиранию), если я, не будучи ни полководцем, ни оратором, ни вообще влиятельным лицом, обращаюсь к тебе более смело, чем остальные. К государственной деятельности я оказался самым неспособным из граждан: нет у меня ни достаточно сильного голоса, ни смелости, чтобы обращаться к толпе, подвергаться оскорблениям и браниться с торчащими на трибуне. (82) Что же касается здравого ума и хорошего воспитания — хотя кто-нибудь скажет, что слишком нескромно говорить так, — я держусь иного мнения и причислил бы себя не к последним, а к выделяющимся среди других. Поэтому я и берусь давать советы так, как позволяют мои способности и возможности, и нашему государству, и всем эллинам, и самым знаменитым людям.

(83) Итак, обо мне и о том, как тебе нужно поступить с эллинами, ты выслушал почти все: что же касается похода в Азию, то те государства, которые, как я

сказал, ты должен примирить между собой,— их я только тогда стану убеждать в необходимости войны с варварами, когда увижу их живущими в согласии; а теперь я обращаюсь к тебе, но не с тем расположением духа, как в том возрасте, когда я писал на ту же самую тему. (84) Тогда я предлагал собравшимся слушателям смеяться надо мной, презирать меня, если покажется, что изложение мое недостойно темы, моей репутации и потраченного на эту речь времени, а теперь я боюсь, что слова мои слишком не соответствуют таким требованиям. Ко всему прочему «Панегирик», который всех других, занимающихся философией, сделал более преуспевающими, мне доставил большие затруднения: я не хочу повторять в точности то, что написано там, но и не могу уже искать нового. (85) Однако я должен не отказываться от своей цели, а говорить о данном предмете все, что придет мне на ум и поможет убедить тебя предпринять это. И если я упустил что-нибудь и не смогу написать так, как я писал опубликованные до этого речи, я все же надеюсь, что набросок этот окажется полезен тем, кто сможет его изящно переработать и выполнить в целом.

(86) Таким образом, начало всей этой речи, по-моему, составлено так, как и должно делать людям, советующим предпринять поход в Азию. Действительно, не следует ничего предпринимать, не добившись от эллинов одного из двух: или одобрения, или участия в задуманном предприятии. Всем этим Агесилай¹⁴, считавшийся разумнейшим из лакедемонян, пренебрег не вследствие недостатка разума, но из честолюбия. (87) У него было два стремления, оба прекрасные, но противоречащие друг другу и не осуществимые одновременно. Он решил начать войну с царем и, возвратив из изгнания на родину своих друзей, поставить их во главе государств. И вот получилось так, что от его заботы о своих друзьях эллинов постигли бедствия и опасности, а из-за беспорядков, которые происходили здесь у нас, он лишился свободного времени и возможности воевать с варварами. (88) Таким образом, на основании ошибок, допущенных в то время, легко убедиться, что если принять правильное решение, то нельзя идти войной на царя, не примирив эллинов между собой и не покончив с безумием, охватившим их сейчас. Именно это я и советую тебе.

(89) По этому поводу не решится, пожалуй, возразить ни один разумный человек, и, я думаю, что если бы кто-нибудь другой решился выступить с советом начать поход против Азии, он должен был обратиться с таким призывом и говорить, что на долю всех тех, кто начал воевать с царем, выпадало стать из бесславных знаменитыми, из бедняков — богатыми, из малоимущих — обладателями обширных земель и государств. (90) Я, однако, намерен побуждать тебя, ссылаясь не на таких людей, а на тех, кого считают потерпевшими неудачу: я имею в виду Кира и Клеарха. Все признают, что они разгромили в сражении все войско царя так, как если бы сражались с женами этих воинов, и, уже считая себя победителями, потерпели неудачу вследствие опрометчивости Кира, который в избытке радости преследуя неприятеля, ушел далеко от своих и, оказавшись в гуще врагов, был убит. (91) Несмотря на такое несчастье, постигшее участников похода, царь проникся сильнейшим презрением к своему войску: он вызвал

¹⁴ Спартанский царь Агесилай (443—359 гг. до н. э.) прославился своими походами в Малую Азию. Сохранились биографии Агесилая, написанные Ксенофонтом (в панегирическом тоне), Плутархом и Непотом. Как сообщает Плутарх, этот царь до битвы при Левктрах считался гегемоном всей Эллады. Тожественное объяснение неудачи Агесилая дано в Epist., IX, 13.

Клеарха и остальных военачальников на переговоры, обещая дать им богатые дары, а всех воинов отпустить, полностью выплатив им жалование. Заманив их такими обещаниями и дав клятву верности, величайшую из принятых там, он схватил и перебил их, предпочитая согрешить перед богами, чем вступить в сражение с такими, даже оставшимися без вождя, воинами. (92) Какой же еще пример может быть лучше и убедительнее! Всдъ очевидно, что и они овладели бы всей державой царя, если бы не опрометчивость Кира. Тебе не трудно избежать неудачи, которая произошла тогда, и легко собрать более сильное войско, чем то, которое разгромило его войско. И если оба эти обстоятельства будут налицо, разве не следует начинать этот поход?

(93) И пусть никто не подозревает меня в намерении скрыть, что кое о чем я здесь говорю так же, как прежде. Обратившись к тому же замыслу, я решил не выбиваться из сил, стремясь во что бы то ни стало сказать по-другому то, что хорошо было выражено прежде. Если бы я стал сочинять торжественную речь, я пытался бы избежать этого; (94) но когда я обращаюсь с советом к тебе, было бы глупо с моей стороны уделять стилю больше времени, чем содержанию: было бы неумно самому избегать своих прежних выражений, в то время как все другие пользуются ими. Тем, что принадлежит мне, я при случае мог бы и воспользоваться, если это будет уместно и совершенно необходимо, а из того, что принадлежит другим, я ничего не стал бы заимствовать, как не делал этого и в прежнее время.

(95) Об этом достаточно. А теперь, мне кажется, я должен поговорить о подготовке — той, которая предстоит тебе, и той, которая была проведена ими. Вот что самое главное: к тебе эллины будут настроены благожелательно, если ты только пожелаешь придерживаться всего того, что сказано по этому поводу, к тем же они были настроены крайне враждебно из-за декархий, установленных при господстве лакедемонян. Они полагали, что будут ввергнуты в еще более тяжелое рабство, если Кир и Клеарх добьются успеха, а если победит царь, они избавятся от своих бедствий. Так именно и получилось. (96) И воинов ты сможешь сразу же получить столько, сколько захочешь: ведь положение в Элладе такое, что легче набрать в Элладе более многочисленное и сильное войско из людей, скитающихся по саяту, чем из живущих в своем государстве. А в те времена еще не было никаких наемных войск, так что, когда необходимость вынуждала набирать наемников в городах, приходилось больше тратить на вознаграждение вербовщиков, чем на плату воинам. (97—98) И если бы мы захотели испытать и сопоставить тебя, будущего предводителя похода, который будет обдумывать все, с Клеархом, стоявшим тогда у власти, то мы увидим, что последний никогда не располагал раньше каким-либо войском, пешим или конным, и стал известным только благодаря неудаче, постигшей его на материке, тогда как ты совершил столь многие и столь великие деяния, о которых было бы уместно рассказывать, обращаясь к другим: но когда я обращаюсь к тебе, я не без основания мог бы показаться лишенным рассудка и слишком назойливым, если бы о твоих делах стал бы рассказывать тебе самому.

(99) Стоит упомянуть и обоих царей: того, против которого я советую тебе начать поход, и того, с кем воевал Клеарх, чтобы ты мог себе представить характер и могущество того и другого. Так вот, отец нынешнего царя одолел в войне наше государство, а затем и государство лакедемонян, а этот ни разу не смог одержать победу ни над одним войском, опустошавшим его страну. (100) Далее,

тот получил от эллинов всю Азию целиком по договору, этот же настолько лишен умения властвовать над другими, что даже не смог удержать за собой и те государства, которые достались ему. Так что каждый, пожалуй, затруднился бы ответить, как нужно считать: царь ли отказался от них из-за малодушия, или они сами отнеслись с пренебрежением и презрением к господству варваров.

(101) А узнав, в каком состоянии находится его страна, кто не загорелся бы желанием пойти войной против него? Египет отпал еще при его отце; тем не менее египтяне боялись, как бы царь, сам выступив когда-нибудь в поход, не преодолел трудностей, связанных с переходом через реку и всей прочей оборонительной подготовкой. А теперь этот царь избавил их от такого страха. Собрав самое большое, какое он только мог, войско и отправившись против них в поход, он вернулся оттуда не только побежденный, но и осмеянный всеми, недостойный, по общему мнению, быть ни царем, ни полководцем. (102) Кипр, Финикия, Киликия и соседние с ними страны, откуда персы получали флот, принадлежали тогда царю; но теперь одни отпали, другие находятся в состоянии войны и переживают такие бедствия, что царю от этих народов нет никакой выгоды, а тебе они будут полезны, если ты захочешь начать войну против него. (103) И конечно, Идрией, во всяком случае, самый богатый из нынешних владителей на материке, должен быть настроен более враждебно к власти царя, чем ведущие с ним открытую войну; иначе он был бы по меньшей мере самым жалким человеком, если бы не хотел уничтожения той власти, которая замучила его брата, вела войну с ним самим, и которая все время затевает козни, стремясь захватить его лично и все его богатства. (104) Опасаясь этого, сейчас он вынужден угождать царю и каждый год отсылать ему большие суммы; но если ты переправишься на материк, он с радостью встретит тебя, считая своим заступником, и многих других сатрапов ты сумеешь привлечь на свою сторону, если обещаешь им свободу и распространишь этот призыв по Азии,— который, некогда запав в душу эллинов, уничтожил и нашу власть, и власть лакедемонян.

(105) Я собирался побольше сказать о том, каким способом ты мог бы очень скоро одолеть войско царя. Но я боюсь, как бы не упрекнули меня за то, что я, никогда раньше не имея отношения к военным делам, осмеливаюсь давать указания тебе, совершившему на войне множество великих дел. Поэтому, я думаю, мне ничего не нужно говорить по этому вопросу. Что же касается остального, то я полагаю, что отец твой¹⁵, и основатель вашей династии, и родоначальник вашего рода (если бы ему было дозволено, а им дана возможность) стали бы советовать то же самое, что и я. (106) Я сужу об этом по их делам: и отец твой был дружелюбно настроен по отношению ко всем тем государствам, на которые я тебе советую обратить внимание, и основатель вашего царства, будучи духом выше своих сограждан и стремясь к единовластию, действовал не так, как те, которые добиваются подобного положения. (107) Они ведь достигали его, устраивая у себя в государстве мятежи, смуты и убийства, а он совершенно оставил в стороне эллинские государства и захотел овладеть царской властью в Македонии, так как знал, что эллины не привыкли терпеть единовластие, а другие

¹⁵ Имеется в виду македонский царь Аминта II (394—370 гг. до н. э.). Филипп II был его сыном от Евридики; от этой жены Аминта имел еще двух сыновей — Александра и Пердикку. Другая жена Аминты, Гигиея, родила ему также трех сыновей — Архелая, Арридея и Менелая (Iust. VII, 4; Diod. XV, 60). Естественно поэтому, что Филипп II смог прийти к власти только после междоусобных войн.

народы не могут устраивать свою жизнь без такой власти. (108) И именно вследствие того, что он придерживался особого мнения об этом, царство его оказалось отличным от всех остальных: единственный из эллинов, он пожелал властвовать над чужим народом. Тем самым он смог избежать опасностей, связанных с единовластием. Мы можем увидеть, что люди, совершившие что-нибудь подобное среди эллинов, не только сами погибли, но и род их исчез с лица земли; а он и сам прожил счастливо свою жизнь, и роду своему доставил то же почетное положение, которым пользовался сам.

(109) Вспомним и Геракла. Все без конца воспевают его мужество и перечисляют подвиги: что же касается остальных прекрасных качеств, присущих его душе, то не найти ни одного поэта или писателя, который бы упомянул что-нибудь. Я же нахожу эту тему оригинальной и совершенно неразработанной, не мелкой и не пустой, а дающей богатые возможности для обильных восхвалений и описаний прекрасных деяний,— темой, ждущей только того, кто сможет достойным образом рассказать обо всем этом. (110) Если бы я приступил к этой теме, когда был помоложе, я бы с легкостью показал, что предок ваш выделялся среди всех людей прежних поколений более своим разумом, честолюбием и справедливостью, чем физической силой. Но приступив к ней сейчас и увидев, как много о ней нужно сказать, я и в силах своих усомнился, и понял, что такая речь оказалась бы вдвое больше той, которая получилась теперь. По этим причинам я и отказался от всего остального и выбрал только один подвиг, который тесно связан со всем, о чем было сказано выше, а рассказ о нем будет более всего способствовать данному месту речи.

(111) Геракл, видя как Элладу обуревают войны, раздоры и многие другие бедствия, покончил со всем этим, примирив государства между собой, и показал потомкам, в союзе с кем и против кого следует вести войны. Отправившись походом на Трою, которая была тогда самой могущественной силой в Азии, он настолько превзошел своим полководческим искусством тех, которые воевали против Трои после него, (112) что, в то время как они с войском эллинов за 10 лет осады с трудом завоевали город, он за меньшее или за такое же количество дней, выступив в поход с немногими соратниками, без труда взял его штурмом¹⁶. А после этого он перебил всех царей тех народов, которые жили вдоль побережья обоих материков¹⁷, — а царей он никогда бы не уничтожил, если бы не одолел их войск. Совершив это, он установил так называемые Геракловы столбы — знак победы над варварами, памятник своей доблести и перенесенных испытаний, — как пограничные столбы эллинской земли.

(113) Я рассказал тебе об этом с той целью, чтобы ты понял, что этой речью я призываю тебя к таким делам, которым твои предки явно отдали предпочтение в своей деятельности, признавая самыми прекрасными. Всякому разумному человеку следует брать себе за образец самого лучшего из предков и стараться

¹⁶ Согласно легенде, Геракл предпринял поход на Трою только с шестью кораблями и небольшим количеством войск — ср. Hom. II., V, 641. О героях, сопровождавших его, см. Diod. IV, 49; Pind. Isthm., V, 40; Nem. III, 63. У Сенеки в «Агамемноне» мы находим сообщение, что Геракл потратил на осаду Трои столько же дней, сколько Агамемнон — лет (ср. Sen. Agam., 857).

¹⁷ Имеются в виду вожди варварских племен, например Мигдон, Сарпедон, Бусирис, Антей — мифические герои, выступавшие в цикле мифов, связанных с Гераклом.

стать таким, а особенно это относится к тебе. В самом деле, если тебе нет надобности обращаться за примерами к чужим предкам, но такой есть в твоём роду, разве не естественно, чтобы он побуждал тебя к стремлению сравняться со своим предком? (114) Я не говорю, что ты сможешь повторить все подвиги Геракла (даже некоторые боги, пожалуй, не смогли бы этого), но, во всяком случае, по духовным качествам, по человечности, по его благожелательности к эллинам ты мог бы сравняться с ним в стремлениях. Последовав моим советам, ты можешь добиться такой славы, какой сам пожелаешь. (115) Ведь при твоём теперешнем положении тебе легче приобрести высшую славу, чем при том состоянии дел, которые ты застал, вступив на престол,— достигнуть нынешней славы. Заметь, что я убеждаю тебя, прибегая к помощи таких примеров, следуя которым ты станешь совершать походы не в союзе с варварами против таких людей, война с которыми не является справедливой, а в союзе с эллинами против тех, с кем и следует воевать потомку Геракла.

(116) Не удивляйся, что на протяжении всей этой речи я пытался склонить тебя к оказанию услуг эллинам, к кротости и человеколюбию. Я вижу, что жестокость тягостна и для тех, кто применяет ее, и для тех, кто подвергается ей, а кротость не только людей, но и всех остальных живых существ ценится высоко. (117) Ведь даже среди богов те, которые являются источником наших благ, называются олимпийскими, а ведающие несчастьями и наказаниями имеют очень неприятные имена: одним частные лица и государства воздвигают храмы и алтари, других же не почитают ни молитвами, ни жертвоприношениями — мы отворачиваем их от себя заклинаниями. (118) Имея это в виду, ты должен постоянно заботиться о том, чтобы еще в большей степени, чем теперь, у всех людей утвердилось такое мнение о тебе. А тот, кто сильнее других добивается все большей и большей славы, должен устремляться всем своим существом к подвигам, хотя и выполнимым, но по замыслу приближающимся к мечте.

(119) Ты мог бы убедиться на многих примерах в необходимости поступать именно таким образом, а особенно на примере с Ясоном¹⁸. Он, не совершив ничего такого, что могло бы сравниться с твоими деяниями, достиг огромной славы не делами своими, а словами: он распространял слухи, будто собирается переправиться на материк и воевать с царем. (120) Если Ясон только с помощью слова сумел так возвеличиться, какова же будет твоя слава, если ты осуществишь это на деле и главным образом попытаешься полностью сокрушить это царство или по крайней мере захватить как можно больше земли и занять Азию, как говорят, от Киликии до Синопы: кроме того, основать города на этой территории и поселить там тех, кто скитается теперь за неимением необходимых средств к жизни и вредит всем встречным. (121—122) И если мы не остановим роста их численности (а это мы можем сделать, предоставив им достаточные средства к жизни), то их незаметно для нас станет так много, что они будут не столько не менее опасны для эллинов, чем для варваров. А мы на это не обра-

---

¹⁸ Ясон — тиран фессалийского города Фер в 70-х годах IV в. до н. э. Ко времени похода спартанского царя Клеомброта, посланного для защиты союзников Спарты от посягательств фиванцев и Ясона (ок. 374 г. до н. э., как полагает Штелин, — см. RE, s. v. Iason), Ясон подчинил себе большую часть Фессалии и стал ее главой — *тагом*. Ясон, опираясь на большое войско наемников, приступил к строительству большого флота (Xen. Hell., VI, 4, 21) и носился с планами покорения Малой Азии (Xen. Hell., VI, 1, 12).

щаем никакого внимания и не видим, как растет общая угроза и опасность для всех нас. (123) Совершив это, ты не только их сделаешь счастливыми, но и обеспечишь безопасность для всех нас. А если ты и этого не достигнешь, то другого, во всяком случае, добьешься легко — ты освоишь те города, которые находятся в Азии. Какое бы ты из этих деяний не совершил, или хотя бы только попытался совершить, ты непременно прославишься больше других — и с полным правом: если ты только и сам устремился к этому, и эллинов увлечешь. (124) Ведь кто теперь — и по праву — не станет удивляться создавшемуся положению и презирать нас, когда у варваров, которых мы всегда считали изнеженными, неопытными в военном деле, испорченными роскошью, появились люди, претендующие на господство над Элладой, а из эллинов никто и не думает о том, (125) чтобы попытаться сделать нас господами Азии. Мы оказались настолько ниже их, что они не побоялись первыми проявить вражду к эллинам, а мы не осмеливаемся отомстить им даже за причиненное зло. В то время как они признают, что во всех войнах у них не находится ни воинов, ни полководцев, и вообще никаких средств, пригодных для отражения опасностей, (126), но получают они все это от нас, мы в своем стремлении причинять себе зло дошли до того, что, несмотря на возможность безбоязненно владеть их достоянием, воюем между собой из-за мелочей, помогаем покорять тех, кто отпадает от власти царя, и сами не замечаем, как иногда вместе с нашими наследственными врагами мы готовы погубить и своих сородичей.

(127) Поэтому я считаю, что тебе полезно возглавить войну против него, в то время как остальные так малодушны. Все другие потомки Геракла, скованные государственными законами, обязаны подчиняться тому государству, в котором они живут, а ты, оказавшись как бы вольным человеком, должен считать своей отчизной всю Элладу, как и ваш прародитель, и подвергать себя за нее опасностям так же, как и за самое важное для тебя самого дело.

(128) Может быть, некоторые осмелятся порицать меня — те, которые только и умеют заниматься этим, — за то, что я предпочел обратиться с призывом к походу против варваров и заботе об эллинах к тебе, обойдя свое государство. (129) Я мог бы согласиться, что ошибаюсь, только в том случае, если бы раньше обращался с речами по этому поводу к кому-нибудь другому, а не к своей родине, трижды освободившей эллинов: два раза от варваров и один раз от господства лакедемонян. Но на самом деле ясно, что именно ее прежде всего призывал я к этому со всей возможной для меня энергией. Когда же я почувствовал, что она на мои слова обращает меньше внимания, чем на речи ораторов, беснующихся на трибуне перед народом, я отступил от нее, не отказавшись, однако, от своей цели. (130) Поэтому я заслуживаю одобрения всех за то, что со всей присущей мне силой я все время борюсь с варварами, обвиняю тех, кто придерживается другого мнения, чем я, пытаюсь склонить к деятельности тех, кто, по моему мнению, более всего способен сотворить какое-нибудь благо для эллинов, а варваров лишить того благоденствия, которым они наслаждаются сейчас. (131) По этой причине я и обращаюсь теперь к тебе с речью, хорошо зная, что хотя к планам, предлагаемым мною, многие будут относиться недружелюбно, но, когда ты их осуществишь, рады будут все. Ведь к предложениям моим никто здесь не причастен, а от выгод, которые отсюда будут проистекать, ни один человек не захочет отказаться.

(132) Обрати внимание на то, как позорно допускать, чтобы Азия пользовалась большим благополучием, чем Европа, чтобы варвары были богаче эллинов, чтобы те, кто унаследовал власть от Кира,— которого мать подбросила на дороге,— назывались великими царями, а потомки Геракла, которого отец его за доблесть причислил к богам, именовались менее почетно¹⁹. Этого больше допускать нельзя, но все это надо изменить и переделать.

(133) Будь уверен, что я не стал бы давать тебе ни одного совета, если от них можно было ожидать только могущества и богатства. Я думаю, таких по крайней мере благ у тебя и сейчас больше чем достаточно, и слишком ненасытен тот, кто решает подвергнуться опасности с тем, чтобы или добиться успеха, или лишиться жизни. (134) Нет, не приобретение благ имел я в виду, обращаясь с речью к тебе: но полагал, что благодаря им ты будешь обладать величайшей и прекраснейшей славой. Ты подумай о том, что все мы смертны, но благодаря доброй славе, похвалам, известности и памяти в веках мы получаем бессмертие, которое стоит того, чтобы к нему стремиться, претерпевая, насколько это в наших силах, любые испытания. (135) Ты можешь заметить, что даже из обычных людей самые лучшие ни на что другое не променяли бы своей жизни, но, чтобы добиться доброй славы, готовы погибнуть на войне; и вообще тех людей, которые стремятся ко все большей и большей славе, все хвалят, а тех, которые ненасытны в чем-нибудь другом, считают весьма невоздержанными и дурными. (136) А самое главное заключается в том, что богатство и могущество часто попадают во власть врагов, в то время как благожелательность со стороны сограждан и все другое, о чем говорилось выше, мы оставляем в наследство только нашим потомкам. Поэтому мне следовало бы стыдиться, если бы не ради этого я советовал тебе предпринимать этот поход, воевать, подвергаться опасностям.

(137) Ты примешь самое лучшее решение по этому поводу в том случае, если поймешь, что не только эта речь призывает тебя, но и твои предки, и трусость варваров, и те, которые стали известными и прослыли полубогами благодаря походу против варваров; а более всего призывает тебя настоящее время, так как ты сейчас достиг такого могущества, какого не достигал никто в Европе, а того, с кем ты будешь воевать, все настолько ненавидят и презирают, как никого и никогда из царей, правивших до него.

(138) Я бы высоко оценил возможность собрать воедино все, что я говорил в своих речах по этим вопросам: тогда такую речь признали бы более соответствующей данной теме. Тем не менее ты должен сам изучить из всех приводимых мною доводов те, которые усиленно побуждают тебя к этой войне: только таким образом ты сможешь принять лучшее решение.

(139) Мне хорошо известно, что многие эллины считают могущество царя недолимым. Но достойно удивления, если они думают, что эллин, обладающий большим опытом в военном деле, не сумеет разрушить во имя свободы это могущество, завоеванное и организованное для рабства каким-то варваром, к тому же плохо воспитанным: а ведь эти люди должны знать и то, что создавать все трудно, а разрушать легко.

(140) Прими во внимание и то, что все более всего почитают и восхищаются теми людьми, кто одновременно умеет и заниматься государственными дела-

---

¹⁹ Македонские цари, так же как спартанские, именовались просто царями, тогда как персидский царь назывался «великим царем».

ми, и предводительствовать на войне. И если ты видишь, как люди, обладающие такими качествами и живущие в одном определенном государстве, пользуются почетом, каких же нужно ожидать похвал тебе, которые будут высказаны, когда ты окажешься вследствие оказанных тобою услуг государственным деятелем среди всех эллинов, а благодаря своему военному искусству — победителем варваров? (141) Я, со своей стороны, считаю, что это будет пределом славы, потому что никто в будущем не сможет добиться большего: ведь у эллинов не будет уже такой задачи, которая заключается в том, чтобы от бесконечных войн привести всех нас к соглашению, и невероятно, чтобы варвары восстановили такое могущество, если ты уничтожишь то, которое у них сейчас имеется. (142) Поэтому из последующих поколений никто, даже если он будет выдающимся человеком по своим качествам, не сможет совершить ничего подобного. Что же касается подвигов предков, то подвиги, уже совершенные тобой, я могу поставить выше — искренне и без всякой натяжки. Ведь если ты покорил столько народов, сколько никогда ни один из эллинов не захватывал городов, разве не смог бы я, сопоставляя тебя с каждым из них, легко показать, что ты совершил нечто большее, чем они? (143) Но я предпочел воздержаться от такого рассмотрения по двум причинам: во-первых, потому что некоторые пользуются им некстати, во-вторых, потому что не хочу ставить тех, кого считают полубогами, ниже людей, живущих сейчас.

(144) Обрати внимание и на то — вспомни кое-что и о древних, — что богатство Тантала, власть Пелопа, могущество Еврисфея не стал бы восхвалять никто: ни изобретательный оратор, ни поэт — но все готовы восхвалять участников похода на Трою и тех, кто сравнялся с ними, правда, только после великого Геракла и доблестного Тесея. (145) А между тем мы знаем, что самые известные и самые доблестные из них правили крохотными городками и островками, и все же они оставили по себе божественную и громкую славу, потому что все люди любят не тех, кто приобрел могущество для самого себя, а тех, кто стал причиной самых больших благ для всех эллинов.

(146) Но ты увидишь, что не только о них у людей такое мнение, но оно возникает и во всех подобных случаях, потому что и наш город никто не стал бы хвалить за то, что он захватил власть на море, и за то, что собрав такую огромную сумму денег с союзников, переправил их на Акрополь. Конечно, никто не стал бы его хвалить и за то, что он захватил в свои руки право из многочисленных существующих государств одни разрушить, другие возвеличить, третьи устраивать по своему усмотрению: делать все это было во власти нашего города. (147) По причине всего этого было выдвинуто много обвинений против него. Но за Марафонское сражение, за морскую битву при Саламине и особенно за то, что афиняне покинули свой город ради спасения всех эллинов, все прославляют его. (148) Того же мнения придерживаются и о лакедемонянах: ими восторгаются скорее из-за поражения, которое они потерпели при Фермопилах, чем за все одержанные ими победы, и на памятник, воздвигнутый варварами²⁰ в знак победы над ними, смотрят с любовью. Памятники же, воздвигнутые лакедемонянами в знак победы над другими эллинами, не одобряют и смотрят на

---

²⁰ По-видимому, Исократ здесь имеет в виду место в Фермопильской долине, где персы воздвигли свой трофей; позднее это место было отмечено колоннами, которые поставили греки, — см. Herod. VII, 228.

них с неудовольствием, так как упомянутый выше считают выражением доблести, а эти — символ стремлений к господству над другими.

(149) Так вот, продумав и взвесив все это, обвини мой возраст, если что-нибудь из сказанного мною окажется слишком слабым или имеющим недостатки, — возраст; которому все люди простили бы, имея для этого все основания. Но если содержание окажется таким же, как в опубликованных мною прежде речах, то надо полагать, что это не старость моя нашла, но божество подсказало, не обо мне думая, но заботясь об Элладе, желая и ее избавить от нынешних бед, и тебя окружить еще большей славой, чем ныне. (150) Тебе, я думаю, неизвестно, каким образом боги управляют делами людей. Они не сами непосредственно причиняют добро и зло, выпадающие на долю людей, но вселяют в душу каждого такой образ мыслей, что то и другое мы сами причиняем друг другу. (151) Может быть, и теперь дар красноречия они уделили нам, а для дел назначают тебя, считая, что последними лучше всего, пожалуй, сможешь управлять ты, а моя речь, вероятно, менее всего способна доставить неприятность слушателям. И я полагаю, что и содеянное тобой до этого времени едва ли могло достигнуть таких размеров, если бы этому не способствовал кто-нибудь из богов — (152) не для того, чтобы ты всегда воевал только с живущими в Европе варварами, но с той целью, чтобы ты, закалившись в борьбе с ними, приобретя опыт и осознав свои силы, устремился против тех варваров, выступить против которых я и советую. Ведь стыдно отставать, когда судьба благоприятствует тебе, и не предоставлять себя в ее распоряжение для той цели, к которой она хочет тебя повести.

(153) Я считаю, что ты должен ценить всех, кто отзываясь добрым словом о совершенных тобою делах, однако ты должен признать, что лучше всего прославляют тебя те, кто считает тебя способным свершить еще более великие дела, а также те, кто не только в настоящий момент говорит тебе приятное, но заставит и последующие поколения восхищаться твоими делами так, как ничьими другими из предшествующих поколений. Хотя я хочу сказать по этому поводу еще многое, но не могу этого сделать, а по какой причине — об этом я говорил более чем достаточно.

(154) Итак, остается подвести итог всему сказанному выше, чтобы ты познакомился в наиболее сжатом виде с моими советами. Я утверждаю, что ты должен быть благодетелем эллинов, царем македонян, повелителем возможно большего числа варваров. Если ты будешь это делать, все будут тебе благодарны: эллины — за услуги, македоняне — если ты будешь править ими как царь²¹, а не как тиран, другие народы — если избавятся благодаря тебе от варварской деспотии и окажутся под покровительством Эллады. (155) Насколько все это написано своевременно и тщательно, справедливо узнать от вас, слушателей. Однако то, что никто не дал бы тебе советов лучше этих и более пригодных для сложившихся обстоятельств, это я знаю точно.

---

²¹ Ср. неравноправие македонян по сравнению с эллинами. Исократ ясно дает понять здесь, как и в других местах этой речи (ср. § 107—108), что считает македонян (кроме, разумеется, самого Филиппа) варварами или, во всяком случае, неполноценными эллинами.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ** — Вестник древней истории. М.
AJP — American Journal of Philology. Baltimore.
AS — Ancient Society. Kessel-Lo.
CAH — Cambridge Ancient History. Cambridge.
CQ — Classical Quarterly. Oxf.
Hist. — Historia. Wiesbaden.
JHS — Journal of Hellenic Studies. L.
Ph. — Philologus. Wiesbaden.
REA — Revue des Études anciennes. Bordeaux.
REG — Revue des Études Greques. P.
ТАРА — Transactions and Proceedings of American Philological Association.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев, 1983 — *Андреев В. Н.* Аграрные отношения в Аттике в V—IV вв. до н. э.— Античная Греция. Т. 1. М., 1983.
- Бабст, 1851 — *Бабст И.* Государственные мужи древней Греции в эпоху ее распада. М., 1851.
- Бергер, 1966 — *Бергер А. К.* Политическая мысль древнегреческой демократии. М., 1966.
- Борухович, 1957 — *Борухович В. Г.* Исократ и Демосфен. Анонимная полемика как основание для датировки речи «Филипп». — Ученые записки Горьковского государственного ун-та. Серия ист.-фил. Вып. 43. Горький, 1957.
- Борухович, 1967 — *Борухович В. Г.* Значение терминов «гомоноя» и «свнойа» в публицистике и политической литературе Афин второй половины IV в. до н. э.— Ученые записки Горьковского пединститута иностранных языков. Вып. 5. Горький, 1967.
- Борухович, 1972 — *Борухович В. Г.* Историческая концепция египетского логоса из Геродота.— Античный мир и археология, Вып. 1. Саратов, 1972.
- Борухович, 1974 — *Борухович В. Г.* Египет в классической греческой трагедии.— Античный мир и археология. Вып. 2. Саратов, 1974.
- Борухович, Колотова, 1951 — *Борухович В. Г., Колотова М. Г.* Панэллинизм и буржуазная историография античности.— ВДИ. 1951, № 1.
- Борухович, Фролов, 1969 — *Борухович В. Г., Фролов Э. Д.* Публицистическая деятельность Исократа.— ВДИ. 1969, № 2.
- Велков, 1967 — *Велков В. И.* Рабы-фракийцы в античных полисах Греции VI—II вв. до н. э.— ВДИ. 1967, № 4.
- Гаспаров, 1972 — *Гаспаров М. Л.* Цицерон и античная риторика.— Цицерон и его время. М., 1972.
- Глускина, 1973 — *Глускина Л. М.* О специфике греческого классического полиса.— ВДИ. 1973, № 2.
- Глускина, 1975 — *Глускина Л. М.* Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975.
- Глускина, 1983 — *Глускина Л. М.* Проблемы кризиса полиса.— Античная Греция. Т. 2. М., 1983.
- Гребенский, 1975 — *Гребенский Н. Н.* ΚΟΙΝΗ ΕΙΡΗΝΗ и федеральное движение в Греции.— Из истории античного общества. Вып. 1. Горький, 1975.
- Гуторов, 1989 — *Гуторов В. А.* Античная социальная утопия. Л., 1989.
- Доватур, 1958 — *Доватур А. И.* Социальная и политическая терминология в «Афинской политике» Аристотеля.— ВДИ. 1958, № 3.
- Доватур, 1965 — *Доватур А. И.* Политика и политии Аристотеля. М.-Л., 1965.
- Доватур, 1968 — *Доватур А. И.* О двух апориях в «Политике» Аристотеля.— ВДИ. 1968, № 3.
- Зельин, 1960 — *Зельин К. К.* Из области греческой историографии IV в. до н. э.— ВДИ. 1960, № 1.
- Зельин, 1964 — *Зельин К. К.* Борьба политических группировок в Аттике в VI веке до н. э. М., 1964.
- Исаева, 1974а — *Исаева В. И.* Политическая программа Исократа в речи «Филипп». — ВДИ. 1974, № 2.
- Исаева, 1974б — *Исаева В. И.* О некоторых направлениях в изучении речей Исократа.— ВДИ. 1974, № 4.

- Исаева, 1976 — *Исаева В. И.* Проблема *πάτριος πολιτεία* Исократы (Вопросы внутренней организации полиса).— ВДИ. 1976, № 3.
- Исаева, 1978 — *Исаева В. И.* Особенности политической публицистики Исократы.— ВДИ. 1978, № 2.
- Исаева, 1983 — *Исаева В. И.* Принципы межполисных отношений в Греции конца V — середины IV в. до н. э.— Античная Греция. Т. 2. М., 1983.
- Исаева, 1984 — *Исаева В. И.* Фракийские сюжеты у Исократы и Демосфена.— Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984.
- Исаева, 1990 — *Исаева В. И.* Идеологическая подготовка эллинизма.— Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990.
- Казакевич, 1958 — *Казакевич Э. Л.* О роли ранних форм капитала в Афинах IV в. до н. э.— ВДИ. 1958, № 2.
- Коршунков, 1988 — *Коршунков В. А.* Эфиальт и значение реформы Ареопага.— Античное общество и государство. Л., 1988.
- Куклина, 1969 — *Куклина И. В.* "Άβλοι в античной литературной традиции.— ВДИ. 1969, № 3.
- Лапина, 1962а — *Лапина М. С.* Антитеза в периодической речи Исократы.— Труды филологического фак. Харьковского государственного университета. Т. 10. Харьков, 1962.
- Лапина, 1962б — *Лапина М. С.* О композиции периодов у Исократы.— Труды филологического фак. Харьковского государственного университета. Т. 10. Харьков, 1962.
- Маринович, 1962 — *Маринович Л. П.* Социально-политическая борьба и наемничество в Греции IV в. до н. э. в трактате Энея Тактика.— ВДИ. 1962, № 3.
- Маринович, 1965 — *Маринович Л. П.* Место наемников в общественно-политических взглядах Исократы.— ВДИ. 1965, № 3.
- Маринович, 1968 — *Маринович Л. П.* Наемники в период Пелопоннесской войны.— ВДИ. 1968, № 4.
- Маринович, 1975 — *Маринович Л. П.* Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975.
- Миллер, 1967 — *Миллер Т. А.* Письма Платона и Исократы.— Античная эпистолография. М., 1967.
- Миллер, 1975 — *Миллер Т. А.* К истории литературной критики в классической Греции V—IV вв. до н. э.— Древнегреческая литературная критика. М., 1975.
- Миллиор, 1939 — *Миллиор Е. А.* Исократ и II Афинский морской союз.— Ученые записки ЛГУ. Вып. 4. № 39. Л., 1939.
- Оранский, 1942 — *Оранский В. В.* Вопросы права (*dikaion, dike*) и интереса в эпоху Пелопоннесской войны.— Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. Т. 28. Вып. 1. М., 1942.
- Оссовская, 1987 — *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа. Исследование по истории морали. М., 1987.
- Рожицын, 1914 — *Рожицын В. С.* Развитие в греческой политической литературе учения о формах государственного устройства.— Сборник статей в честь проф. В. Н. Бузескула. Харьков, 1914.
- Россиус, 1987 — *Россиус А. А.* Полемика Исократы с академией Платона.— ВДИ. 1987, № 2.
- Ростовцев, 1925 — *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
- Сахненко, 1978 — *Сахненко Л. А.* Греческая социально-политическая лексика периода Пелопоннесской войны.— Филологические науки. М., 1978, № 6.
- Соболевский, 1957 — *Соболевский С. А.* Аристофан и его время. М., 1957.
- Тюменев, 1922 — *Тюменев А. И.* Очерки социальной и экономической истории Греции. Пг., 1922.
- Фроликова, 1972 — *Фроликова А.* Важнейшие аспекты интерпретации Исократы.— Проблемы античной истории и культуры. Т. 2. Ер., 1972.
- Фролов, 1969 — *Фролов Э. Д.* Монархическая идея у Исократы.— Проблемы отечественной и всеобщей истории. М., 1969.
- Фролов, 1972а — *Фролов Э. Д.* Греческие тираны. Л., 1972.
- Фролов, 1972б — *Фролов Э. Д.* Из предистории младшей тирании (Столкновение личности и государства на рубеже V—IV столетий до н. э.).— ВДИ. 1972, № 2.

- Фролов, 1976 — Фролов Э. Д. Ксенофонт и его «Киропедия». — Ксенофонт. Киропедия. М., 1976.
- Фролов, 1978 — Фролов Э. Д. Сицилийская держава Дионисия. Л., 1978.
- Фролов, 1983а — Фролов Э. Д. Младшая тирания. — Античная Греция. Т. 2. М., 1983.
- Фролов, 1983б — Фролов Э. Д. Панэллинизм в политике IV в. до н. э. — Античная Греция. Т. 2. М., 1983.
- Широкова, 1979 — Широкова И. С. Идеализация варваров в античной литературной традиции. — Античный полис. Л., 1979.
- Шишова, 1968 — Шишова И. А. Порабощение военнопленных в Греции V—IV вв. до н. э. — Рабство на периферии античного мира. Л., 1968.
- Шофман, 1960 — Шофман А. С. История античной Македонии. Казань, 1960.
- Шофман, 1967 — Шофман А. С. Идеологическая подготовка восточных походов в греческой историографии, литературе и публицистике. — Вопросы историографии всеобщей истории. Вып. 2. Казань, 1967.
- Acosta, Solá, 1970—1971 — Acosta E., Solá E. Aspectos socioeconomicos de la Grecia del siglo IV. — Boletín del Instituto de Estudios Helenicos. T. 4, fasc. 2. Barcelona, 1970—1971.
- Adkins, 1972 — Adkins A. W. H. Moral values and political behavior in Ancient Greece. L., 1972.
- Albafull, Pages, 1971 — Albafull N., Pages E. Tendencias del pensamiento político en el siglo IV. — Boletín del Instituto de Estudios Helenicos. T. 5, fasc. 1. Barcelona, 1971.
- Arnheim, 1977 — Arnheim M. T. W. Aristocracy in Greek Society. L., 1977.
- Bacon, 1961 — Bacon H. Barbarians in Greek Tragedy. New Haven, 1961.
- Baldry, 1965 — Baldry H. G. The Unity of Mankind in Greek Thought. Cambridge, 1965.
- Barker, 1951 — Barker E. Greek Political Theory. Plato and his Predecessors. L., 1951.
- Barker, 1953 — Barker E. Thought and Theory in the Fourth Century. — САН. 1953.
- Barwik, 1963 — Barwik K. Das Problem der isocratischen Techné. — Ph. 1963, т. 107.
- Bekker, 1822 — Bekker I. Oratores Attici. Oxf., 1822.
- Belloni, 1986 — Belloni L. I «Persani» di Eschilo tra Oriente e Occidente. — L'Europa nel mondo antico. Milano, 1986.
- Beloch, 1897 — Beloch K. Griechische Geschichte. T. 2. Strassburg, 1897.
- Blass, 1892 — Blass Fr. Die attische Beredsamkeit. T. 2 Lpz. 1892.
- Bradford-Welles, 1966 — Bradford-Welles C. B. Isocrates' View of History. — The classical tradition, literary and historical studies in honor of Harry Caplan. N. Y., 1966.
- Bringmann, 1965 — Bringmann K. Studien zu den politischen Ideen des Isocrates. Göttingen, 1965.
- Bruce, 1960 — Bruce F. A. O. Internal Politics and the Outbreak of the Corinthian War. — Emerita. T. 28. Madrid, 1960.
- Brun, 1983 — Brun P. Eispheora — syntaxis — stratotika. Recherches sur les finances militaires d'Athènes au IVe siècle av. J.-C. P., 1983.
- Buchner, 1958 — Buchner E. Der Panegyrikos des Isokrates. Eine historisch-philologische Untersuchung. Wiesbaden, 1958.
- Burk, 1923 — Burk A. Die Pädagogik des Isokrates als Grundlegend des humanistischen Bildungsideals. Würzburg, 1923.
- Buxton, 1982 — Buxton R. G. A. Persuasion in Greek tragedy: a Study of Peitho. Cambridge, 1982.
- Carter, 1986 — Carter L. B. The Quiet Athenian. Oxf., 1986.
- Cecchin, 1969 — Cecchin S. A. Patrios politeia. Un tentativo propagandistico durante la guerra del Peloponneso. Torino, 1969.
- Cloché, 1933 — Cloché P. Isocrate et la politique lacédémonienne. — REA. P., 1933, E. 35. № 2.
- Cloché, 1963 — Cloché P. Isocrate et son temps. P., 1963.
- Delaurnois, 1959 — Delaurnois M. Le plan rhétorique dans l'éloquence grecque d'Homère à Demosthènes. Bruxelles, 1959.
- Dobesch, 1968 — Dobesch G. Der Panhellenische Gedanke im 4. Jh. Chr. und der «Philéppos» des Isokrates. Wien, 1968.

- Ducrey, 1968 — *Ducrey P.* Le traitement des prisonniers de guerre dans la Grèce antique à des origines la conquête romaine. P., 1968.
- Ehrenberg, 1947 — *Ehrenberg V.* Polypragmosyne: A Study of Greek Politics.— JHS. 1947, т. 62.
- Ellis, 1986 — *Ellis J. R.* Philip II and Macedonian Imperialism. L., 1986.
- Eucken, 1983 — *Eucken Ch.* Isocrates: seine Politionen in der Auseinandersetzung mit den zeitgenössischen Philosophen. B., N. Y., 1983.
- Farrar, 1989 — *Farrar C.* The Origins of Democratic Thinking. The Invention of Politics in Classical Athens. Cambridge, 1989.
- Ferguson, 1975 — *Ferguson J.* Utopias of the Classical World. L., 1975.
- Finley, 1952 — *Finley M. I.* Studies in Land and Credit in Ancient Athens 500—200 B. C. New Brunswick — New Jersey, 1952.
- Finley, 1975a — *Finley M. I.* The Heritage of Isocrates.— Use and Abuse of History. L., 1975.
- Finley, 1975b — *Finley M. I.* The Ancient Greeks and their Nation.— Use and Abuse of History. L., 1975.
- Frolíkova, 1974 — *Frolíkova A.* Isokratovy myšlenky o státě a společnosti.— Zpravy Jednoty klasických filologů. Praha, 1974, т. 16, № 1.
- Frolíkova, 1976 — *Frolíkova A.* Isokratova ideální monarchie.— Listy filologické. Praha, 1976.
- Fuks, 1954 — *Fuks A.* The Ancestral Constitution. L., 1954.
- Fuks, 1972 — *Fuks A.* Isocrates and the Social-Economics Situation in Greece.— AS. 1972, № 3.
- Fuks, 1974 — *Fuks A.* Patterns and Types of Social-Economic Revolution in Greece from the Fourth to Second Century.— AS. 1974, № 5.
- Fuks, 1984 — *Fuks A.* Social Conflict in Ancient Greece. Jerusalem-Leiden, 1984.
- Galiano, 1968 — *Galiano M. F.* Isocrates, VII, 32.— Emerita, т. XXXIV. Madrid, 1968.
- Garlan, 1972 — *Garlan Y.* La guerre dans l'antiquité. P., 1972.
- Gehrke, 1985 — *Gehrke H.-J.* Stasis. Untersuchungen zu den inneren Kriegen in den Griechischen Staaten des 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr. München, 1985.
- Gillis, 1970 — *Gillis D.* The Structure of Arguments in Isocrates.— De pace. Wiesbaden, 1970, т. 114, № 3—4.
- Gillis, 1971 — *Gillis D.* Isocrates Panegyricus; The Rhetorical Texture. — Wiener Studien. Wien, 1971, vol. 5.
- Grossman, 1950 — *Grossman G.* Politische Schlagwörter aus der Zeit des peloponnesischen Krieges. Basel, 1950.
- Guthrie, 1979 — *Guthrie W. K. S.* A History of Greek Philosophy. T. 5. Cambridge, 1979.
- Hansen, 1987 — *Hansen M. G. H.* The Athenian Assembly. L., 1987.
- Hansen, 1989 — *Hansen M. G. H.* Was Athens a Democracy? — Popular Rule, Liberty and Equality in Ancient and Modern Political Thought. Copenhagen, 1989.
- Hanson, 1983 — *Hanson V.* Warfare and Agriculture in Ancient Greece. Pisa, 1983.
- Harvey, 1985 — *Harvey F. D.* Dona ferentes: some aspects of bribery in Greek politics.— History of political Thought. L., 1985.
- Hudson-Williams, 1948 — *Hudson-Williams H. L.* Thucydides, Isocrates and the Rhetorical Methods of Composition.— CQ. 1948, т. 42. № 3—4.
- Hudson-Williams, 1951 — *Hudson-Williams H. L.* Political Speeches in Athens.— CQ. 1951, т. 1.
- Heilbrunn, 1977 — *Heilbrunn G.* The Composition of Isocrates «Helen».— TAPA. 1977, т. 107.
- Jacoby, 1949 — *Jacoby F.* The Chronicles of Ancient Athens. Oxf., 1949.
- Jaeger, 1939 — *Jaeger W.* Demosthenes. Der Staatsmann und sein Werden. B., 1939.
- Jaeger, 1940 — *Jaeger W.* The Date of Isocrates' Areopagiticus and the Athenian Opposition.— Athenian Studies to W. S. Ferguson. Oxf., 1940.
- Jaeger, 1945 — *Jaeger W.* Paideia. The Ideals of Greek Culture. T. 3. N. Y., 1945.
- Jaeger, 1986 — *Jaeger W.* Paideia: The Ideals of Greek Culture. T. 1—3. Oxf., 1986 (репринт).

- Jebb, 1962 — *Jebb R. S.* The Attis Orators from Antiphon to Isaeos. N. Y., 1962.
- Jermann, 1986 — *Jermann Ch.* Philosophie und Politik. Stuttgart, 1986.
- Jones, 1957 — *Jones A. H. M.* Athenian Democracy. Oxf., 1957.
- Jones, 1956 — *Jones J. W.* The Law and Legal Theory. Oxf., 1956.
- Jonson, 1957 — *Jonson R.* A Note on a Number of Isocrates Pupils. — AJP. 1957, т. 78.
- Jonson, 1959 — *Jonson R.* Isocrates Methods of Teaching. AJP. 1959, т. 80.
- Kennedy, 1958 — *Kennedy G.* Isocrates' Encomium of Helen: a Panhellenis Document. — TAPA. 1958, т. 89.
- Kennedy, 1963 — *Kennedy G.* The Art of Persuasion in Greece. Princeton, 1963.
- Kessler, 1911 — *Kessler J.* Isocrates und die panhellenische Idee. Paderborn, 1911.
- Kiechle, 1958 — *Kiechle K.* Zur Humanität in der Kriegsführung der Griechische Staaten. — Historia. 1958, т. 7.
- Kleine-Piening, 1930 — *Kleine-Piening F.* Que tempore Isocratis orationes quae *περί εἰρήνης* et *Ἀρεοπαγίτικος* inscribuntur compositae sunt. Paderborn, 1930.
- Larsen, 1948 — *Larsen J. A. O.* Cleisthenes and the Development of the Theory of Democracy at Athens. — Essays in Political Theory Presented to George H. Sabine. Ithaca, 1948.
- Lengauer, 1979 — *Lengauer W.* Greek Commanders in the 5th and 4th Centuries B. C. Politics and Ideology: A Study of Militarism. Warszawa, 1979.
- Lengauer, 1988 — *Lengauer W.* Pojecie rownosci w greckich koncepcjach politycznych. Od Homera do konca V wieku p.n.e. Warszawa, 1988.
- Levi, 1959 — *Levi M.* Isocrate. Saggio critico. Milano, 1959.
- Levitt, 1943 — *Levitt B.* Supreme Political Power in Greek Literature of the Fourth Century B. C. Philadelphia, 1943.
- Lewis, 1971 — *Lewis J. D.* Isegoria at Athens: When did it Begin? — Historia. 1971, т. 20.
- Lonis, 1979 — *Lonis R.* Guerre et religion en Grèce à l'époque classique. P., 1979.
- MacKendric, 1969 — *MacKendric P.* The Athenian Aristocracy. Cambridge, 1969.
- Mactoux, 1980 — *Mactoux M.-D.* Douleia. Esclavage et politiques discursives dans l'Athènes classique. P., 1980.
- Marclé, 1976 — *Marclé M. M.* Support of Athenian Intellectuals for Philip: A Study of Isocrates' Philippus and Speusippus Letter to Philip. — JHS. 1976, т. 96.
- Mathieu, 1925 — *Mathieu G.* Les idées politiques d'Isocrate. P., 1925.
- Meyer, 1902 — *Meyer Ed.* Geschichte des Altertums. T. 5. Stuttgart, 1902.
- Mikkola, 1954 — *Mikkola E.* Isocrates. Seine Anschauungen in Lichte seiner Schriften. Helsinki, 1954.
- Momigliano, 1934 — *Momigliano A.* Filippo il Macedone Saggio sulla storia Greca del IV secolo a. C. Firenze, 1934.
- Mossé, 1962 — *Mossé C.* La fin de la démocratie athénienne. Aspects sociaux et politiques du déclin de la cité grecque au IV siècle avant J.C. P., 1962.
- Mossé, 1979 — *Mossé C.* Comments elabore un mythe politique: Solon «pere fondateur» de la démocratie athénienne. — Annales. Économies. Sociétés. Civilisations. 1979, É. 34, №3.
- Mossé, 1984 — *Mossé C.* Politeuomenoi et idiotai: l'affirmation d'une classe politique à Athènes au IVe siècle. — REA. 1984, É. 86.
- Nieto, 1975 — *Nieto F. J.* Los acuerdos belicos en la antigua Grecia (Epoca arcaica y clasica). Santiago de Compostela, 1975.
- Nouhaud, 1982 — *Nouhaud M.* L'utilisation de l'histoire par les orateurs attiques. P., 1982.
- Ostwald, 1986 — *Ostwald M.* From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Berkeley, Los Angeles, London, 1986.
- Pearson, 1941 — *Pearson L.* Historical Allusions in the Attic Orators. — Classical Philology. Chicago, 1941, т. 36.
- Perlman, 1957 — *Perlman S.* «Isocrates» Philippus — A Reinterpretation. — Historia. 1957, т. 6.

- Perlman, 1961 — *Perlman S.* The Historical Example, Its Use and Importance as Political Propaganda in Attic Orators.— *Scripta Hierosolymitana*. Jerusalem, 1961, t. 7.
- Perlman, 1964 — *Perlman S.* The Causes and the Outbreak of the Corinthian War.— *CQ.* 1964, t. 14.
- Perlman, 1967 — *Perlman S.* Isocrates Advice on Philips Attitude Towards Barbarians.— *Historia*. 1967, t. 16, № 3.
- Perlman, 1969 — *Perlman S.* Isocrates «Philippus» and Panhellenism.— *Historia*. 1969, t. 18, № 3.
- Perlman, 1977 — *Perlman S.* Isocrates «ATPI» and Philip II.— *Archaia Macedonia. Anakomoseis kata to trito diethnes Symposio*. Thessalonike, 21–25 sept. 1977.
- Pohlmann, 1913 — *Pöhlmann R.*, von. Isocrates und das Problem der Democratic. München, 1913.
- Prandi, 1976 — *Prandi L.* La liberazione della Grecia nella propaganda Spartana durante la guerre del Peloponneso.— *I canali della propaganda nel mondo antico*. Milano, 1976.
- Problèmes, 1968 — *Problèmes de la guerre en Grèce ancienne*. P., 1968.
- Redfield, 1989 — *Redfield J.* The politics of Unmortality.— *Colloque sur l'orphisme et Orphée en l'honneur de Jean Rudhardt du 14 au 16 avril 1989*. Genève, 1989.
- Rekucka-Bugajska, 1988 — *Rekucka-Bugajska K.* Isokratesa mowa o Buzryse.— *Meander*. 1988, t. 43.
- Romilly, 1954 — *Romilly J.*, de. Les modérés Athéniens vers le milieu du IV-e siècle, echos et concordances.— *REG.* 1954, È. 66.
- Romilly, 1958 — *Romilly J.*, de. Eunoia in Isocrates.— *JHS.* 1958, t. 78.
- Romilly, 1968 — *Romilly J.*, de. Guerre et paix entre cités.— *Problèmes de la guerre en Grèce ancienne*. P., 1968.
- Ruschenbusch, 1958 — *Ruschenbusch E.* Πάτριος πολιτεία. Theseus, Drakon, Solon und Kleisthenes in Publizistik und Geschichtsschreibung des 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr.— *Historia*. 1958, t. 7, № 4.
- Ryder, 1965 — *Ryder T. T. B.* Koine eirene. General Peace and Local Independence in Ancient Greece. L., 1965.
- Sanneg, 1867 — *Sanneg P.* De schola Isocrates. Halle, 1867.
- Sinclair, 1951 — *Sinclair T. A.* A History of Political Thought. L., 1951.
- Sinclair, 1987 — *Sinclair R. K.* Democracy and Participation in Athens. Cambridge, 1987.
- Steidle, 1952 — *Steidle W.* Redekunst und Bildung bei Isocrates.— *Hermes*. 1952, t. 80.
- Sordi, 1985 — *Sordi M.* Introduzione: della «koine eirene» alla «pax Romana».— *La pace nel mondo antico*. Milano, 1985.
- Strauss, 1986 — *Strauss B. S.* Athens after the Peloponnesian War.— *Class, Faction and Policy* 403–386 B. C. Croom Helm, 1986.
- Toynbee, 1969 — *Toynbee A.* Some Problems of Greek History. Oxf., 1969.
- Tuplin, 1980 — *Tuplin Ch.* Some Emendations to the Family Tree of Isocrates.— *CQ.* 1980, t. 30, № 2.
- Tuszinska-Macjewska, 1987 — *Tuszinska-Macjewska K.* Gorgias and Isokrates Different Encomia of Helen.— *Eos*. Wroclaw, 1987, t. 75, № 2.
- Zimmern, 1961 — *Zimmern A.* The Greek Commonwealth. Politics and Economics in Fifth Century Athens. Oxf., 1961.
- Vatai, 1984 — *Vatai F. L.* Intellectuals in Politics in the Greek World: From Early Times to the Hellenistic Age. L., 1984.
- Vidal-Naquet, 1968 — *Vidal-Naquet P.* La tradition de l'hoplite athénien.— *Problèmes de la guerre en Grèce ancienne*. P., 1968.
- Vlastos, 1953 — *Vlastos Gr.* Ισονομία πολιτική.— *AJP.* 1953, t. 64.
- Vlastos, 1970 — *Vlastos Gr.* Equality and Justice in Early Greek Cosmologies.— *Studies in Presocratic Philosophy*. L., 1970.

- Wale-Gery, 1931 — *Wade-Gery H. T.* Eupatridai. Archons and Areopagus.— CQ. 1931, τ. XXV.
- Walbank, 1951 — *Walbank F. W.* The Problem of Greek Nationality.— Phoenix. Toronto, 1951, τ. 5.
- Webster, 1956 — *Webster T. B. L.* Art and Literature in Fourth Century Athens. London, 1956.
- Wendland, 1910 — *Wendland P.* Beiträge zur athenischen Politic und Publizistik. Gottingen, 1910.
- Wilken, 1929 — *Wilken U.* Philip II von Macedonien und die panhellenische Idee. B., 1929.
- Willamowitz-Moellendorf, 1893 — *Willamowitz-Moellendorf U.* Aristoteles und Athen. B., 1893.
- Wilson, 1966 — *Wilson C. H.* Thucydides, Isocrates and Athenian Empire.— Greece and Rome. Oxf., 1966, τ. 13.
- Woodhead, 1967 — *Woodhead A. G.* ΙΣΤΟΡΙΑ and the Council of 500.— Historia. 1967, τ. 16.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Агесилай 160
Александр Македонский 173
Алкивиад 164
Андокид 4, 21, 82
Аристотель 70, 71, 76,
77, 79, 81, 93—95, 98, 108,
113, 158, 175, 176
Арохидам 149
Геракл 161
Геродот 114
Гиперид 4, 8, 49
Гомер 161
Георгий 4, 7, 154
Демосфен 4, 16, 21,
31, 49, 70, 82, 86, 91, 100, 102,
105, 111, 112, 125, 143, 144,
145, 162, 163, 165, 172, 173,
177
Калликратид 37
Кинадон 41, 42
Клеарх 160
Клисфен 83, 84
Конон 164
Ксенофонт 31, 36, 37,
40, 70, 79, 81, 92, 110, 113, 116,
118, 123, 124, 138—142, 147,
150, 157, 158, 175
Ликург 8, 21, 36,
49, 82, 177
Лисий 4, 42, 46,
70, 110, 154
«Оксиринхский историк» 46, 31,
113, 139
Перикл 42, 149
Платон 70, 71, 76,
80, 92, 93, 95, 98, 110, 113, 115,
116, 121, 123, 124, 175
Протагор 96, 100
Солон 82—84,
96, 99
Софокл 113, 154
Тесей 83, 118
Ферамен 7, 88
Филипп 21, 23, 36,
57, 66, 86, 121, 125, 162—164,
166—171
Фукидид 56, 65, 77,
108, 133, 136—140, 142, 145,
147, 149
Эсхин 4, 49, 82,
102, 104, 177
Эсхил 21, 114,
154, 158
Ясон 44, 142, 161

---

* Указатели составлены Л. Л. Кофановым.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Автономия 60, 71, 134,
146—150, 152, 155, 157
- Ареопаг 51, 64, 79,
85, 88—90, 95, 99, 109
- Аудитория 49, 53, 99,
101—105, 111, 130, 155, 177
- Бедность 47, 65, 109,
112
- Богатство 42, 65, 66,
68, 108, 109, 112, 158, 159,
164, 165, 171
- Варвар 16, 45, 53,
57, 64, 67, 102, 110, 122, 126,
142, 143, 145, 149, 150, 154,
157—161, 163, 167, 169, 171,
179
- Власть 43, 52, 75,
99, 107, 116—120, 123, 124,
128, 130—132, 143, 152, 160,
164, 167
- Война 32, 55—57,
88, 110, 119, 122, 126—128,
130, 135—137, 140—142, 145,
159, 162, 168, 169
- Всеобщий мир 71
- Второй афинский морской союз 59,
61, 127, 129, 147, 148
- Гегемония 36, 38,
63—65, 95, 119, 129, 132, 144—
152, 154, 155, 167, 178
- Государство 39, 42, 47,
50, 54, 60, 67—69, 71, 73, 84,
88—99, 105, 107—109, 115,
119—126
- Греко-персидские войны 63, 64, 66,
154
- Демагог 104, 105
- Демократия 4, 41, 63,
64, 75, 77—79, 82—84, 86, 87,
89—98, 106, 107, 109, 111, 115,
122—124, 128, 130, 131, 176
- Держава 52, 60, 131,
152, 153, 159, 173
- Деспотия 116, 118,
131, 154, 159, 161
- Закон 46, 55, 83,
89, 109, 123, 163, 164
- Имущие 46, 66—68,
107, 109, 112
- История 62, 63, 72,
76, 83, 88, 112
- Конституция предков 62, 78, 82
- Красноречие (см. риторика)
- Лидер 92, 168
- Мир 33, 61, 79,
90, 111, 127, 131, 139, 157,
160, 162, 169
- Мнение большинства 59
- Народ 44, 118,
119, 152
- Народное собрание 49, 50, 87, 89,
96, 97, 100—102, 105, 135
- Неимущие 67, 69, 107,
178
- Несправедливость 56, 57, 59,
65, 128, 132
- Олигархия 33, 75, 77,
84, 86, 90, 91, 94, 95, 97, 112,
123, 124, 130, 131, 176, 177
- Панэллинизм 72, 73,
154—156, 163, 172, 173
- Пелопоннесская война 56, 77, 92,
96, 129, 136, 138, 142, 146,
151, 178
- Полис 9, 31, 39,
42, 51, 54—57, 60—62, 67—74,
80, 86, 93, 100, 104, 108—115,
117, 121, 136—141, 144—153
- Речь 50, 54, 58,
60, 64, 101, 103, 111, 119, 162,
176, 179
- Риторика 3, 4, 24, 49,
59, 62, 69, 101, 102, 104, 174,
175
- Свобода 60, 71,
92—94, 96, 100, 140, 142—144,
146—151, 161
- Слушатели (см. аудитория)
- Союзники 39, 57, 59,
61, 78, 92, 128, 129, 131, 132,

134—138, 148, 149, 152, 160,
167, 168, 173
Справедливость 55, 56, 71,
89, 93, 96, 101, 132—135, 143,
148, 168
Тиран 44,
113—115, 117—122, 127, 152
Тирания 43, 44, 60,
75, 86, 113—116, 120, 122, 124,
152, 155

Толпа 87, 89, 100,
103, 104
Утопия 63, 79, 80,
113,
Философия 17, 24, 30,
76, 89, 96, 101, 176, 177
Экономика 30, 45, 47,
68, 70, 108, 112, 113, 155, 171
174

УКАЗАТЕЛЬ АНТИЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ*

Aechylus

Ag 1423—1425 (114)

Promet. 224 (114), 942 (114)

Aeschines

I 25 (82, 83), 26 (82), 107 (103), 115 (103), 120 (103)

II 3 (103), 74 (103), 161 (103)

III 4 (104), 6 (86), 78 (102), 127 (91), 130 (91, 104), 143 (103), 146 (103),
172 (103), 173 (103), 259 (103)

Andocides

I 106—108 (82), 108—108 (83)

Aristophanes

Ach. 60—62 (45), 137—139 (104)

Ec. 173—176 (102)

Aristotles

Ath. pol. IV 4, 3 (95)

XIII 35, 3 (41, 44, 78, 79), 36—37 (90)

XV 41, 2 (94)

XXIII 2 (95)

Eth. Nic. V 4, 11a (108), 1134a (108), 14, 1137B (108)

Polit. I 2, 5 (158), 2, 125—126 (158)

IV 6, 2 (94), 10, 10 (94)

V 1, 4 (77)

Rhet II 20—25 (102)

II 11 (102)

Demosthenes

I 3 (163), 4 (163), 5 (143, 144), 10 (91, 168), 8—9 (165), 15 (143—
144), 16 (16, 103), 19—20 (112)

II 2 (165), 7 (163), 8 (163), 9 (168), 10 (163, 168), 13—14 (168), 19
(169), 22 (105), 23 (91, 165), 24 (103, 111, 165), 25 (91), 26—28 (91),
29 (91, 100)

III 4 (163), 5—6 (165), 14 (91), 16 (91, 163, 165), 21 (91, 111), 22 (91,
103), 23 (91), 24 (91, 144), 25—27 (91), 28 (126), 32 (111)

IV 9 (91), 10 (83, 91), 11 (83, 91, 163), 13—14 (103), 18 (165), 38 (103),
51 (103)

V 1 (105), 3 (103, 105), 7 (143), 17—19 (144), 22 (105), 24 (143), 25—
29 (105)

VI 25 (144), 55 (103)

VIII 14—15 (86), 32 (16), 43 (86), 49 (144), 59 (144), 60—62 (144), 280
(102)

IX 4 (16), 24 (143), 26 (144), 28—29 (144), 31 (163)

X 25 (144), 61—64 (144)

---

* В скобках указаны номера страниц, на которых имеются цитаты или ссылки на данный фрагмент источника.

- XIII 21–22 (82), 36 (174)
 XIV 3 (142), 19–34 (83), 36 (142, 144)
 XV 10 (143), 17 (143), 24 (143)
 XVIII 6–7 (83), 18 (144), 251–256 (83)
 XIX 12 (144)
 XX 90–93 (83), 102–104 (83)
 XXII 25 (83), 30–32 (83)
 XXIII 75 (89)
 XIV 59 (89), 103 (83), 113 (83), 142 (83), 211 (83), 212 (83)
 XXX 15–16 (89), 20 (89)
 XXXIII 6 (46)
 XXXIV 51 (46)
 XXXV 3 (46)
 XXXVII (46)
- Dinarchus**
- I 13 (103), 26 (103), 29–41 (103), 45–46 (103), 60 (103), 66 (103), 99 (103), 108 (103)
 II 6 (103), 20 (103)
 III 21 (86)
- Diodorus Siculus**
- XIII 65, 3 (36), 66, 3–4 (36), 67, 5 (39), 97 (40)
 XIV 17 (32)
 XV 21, 2 (36), 57–58 (110), 70, 3 (38, 47)
 XVI 24 (47)
- Dionysius Halicarnassensis**
- Isocr. 18 (7, 8)
- Euripides**
- Phoen. 555 (108)
 Ion. 621–624 (120), 625–629 (114)
- Hellenica Oxyrhynca**
- VI 6 (36)
 VIII (XIII) 2 (139)
 XVI 1 (37), 5 (139)
- Herodotus**
- I 32 (120)
 III 40–43 (120), 80 (14, 120)
 IV 137 (114)
 V 92 (114)
- Isocrates**
- Antid. 11 (7), 13 (60), 30 (122), 36 (16, 102), 38 (103), 40 (122), 45 (16), 50 (101), 61 (16, 102), 65 (65, 102), 76–77 (16), 78 (16, 64), 79 (16, 64, 102), 81 (101), 86 (102), 93–94 (15), 108–128 (15), 116 (60), 121 (59), 122–127 (15), 124 (59), 133 (59), 138 (59), 142–160 (65), 159–164 (67), 161 (8), 174 (15), 185 (101), 186–187 (15), 224–226 (14), 230–236 (14, 15), 274 (8), 277 (16), 280 (102), 293–295 (14)
 Archid. 40 (126), 49–50 (128), 64 (60, 149)
 Areopag. 1–2 (125), 4–5 (125), 6 (51, 64, 66, 125, 126, 159), 7 (51, 125), 8 (59, 88, 125), 9 (85, 126, 127), 10 (51, 59, 65, 85, 126, 127), 11 (51, 85), 12 (51, 85, 86, 88), 14 (51, 85, 86), 15 (85), 16 (51, 84, 85, 87, 88), 17 (51, 59, 84, 95, 88, 95, 126, 127), 18 (85), 21 (86, 87, 93), 22 (86, 87), 23 (84), 24 (51, 65), 25 (103, 106), 26 (86, 87), 27 (84, 86, 87), 28 (85, 107), 29 (85), 30 (53, 85), 31–32 (51, 85, 109), 33 (69, 85, 108, 109), 34 (67, 69, 85, 108, 109), 35 (53, 69, 85, 109), 36 (51), 37 (15, 84, 85), 39–42 (53–89), 43 (15, 53, 84, 85, 107), 44 (85, 109), 45 (15, 85, 89, 109), 46–47 (85, 109), 48 (15, 84, 85, 109), 49 (15, 84, 109), 50 (15, 64, 67), 51 (51, 64, 85, 88, 160, 167), 52 (51, 85, 87, 88), 53 (51, 85), 54 (67, 85), 55 (15, 85), 59 (84, 87), 65 (51, 64), 68–69 (51), 72

- (107), 73 (51), 75 (126, 160), 80 (39, 59, 64, 85, 160), 81 (51, 59, 88, 126), 82 (110, 111), 83 (67, 107), 104 (135)
- Bus.** 15 (118), 32 (118)
- De pace** 1 (102), 3 (51, 87, 111, 130), 4 (51, 87, 107, 111, 130), 5 (51, 87, 103, 111, 130), 6 (70, 111, 131), 7 (88, 111, 130, 133, 136), 8 (87, 111), 9 (51, 87, 111, 130, 141), 10—11 (111), 12 (51, 87, 130), 13 (51, 87, 103, 107, 111), 14 (51, 87, 88, 103, 111, 130), 16 (55, 61, 127, 148, 157), 17 (39, 61, 127, 133, 136), 19 (57, 61, 66, 88, 130), 20 (47, 53, 57, 61, 65, 66, 67, 107, 110, 127, 140), 21 (57, 61, 66, 88, 126, 130), 22 (57, 61, 67), 23 (51, 61), 24 (61, 67), 25 (61, 127, 140), 26 (51, 52, 61, 66, 130, 133, 134), 27 (16, 61), 28 (57, 61, 133), 29 (39, 52, 57, 61, 127, 140), 30 (39, 51, 52, 61, 63, 70, 126, 132, 134, 151), 31 (56, 61, 70, 134), 32 (56, 57, 61, 66, 70), 33 (56, 61, 70, 134), 34 (56, 61, 70, 134, 152), 35 (56, 61, 70), 36 (111), 37 (111, 127), 38 (51, 63, 87, 111, 130), 39 (87, 111), 40 (111), 41 (61, 63, 136), 42 (52, 59, 63, 88, 126, 128, 130, 132, 151), 43 (63, 64, 127, 128, 140, 160), 44 (38, 127, 128, 140), 45 (126, 128, 140), 46 (39, 67, 88, 111, 126—128, 130, 135, 140), 47 (67, 88, 111, 126, 128, 130, 140, 158), 48 (67, 111, 128, 131, 140), 49 (140), 50 (111, 127, 140), 51 (51, 131, 140), 52 (87, 107, 140), 53 (51, 87, 127, 130, 140), 54 (15, 140), 55 (51, 140), 56 (127), 57 (135), 58 (52, 53, 66, 133, 135) 59 (51, 130, 135), 60—61 (87), 62 (55, 87), 63 (51, 55, 56, 66, 106), 64—65 (55, 57, 106), 66 (52, 53, 55—57, 66, 87, 106, 131, 133), 67 (55, 148), 68 (55, 67, 128, 134, 157), 69 (55, 88, 126), 70 (53, 66, 111, 133), 72 (16, 66), 74 (53, 66, 133), 77 (106), 78 (59, 106, 127), 79 (55, 57, 64, 65, 106, 128), 80 (57, 106), 81 (67, 106), 82 (67, 106, 127), 83 (55, 106), 84 (51, 106), 85 (39, 51, 106, 136), 86 (52, 106, 126, 131), 87 (106, 126), 88 (41, 111, 127, 146), 89 (111), 91 (53, 127), 92 (47, 67), 93 (52, 87, 131), 95—100 (39, 51, 135), 101 (52, 132), 102 (132, 151), 108 (53, 66, 130, 133), 110—113 (53), 114—115 (53, 121), 120 (107), 121 (87, 105, 136), 124 (87, 103, 105, 106), 125 (59, 88, 126, 128, 130), 126—127 (51, 88, 130), 128, 130 (51, 52, 65, 67, 107), 131 (67, 88, 130), 133 (51, 112, 131), 138 (52, 132, 134)
- Euag.** 9 (16), 10 (16, 64), 11 (16), 12—18 (59, 119), 24 (120), 29 (38), 35—36 (59, 120), 42—43 (122), 45 (59), 54 (59, 119), 57 (119), 66 (119), 68 (119)
- Epist.** VII. 8—9 (122)
- Hel.** 5 (15), 32 (118), 37 (117), 43 (117)
- Nic.** 5—6 (14, 121), 14 (121), 15 (59, 121), 22—24 (122), 26 (119)
- Panath.** 2 (16), 11 (50), 12—13 (103, 105), 24 (63), 48 (63), 52 (63, 142, 150), 53 (60), 54 (63), 56 (60), 97 (143), 102—106 (150), 114—115 (60)
- Paneg.** 3 (16), 4 (15, 16, 50, 64), 8 (16, 101), 9—10 (16), 17 (50, 51, 53, 65, 155, 160), 18 (51), 19 (16, 155), 23—72 (61), 26 (59), 33 (155), 34 (51, 53, 65, 160), 37 (160), 47—50 (14), 52 (63, 140, 150), 57 (60, 63, 126, 151), 63 (63), 64 (51), 68—70 (63), 75 (59, 63, 140, 142), 80 (57, 152), 81 (57, 63), 85—100 (83), 85 (63, 143, 150), 93 (142), 97 (142), 100—103 (57, 63, 129), 104 (60, 152), 115 (51, 57, 61, 148), 116 (51, 61, 141), 117 (61, 148, 150), 118 (61, 64, 150, 160), 119 (51, 53, 61, 65, 150, 157, 160), 120—121 (61, 150, 157), 122 (61, 135, 140, 143), 123—125 (51, 61), 126 (51, 61, 135), 132 (51, 65, 141, 159, 160), 133 (51, 65, 141, 159, 160), 134 (51, 53, 160), 135—136 (51, 160), 137 (51, 126, 160), 138—164 (64), 139 (51), 150 (51, 159), 151 (51, 53, 67, 159), 152 (53, 67, 158, 159), 154 (82), 155 (51, 64, 66, 157, 159), 158 (67), 160 (159, 165), 161 (159), 162 (159), 166 (161), 168 (140, 141), 174 (51, 65, 141, 160), 182 (141), 183 (140), 185 (51, 64, 66, 159), 215 (153)

- Plat.** 43 (59, 149), 57 (82)
Philipp. 2—3 (168—169), 4 (50, 165, 168), 5 (167, 168, 170), 6 (168, 170), 7 (140), 9 (51, 53, 65, 66, 141, 160), 10 (51), 12 (103), 13 (50, 64), 14 (122, 163), 15 (163, 164), 16 (141, 161, 167), 18 (164, 168), 19 (168, 169), 20 (60, 164, 165), 21 (164), 23 (16), 23 (16), 24 (64), 25 (16), 28 (50), 29 (160), 30 (51, 168), 32 (60, 64, 165, 167), 33—34 (64, 165, 167), 35 (167), 36 (60, 66, 168, 171), 37 (60, 166), 38 (140), 40 (51, 66, 135), 41 (164, 166), 42 (45, 51, 66, 140, 141, 143, 157, 159, 168), 43 (51, 126, 127, 170), 44 (51, 135, 170), 45 (51, 65, 151, 167, 168, 170), 46 (51, 128, 170), 47—55 (47, 170), 47 (51, 135, 140), 49 (59, 140), 52 (41, 110), 55 (135), 60 (51, 52, 132, 151, 164, 170), 61 (51, 164), 62, 64 (164, 170), 65 (164), 67 (166), 68 (59, 151, 166, 168), 69—72 (59), 73—74 (59, 168), 75 (59), 76 (53, 59, 67, 141, 158, 166), 77 (59, 165), 78 (59), 79 (167), 80 (141, 158, 166, 167), 82 (7, 16), 86 (51, 64, 160), 87—88 (51, 160), 89 (51, 65, 141, 160), 90 (51, 53, 67, 141, 159, 160), 91—92 (51, 160), 94 (50), 95 (51, 143), 95—127 (51, 160), 96 (161, 171), 97 (51, 171), 99 (64), 100 (53, 64, 67, 141, 158, 159), 101 (53, 64, 67, 141, 158, 159), 102—104 (53, 64, 67, 158, 159), 105 (53, 167), 106 (53, 64, 121, 165, 167), 107 (53, 64, 67, 121, 159, 167), 108 (53, 64, 121, 167), 109—110 (16), 111 (66, 67, 160, 161), 112 (66, 67, 161), 113—118 (66, 171), 119 (66, 161, 171), 120 (65, 67, 107, 161, 171), 121 (65, 110), 122 (65), 124 (53, 158, 161), 125 (53, 67, 141, 158), 126 (141, 160), 129 (126, 140, 142), 130 (51, 53, 161), 133—143 (51, 171), 133, 135 (66), 137 (53, 67, 141, 158, 159), 139 (67, 160), 140 (161), 145 (66), 145 (153), 146 (55, 82, 140, 141), 147 (126, 140—142), 148 (51, 59, 140, 141), 153 (51, 66, 171), 154 (51, 161, 167), 177 (153)
- Lycurgus**
 I 47 (144), 47—50 (140), 50 (36), 68—70 (82), 80—84 (82), 109—120 (82)
- Lysias**
 II 21—47 (142), 21—26 (82), 31—39 (82), 33—34 (150)
 XII 50 (90), 62—64 (90), 71—79 (90)
 XXI 6 (42)
 XXII 15 (46)
 XXXIII 3 (110, 142), 4 (110), 6 (150)
- Pausanias**
 III 8, 2—6 (32)
- Plato**
 Apolog. Socrat. 35B—E(134), 38D—E(134)
 De rep. 423A (42), 473D (115), 492B—C (104), 557—558B (92, 100), 558C (93; 99), 565D (115), 566A (115), 567D—E (38), 568D (38), 575 (121), 579D—E (121), 586A (121)
 Gorg. 507C (134)
 Krit. 46D (134)
 Leg. 521A (110), 557A (110), 627A (115), 697B (75), 711B (115), 744D (110), 757 (93)
 Polit. 276E (115), 290A—302D (115)
 Prot. 319D (100)
- Plutarchus**
 Alc. XXIII 15 (43)
 Lys. XIII 11—15 (32)
- Pseudo—Xenophon**
 Ath. pol. I 3 (92), 5 (92), 7 (92), 12 (96)
- Thucydides**
 I 2—19 (138), 17 (114), 23, 1—3 (31, 23, 6 (136, 137), 31, 88 (137), 31, 143 (137), 40, 1 (108, 133), 44, 2 (137), 70, 7—9 (133), 126 (138), 134, 1 (149)

- II 36, 4 (126), 40, 2 (4), 62, 3 (149), 65, 7 (137), 65, 11 (136), 82—83 (138)
- III 42, 2 (4), 45, 4 (108, 133), 64, 1 (142), 68, 4 (137), 70—81 (77), 81, 2—5 (77), 82 (77, 138), 82, 6 (108), 86, 6 (133)
- IV 62, 3 (108, 133)
- V 85—112 (39, 56)
- VI 24, 3 (137), 39, 2 (108, 133), 76, 4 (142)
- VIII 2, 1 (137), 2, 4 (136)

Xenophon

Ages.

- I 12 (116)
- IV, VIII, XI (116)
- IX 1—4, 26, 32 (158)

Cyrop.

- VIII 1, 22 (116), 2, 12 (116)

De vect.

- VI 1, 11 (117)

Hell.

- I 1, 14 (45, 139), 4, 7 (139), 4, 9 (47), 5, 9 (139), 6, 15 (37, 39), 6, 34 (40), 7, 1—35 (41), 8, 2 (36), 8, 4 (36), 22—27 (48), 27 (90)
- II 1, 10—14 (45, 139), 1, 31—32 (37), 2, 15 (37), 2, 16—22 (90), 2, 23 (150), 3, 2 (78, 90), 3, 11—22 (78), 3, 15 (79, 90), 3, 21 (79), 3, 24 (90), 3, 35—49 (90), 3, 43 (38), 3, 51—56 (90), 4, 43 (47), 5, 12 (45)
- III 1, 5 (32), 3, 6 (42), 4, 19 (142), 5, 12 (33), 5, 13 (150), 9, 19 (159), 21 (32)
- IV 1, 32 (45, 139), 1, 12 (160), 2, 1 (139), 2, 5 (45, 139), 2, 11 (45), 4, 1 (47), 4, 2 (45), 4, 3 (41), 4, 11 (110), 4, 12 (40), 4, 19 (37), 6, 4—5 (37), 8, 1 (39, 45, 139, 147), 8, 7—9 (139), 8, 12 (139), 8, 16 (139), 8, 20 (78, 110), 8, 28 (39), 8, 30 (36), 12 (37)
- V 1, 17 (47), 1, 29 (45, 139), 1, 31 (33, 45, 146), 1, 33—34 (146), 1, 36 (147), 2, 6 (40), 2, 39 (40), 3, 25 (40), 4 (40), 4, 11—12 (39), 4, 46—55 (39), 4, 64—65 (39), 29 (139), 31 (139)
- VI 1, —7 (38), 1, 12 (47, 142, 159), 2, 6 (48), 3, 7—9 (147), 3, 9 (139, 157), 3, 12 (139), 3, 17 (157), 4, 18 (39, 78, 110), 5, 22 (37), 5, 27 (37), 5, 28—29 (40)
- VII 1, 43 (78, 110), 1, 44 (78, 110), 1, 46 (38, 41), 5, 27 (116), 41 (47)

Hier.

Por.

- 9, 7, 9 (117)
- 11, 3 (41)

УКАЗАТЕЛЬ ГРЕЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

ἀρχή 22, 52, 128,
 131, 152, 153, 156, 167
ἀρχή τὴν κατὰ θάλατταν 52, 131
αὐτονομία 146—150, 156
δίκαιον 56, 89, 148
δύναμις 55, 127, 131,
 152, 167
δόγματα τῶν πολλῶν 59
ἐλευθερία 96, 143,
 146—150
ἐπιμέλεια 57, 59, 60, 153
εὐνοία 22, 27, 52, 59,
 72, 108, 110, 146, 150, 151
ἐχόμενοι 68, 112
ἡγεμονία κατὰ γῆν 22, 132
ἰδιώται 100
ἰσονομία 85, 87, 95, 96,
 106
ἰσηγορία 96
καυρὸς 58, 164
κεκτημένοι 68
κέρδος 36

κοινὴ εἰρήνη 40
λόγος 15, 101, 164,
 168
ὁμόνοια 27, 28, 52, 57,
 66, 71, 72, 108—110, 146, 151,
 161
ὄχλος 95
πάτριος πολιτεία 52, 62, 78,
 82, 84—86, 90, 91, 95, 97, 105,
 109, 110, 126, 146
πλεονεξία 37, 64, 66, 88,
 108, 133
πολιτεία 85, 86, 94, 143
πολιτευόμενοι 100
πολυπραγμοσύνη 66, 92, 133
πρόσδος 37, 64, 66
στάς 67, 160
συμφέρον 37, 55, 64, 133
ὑβρις 38
ὑφέλεια 37, 55, 64—66,
 171

SUMMARY

Valentina Isayeva. *Ancient Greece in the Mirror of Rhetoric. Isocrates*. A student of antiquity is inescapably dazzled by the multitude of images of classical Greece he sees depending on the mirrors he holds up to it. This book looks into the mirror of rhetoric for an idea of the Greek polis, as expounded by Isocrates, one of the more fascinating and controversial political orators of antiquity. The author has set herself a two-fold objective of revealing Isocrates' political and social views and, at the same time, showing the laws of rhetoric interpreting historical realities, criteria of the perception of facts typical of political eloquence, their selection and interpretation or, in other words, the art of interpreting life by the art of persuasion.

Isocrates, with countless volumes devoted to him, is still a fairly shadowy figure due to his ambiguous and often contradictory statements. To untangle this problem, we might try to evaluate the role and place of rhetoric in the structure of the democratic state and compare its principle with the laws of history. In exploring the speeches by Isocrates we find a fusion of moral and political categories, with the immediate situation of those statements superimposed upon them. This fusion of rhetoric and political reality in Isocrates is most spectacular in his making use of the term *καιρός*, an auspicious moment, a fluke; it serves to psychologically adapt his speech to a particular situation and audience with appropriate arguments. Equally important is the term *δόγματα τῶν πολλῶν* (majority opinion), transposed from the domain of eloquence to that of politics. An approval or otherwise of the foreign policy of the state by the majority of poleis becomes a sensitive instrument of its evaluation. The art of persuasion is closely linked with two conceptions typical of Isocrates' political worldview — *εὐεσγεία*, *ἐπιμέλεια* or beneficence, solicitude, and *εὐνοία*, or benevolence. These terms are used for an appropriate and flexible adjustment of political propaganda to reality. Another postulate of oratory is constituted by the need in observing the proper rules (*πρέπονδέον*). It is this postulate that determines Isocrates' interpretation of facts, which is most evident in his historical allusion method. Rhetorical techniques exerted a considerable influence on Isocrates' comments on social and economic developments in the 4th century B. C.: he magnifies destabilizing tendencies in these spheres, occasionally carrying them to an extreme, to draw a picture of doom and gloom as suiting his conception.

Although Isocrates describes many events from a common angle his interpretations of different problems possess a number of specific features of their own.

Isocrates' idea of state administration reveals combination of views designated by the term *πάτριος πολιτεία*, as is suggested by his speeches. This is closely related to the moralizing streak of the 4th century, political and social utopian conceptions typical of his time, political theories of democracy and oligarchy and their contention. Isocrates, the author of *Areopagiticus*, possessed an idea of the political structure of

the polis that does not allow its complete identification with the theory of democracy or that of oligarchy. A major barrier to clarifying his political views is constituted by the absence of data for comparing them with various political theories of the 4th century. Although this evaluation does not answer the question whether Isocrates was an exponent of democracy or oligarchy, it still suggests that in addition to the extremes of radical democracy and rigid oligarchy there also were moderate tendencies within them possessing some common ground. There might even be a third political grouping combining features of oligarchic and democratic theories. Anyway, Isocrates' position provides an interesting material on the history of political theories of the first half of the 4th century.

Failure to identify Isocrates' political credo going by commonly held criteria casts some doubt on their validity. One may thus take issue with identifying political orientation on the basis of political phraseology, the latter being almost similar in both the exponents of democracy and oligarchy, deriving to the same sources — the cosmogony of the pre-Socratics and the aristocracy's system of values.

Isocrates' statements on the relationship between the orator and his audience, compared with those by other orators of the day, point to their using a common array of clichés to win the confidence of their listeners and shaped by the latter's system of values. This array tells a lot about the social psychology of that time but also obscures the speakers' actual views, as they invariably spoke of the loyalty to the laws of the fathers, commitment to democracy, the exclusiveness of Athens, and its glorious past.

The social views of Isocrates describe him an inveterate advocate of the wealthy citizens. Anxious to combine economic and political considerations, he argued for direct relationship between the home and foreign policy of the state and the welfare of its citizens. He noted increasing social conflicts in Athens and attempted resolving them at the theoretical and practical levels.

He further espoused close alliance of citizens in a polis (*δύνοια*) and concluded that each citizen should be content with his place in the established social-economic hierarchy. Conversely, he offered a military expedition to Asia to improve the plight of the poor, a problem demanding a concrete and immediate solution.

It is not easy to relate Isocrates' social and political ideas as economic and political interests of his fellow citizens did not always agree. There is nothing to go by on the score in his speeches, and other sources of the time are not of much help either. What is obvious is a lacking identity between Isocrates' social and political programmes. They only noticeably come close on the problem of domestic administration and the idea of an expedition to Asia.

Concerning the principles of relations between polises, the above relationship is set out indirectly: Isocrates blamed the professedly wrong foreign policy hegemony on the sway of a radical democracy bent on pandering to the needy, who were averse to working and were sponging on the state. In addition, he averred that flawed foreign policy espoused by the above group was ruinous for the citizens and escalated social conflicts. As concerns the relations between the Greek city-states and Macedon, Isocrates made no linkage between political and social issues and advocated collaboration between these two dissimilar state systems. What he looked for was the end to a concrete foreign policy conflict irrespective of whatever social groups might be involved in it.

He also forcefully pressed for the right of his hometown of Athens to domination in Greece. Quite often, however, he grappled with problems unconcerned with Athens

foreign policy, specifically those of principles of relations between city-states and principles of political supremacy in Greece.

The latter point reveals a tendency for modifying actual political alliances into some abstract conceptions standing for various types of political hegemony. Thus the variants of city-state unions *ἀρχὴ τὴν κατὰ θάλατταν* : *ἡγεμονία κατὰ γῆν* (power at sea and hegemony on land) epitomizing for him the Athens and Sparta coalition, are viewed by him as two types of notions — concrete alliances and abstract principles embedded in such state alliances.

Isocrates never came up with suggestions regulating relations between the Greek city-states; instead he offered the idea of settlement of all intra- and inter-polis conflicts by transplanting them to Asia. Championing an anti-Persian campaign, he felt, was to be the goal and means of uniting the Hellenes to fight the barbarians. He also put the finishing touches to the idea of pan-Hellenism launched in the writings of the 5th century.

One thing to remember about his pan-Hellenism is that it is not a new type of relations between city-states on the basis of sovereignty he frequently referred to, but a community of cultural, political, and social ideas, a lifestyle setting the Greeks apart from the barbarians and making it possible a unification of the city-states and conquering Asia.

Isocrates had an avowed dislike of Persia, hence his idea of a crusade against the barbarians to resolve internal conflicts of the Greeks. He therefore concentrated on describing the economic and military aspects of the Persian state, vital in view of the intended military campaign against it. In describing other aspects of life in Persia he made use of speeches clichés of the barbarians' inferior political and moral standards which abounded in the Greek writings of the 5th and 4th centuries B. C.

The intensive foreign policy of King Philip of Macedon prompted Isocrates to create one of his most dramatic standard known as *Philipia*. It was an exciting melange of all sorts of ideas. He was keen to involve Philip in an anti-Persian campaign and thus reach the twin objective of protecting Greece from the menace of Macedonian invasion and winning a robust ally in the Persian campaign. Thus he made a thorough elaboration of the principles of relations between the Greeks and the Macedonians and the subsequent exploitation of occupied Asian territory.

Isocrates' speeches reveal, more than any other sources, the roots of emerging opposition between East and West, Asia and Europe. His works illuminate a point in an evolving idea where ethnic and political friction modifies into a distinct social awareness idiom and at once a critical propaganda tool. The high accuracy of his predictions, as proved by subsequent historical developments, rank him among the theoreticians of Hellenism, particularly of its initial stage.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Исократ: личность в античной культуре	7
Глава 2. Век конфликтов	30
Глава 3. Принципы риторики и законы истории	49
Глава 4. Проблемы власти в государстве	75
«Ареопагитик» в контексте эпохи и жанра	77
Между демократией и олигархией	84
Политический оратор и его аудитория	99
Социальная программа	105
Единовластие	113
Глава 5. Альтернативы внешней политики	125
Морское могущество как демократический принцип	128
Выгода — в справедливости	132
Война и мораль	135
Независимость полиса	146
Основы межгосударственного общения	151
Глава 6. Образ врага	157
Оппозиция Европы и Азии (подоплека шовинизма)	157
Кто поведет эллинов на Восток?	162
Македония и Греция: трагическое союзничество	165
Заключение	174
Приложение	181
Исократ. О мире. Пер. Л. М. Глушкиной	183
Исократ. Арёопагитик. Пер. К. М. Колобовой	203
Исократ. Филипп. Пер. В. Г. Боруховича	215
Список сокращений	235
Список литературы	236
Указатель имен	243
Предметный указатель	244
Указатель античных источников	246
Указатель греческих терминов	251
Summary	252

Научное издание

Исаева Валентина Ивановна

**АНТИЧНАЯ ГРЕЦИЯ В ЗЕРКАЛЕ РИТОРИКИ:
ИСОКРАТ**

*Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
РАН*

Заведующий редакцией С. С. Цельникер
Редактор Н. Б. Кондырева
Младший редактор Г. А. Парфенюк
Художник Э. Л. Эрман
Художественный редактор Б. Л. Резников
Технический редактор В. П. Стуковнина
Корректор Н. В. Морозова

ИБ № 16958

Сдано в набор 26.10.92. Подписано к печати 16.06.93.
Формат 60 × 90¹/₁₆. Бумага офсетная. Бумага на
вкладку офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. п. л. 16 + 0,5 вкл. Усл. кр.-отт. 17,0.
Уч.-изд. л. 18,7. Тираж 1700 экз. Изд. № 7139.
Зак. № 468. «С»—1

ВО «Наука»

Издательская фирма «Восточная литература»
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография ВО «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Опечатка

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
169	14–15 снизу	(ἀδόξους ἄνδρας ὕμνου ἡμεῖς ἐκείνους ἡμεῖς ἐκείνους	(ἀδόξους ἄνδρας) или неразумными